

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МАГНИТОГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. Г. И. НОСОВА

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ

В ЧЕСТЬ АЛЕКСЕЯ АНДРЕЕВИЧА ЗАВОЙКИНА

2 (84)

Апрель – Май – Июнь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН в 1994 г.

МОСКВА-МАГНИТОГОРСК-НОВОСИБИРСК

2024

Научная подготовка журнала осуществляется Институтом археологии РАН и
Магнитогорским государственным техническим университетом им. Г.И. Носова
в сотрудничестве с Институтом археологии и этнографии СО РАН

Международный редакционный совет

Председатель акад. РАН *Х.А. Амирханов* (Москва),

акад. *М.Д. Бухарин* (Москва),

член-корр. РАН *П.Г. Гайдуков* (Москва),

проф. *Ф. де Каллатай* (Брюссель), проф. *П. Каллиери* (Болонья),

акад. РАН *С.П. Карпов* (Москва), проф. *Д. Лернер* (Уинстон-Сейлем),

проф. *К. Липполис* (Турин), акад. РАН *Н.А. Макаров* (Москва),

д.и.н. *А.А. Масленников* (Москва), д.и.н. *Ю.М. Могаричев* (Симферополь),

проф. *М. Ольбрихт* (Жешув), акад. АН РУз *Э.В. Ртвеладзе* (Ташкент),

проф. *С.Ю. Сапрыкин* (Москва), д.и.н. *М.Ю. Трейстер* (Бонн),

д-р. *У. Шлоцауэр* (Берлин)

Редакционная коллегия

Главный редактор д.и.н. *М.Г. Абрамзон* (Магнитогорск),

д.и.н. *Н.Б. Виноградов* (Челябинск),

к.и.н. *В.А. Гаибов* (ответственный секретарь, Москва),

д.и.н. *А.А. Завойкин* (Москва), к.и.н. *Д.В. Журавлев* (Москва),

д.и.н. *В.Д. Кузнецов* (зам. главного редактора, Москва),

к.и.н. *С.В. Мокроусов* (зам. главного редактора, Москва),

к.и.н. *В.И. Мордвинцева* (Москва),

д.и.н. *И.В. Октябрьская* (зам. главного редактора, Новосибирск),

д.и.н. *И.Е. Суриков* (Москва), д.филол.н. *С.Г. Шулежкова* (Магнитогорск)

Заведующая редакцией *Ю.А. Федина*

E-mail: history@magtu.ru

-
- © Российская академия наук,
Институт археологии РАН, 2024
 - © Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова, 2024
 - © Редакция журнала
«Проблемы истории, филологии, культуры»
(составитель), 2024

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
DEPARTMENT OF HISTORY AND PHILOLOGY
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF
THE RUSSIAN FEDERATION
NOSOV MAGNITOGORSK STATE TECHNICAL UNIVERSITY

JOURNAL OF HISTORICAL, PHILOLOGICAL AND CULTURAL STUDIES

IN THE HONOR OF ALEKSEY ZAVOYKIN

2 (84)

April – May – June

PUBLISHED QUARTERLY

FOUNDED in 1994 г.

MOSCOW – MAGNITOGORSK – NOVOSIBIRSK
2024

The contents is prepared in the Institute of Archaeology (Russian Academy of Sciences) and the Nosov Magnitogorsk State Technical University in cooperation with the Institute of Archaeology and Ethnography (Siberian Branch of Russian Academy of Sciences)

International Advisory Board

Prof. *Hizry Amirkhanov* (Chairman, Moscow),

Prof. *Mikhail Bukharin* (Moscow), Prof. *François de Callatay* (Brussels),
Prof. *Pierfrancesco Callieri* (Bologna), Prof. *Petr Gaydukov* (Moscow),
Prof. *Sergey Karpov* (Moscow), Prof. *Jeffrey Lerner* (Winston-Salem),
Prof. *Carlo Lippolis* (Torino), Prof. *Nikolay Makarov* (Moscow),
Prof. *Alexander Maslennikov* (Moscow), Prof. *Yuriy Mogarichev* (Simferopol),
Prof. *Marek Jan Olbrycht* (Rzeszów), Prof. *Eduard Rtveladze* (Tashkent),
Prof. *Udo Peter Schlotzhauer* (Berlin), Prof. *Sergey Saprykin* (Moscow),
Prof. *Mikhail Treister* (Bonn)

Editorial Board

Prof. *Mikhail Abramzon* (Editor-in-Chief, Magnitogorsk),

Dr. *Vasif Gaibov* (Moscow), Prof. *Vladimir Kuznetsov* (Moscow),
Dr. *Sergey Mokrousov* (Moscow), Dr. *Valentina Mordvintseva* (Moscow),
Prof. *Irina Oktyabrskaya* (Novosibirsk), Prof. *Svetlana Shulezhkova* (Magnitogorsk),
Prof. *Igor Surikov* (Moscow), Prof. *Nikolay Vinogradov* (Chelyabinsk),
Prof. *Aleksey Zavoykin* (Moscow), Dr. *Denis Zhuravlev* (Moscow)

Head of the Editorial Office *Yulia Fedina*

E-mail: history@magtu.ru

Алексею Андреевичу Завойкину – 65!

15 января 2024 г. нашему коллеге и другу Алексею Андреевичу Завойкину исполнилось 65 лет. Ступая вслед за Алексеем Андреевичем по раскаленной зачистке кварталов Фанагории, крупнейшего античного города на Юге России, невольно задумываешься, что это за человек и почему он так органичен в этом контексте. Сухая фигура в чистой светлой рубашке с поднятым воротником энергично и в тоже время спокойно движется в плавающем воздухе знойного раскопа на глубине многих метров от уровня современной поверхности. Уверенные выверенные движения, меткие комментарии и советы, когда нужно – подробный рассказ зачем

и почему именно так, не оставляющий у слушающего сомнений в правильности принятых решений, или просто сдержанная, объясняющая все, улыбка. Цепкий взгляд, от которого не ускользнет самая, казалось бы, незначительная деталь, выдает очень внимательного человека. Его увлеченный рассказ профессионально воссоздает из пестрых лоскутов еле заметных глазу археологических контекстов историю Боспорского царства, преобразует выцветшие на солнце зачистки и пыльные кладки в реальность давно минувших событий классической древности. «Ставка командующего» в раскопе производит неизгладимое впечатление аккуратностью и максимально продуманной организацией – стул с полевым дневником, сверкающий от сырцовых кладок мастерок, рюкзак со всем необходимым (там, безусловно, найдется все, что нужно в поле – проверено не раз), фотоаппарат, неподалеку – нивелир и рейка. У всего есть свое место и, поверьте, оно не случайно. Все это хранит время... Бесценное время археолога, любящего и чувствующего «землю», которому всегда не хватает минут и часов внутри вуали сложного и от того бесконечно интересного археологического раскопа. Все выверенные за многие годы детали призваны сохранить время археолога для действительно важного – размышлений, поисков, сомнений и, конечно же, открытий, освобождая его от суеты и лишней целесообразности действий. А.А. Завойкин умеет держать в узде время, и это не аллегория, а результат долгой и кропотливой работы над собой и миром вокруг. Умение организовать пространство во времени пронизывает не только полевую жизнь Алексея Андреевича. Оно рельефно выступает в его высокочастотных научных текстах, редакторских штудиях и даже кулинарных талантах (коллеги по Фанагорийской экспедиции не дадут соврать). Все эти ипостаси талантливого исследователя античности известны многим друзьям и коллегам Алексея Андреевича – тонкого, умного и по-настоящему интеллигентного человека. Его человеческие качества высоко оценивают люди разных поколений. В горячих спорах с равными себе внутри раскопа, при наставлении молодых учеников Алексей Андреевич остается максимально тактичным, сдержанным и доброжелательным. Именно поэтому слова юбилея всегда звучат и будут звучать особенно значимо!

Поздравляя со славной датой Алексея Андреевича, желаем ему крепкого здоровья, долгих лет жизни, благополучия, новых научных открытий!

Друзья и коллеги,
Отдел классической археологии ИА РАН,
Редколлегия журнала «Проблемы истории, филологии, культуры»

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2024), 7–30
© The Author(s) 2024

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2024), 7–30
©Автор(ы) 2024

DOI: 10.18503/1992-0431-2024-2-84-7–28

БРОНЗОВЫЙ КУВШИН СО СЦЕНАМИ ТРОЯНСКОГО ЦИКЛА ИЗ САРМАТСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ В КУРГАНЕ № 4/1989 У ХУТОРА КРАСНЫЙ КУТ НА Р. МАНЫЧ

М.Ю. Трейстер

Независимый исследователь, Бонн, Германия

E-mail: mikhailtreister@yahoo.de

ORCID: 0000-0001-7451-3325

Статья посвящена публикации уникального бронзового кувшин из тайника погребения молодой женщины в раскопанном в 1989 г. кургане у хут. Красный Кут на левом берегу р. Маныч, датирующегося второй половиной II – началом III в. н.э. Кувшин уже неоднократно описывался и рассматривался в 1990-е гг., поэтому в данной статье мы ограничимся основными выводами, а также приведем новые параллели и соображения. Изображения и на ручке, и на тулове кувшина связаны с Троянским циклом, описанием событий, происходивших во время осады Трои, смерти Ахилла и истории жертвоприношения Поликсены Неоптолемом у гробницы своего отца. Если мы принимаем обоснованную здесь датировку рассматриваемого кувшина II в. н.э., а тем более временем Маркоманских войн, то очевидно, что не было большого разрыва между временем изготовления кувшина и его попаданием в погребение, хотя говорить о связи контекста находки с символикой кувшина не приходится – кувшин был спрятан в тайнике погребения молодой сарматки, вероятно, не первой его владелицы, а пути, по которым он попал к кочевникам в окрестностях Танаиса, могли быть различными, в том числе и через Боспор. На фоне других римских бронзовых сосудов из Сарматии рассматриваемый кувшин, безусловно, выделяется. Это была штучная работа высокого качества. Не случайно близкий по форме и технике декора кувшин, предположительно найденный в Тибре, рассматривают как императорский подарок.

Ключевые слова: Нижнее Подонье, Сарматия, римские импорты, бронзовый кувшин, сцены троянского цикла, Ахилл, Неоптолем, Поликсена, иконография

Данные об авторе. Михаил Юрьевич Трейстер – доктор исторических наук, независимый исследователь, Бонн.

1. КОНТЕКСТ

В 1989 г. в 2 км от хут. Красный Кут (Веселовский район Ростовской области) на левом берегу р. Маньч был раскопан курган № 4. Погребение № 1 располагалось в центре кургана и было ограблено в древности. В заполнении у дна ямы лежали разрозненные кости скелета женщины 20–25 лет и остатки инвентаря. В 3 м к ЮЮВ от погребения был устроен тайник в округлой в плане ямке, диаметром около 0,7 м, слегка заглубленной в материк, в которой и был найден бронзовый кувшин, послуживший темой данного исследования. Тулово кувшина украшено чеканкой, ручка – накладным литьем. Высота сосуда – 21 см, диаметр венчика – 9 см, диаметр тулова – 13,3 см, диаметр поддона – 8 см (рис. 1–7). Контекст находки уже неоднократно анализировался¹. Отметим лишь, что в тайнике вместе с кувшином была найдена бронзовая цецилка типа Eggers 160², Petrowszky X.6, Vienert 35 (Variante Munkhøjgaard) с полусферическим вместилищем и длинной ручкой веслообразной формы (рис. 8, 2–3), которые получили широкое распространение еще в эпоху Клавдия и бытовали в Римской империи и Барбарикуме до начала III в. н.э., хотя производились предположительно лишь до середины II в. н.э. (35/40–140/160 гг. н.э., по Р. Петровски)³. Комплекс был датирован в рамках второй половины II – начала III в. н.э.⁴; найденные в самом погребении бусы, в том числе янтарные (рис. 8, 1), также соответствуют предлагаемой датировке⁵.

2. АНАЛИЗ. ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ И НОВЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ

2.1. Форма сосуда и техника изготовления

Кувшин (рис. 1–7) из тайника погребения, датирующегося второй половиной II – началом III в. н.э., уже неоднократно описывался и рассматривался нами, при этом предлагалась его датировка II в. н.э.⁶ (хотя в своей работе 2013 г. В.К. Гугуев отнес его ко времени не позднее рубежа н.э., впрочем, без обоснования предлагаемой датировки)⁷, поэтому ограничимся основными выводами, а также приведем новые параллели и соображения.

По своей форме и наличию верхнего отогнутого листа на верхнем атташе ручки (рис. 1) кувшин близок *gegliederten* кувшинам типа ND3, по классификации С. Кюнцль, которые датируются последними десятилетиями I–II вв. н.э. и получили относительно высокую концентрацию на территории Норика,

¹ Guguev, Treister 1992, 242–249 (Guguev), Treister 1994, 38–40; Гугуев 2013, 461–464.

² Guguev, Treister 1992, 245–247, no. 5, fig. 4, 3; Гугуев 2013, 464; Трейстер 2023, 42–44, рис. 2, 1; 3, 6.

³ См. подробно с библиографией Трейстер 2023, 40–52.

⁴ Guguev, Treister 1992, 247–249; Гугуев 2013, 464–465.

⁵ Guguev, Treister 1992, 244, no. 1; 246, fig. 4, 4a; 248; Трейстер 2020, 164, рис. 8, 1; Гугуев 2013, 462, 464.

⁶ Guguev, Treister 1992, 243–271 (статья, предоставленная нами в редакцию журнала *Revue archéologique* в 1990 г., была переведена на французский язык и опубликована без предоставления нам корректуры, в результате чего в переводе появились многочисленные ошибки и неточности, в частности сам кувшин и его аналогия по непонятной причине получили название ойнохой!); Treister 1994, 40–46; Трейстер 1997, 204–212; Гугуев 2013, 461–469.

⁷ Гугуев 2013, 468.

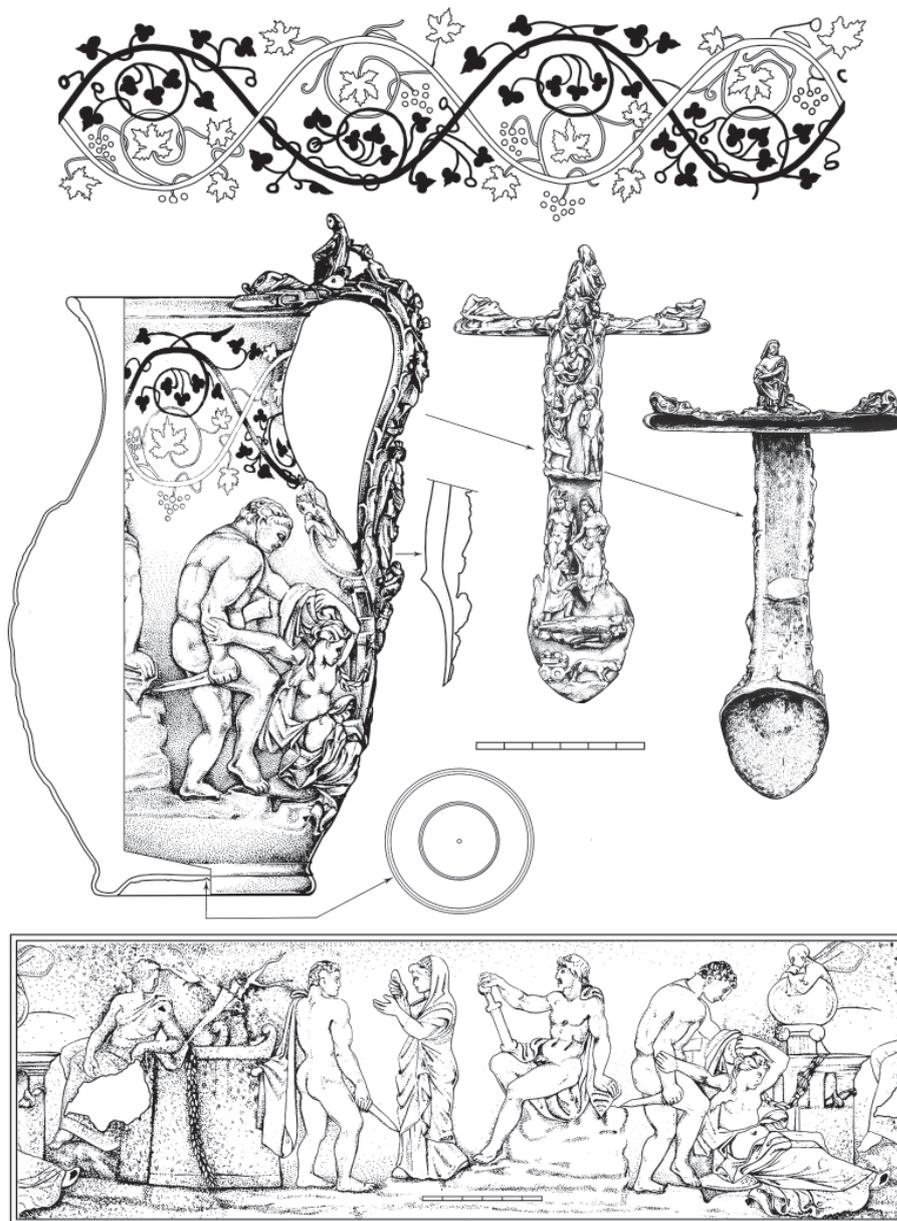

Рис. 1. Красный Кут. Курган № 4/1989. Погребение № 1. Кувшин бронзовый. Общие виды и детали. Развертки декора горла и фриза на тулове. Таганрог, Таганрогский государственный литературный и историко-архитектурный музей-заповедник, КП 11642/28, А-1908/28. Рисунки Н.Е. Беспалой, 2015.

Fig. 1. Krasnyy Kut. Burial mound no. 4/1989. Burial no. 1. Bronze jug. General views and details. Scanning of the decoration of the neck and the frieze of the body. Taganrog, Taganrog State Literary and Historical-Architectural Museum-Reserve, acc. no. 11642/28, A-1908/28. Drawings by Natalya Bepalaya, 2015.

Рейнской области, а также в Галлии⁸, в то же время конструктивно данный кованый кувшин, тулово которого выполнено из цельного куска бронзы, относится к группе *ungegliederten Krüge*.

Оформление тулова кувшина фигурным фризом в рельефе (рис. 1–2, 4–5) не характерно для бронзовых кувшинов римского времени (как вообще для бронзовых сосудов по сравнению с серебряными)⁹, а значительно чаще использовалось в декоре небольших сосудов, преимущественно бальзамариев¹⁰, хотя известны и бронзовые сосуды крупных форм с подобными фигурными фризами в рельефе, в частности, кратеры предположительно августовского времени из дома Юлия Полибия в Помпеях¹¹ и из погребения врача II в. н.э. в Балчике в районе Варны¹². В отличие от большинства серебряных сосудов раннеимператорского времени рельефы этого кувшина, а также некоторых других бронзовых кувшинов (см. ниже) и серебряной чаши, найденной в окрестностях Манхинга, выполнены не выколоткой внешнего корпуса сосуда, а отлиты вместе с его стенками. Предполагается, что такая техника не использовалась ранее II в. н.э.¹³

Образцы таких бронзовых кувшинов чрезвычайно редки. Один (маленький кувшинчик с утраченной ручкой высотой 11 см) – с дионисийскими сценами – был найден в 1837 г. в Аванше и датируется, скорее, I в. н.э., нежели рубежом II–I вв. до н.э., как изначально предполагал К. Берар, относя кувшин к изделиям александрийской мастерской (по мнению К. Ролле, сосуды типа найденного в Аванше, вероятнее всего, производились в Восточной Галии)¹⁴; второй кувшин высотой 35 см, происхождение которого неизвестно (сосуд предположительно был найден в XIX в. в Тибре, находился в частных коллекциях и в 2014 г. был продан на аукционе Кристиз в Нью-Йорке¹⁵), представляет сюжет, предположительно связанный с Дакийской войной – по мнению автора публикации, заказчиком сосуда был префект преторианцев Тиберий Клавдий Ливиан¹⁶.

2.2. Инкрустация. Декор на горле

Сосуд из Аванша сближает с кувшином из Красного Кута не только наличие фигурного фриза на тулове, но и то, что горло сосуда также украшено инкрустированным серебром растительным декором, в данном случае в виде побегов с листьями плюща.

Инкрустация серебром свидетельствует о высоком техническом уровне исполнения, а также о статусном характере, стоимости сосуда, который, безусловно, выделялся на фоне общей массы бронзовых сосудов без дополнительного деко-

⁸ Künzl 1993, 122–149, тип D4, Nr. ND3, Abb. 11–36.

⁹ Schäfer 1989, 291.

¹⁰ Braun 1988, 321–323; 2001.

¹¹ Kat. Mannheim 2004, 164, Abb. 1; Barbanera 2014, 91–103. О датировке см. Barbanera 2014, 103.

¹² Шкорпил 1932, 60–68, рис. 43–45; Curtius 1934, 246–294; Schindler 1980, 99–109; 1985, 123–134, Abb. 1–4; Konova 2006, 82–84, Taf. I, 1; Nenova-Merdjanova 2011, 122–123, fig. 13.

¹³ Baratte 1984a, 225; Mielsch 1997, 45; Strocka 2015, 324.

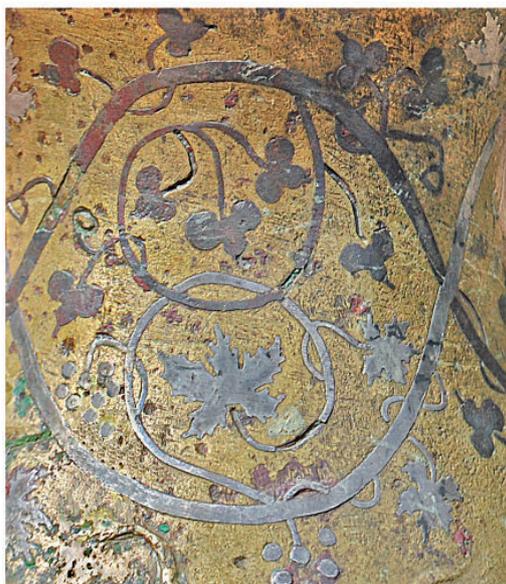
¹⁴ Bérard 1967, 57–90; ср. Leibundgut 1976, 101–103, no. 121, pl. 61; Rolley 1986, 215–216; Stefanelli 1990, 285, no. 123; 286, figs. 269–270; Baratte 2001, 279; Kapeller 2003, 90–91, fig. 5, 137, no. 102, pl. 18.

¹⁵ Christies New York. Antiquities, 11 December 2014. Sale BES-3403, 104–107, Lot 149.

¹⁶ Schäfer 1989, 283–317; Sinn 2011, 160–164; Faust 2012, 30–34, Taf. 3–4; Strocka 2015, 341, Abb. 14.

Рис. 2. Красный Кут. Курган № 4/1989. Погребение № 1. Кувшин бронзовый. Тулово. Общие виды. Таганрог, Таганрогский государственный литературный и историко-архитектурный музей-заповедник, КП 11642/28, А-1908/28. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.
Fig. 2. Krasnyy Kut. Burial mound no. 4/1989. Burial no. 1. Bronze jug. Body. General views. Taganrog, Taganrog State Literary and Historical-Architectural Museum-Reserve, acc. no. 11642/28, A-1908/28. Photos by Mikhail Treister, 2015.

1

2

Рис. 3. Красный Кут. Курган № 4/1989. Погребение № 1. Кувшин бронзовый. Декор горла. Таганрог, Таганрогский государственный литературный и историко-архитектурный музей-заповедник, КП 11642/28, А-1908/28. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 3. Krasnyy Kut. Burial mound no. 4/1989. Burial no. 1. Bronze jug. Decoration of the neck. Taganrog, Taganrog State Literary and Historical-Architectural Museum-Reserve, acc. no. 11642/28, A-1908/28. Photos by Mikhail Treister, 2015.

ра. Инкрустация серебром качественных бронзовых изделий¹⁷ известна по многочисленным примерам как бронзовой посуды¹⁸, так и утвари¹⁹ римского времени.

Оформление горла кувшина из Красного Кута в технике инкрустации серебром и красной медью (рис. 3)²⁰ растительного декора сближает кувшин с кувшинами из Велеи в Северной Италии²¹ и Босния в Сербии²², которые датируют по стилистическим признакам, соответственно, в рамках I в. до н.э. – I в. н.э. и второй половины I в. н.э., а также с кувшином неизвестного происхождения в собрании Музея Метрополитен, датируемым I в. до н.э.²³ Наиболее близкой параллелью (подобное изображение листьев винограда) является кувшин из Музея Метрополитен²⁴. В то же время сама композиция декора в виде плавно изгибающейся волнами лозы с виноградными листьями, перевитой побегами плюща, на кувшине из Красного Кута сопоставима, скорее, с подобным декором на горле серебряного кувшина с посвящением Меркурию из Антрана в Бургундии, тулово сосуда также оформлено фигурным фризом в рельефе. Впрочем, совершенно очевидно, учитывая стилистические особенности и манеру исполнения декора, что кувшин из Антрана можно рассматривать лишь как более позднюю версию, что подтверждается и датировкой последнего II–III вв. н.э.²⁵

Очевидно, что лоза на горле кувшина из Красного Кута, скорее, может быть сопоставлена с изображением виноградной лозы на выполненных в технике «камео» стеклянных сосудах из Помпей, датирующихся второй-третьей четвертью I в. н.э.²⁶ Декор близкой структуры, также в рельефе, украшает плечики серебряной амфоры из Аква Аполлинарес (Викарелло), которую датируют второй половиной I в. н.э.²⁷ Есть все основания полагать, что мы имеем дело с более поздним декором, нежели побеги, украшающие такие произведения торевтики августовского времени, как кратер из Хильдесхайма и близкие к нему изображения на чашах из Садового кургана, ойнохое из Соколовой Могилы, которые находят близкое соответствие в архитектурном декоре Алтаря мира в Риме²⁸. Декор на горле кувшина позволяет датировать его пост-августовским временем, скорее всего, второй по-

¹⁷ Eremin 2014, 82–83.

¹⁸ Часто на медальонах патер из Сарматии (Трейстер 2020б, 568, 571, 594).

¹⁹ Бронзовые чернильницы с растительным декором на крышках, инкрустированным серебром: Noll 1988, 83–97. Бронзовые медицинские инструменты: Kirova 2006, 537–548.

²⁰ На некоторых бронзовых сосудах первых веков н.э. известны примеры растительного орнамента в виде инкрустации из красной меди и золота: Giumlia-Mair, Mrav 2014, 83–84, 98, figs. 13–14.

²¹ D'Andria 1970, 84–85, no. 115, tav. XXVII.

²² Picard 1962–1963, 1–7; Cat. Belgrade 1969, 124, no. 217; Popović 1994, 276, no. 179; Rolley 2002, 44, note 18; Ratkovic 2005, 82–85, no. 27.

²³ Pfrommer 1982, 188, Abb. 24; 1985, 12, 13, Anm. 14 с лит.; 14, Abb. 5a; Muscarella 1988, 299, no. 427 с датировкой селевкидским или раннепарфянским временем. См. подробно об этих кувшинах: Трейстер 2019, 115, 117.

²⁴ Pfrommer 1987, 25, Abb. 14.

²⁵ Baratte 1984b, 88, Abb. 23.

²⁶ Kat. Köln 1988, 74–79, Nr. 33–34.

²⁷ Walters 1921, 22, no. 79, pl. XIII; Strong 1966, 143, pl. 39B; Künzl E, Künzl S. 1992, 282–284; Painter 2001, 66.

²⁸ См. подробнее Трейстер 2007, 247–248.

ловиной – концом I в. н.э.²⁹, не исключено, что и первой половиной II в. н.э.³⁰, а не временем не позднее рубежа н.э., как предположил недавно В.К. Гугуев³¹.

2.3. Ручка кувшина

Отлитая отдельно ручка кувшина, ее атташи и ствол украшены различными фигурками в высоком рельефе, отдельные из которых (на верхнем атташе) выполнены практически в форме круглой скульптуры (рис. 1, 6–7). Ручки некоторых бронзовых кувшинов из Помпей оформлены в виде скульптурных обнаженных или задрапированных женских фигурок³², известны также примеры, когда центральная часть верхнего атташа ручки оформлена в виде скульптурной фигурки или полу-фигуры³³, однако подобное краснокутской оформление ручки бронзового сосуда уникально. Отдельные элементы ручки, выполненные в форме круглой скульптуры, отливались индивидуально и затем соединялись с основной частью ручки. Об этом свидетельствуют, в частности, углубления для крепления отлитых отдельно головок фигур, расположенных на концах верхнего атташа (рис. 6, 4; 7, 1). Очевидно, что головки на штифтах вставлялись в округлые в плане углубления в шнях персонажей. Вероятнее всего, подобным же образом крепились и утраченная головка фигурки в центре верхнего атташа бронзового кувшина из Помпей³⁴.

Анализируя изображения на ручке, мы пришли к выводу, что они связаны с эпизодами Троянской войны, в частности, что на нижнем атташе ручки представлена сцена с погребальной повозкой, телом Гектора, коленопреклоненной фигурой Приама, склонившимся перед сидящим Ахиллом (рис. 1; 6, 1; 7, 2)³⁵.

Особого внимания заслуживает оформление верхнего атташа ручки изображениями сидящей женской фигуры в центре и возлежащими мужскими фигурами на концах атташа (рис. 1; 6, 7, 1, 3–4), которые были интерпретированы как фигура скорбящей персонификации Трои и персонификации рек Скамандра и Симоэса, между которыми была расположена древняя Троя³⁶. Данная атрибуция получила признание в литературе³⁷.

И композиция верхнего атташа ручки, и использование в ее оформлении выполненных в технике круглой скульптуры фигурок сближает его с верхним атташем ручки бронзового сосуда, хранящимся в Лувре, при этом подобная фигурка скорбящей женщины в центре атташа атрибутировалась как персонификация побежденных варваров, возможно, даков или сарматов и датировалась II в. н.э., причем его последней четвертью³⁸, что дало основание некоторым исследователям и

²⁹ Guguev, Treister 1992, 267–268.

³⁰ Treister 1994, 45; Трейстер 1997, 212.

³¹ Гугуев 2013, 468.

³² Tassinari 1993, 58, C2100, no. 12946; tav. CI, 2–3; CXVIII, 2; CLIII, 1.

³³ Tassinari 1993, 32, B1222, no. 3085; 35, B1222, no. 10758; 61, C2200, no. 12090; tav. CXXI, 1–3; CXLVIII.

³⁴ Tassinari 1993, 35, B1222, no. 10758.

³⁵ Guguev, Treister 1992, 254–255, figs. 13–15; 257, fig. 16; 259–260; Treister 1994, 40–42, figs. 5–6; Трейстер 1997, 205.

³⁶ Guguev, Treister 1992, 254–255, figs. 13–15; 258, fig. 19–20; 261–263; Treister 1994, 41–42, figs. 5, 9; Трейстер 1997, 206–207.

³⁷ См. LIMC VI, 1994, 789–790, Nr. 14, s.v. Skamandros (R. Vollkommer).

³⁸ De Ridder 1915, 21, no. 2825; Lamb 1929, 235–236; Cat. Cambridge, Mass. 1968, 306, no. 307; Guguev, Treister 1992, 260; 261, figs. 21–23; LIMC VII, 1994, 694, no. 6, s.v. Sarmatia (R. Vollkommer);

рассматриваемый здесь кувшин относить к этому же времени³⁹. Возлежащие по сторонам ручки (на атташах) фигуры речных божеств украшают и серебряные с позолотой ручки патер из датируемого II–III вв. н.э. клада в Кафеатоне в Нортумберленде на северо-востоке Англии (Д. Стронг датирует патеры из клада III в. н.э., скорее, есть основания для их датировки концом II в. н.э.)⁴⁰.

2.4. Основной фриз

2.4.1. Описание

Основной фриз представляет две сцены (рис. 4–5), в каждой из которых представлено по три персонажа. Мы рассматриваем его от места крепления ручки слева направо.

Первую сцену открывает сидящая женская фигура с собранными в пучок на затылке волосами, одетая в подпоясанный хитон с каймой по нижнему краю. Героиня опирается левой рукой на алтарь, верхняя плита которого оформлена завитками на углах, за которым произрастает куст. С куста к фигуре протянута лента, с алтаря свисает вниз гирлянда. Ноги женщины показаны в профиль, корпус – *en face*, а ее голова развернута назад, и она наблюдает за двумя остальными фигурами этой сцены, представленными справа от алтаря (рис. 4, 1–2).

Первый из них – обнаженный безбородый мужчина с рельефной мускулатурой. Он стоит вполоборота спиной к зрителю, голова с короткой прической, разделенной на пряди, показана в профиль вправо. Через его левое плечо переброшен плащ, из-под его складок видно округлое завершение ножен короткого меча. Сам меч находится в правой руке героя (рис. 4, 3–4).

Напротив него изображена в профиль влево женская фигура, полностью задрапированная в гиматий, трактованный складками, частично закрывающий и ее голову с узкой лентой-диадемой. Левая рука героини согнута в локте, кисть открыта и обращена к первому персонажу, в правой руке зажат край гиматия, которым она пытается прикрыть лицо (рис. 4, 3–4).

В левой части второй сцены помещен еще один мужской персонаж, сидящий вполоборота к зрителю на скальном выступе и наблюдающий за описанной выше сценой. Его вьющиеся волосы перехвачены лентой или диадемой. Он практически обнажен – наброшенный на его левое плечо плащ прикрывает лишь спину и правое колено. Подчеркнуто рельефно передана мускулатура героя. Правая рука персонажа вытянута, ее кисть лежит на округлом навершии кинжала в ножнах. Бутероль ножен якоревидной формы упирается поверх складок плаща в колено героя (рис. 5, 1–2).

Заключительная часть композиции представлена сценой, в которой мужской персонаж, изображенный в профиль вправо, готовится нанести удар коротким мечом поверженной на земле полулежащей героине, изображенной в хитоне с обна-

Treister 1994, 40–41, 43, fig. 10; Трейстер 1997, 207; Cohon et al. 2004, 59–60, pl. 8, 3, 5–6. <https://collections.louvre.fr/en/ark:/53355/cl010257951#>

³⁹ Cohon et al. 2004, 59–60.

⁴⁰ Британский музей. K/Vases.64: Walters 1921, 50–51, no. 192; Henig 1984, 27, 30, fig. 8; Jackson 1990, 12, pl. 5; Hobbs, Jackson 2010, 133, fig. 105; Esposito 2019, 102; Ferris 2021, 175, fig. 97. – K/Vases. 62: Walters 1921, 48–49, no. 189; Brailsford 1964, 41, pl. 10.49; Strong 1966, 146, fig. 30j; 169, pl. 45B; Henig 1984, 105, fig. 48; Esposito 2019, 103; https://www.britishmuseum.org/collection/object/H_K-Vases-62.

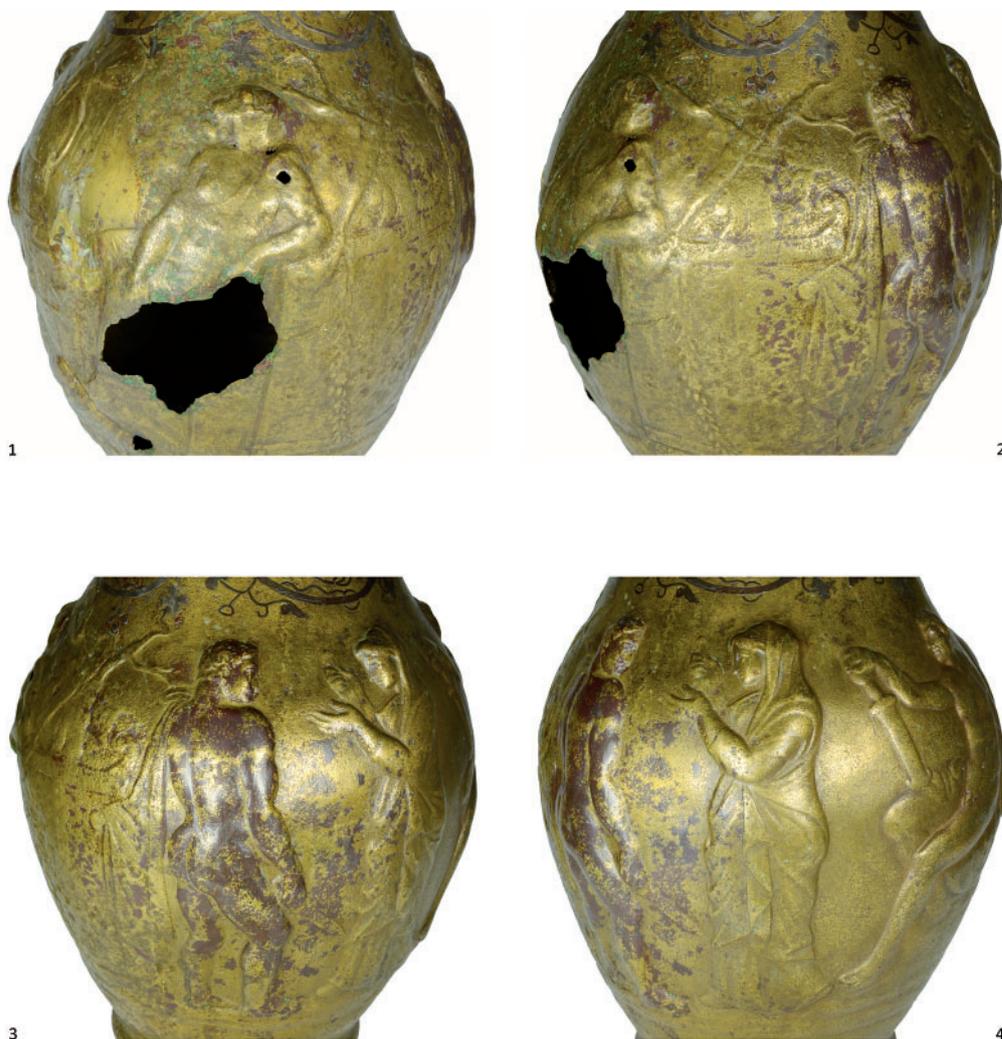

Рис. 4. Красный Кут. Курган № 4/1989. Погребение № 1. Кувшин бронзовый. Тулово. Детали фриза. Таганрог, Таганрогский государственный литературный и историко-архитектурный музей-заповедник, КП 11642, А-1908/28. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 4. Krasnyy Kut. Burial mound no. 4/1989. Burial no. 1. Bronze jug. Body. Details of the frieze. Taganrog, Taganrog State Literary and Historical-Architectural Museum-Reserve, acc. no. 11642/28, A-1908/28. Photos by Mikhail Treister, 2015.

Рис. 5. Красный Кут. Курган № 4/1989. Погребение № 1. Кувшин бронзовый. Тулово. Детали фриза. Таганрог, Таганрогский государственный литературный и историко-архитектурный музей-заповедник, КП 11642/28, А-1908/28. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 5. Krasnyy Kut. Burial mound no. 4/1989. Burial no. 1. Bronze jug. Body. Details of the frieze. Taganrog, Taganrog State Literary and Historical-Architectural Museum-Reserve, acc. no. 11642/28, A-1908/28. Photos by Mikhail Treister, 2015.

женным торсом. В опущенной правой руке он сжимает меч, а левой рукой держит за волосы женщину, которая пытается согнутой в локте левой рукой, занесенной над головой, освободиться от захвата, а правой – сдерживать руку с мечом. Между ними изображен лежащий на земле щит (рис. 5, 2–3).

На заднем плане за женским персонажем представлен в перспективе сбоку дорический храм, за которым возвышается каннелированная колонна с ионийской капителью. На капители колонны изображена облокотившаяся на стоящий на капители щит Псуюхэ, обнимающая край щита руками и наблюдающая за жертвоприношением. С портика храма спускается гирлянда, а на одну из колонн повешен меч или кинжал с прямым перекрестьем (рис. 5, 3–4).

2.4.2. Атрибуция

Подтверждение атрибуции второй сцены фриза (рис. 5) как жертвоприношения Неоптолемом Поликсены у гробницы Ахилла сравнительно недавно нашел В.К. Гугуев⁴¹, указав на чрезвычайно близкую и по композиции, и по иконографии (отличие заключается в том, что стоящая на колонне Псуюхэ не опирается на щит, изображение которого отсутствует) сцену на сарде, хранящемся в Берлине, которую А. Фуртвенглер интерпретировал именно таким образом⁴². Э. Цвирляйн-Диль датирует эту гемму второй половиной I в. до н.э.⁴³. Изображения сидящей у погребальной колонны Ахилла Поликсены и стоящего перед ней Неоптолема с мечом представлено еще на одной, также датируемой III в. до н.э., гемме на сердолике в собрании Берлинских музеев⁴⁴. В отличие от изображения на кувшине, на колонне стоит не щит, а сосуд.

Параллель изображению сидящего на скале обнаженного героя, опирающегося правой рукой на стоящий на колене меч в ножнах (рис. 5, 1), который мы атрибутировали как изображение Ахилла⁴⁵, представлена на опубликованной А. Фуртвенглером гемме на гранате – персонаж атрибутируется как «*zügpende Achilleus*»⁴⁶. Возможно, аналогичным образом на меч опирался персонаж сильно фрагментированной статуи из раскопок Пергама, датируемой еще II в. до н.э.⁴⁷.

В определенной степени близка рассматриваемому нами персонажу фигура на серебряной чаше из окрестностей Манхинга в Баварии⁴⁸, которую ранее дати-

⁴¹ Гугуев 2013, 463, рис. 1, 3; 467–468. Впрочем, мы ссылались на эту гемму в статье 1992 г. как на пример изображения щита на колонне: Guguev, Treister 1992, 267, note 72.

⁴² Furtwängler 1900, Taf. XXIV, 3; Bd. 2, 118; Bd. 3, 229. К указанным В.К. Гугуевым ссылкам на публикацию Фуртвенглера 1900 г. добавим следующие: Furtwängler 1896, 255–256, Nr. 6889 (с более ранней литературой), Taf. 50; Carus 1900, 12 (прорисовка); Geischer 1967, 138, Nr. 13, Taf. 16c; LIMC VII, 1994, 966, no. 186b, s.v. *Kassandra I* (O. Paoletti); Gesztelyi 2005, 307; 2007, 227; <https://arachne.dainst.org/entity/1191388>.

⁴³ AGD II, 130, комм. к Nr. 315.

⁴⁴ Furtwängler 1896, 42, Nr. 489 (с более ранней литературой), Taf. 8; 1900, Taf. XXIV, 8; Bd. 2, 119; Bd. 3, 229; Geischer 1967, 137, Nr. 7, Taf. 15e; AGD II, 130, Nr. 315, Taf. 60; Zazoff 1983, 297–298, Anm. 182, Taf. 87, 6; Schwarz 1992, 274–277, Taf. 76, 2; <https://arachne.dainst.org/entity/1191387>

⁴⁵ Treister 1994, 44–45.

⁴⁶ Furtwängler 1900, Bd. 1, Taf. 43, 18; Bd. 2, 205.

⁴⁷ Himmelman 1989, 112–114, Abb. 45; Kat. Berlin 2011, 559, Nr. 8.1 (W. Geominy); <https://arachne.dainst.org/entity/1168151>.

⁴⁸ Adriani 1960, 111–125; Strong 1966, 140, pl. 44B; Krämer 1967, 23–28; Froning 1980, 338–339, Abb. 15; Baratte 1984a, 221–230; 1984b, 88, Abb. 22; 1997a, 67–68, Abb. 5; 1997b, 13, Taf. 6, 3; Gabelmann 1984, 148–150, Nr. 59, Taf. 16, 1; Wünsche 1991, 30–32, Abb. 40–42; Mielsch 1997, 45, 48, Abb. 8. См. полную библиографию: Strocka 2015, 323, Anm. 2.

Рис. 6. Красный Кут. Курган № 4/1989. Погребение № 1. Кувшин бронзовый. Ручка. Общие виды. Таганрог, Таганрогский государственный литературный и историко-архитектурный музей-заповедник, КП 11642/28, А-1908/28. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 6. Krasnyy Kut. Burial mound no. 4/1989. Burial no. 1. Bronze jug. Handle. General views. Taganrog, Taganrog State Literary and Historical-Architectural Museum-Reserve, acc. no. 11642/28, A-1908/28. Photos by Mikhail Treister, 2015.

Рис. 7. Красный Кут. Курган № 4/1989. Погребение № 1. Кувшин бронзовый. Ручка. Общий вид и детали. Таганрог, Таганрогский государственный литературный и историко-архитектурный музей-заповедник, КП 11642/28, А-1908/28. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.
 Fig. 7. Krasnyy Kut. Burial mound no. 4/1989. Burial no. 1. Bronze jug. Handle. General view and details. Taganrog, Taganrog State Literary and Historical-Architectural Museum-Reserve, acc. no. 11642/28, A-1908/28. Photos by Mikhail Treister, 2015.

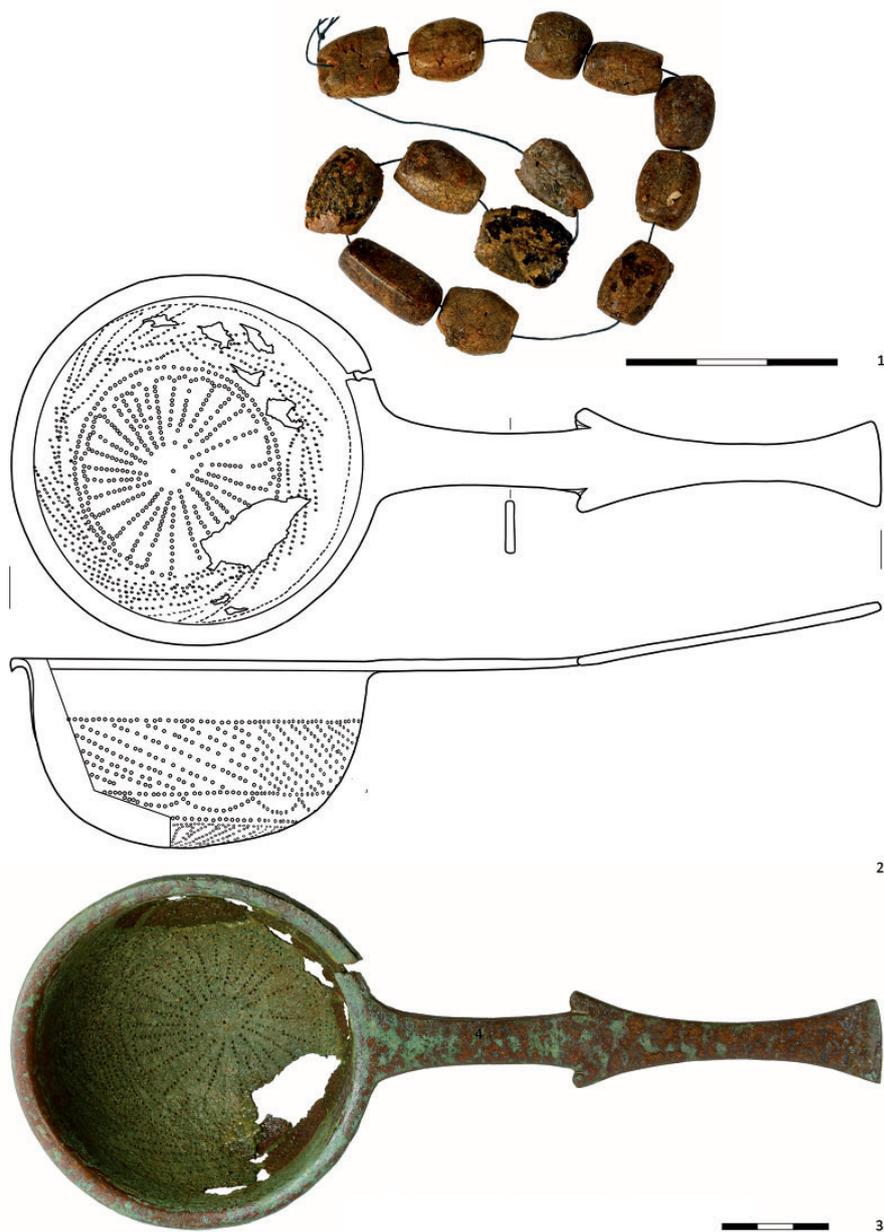

Рис. 8. Красный Кут. Курган № 4/1989. Погребение № 1. 1 – бусы янтарные, 2–3 – ситка бронзовая. Общие виды. Таганрог, Таганрогский государственный литературный и историко-архитектурный музей-заповедник, НВ-5189/24 (1), КП 11464/1 (2–3). 1, 3 – фото М.Ю. Трейстера, 2015, 2 – рисунки Н.Е. Беспалой.

Fig. 8. Krasnyy Kut. Burial mound no. 4/1989. Burial no. 1. 1 – amber beads; 2–3 – bronze strainer. General views. Taganrog, Taganrog State Literary and Historical-Architectural Museum-Reserve, acc. no. НВ-5189/24 (1), КП 11464/1 (2–3). 1, 3 – photos by Mikhail Treister, 2015; 2 – drawings by Natalya Bepalaya, 2015.

ровали от августовского времени⁴⁹ до конца I – начала II в. н.э.⁵⁰, а в последнее время относят ко II в. н.э., при этом все параллели на рельефах римских саркофагов, приведенные Ф.М. Штрокой, относятся к 160–170-м гг. н.э.⁵¹. Персонаж, который ранее часто отождествляли с Неоптолемом, но, как показывает специальное исследование Штроки, является безусловно Ахиллом⁵², также изображен сидящим на скале в профиль влево – он передан практически обнаженным – плащ, конец которого наброшен на левое плечо, небрежно свисает вдоль левого бока. Изображение на чаше из окрестностей Манхинга отличается меньшим разнообразием складок одежды, менее рельефной передачей мускулатуры тела, изображением перевязи меча, пересекающей грудь героя и отсутствием его самого в руках. Кроме того, в отличие от рассматриваемого нами фриза Ахилл на чаше из окрестностей Манхинга оказывается непосредственно втянут в сцену убийства, жестом вытянутой вперед руки обращая на него внимание. Нам представляется, что персонаж публикуемого кувшина и Ахилл на чаше из окрестностей Манхинга – суть один и тот же герой. Мастера обоих сосудов, несомненно, черпали свое вдохновение из общего источника, но решали художественную задачу по-разному. Учитывая близость композиции сцены с изображением Ахилла сцене на гипсовой отливке рельефа из Мемфиса⁵³, не исключено египетское происхождение прототипа сцены⁵⁴. Обращает на себя внимание и тот факт, что сцены повторяются на рельефах двух саркофагов антониновского времени⁵⁵.

Очевидно, что иконография сцены восходит как минимум к концу IV в. до н.э., когда подобное изображение появляется на рельефе этрусского саркофага из Торре Сан Северо⁵⁶, что уже отмечалось⁵⁷. В Афинской Пинакотеке Павсаний видел картину, изображающую, «как рядом с могилой Ахилла готовится к закланию Поликсена» (Paus. I. 22. 6)⁵⁸. Учитывая то, что книга I Павсания была написана ок. 160 г. н.э., очевидно, что у мастеров этого времени были прототипы для подражания.

Тот факт, что и в первой (рис. 4, 3), и во второй сценах (рис. 5, 2) представлен явно один и тот же персонаж – обнаженный мужчина с короткой стрижкой с накинутым на левую руку плащом и коротким мечом в правой руке, – свидетельствует о том, что обе сцены связаны между собой содержательно. Порядок сцен подтверждает и их расположение относительно места крепления ручки сосуда слева направо.

Соответственно, если мы приходим к выводу, что во второй сцене представлено жертвоприношение Поликсены Неоптолемом, то именно Неоптолем – центральный персонаж и первой сцены. Таким образом, учитывая близость изо-

⁴⁹ Froning 1980, 338–339.

⁵⁰ Strong 1966, 140; Baratte 1984a, 225; 1984b, 88; 1997a, 68; 1997b, 13.

⁵¹ Gabelmann 1984, 149; Mielsch 1997, 45.

⁵² Strocka 2015, 323–352.

⁵³ Adriani 1960, 118–122, tav. 34, 2; Froning 1980, 339, Abb. 16; Gabelmann 1984, 148–150, Nr. 60, Taf. 16, 2; Baratte 1997b, 13, Taf. 6, 1; Strocka 2015, 333, Abb. 6.

⁵⁴ Mielsch 1997, 45; Strocka 2015, 328, 333.

⁵⁵ Froning 1980, 339, Abb. 17; Gabelmann 1984, 148–150, Nr. 61, Taf. 16, 3; Baratte 1997a, 68; 1997b, 13; Strocka 2015, 331–334, Abb. 5, 7.

⁵⁶ LIMC VII, 1994, 434, no. 32, s.v. Polyxena (O. Touchefeu-Meynier).

⁵⁷ Schwarz 1992, 275.

⁵⁸ Schwarz 1992, 276–277; Guguev, Treister 1992, 266–267; Гугуев 2013, 468.

бражения женского персонажа, сидящего у алтаря в первой сцене (рис. 4, 1), и Поликсены (рис. 5, 3) – во второй, вполне вероятно, что именно она изображена и здесь, ожидая свою судьбу, обратив свой взгляд на сцену с задрапированной женской фигурой и Неоптолемом. Задрапированная женщина, стоящая перед Неоптолемом, привлекает внимание своим необычным жестом (рис. 4, 4). Близкий жест, передающий горе и отчаяние и одновременно как бы закрывающий лицо краем одежды, мы встречаем в изображении сидящего в профиль вправо женского персонажа на рельефе аттического саркофага ок. 220–230 гг. н.э. из Эфеса, в настоящее время хранящемся в Аббатстве Вобарн, в котором видят фигуру Андромахи⁵⁹. Весьма вероятно, что задрапированная женская фигура, стоящая перед Неоптолемом (рис. 4, 4), – это мать Поликсены Гекаба, умоляющая Неоптолема сохранить жизнь дочери. Это предположение со ссылкой на трагедию Эврипида было высказано впервые Э. Кюнцлем, которому мы предоставили фотографии и рисунки кувшина при подготовке первой публикации, и с ним, как показывает проведенный анализ, нельзя не согласиться.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, изображения и на ручке (рис. 1, 6–7), и на тулове (рис. 1–2, 4–5) кувшина связаны с троянским циклом, описанием событий, происходивших во время осады Трои, смерти Ахилла и истории жертвоприношения Поликсены Неоптолемом у гробницы своего отца. Эта тема – популярная в греческом искусстве еще архаического времени и нашедшая отражение в трагедии Еврипида «Геккуба», впервые поставленной в 420-х гг. до н.э. Вместе с тем в трагедии Еврипида и позднее у Овидия Поликсена принимает свою судьбу и, срывая с себя пеплос и обнажая грудь, предлагает Неоптолему на выбор убить ее ударом в шею или в грудь (Нес. 547–565; Мет. 13. 458–459)⁶⁰, что явно противоречит сцене на кувшине, в которой она пытается защититься от Неоптолема. Впрочем, и изображения жертвоприношения Поликсены в греческом искусстве архаического и классического времени отличались в деталях от сцен в вазописи и на рельефах позднеархаического саркофага из Троады⁶¹.

О том, что темы троянского цикла получили возрождение в римском искусстве эпохи ранней Империи⁶², свидетельствуют различные произведения торевтики, как правило, выполненные из серебра, в частности, чаши из княжеского погребения в Хоби⁶³ и пара ойнохой из Бертувилля⁶⁴, а также серебряный кувшин из частной коллекции с надписью мастера Октавия Менодора, сюжет которого

⁵⁹ Robert 1890, 57–61, Nr. 47c, Taf. XXII–XXIII; LIMC I, 1981, 117, no. 477, s.v. Achilleus (A. Kosatz-Deissmann); 771, no. 36 s.v. Andromache (O. Touchefeu-Meynier); Hengel 1982, 23, 25–26; Abb. 29.

⁶⁰ Friesen 2016, 625–628, 636.

⁶¹ LIMC VII, 1994, 433, nos. 25–26, s.v. Polyxene (O. Touchefeu-Meynier); Sevinç 1996, 251–264; Schwarz 2001, 35–50; Draycott 2018, 23–70; Reinsberg 2022, 1–143 с полной библиографией. Об альтернативной датировке раннеэллинистическим временем, см.: Corfù 2016, 43–66.

⁶² Schwarz 1992, 296–299.

⁶³ Strong 1966, 136, pl. 35B; Stefanelli 1991, 126–127, figs. 89–90; 256–257, nos. 26–27; Cat. Milan 1997, 92, nos. 72–73; 94–95 (ills); Grane 2007, 168–169, figs. 58–59.

⁶⁴ Babelon 1916, 81–87, pls. V–VIII; Lehmann-Hartleben 1938, 82–105; Cat. Paris 1989, 80–81, no. 16; Cat. Los Angeles 2014, 35–45, 52–56, 171, figs. 28–30.

Э. Кюнцль интерпретирует как молитву Хрисеиды⁶⁵. Впрочем, если принять датировку чаши из Манхинга II в. н.э., то она оставалась популярной и в торевтике более позднего времени. Мифологические сцены нередко находили отражение в оформлении медальонов римских бронзовых сосудов. На медальоне патеры из погребения в Тинен-Авендорен в Бельгии представлена сцена похищения Диомедом Палладиона в Трое, а на медальоне хранящейся в Эрмитаже патеры из коллекции Лавала представлен Аякс, несущий тело Ахилла⁶⁶. Отдельное изображение скорбящего Аякса представлено на медальоне бронзовой патеры, найденной на дне Соны, на уровне о. Барб⁶⁷.

Эпизоды трагедии «Ифигения в Тавриде»⁶⁸ иллюстрируются на крупном рельефном медальоне бронзового таза I в. н.э. из кургана № 3/1905 у ст. Некрасовская⁶⁹ и бронзового кратера из погребения II в. н.э. в Балчике в районе Варны⁷⁰. Как я уже отмечал, такое совпадение заставляет задуматься, не была ли географическая коннотация неслучайной.

Если мы принимаем датировку рассматриваемого кувшина II в. н.э., а тем более временем Маркоманских войн, то очевидно, что не было большого разрыва между временем изготовления кувшина и его попаданием в погребение, хотя говорить о связи контекста находки с символикой кувшина не приходится – кувшин был спрятан в тайнике погребения молодой сарматки, вероятно, не первой его владелицы, а пути, по которым кувшин попал к кочевнику в окрестностях Танаиса, могли быть различными, в том числе и через Боспор⁷¹. На фоне других римских бронзовых сосудов из Сарматии кувшин из погребения у с. Красный Кут, безусловно, выделяется. Это была штучная работа высокого качества. Не случайно близкий по форме и технике декора кувшин, предположительно найденный в Тибре, рассматривают как императорский подарок⁷².

ЛИТЕРАТУРА/ REFERENCES

- Adriani, A. 1960: Il vaso argenteo di Ingolstadt e un suo modello alessandrino. *RM* 67, 111–125.
 Armand-Caillat, L. 1959: Patères en bronze trouvées près de Lyon à l'Île-Barbe. *RA* 2, 65–76.
 Babelon, E. 1916: *Le trésor de Berthouville près Bernay (Eure) conservé au département des médailles et antiquités de la Bibliothèque Nationale*. Paris.
 Bennett, J. 2005: *Trajan Optimus Princeps. A Life and Times*. London–New York.

⁶⁵ E. Künzl 1984, 365–384; ср. Simon 1986, 139, Abb. 182; 142.

⁶⁶ Кат. Ленинград 1973, 100, № 257; 1980, 39, № 91; Goulyaeva 2000, 169, fig. 12.

⁶⁷ Armand-Caillat 1959, 65–72, figs. 1; 3; Nuber 1972, 64, Anm. 349; 200, Liste G, Ia.1; Boucher, Tassinari 1976, 122–123, no. 138.

⁶⁸ Robert 1919, 303, Abb. 225; Junge 1983, 46, 237, Nr. K 115; Трейстер 2020b, 586–588.

⁶⁹ ОАК за 1905 г., 73, рис. 95; Pharmakowsky 1906, 109–112, Abb. 1 (с ошибочной датировкой III–II вв. до н.э.); Robert 1919, 302–304, Abb. 224; Кат. Ленинград 1973, 102, № 264 (с очень широкой датировкой – II в. до н.э. – I в. н.э.); Junge 1983, 237, no. K 115 с ошибочной датировкой III–II вв. до н.э.; Goulyaeva 2000, 169, fig. 13; Bielefeld 2005, 173–174, Abb. 52 (с ошибочной датировкой II в. до н.э.); Marčenko, Limberis 2008, 279–280, Abb. 2, 339, 352–353, Nr. 61.1, Taf. 90, 3; Трейстер 2020, 569–571, прим. 29 с полной библиографией, рис. 2–3.

⁷⁰ Шкорпил 1932, 60–68, рис. 43–45; Curtius 1934, 246–294; Schindler 1980, 99–109; 1985, 123–134; Konova 2006, 82–84, Taf. I, 1; Nenova-Merdjanova 2011, 122–123, fig. 13.

⁷¹ Treister 1994, 45–46; Трейстер 1997, 212; Гугуев 2013, 468.

⁷² О том, что сосуд был изготовлен в рамках пропаганды, см.: Bennett 2005, 105; о том, что он мог быть императорским подарком, см.: Sinn 2011, 164.

- Baratte, F. 1984a: A propos d'une coupe en argent trouvée en Gaule. *Revue du Nord* 56, 221–230.
- Baratte, F. 1984b: *Römisches Silbergeschirr in den gallischen und germanischen Provinzen* (Kleine Schriften Limesmuseum Aalen 32). Stuttgart.
- Baratte, F. 1997a: Silbergeschirr in Gallien und den benachbarten Provinzen. In: *Kat. Bonn* 1997, 59–70.
- Baratte, F. 1997b: *Silbergeschirr, Kultur und Luxus in der römischen Gesellschaft* (15. Trierer Winckelmannsprogramm 1997). Mainz.
- Baratte, F. 2001: Orient et Occident: le témoignage d'une trouvaille d'argenterie d'époque parthe en Asie centrale. *Journal des savants*, 249–307.
- Barbanera, M. 2014: Dressing to Hunt. Some Remarks on the Calyx Krater from the So-Called House of C. Julius Polybius in Pompei. In: A. Avramidou, D. Demetriou (eds.), *Approaching the Ancient Artifact: Representation, Narrative, and Function*, Berlin–Boston, 91–104.
- Bérard, Cl. 1967: Art alexandrin et mystères dionysiaques. Le vase bachique d'Avenches. *ProAventico* 19, 57–90.
- Bielefeld, R. 2005: *Orestes auf römischen Sarkophagen*. Berlin.
- Boucher, S., Tassinari, S. 1976: *Musée de la Civilisation Gallo-Romaine à Lyon. Bronzes Antiques*. T. I. Paris.
- Brailsford, J.W. 1964: *Guide to the Antiquities of Roman Britain*. 3rd ed. London.
- Braun, C. 1988: Römische Bronzegefäße mit Reliefdekor. In: K. Gschwantler, A. Bernhard-Walcher (Hrsg.), *Griechische und römische Statuetten und Grossbronzen. Akten der 9. Internationalen Tagung über antike Bronzen (Wien, 21.–25. April 1986)*. Wien, 331–333.
- Braun, C. 2001: *Römische Bronzebalsamarien mit Reliefdekor* (BAR Intern. Ser. 917). Oxford.
- Carus, P. 1900: *The History of the Devil and the Idea of Devil*. Chicago.
- Cat. Belgrade 1969 – Popovic, Lj. B., Mano-Zisi, D., Velickovic, M., Jelacic, B. *Anticka bronza u Jugoslaviji*. Beograd, 1969
- Cat. Cambridge, Mass. 1968 – D.G. Mitten, S.F. Doeringer (eds.), *Master Bronzes from the Classical World*. Cambridge, Mass, 1968
- Cat. Leningrad 1973 – *Antichnaya khudozhestvennaya bronza: Katalog vystavki v Ermitazhe* [Antique Artistic Bronze: Catalogue of the Exhibition in the Hermitage]. Leningrad, 1973
Cat. Ленинград 1973 – *Античная художественная бронза: Каталог выставки в Эрмитаже*. Л., 1973
- Cat. Los Angeles 2014 – K. Lapatin (ed.), *The Berthouville Silver Treasure and Roman Luxury*. Los Angeles, 2014
- Cat. Milan 1997 – *Riflessi di Roma. Imperio Romano e barbari del Baltico*. Roma, 1997
- Cat. Paris 1989 – F. Baratte, K. Painter (eds.), *Trésors d'orfèvrerie gallo-romains*. Paris, 1989
- Cohon, R., Benson, P., Meyers, P., Stone, R. 2004: A Case of mistaken Millennia: A wounded Barbarian in Kansas City. *Antike Kunst* 47, 55–64.
- Corfù, N.A. 2016: Der Polyxena-Sarkophag von Çanakkale – archaisch oder archaistisch? *Nuismatica e Antichità Classiche, Quaderni Ticinesi* 45, 43–66.
- Christies New York. Antiquities, 11 December 2014. Sale BES-3403.
- Curtius, L. 1934: Orest und Iphigenie in Tauris. Zum Bronzekrater von Dionysopolis-Balcik. *RM* 49, 246–294.
- D'Andria, F. 1979: Vasi di bronzo romani di recente scoperti in Puglia e Lucania. In: *Bronzes hellénistiques et romains. Tradition et renouveau. Actes du Ve Colloque international sur les bronzes antiques, Lausanne, 8–13 mai 1978* (Cahiers d'archéologie romande 17). Lausanne, 223–228.
- Draycott, C.M. 2018: Making Meaning of Myth. On the Interpretation of Mythological Imagery in the Polyxena Sarcophagus and the Kızılbél Tomb and the History of Achaemenid Asia Minor. In: L. Audley-Miller, B. Dignas (eds.), *Wandering Myths. Transcultural Uses of Myth in the Ancient World*. Berlin–Boston, 23–70.

- Eremin, K. 2014: Analytical Approaches to Ancient Bronzes. In: S. Ebbinghaus (ed.), *Ancient Bronzes through as Modern Lense. Introductory Essays on the Study of Ancient Mediterranean and Near Eastern Bronzes*. Cambridge, 65–92.
- Esposito, A. 2019: *Performing the Sacra: Priestly Roles and their Organisation in Roman Britain* (Archaeopress Roman Archaeology 53). Oxford.
- Faust, S. 2012: *Schlachtenbilder der römischen Kaiserzeit: erzählerische Darstellungskonzepte in der Reliefkunst von Traian bis Septimius Severus* (Tübinger Archäologische Forschungen 8). Rahden.
- Ferris, I. 2021: *Visions of the Roman North. Art and Identity in Northern Roman Britain* (Archaeopress Roman Archaeology 80). Oxford.
- Friesen, C.J.P. 2016: Dying like a Woman: Euripides' Polyxena as Exemplum between Philo and Clement of Alexandria. *Greek, Roman, and Byzantine Studies* 56, 623–645.
- Froning, H. 1980: Die ikonographische Tradition der kaiserzeitlichen Sarkophagreliefs. *Jdl* 95, 322–341.
- Furtwängler, A. 1896: *Beschreibung der Geschnittenen Steine im Antiquarium*. Berlin.
- Furtwängler, A. 1900: *Die antiken Gemmen: Geschichte der Steinschneidekunst im Klassischen Altertum* 1–3. Leipzig–Berlin.
- Gabelmann, H. 1984: *Antike Audienz- und Tribunalszenen*. Darmstadt.
- Geischer, H.-J. 1967: Heidnische Parallelen zum frühchristlichen Bild des Isaak-Opfers. *Jahrbuch für Antike und Christentum* 10, 127–144.
- Gesztelyi, T. 2005: Jünglingsgestalten mit Waffe auf pannonischen Gemmen. In: *Akten des VIII. Internationalen Kolloquiums über Probleme des provinzialrömischen Kunstschaffens*. Zagreb, 305–310.
- Gesztelyi, T. 2007: *Virum fortém plerumque Achillem vocamus*. In: I. Tar, P. Mayer (Hrsg.), *Klassizismus und Modernität. Beiträge der internationalen Konferenz in Szeged (11–13. September 2003)* (Acta Antiqua et Archaeologica XXX). Szeged, 224–231.
- Giumlia-Mair, A., Mrav, Z. 2014: The *aes corinthium* Vessels from Egyed, Hungary. *Folia archaeologica* 56, 73–102.
- Goulyaeva, N. 2000: The Collection of Roman Bronzes in the Hermitage Museum. *Kölner Jahrbuch* 33, 161–172.
- Grane, T. 2007: *The Roman Empire and Southern Scandinavia – a Northern Connection. A Re-evaluation of Military-political Relations Between the Roman Empire and the Barbaricum in the First Three Centuries AD with a Special Emphasis on Southern Scandinavia*. PhD dissertation, University of Copenhagen. Copenhagen.
- Guguev, V.K. 2013: О прямой аналогии сцене зхертвопринoшения на kuvshine из kurgana у s. Krasnyy Kut [On the direct Analogy to the Scene of Sacrifition on the Jug from the Burial Mound near the village of Krasnyy Kut]. In: V.Yu. Zuev (ed.), *Bosporskiy fenomen. Greki i varvary na Evraziyskom perekrestke. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Sankt-Peterburg, 19–22 noyabrya 2013 g.)* [*Bosporan Phenomenon. The Greeks and the Barbarians on the Eurasian Crossroad. The Materials of the International Scientific Conference (Saint Petersburg, 19–22 November 2013)*]. Saint Petersburg, 461–469.
- Гугуев, В.К. 2013: О прямой аналогии сцене жертвоприношения на кувшине из кургана у с. Красный Кут. В сб.: В.Ю. Зуев (ред.), *Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрёстке. Материалы международной научной конференции* (Санкт-Петербург, 19–22 ноября 2013 г.). СПб., 461–469.
- Guguev, V.K., Treister, M. Ju. 1992 : Une oenochoé de bronze a scènes mythologiques provenant d'un kourgane sarmate de la région de Rostov. *RA* 2, 243–271.
- Hengel, M. 1982: Achilleus in Jerusalem. *Sitzungsbericht der Heidelberger Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Klasse*, Jg. 1982. Bericht 1. Heidelberg.
- Henig, M. 1984: *Religion in Roman Britain*. London.
- Himmelmann, N. 1989: *Herrscher und Athlet. Die Bronzen vom Quirinal*. Bonn.

- Hobbs, R., Jackson, R. 2010: *Roman Britain Life at the Edge of Empire*. London.
- Jackson, R. 1990: Waters and Spas in the Classical World. *Medical History Suppl.* 10, 1–13.
- Junge, M. 1983: *Untersuchungen zur Ikonographie der Erinys in der griechischen Kunst*. Kiel.
- Kapeller, A. 2003: La vaisselle en bronze d'Avenches / Aventicum. *ProAventico* 45, 83–147.
- Kat. Berlin 2011 – Grüßinger, R., Kästner, V., Scholl, A. *Pergamon. Panorama der antiken Metropole. Begleitbuch zur Ausstellung*. Berlin, 2011
- Kat. Bonn 1997 – Prittitz und Gaffron, H.-H. von, Mielsch, H. (Hrsg.), *Das Haus lacht vor Silber*. Köln–Bonn, 1997
- Kat. Köln 1988 – Harden, D.B. *Glas der Caesaren*. Milano, 1988
- Kat. Mannheim 2004 – Guzzo, P.G., Wiczorek, A. (Hrsg.), *Pompeji. Die Stunden des Untergangs. 24. August 79 n. Chr.* Darmstadt, 2004
- Kirova, N. 2006: Römische Skulpturen mit Silbereinlagen aus den Provinzen Moesia Inferior und Thrakia. *Archäologische Korrespondenzblatt* 36.4, 537–548.
- Konova, L. 2006: „Iphigenie auf Tauris“ an der Schwarzmeerküste. Probleme des kulturellen Synkretismus in den Westpontischen Poleis. In: S. Conrad, R. Einicke, A.E. Furtwängler, H. Löhr, A. Slawisch (Hrsg.), *Pontos Euxeinus. Beiträge zur Archäologie und Geschichte des antiken Schwarzmeer- und Balkanraumes* (ZAKS Schriften 10). Langenweißbach, 81–92.
- Krämer, W. 1967: Der Fundort des sogenannten Ingotstädter Silberbechers im Münchner Antiquarium. *BayVgBl* 32, 23–28.
- Künzl, E. 1984: Das Gebet des Chryses (Homer, Ilias, 1. Gesang): Griechisches Epos und römische Politik auf der vergoldeten Silberkanne des Octavius Menodorus. *JbRGZM* 31, 365–384.
- Künzl, E., Künzl, S. 1984: Aquae Apollinares/Vicarelo (Italien). In: R. Chevallier 1992 (ed.), *Les eaux thermales et les cultes des eaux en Gaule et dans les provinces voisines. Actes du colloque 28–30 septembre 1990 Aix-les-Bains* (Caesardunum 26). Tours–Turin, 273–296.
- Künzl, S. 1993: Das Tafelgeschirr (D2–121). In: E. Künzl (Hrsg.), *Die Alamannenbeute aus dem Rhein bei Neupotz (Plünderungsgut aus dem römischen Gallien)* (Monographien des RGZM 34, 1). Mainz, 113–227.
- Lamb, W. 1929: *Ancient Greek and Roman Bronzes*. London.
- Lehmann-Hartleben, K. 1938: Two Roman Silver Jugs. *AJA* 42, 82–105.
- Leibundgut, A. 1976: *Die römischen Bronzen der Schweiz*. Bd. II. *Avenches*. Mainz.
- Marčenko, I.I., Limberis, N.J. 2008: Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes. In: A. Simonenko, I.I. Marčenko, N.J. Limberis, *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern* (Archäologie in Eurasien. 25). Mainz, 267–400.
- Mielsch, H. 1997: Römische Tafelsilber aus Ägypten. In: *Kat. Bonn 1997*, 41–58.
- Muscarella, O.W. 1988: *Bronze and Iron. Ancient Near Eastern Artifacts in the Metropolitan Museum of Arts*. New York.
- Nenova-Merdjanova, R. 2011: Production and Consumption of Bronzework in Roman Thrace. In: I.P. Haynes (ed.), *Early Roman Thrace: New Evidence from Bulgaria* (Journal of Roman Archaeology Supplementary Series 82). Portsmouth, 115–134.
- Noll, R. 1988: Kostbare Tintenfässer. *BayVgBl* 53, 83–97.
- Nuber, H.-U. 1972: Kanne und Griffschale. *BerRGK* 53, 1–232.
- Painter, K. 2001: *The Insula of the Menander at Pompeii. IV. The Silver Treasure*. Oxford.
- Parise Presicce, C. 1993: Cratere a calice con scena mitologica. In: *Riscoperte Pompei. Exhibition catalogue*. Rome, 222–224.
- Pfrommer, M. 1982: Grossgriechischer und mittelitalischer Einfluss in der Rankenornamentik frühhellenistischer Zeit. *JdI* 97, 119–190.
- Pfrommer, M. 1985: Ein Bronzebecken in Malibu. *The J. Paul Getty Museum Journal* 13, 9–18.

- Pfrommer, M. 1987: *Studien zu alexandrinischer und grossgriechischer Toreutik frühhellenistischer Zeit* (Archäologische Forschungen 16). Berlin.
- Picard, C. 1962–1963: Aigle et serpent: sur les divers sens d'un symbole religieux à travers la Grèce du Nord: d'après un oenochoé de bronze du Musée de Belgrade. *Starinar N.S.* XIII–XIV (1965), 1–7.
- Popović, I. 1994: *Античко сребро у Србију / Antique Silver from Serbia*. Beograd.
- Ratković, D. 2005: *Bronzane posude: iz rimske zbirke Narodnog Muzeja u Beogradu / Roman Bronze Vessels in the Roman Collection of the National Museum in Belgrade* (Антика / Antiquity IX). Beograd.
- Reinsberg, C. 2022: Der spätarchaische Polyxenasarkophag. *Antike Plastik* 32. Wiesbaden, 1–143.
- de Ridder, A. 1915: *Les bronzes antiques du Louvre*. T. II. *Les instruments*. Paris.
- Robert, C. 1890: *Die antiken Sarkophagreliefs*. Bd. II. Berlin.
- Robert, C. 1919: *Archaeologische Hermeneutik. Anleitung zur Deutung klassischer Bildwerke*. Berlin.
- Rolley, C. 1986: *Greek Bronzes*. Fribourg.
- Rolley, C. 2002: Le travail du bronze à Delphes. *BCH* 126.1, 41–54.
- Schäfer, T. 1989: Die Dakerkriege Trajans auf einer Bronzekanne (eine Auftragsarbeit für den Praetorianerpraefekt Ti. Claudius Livianus). *JdI* 104, 283–317.
- Schindler, W. 1980: Allegorie der Iulia Augusti als Iphigenie auf dem Bronze-Krater in Varna. *Klio* 62.1, 99–109.
- Schindler, W. 1985: Der Iphigenie-Krater in Varna – ein Restitutionsstück. *Thracia* 7, 123–134.
- Schwarz, G. 1992: Achill und Polyxena in der römischen Kaiserzeit. *RM* 99, 265–299.
- Schwarz, G. 2001: Der Tod und das Mädchen. Frühe Polyxena-Bilder. *AM* 116, 35–50.
- Sevinç, N. 1996: A New Sarcophagus of Polyxena from the Salvage Excavations at Gümüşçay. *Studia Troica* 6, 251–264.
- Shkorpil, K. 1932: Археологически belezhki ot Chernomorskoto kraybrezhie [Archaeological Notes from the Black Sea Coast]. *Izvestiya na b'lgarskiya arkheologicheski institut [Bulletin of the Bulgarian Archaeological Institute]* 6 (1932), 57–88.
- Шкорпил, К. 1932: Археологически бележки от Черноморското крайбрежие. *Известия на българския археологически институт* 6 (1932), 57–88.
- Simon, E. 1986: *Augustus. Kunst und Leben in Rom um die Zeitenwende*. München.
- Sinn, U. 2011: *Einführung in die klassische Archäologie*. München.
- Stefanelli, L.P.B. 1990: *Il bronzo dei Romani*. Roma.
- Stefanelli, L.P.B. 1991: *L'argento dei Romani*. Roma.
- Strocka, V.M. 2015: Der Manchinger Silberbecher. Eine Fehldeutung und ihre Folgen. *BJb* 215, 323–352.
- Strong, D.E. 1966: *Greek and Roman Gold and Silver Plate*. London.
- Tassinari, S. 1993: *Il vasellame bronzeo di Pompei*. Roma.
- Treister, M. 1994: A New Example of Ancient Metalwork from a Sarmatian Kurgan. *Expedition* 36.2–3, 38–46.
- Treister, M.Yu. 1997: Bronzovyy kuvshin so stsenami troyanskogo tsikla iz sarmatskogo kurgana na r. Manych [A bronze Jug with the Scenes of the Trojan Cycle from the Sarmatian Burial Mound on the Manych River]. In: L.I. Akimova (ed.), *Vvedenie v khram [Entering the Temple]*. Moscow, 204–212.
- Трейстер, М.Ю. 1997: Бронзовый кувшин со сценами троянского цикла из сарматского кургана на р. Маныч. В кн.: Л.И. Акимова (ред.). *Введение в храм*. М., 204–212.
- Treister, M.Yu. 2007: Tekhnika i elementy dekora. Chekannye i gravirovannye ornament [The Technique and Elements of Decoration. Chased and Incised Pattern]. In: Mordvintseva, V.I., Treister, M.Yu. *Proizvedeniya torevtiki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e*.

- II v. do n.e. – II v. n.e.* [The Items of Toreutics and Jewellery Art in the North Pontic Area. 2nd Century BC – 2nd Century AD]. Vol. 1. Simferopol, Bonn, 245–255.
- Трейстер, М.Ю. 2007: Техника и элементы декора. Чеканные и гравированные орнаменты. В кн.: Мордвинцева, В.И., Трейстер, М.Ю. *Произведения тореутики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н.э. – II в. н.э.* Т. 1. Симферополь–Бонн, 245–255.
- Treister, M.Yu. 2019: O dvukh rimskikh bronzovykh kuvshinakh iz sarmatskikh pogrebeniy Podon'ya [On the Two Roman Bronze Jugs from the Sarmatian Burials of the Don Region]. *Stratum plus* (4), 113–132.
- Трейстер, М.Ю. 2019: О двух римских бронзовых кувшинах из сарматских погребений Подонья. *Stratum plus* (4), 113–132.
- Treister, M.Yu. 2020a: Busy i elementy dekora iz yantarya v yuvelirnykh izdeliyakh iz pogrebeniy kochevnikov Aziatskoy Sarmatii v kontekste trgovli ekzoticheskimi materialami v Evrazii [Beads and Elements of Decoration made of Amber in the Items of Jewellery from the Burials of the Nomads of Asian Sarmatia in the Context of the Trade of Exotic Materials in Eurasia]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya* [Materials on Archaeology and History of the Ancient and Medieval Black Sea Region] 12, 148–223.
- Трейстер, М.Ю. 2020а: Бусы и элементы декора из янтаря в ювелирных изделиях из погребений кочевников Азиатской Сарматии в контексте торговли экзотическими материалами в Евразии. *МАИАСП* 12, 148–223.
- Treister, M.Yu. 2020b: Rimskie bronzovye sosudy s medal'onami s figurnymi izobrazheniyami iz Sarmatii [Roman Bronze Vessels with Medallions with Figural Scenes from Sarmatia]. In: A.V. Belousov, E.V. Ilyushechkina (eds.), *Homo omnium horarum: Sbornik statey v chest' 70-letiya A.V. Podosinova* [Homo omnium horarum: Collection of Articles in Honor of the 70th anniversary of A.V. Podosinov]. Moscow, 565–610.
- Трейстер, М.Ю. 2020б: Римские бронзовые сосуды с медальонами с фигурными изображениями из Сарматии. В сб.: А.В. Белоусов, Е.В. Илюшечкина (ред.), *Homo omnium horarum: Сборник статей в честь 70-летия А.В. Подосинова*. М., 565–610.
- Treister, M.Yu. 2023: Bronzovye tsedilki tipa Eggers 160 iz pogrebeniy kochevnikov Aziatskoy Sarmatii [Bronze Strainers of the Eggers 160 Type from the Burials of the Nomads of Asian Sarmatia]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Reports of the Institute of Archaeology] 270, 40–52.
- Трейстер, М.Ю. 2023: Бронзовые цеделки типа *Eggers 160* из погребений кочевников Азиатской Сарматии. *КСИА* 270, 40–52.
- Walters, H.B. 1921: *Catalogue of the Silver Plate (Greek, Etruscan and Roman) in the British Museum*. London.
- Wünsche, R. 1991: Pasquino. *Münchner Jahrbuch* 42, 7–38.
- Zazoff, P. 1983: *Die antiken Gemmen* (Handbuch der Archäologie). München.

A BRONZE JUG WITH THE SCENES OF THE TROJAN CYCLE
FROM THE SARMATIAN BURIAL IN KURGAN NO. 4/1989
NEAR KRASNYY KUT FARMSTEAD ON THE MANYCH RIVER

Mikhail Yu. Treister

Independent Researcher, Bonn, Germany

E-mail: mikhailtreister@yahoo.de

This is a publication of a unique bronze jug from the cache of the burial of a young woman in a burial mound excavated in 1989 near the Krasny Kut Farmstead on the left bank of the Manych River, dating from the second half of the 2nd – early 3rd century AD. The jug has already been described and discussed several times in the 1990s, so in this article I shall limit myself to the main conclusions and also present new parallels and considerations. The images on both the handle and the body of the jug are associated with the Trojan cycle, a description of the events that took place during the siege of Troy, the death of Achilles and the story of the sacrifice of Polyxena by Neoptolemus at the tomb of his father. If we accept the dating of the jug in question, substantiated here, to the 2nd century AD, and even more to the period of the Marcomannic Wars, it is obvious that there was not a big gap between the time of manufacture of the jug and its deposition in the burial, although there is no need to talk about the connection between the context of the find and the symbolism of the jug – it was hidden in the cache of the burial of a young Sarmatian woman, probably not its first owner, and the routes along which it penetrated to the nomads in the vicinity of Tanais could have been different, including that via the Cimmerian Bosphorus. Compared to other Roman bronze vessels from Sarmatia, the jug in question certainly stands out. It was a piece of high-quality workmanship. It is no coincidence that a jug similar in shape and decorative technique, supposedly found in the Tiber, is considered to be a gift of Emperor.

Keywords: Lower Don area, Sarmatia, Roman imports, bronze jug, scenes of the Trojan cycle, Achilles, Neoptolemos, Polyxena, iconography

DOI: 10.18503/1992-0431-2024-2-84-31–55

СИНДИКА И ЕЕ МОНЕТА

В.Д. Кузнецов

*Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия;
Государственный историко-археологический музей-заповедник «Фанагория», Москва,
Россия*

E-mail: phanagor@mail.ru

Статья посвящена проблеме определения эмитента так называемой «синдской» монеты. Многие исследователи считают ее чеканкой племени синдов. К ним относится и последняя по времени статья С.А. Коваленко, который в качестве причины выпуска монеты предлагает видеть стремление синдских царей к получению прибыли от ее чеканки. При этом в качестве металла для нее, по его мнению, использовались электроновые монеты некоторых малоазийских центров (Кизик, Фокея), из которых получали серебро. Эта точка зрения опровергается химическими анализами состава металлов в «синдской» монете. Кроме того, она вступает в противоречие с некоторыми важными фактами. Прежде всего, нужно отметить, что монета чеканилась в Синдике, которая принадлежала греческим городам, которые находились на этой территории. Надпись Теопротида из Нимфея этого определенно подтверждает. Весьма важный момент состоит в том, что среди так называемых «синдских» монет имеется тип (сидящий перед зерном грифон), который имеет прямое отношение к Фанагории. Уже только один этот факт опровергает мнение о монете, как принадлежащей синдам. К этому следует добавить также то, что монета Синдики имеет совершенно греческий характер. Совокупность разных фактов свидетельствует о том, что в V в. до н.э. на азиатской стороне Боспора Киммерийского существовал союз греческих полисов Синдики. Именно этот союз чеканил монету в момент агрессии Пантикапея против них для финансирования военных действий.

Ключевые слова: Синдика, синды, монетная чеканка

Monumento rum artis qui unum vidit nullum vidit,
qui mille vidit unum vidit (E. Gerhard)

Прежде всего, я хочу поздравить своего старинного друга и коллегу – Алексея Андреевича Завойкина, с которым мы очень многие годы вместе работаем в Фанагории, с его замечательным юбилеем!

В свое время, пытаясь понять, что собой представляет Синдика и место Фанагории в ней, автору этих строк пришлось по необходимости довольно подробно рассмотреть вопрос о так называемой «синдской» монете¹. Эта интересная тема неоднократно привлекала внимание исследователей, как нумизматов, так и специалистов других направлений исторической науки. Важный вопрос здесь – эмитент этой монеты. Я не буду подробно останавливаться на основных точках зрения на эту проблему. Их, как известно, две: 1) монета чеканилась синдскими царями, 2) она выпускалась греками, жившими на азиатской стороне Боспора Киммерийского². Единственной реакцией на мою статью стала публикация С.А. Коваленко³. Несмотря на то, что ранее у меня не было намерений обращаться специально к этой теме вновь, теперь же вынужден ответить на критику уважаемого коллеги. Однако эта статья не написана специально с целью критики, но она является поводом для уточнения моей собственной позиции по этому вопросу.

Вначале обратимся к основным положениям работы С.А. Коваленко. В резюме к своей статье он пишет (с. 272): «Автор старается рассмотреть эти (т.е. синдские – В.К.) монеты, основываясь не на предположениях спекулятивного характера, а на конкретном анализе твердо установленных фактов, какими бы скудными они ни были».

Далее он пишет о том, что три специальные работы⁴, появившиеся за последние годы и посвященные «синдским» монетам, построены на одном и том же материале и при этом нередко кардинально различаются «умозаключениями». «Становится очевидным, что именно фантазия автора и его субъективные представления о логичности или нелогичности делаемых им выводов, а отнюдь не представляемая источниками объективная информация... зачастую кладется в основу предлагаемых им реконструкций, в том числе и исторического характера» (с. 273).

Посмотрим поближе на эти твердо установленные факты и фантазии оппонентов (в данном случае и автора этих строк).

Прежде всего С.А. Коваленко, опираясь на выводы Т.Н. Смекаловой и Ю.А. Дюкова⁵, стремится доказать, что состав металла в «синдских» монетах отличается от состава в монетах боспорских городов. В последнем случае серебро поступало из Лавриона, тогда как для исследуемой монеты металл мог быть получен «в результате процесса купеляции из серебряносодержащего свинца, который, в свою очередь, являлся побочным продуктом процесса выделения чистого золота

¹ Автор выражает свою искреннюю признательность М.Г. Абрамзону, А.А. Завойкину, Н.А. Павличенко и И.А. Сапрыкиной за их комментарии и советы, которые помогли улучшить качество статьи. Естественно, что за все оставшиеся ошибки они не несут никакой ответственности.

² Ссылки на литературу по вопросу см. Кузнецов 2016.

³ Коваленко 2020.

⁴ Строкин 2012; Горончаровский, Терещенко 2014; Кузнецов 2016.

⁵ Смекалова 2000; Смекалова, Дюков 2007.

из электрового сплава» (с. 275). В результате получается общее умозаключение о том, что синдские цари получали серебро для чеканки своей монеты из электро-вых монет ряда малоазийских городов (с. 277).

Не будем вдаваться в детали аргументации автора. Кратко мне с моими коллегами уже приходилось отмечать некорректность выводов С.А. Коваленко⁶. Для профессионального комментария по этой проблеме я обратился к И.А. Сапрыкиной, которую искренне благодарю за него. Она пишет:

«Результаты анализов, на которые опирается С.А. Коваленко, к сожалению, опровергнуты в результате проведенных в последние несколько лет исследований химического состава монет чеканки Синдики, выполненных несколькими независимыми группами с использованием современных методов аналитического исследования (РФА, LA-ICP-MS). Они показали значительное меньшее содержание в серебре синдских монет таких примесей, как золото, свинец, медь, олово, цинк и т.д., чем это постулировалось ранее (см.: Абрамзон и др., 2020, 18; 2021, 644–650).

Максимальное содержание золота в «синдских» монетах действительно достигает относительно высоких значений в 1,2%, но оно не отличается от содержания золота в монетах чеканки, к примеру, Ионии или Пантикапея, или (определяемых) как «Ранний Боспор». Кроме того, серебро синдских монет оказалось более высокопробным даже в сравнении с серебром пантикапейских монет⁷, так как оно содержит меньший процент таких коренных для серебра примесей, как свинец, олово и цинк. Медь в данных случаях является не примесью для серебра (коренной), а не учитывается, так как медью разбавляли драгоценные металлы для их упрочнения.

Таким образом, серебро, использовавшееся для чеканки «синдских» монет, не имеет отличных от какого-либо другого монетного серебра характеристик ни по количественным показателям, ни по качественным. Это высокопробное серебро высокой степени рафинирования, однако сохранившее в своем составе ряд «коренных» микропримесей, не меняющих своей концентрации в ходе процесса рафинирования (это, прежде всего, золото, олово, цинк и висмут).

Большой вопрос вызывает отсутствие упоминания автором такого элемента, как висмут, сопровождающего золото и являющегося определяющим элементом в связке «золото–висмут» для корректного выделения круга источников добычи металла. Вероятнее всего, что в ходе анализов, которыми пользуется автор, этот элемент не определялся в виду низкой чувствительности методов исследования, применявшихся в тот период проведения анализов.

Одним из наиболее достоверных методов определения источников добычи металла на данный момент становится метод изотопного анализа свинца в серебре исследуемого объекта. Этот метод, несмотря на все его недостатки, позволяет с большой степенью достоверности выявить круг месторождений, металл из которых использовался для изготовления, или выявить присутствие мешанного металла из разных источников его добычи. На данный момент получена серия изотопных данных для нескольких десятков серебряных монет раннего периода боспорской чеканки, в том числе, для «синдских» монет. Судя по полученным данным, для их чеканки было использовано *серебро* (высокой степени очистки)

⁶ Абрамзон и др. 2020, 18.

⁷ См. Абрамзон и др. 2020, 17, рис. 5–6; 2021, 647, табл. 2.

из месторождений Македонии и о-ва Фасос, добыча на которых велась в полном объеме, наравне с известным Лаврионским месторождением⁸.

Общее замечание: определение степени присадки в серебро золота, выделенного из электрума, невозможно без выполнения нескольких итераций аналитического исследования, с использованием, минимум, таких методов, как LA-ICP-MS, NAA».

Таким образом, из вышесказанного следует простое заключение – на основе исследований химического состава металла опровергнуты выводы С.А. Коваленко об источниках серебра для «синдских» монет.

Ключевым положением статьи С.А. Коваленко о причинах чеканки синдскими царями монеты является постулируемое ее автором стремление этих властителей получить прибыль от нее. Объяснение при этом дается, не имеющее отношения к логике: «Если понимание того, что чеканка монеты могла быть источником прибыли было доступно лидийским властям в конце VII в. до н.э., верхушке фрако-македонских племен в первой половине V в. до н.э. и царям одрисов во второй половине того же столетия, *ничто не мешает полагать* (курсив мой – В.К.), что и в значительной степени эллинизованные синды также хорошо осознавали те материальные выгоды, которые могла принести чеканка собственной монеты» (с. 287).

Не будем задавать риторический вопрос о том, где находилась Лидия VII в. до н.э., а где – синды конца V в. до н.э. Это бессмысленно, потому что, если делать выводы на основе таких умозаключений, то перед нами открываются безграничные возможности для новых открытий, причем не только в нумизматике⁹. Ничем не подтверждаемое и придуманное заимствование из Лидии и других мест нужно не синдам для обогащения, но самому С.А. Коваленко для подтверждения точки зрения об эмитенте «синдской» монеты.

После умозаключения о возможности получения серебра из электра, С.А. Коваленко делает следующий шаг в своих рассуждениях, который состоит в вопросе: откуда в распоряжении синдских царей могли оказаться «сотни, если не тысячи, электровых монет», как источник серебра для выпуска нескольких монетных серий?¹⁰ Ответ: синдам эти монеты предоставляли города-колонии азиатского Боспора в виде завуалированной под дары платы за землю, на которой находились эти города. Земля была синдской, за ее эксплуатацию нужно было платить (с. 283). С учетом такого ответа вопрос возникает уже у читателя: каковы данные, подтверждающие этот вывод? «Твердо установленные факты», на которые обещает опираться автор, не приведены, т.е. отсутствуют. Получается, что, в соответствии с классификацией самого С.А. Коваленко, это рассуждение является фантазией.

Как бы то ни было, все эти умозаключения не имеют цены, поскольку основаны на ложных посылах. Автор пишет о том, что ряд изображений на «синдских» монетах заимствован из репертуара Кизика, Митилены и других городов. В част-

⁸ Abramzon et al. 2021, 621, fig. 3–4.

⁹ Это рассуждение из серии тех, к которым принадлежит известный «исторический» анекдот. В гробнице фараонов найдена проволока. Один из «исследователей» на этом основании предположил, что в Древнем Египте был телеграф. Другой «исследователь» по причине отсутствия проволоки в гробницах ассирийских царей заключил, что в Древней Ассирии был известен беспроволочный телеграф.

¹⁰ Заметим попутно, что драгоценный металл для чеканки монет (серебро и золото) по преимуществу импортировался в виде слитков, а не монет (Bissa 2009, 99).

ности, монету с изображением грифона он связывает с чеканом Кизика. Отметим для себя при этом, что на кизикской монете перед грифоном, а также под ним, находится туец, а на «синдской» грифон сидит перед зерном.

Далее С.А. Коваленко приводит пример опять же Кизика, Митилены, а также Фокеи, в которых ежегодно менялся монетный тип, что служило средством обозначения годовой эмиссии и контроля за ней. Это нужно для следующего вывода: «Если в электровых выпусках, которые стали сырьем для получения серебра синдских монет, различные изображения служили для маркировки отдельных эмиссий (т.е. как в Кизике, Митилене и Фокее. – В.К.), простейшим объяснением использования тех же изображений на синдских монетах будет предположение о том, что и в данном случае эти изображения выполняли ту же функцию. *Придерживаясь принципа, согласно которому самое простое объяснение является наиболее верным* (курсив мой – В.К.), можно решать и вопрос о критериях отбора изображений, воспроизведенных на синдских монетах. Мастера, резавшие штемпели для чеканки синдских монет, просто копировали те мотивы, которые были у них перед глазами или более часто попадались на глаза» (с. 277).

В связи с приведенным только что «принципом простых объяснений» неизбежно вспоминается один из так называемых «законов Мерфи» (А. Bloch, Murphy's Law): «Любая сложная проблема имеет простое, легкое для понимания неправильное решение». К числу таких простых объяснений, например, относится и древнее убеждение человечества в том, что солнце вращается вокруг земли. Для доказательства будет достаточно долго и пристально смотреть на небо.

Однако в данном случае уже не очень важно, правильно ли выводить изображения на «синдских» монетах из чеканки некоторых малоазийских полисов, или неправильно. Имеет значение другое: С.А. Коваленко *по умолчанию* считает, что эмитентом монеты является племя синдов. А это как раз и следует доказать. Известно, что изображения разного рода диких зверей и домашних животных на греческих монетах, которые присутствуют и на «синдских», были широко распространены¹¹. Их трудно, а часто и невозможно связать с тем или иным эмитентом. Один из известных американских нумизматов написал по этому поводу, что внутри узкой группы пользователей такой монеты изображение (design) на ней служит в качестве идентификатора эмитента. Однако эта информация может быть легко потеряна, если монета оказывается за пределами этой группы людей, или затеряться в море подобных по стилю монет¹². Например, многие города использовали изображения пегаса на своих монетах, что далеко не всегда позволяет определить эмитента¹³. Для нашей проблемы это имеет значение в том отношении, что смысл изображений на «синдских» монетах практически невозможно расшифровать, связать с тем или иным эмитентом. В этом трудность. О единственном исключении будем говорить ниже.

Теперь я вынужден остановиться на характеристике, данной в отношении точки зрения Д. Браунда о возможности чеканки монеты синдами для оплаты на-

¹¹ Spier 1990, 113; Konuk 2012, 45. Этот вывод относится не только к архаическому периоду, но и к следующему (т.е. классическому), что подтверждается и «синдскими» монетами.

¹² van Alfen 2012, 27.

¹³ См. Kraay 1976, 389 s.v. Pegasus.

емников.¹⁴ С.А. Коваленко пишет о моем присоединении к этой точке зрения, что не соответствует действительности.¹⁵ Остановимся на этой проблеме подробнее, поскольку она имеет довольно важное значение для определения причин чеканки рассматриваемой монеты.

С.А. Коваленко отвергает точку зрения Д. Браунда. Причина в том, что «синдская» монета состоит из мелких номиналов («от триобола до гемитетартемория»), тогда как «труд наемников оплачивался монетами гораздо более крупного достоинства» (с. 285). В качестве доказательства приводится пример с жалованием греческих наемников на службе Кира Младшего (Хен. Анаб. 7.2.36), которые получали один золотой дарик в месяц.

Один золотой дарик выглядит, на первый взгляд, внушительно и убедительно. В реальности же это составляет примерно 5 обол в день¹⁶. Однако и эта сумма является в значительной степени неординарно высокой. Причина исключительности такой оплаты состоит в том, что эти деньги платил персидский царь, который в тот момент остро нуждался в наемном войске¹⁷. Отсюда следует, что одним примером из Ксенофонта доказать существование практики оплаты услуг наемников монетами крупного номинала не получится. Дело в том, что проблема заработной платы наемников в греческих государствах весьма сложна не только из-за недостатка информации, но и по причине отсутствия единообразия в этой сфере. Здесь многое зависело от большого количества привходящих моментов. Не имея возможности подробно останавливаться на этом вопросе¹⁸, отмечу только два момента.

Обычная такая плата колебалась в пределах двух-трех обол¹⁹. Не будем касаться здесь вопроса о деньгах на пропитание (σιτηρέσιον), а также некоторых других. Они крайне интересны сами по себе, перекликаясь с различными отраслями экономической деятельности в Греции, но здесь не место говорить об этом подробно. Второй момент состоит в том, что в IV в. до н.э. поденная зарплата чернорабочих (нередко рабов) при строительстве общественных зданий, о чем имеются эпиграфические документы, колебалась в среднем между одним и 2,5 обол.²⁰ Другими словами, наемники практически не отличались в плане оплаты своего труда от чернорабочих, в том числе и рабского статуса. Поэтому вряд ли можно полагать, что наемники купались в золотых дариках. Л.П. Маринович, глубоко исследовавшая проблемы наемничества, пишет по этому поводу следующее: «Как видим, одна плата, выдававшаяся к тому же нерегулярно, не делала профессию наемника особенно прибыльной»²¹.

¹⁴ Braund 2007, 20.

¹⁵ См. Кузнецов 2016, 271–272.

¹⁶ См. Маринович 1975, 154.

¹⁷ См. Loomis 1998, 47–48; Trundle 2004, 91.

¹⁸ Проблема исследуется уже очень давно, литература по ней значительна. Приведу только несколько примеров для иллюстрации: Park 1933; Griffith 1935; Launey 1949–1950; Маринович 1975 (= Marinovich 1988); Krasilnikoff 1992; 1993; Trundle 2004.

¹⁹ Thuc. 8. 29, 45. См., например: Pritchett 1971, 24.

²⁰ Кузнецов 2000, 415.

²¹ Маринович 1975, 158. Она также отмечает еще один важный момент: «Нормальным способом снабжения наемников являлась покупка продуктов каждым для себя. Другой путь – грабеж» (с. 141).

Отсюда следует, что «синдские» серебряные триболлы, диболлы и оболы (а также более мелкие монеты, которые могли служить для более точной расплаты) вполне могли быть пригодны для оплаты того или иного вида труда. Весь вопрос в данном случае в том, чей это труд.

Отвечая на него, мы должны еще раз вспомнить ситуацию на Боспоре в конце V в. до н.э. Это время завоевания Пантикапеем азиатской стороны Керченского пролива. В этой войне будущей столице Боспорского государства противостояли все города (Фанагория, Гермонасса, Кепы, Горгипсия, Патрей и, видимо, другие, нам неизвестные). Они находились на территории Синдики (например: Ps.-Skyl. 72, Couñillon)²². А как известно, война требовала большого количества финансовых средств (Thuc. 1. 83. 2).²³ Здесь может скрываться ответ о причинах чеканки. Другими словами, отвергать возможность выпуска «синдских» монет для финансирования военных действий неразумно, поскольку такая практика была очень распространенной.²⁴

Теперь важно ответить на вопрос, на который в литературе еще недавно отсутствовал ясный ответ: что же мы должны подразумевать под словом «Синдика»? Принадлежала ли она действительно синдам, которым греки, по мысли С.А. Коваленко, должны были платить дань? Положительный ответ ошибочен, как показывает редкая и весьма важная находка, которая была сделана в Нимфее. Благодаря ей мы можем дать адекватный ответ на этот вопрос. Речь идет о посвянительной надписи агонифета Теопротида, сына Мегакла²⁵. В ней в титулатуре боспорского царя Левкона I есть такие слова: ... Λεόκονος ἄρχωντος Βοσπόρου καὶ Θεοδοσίης καὶ τῆς Σινδικῆς πάσης²⁶. Этот документ позволяет исправить в надписи КБН 6а, которая также относится ко времени правления Левкона I, восстановление [Σινδῶν] в Σινδικῆς.²⁷ Это исправление не может и не должно вызывать сомнений, что и доказывает надпись Теопротида. Издатели надписи О.Ю. Соколова и Н.А. Павличенко совершенно справедливо полагают, слова «вся Синдика» нимфейского документа нужно поставить в связь с сообщением Полиэна о конфликте синдского царя Гекатея со своей прежней женой Тиргатао (Polyaen. 8. 55). Меотынка подвергла военному нападению τὴν Ἐκαταίου Σινδικὴν и Σατύρου τὴν ἀρχήν. Отсюда следует, что Синдика была завоевана в два приема. «Первая» часть Синдики была покорена Сатиром, а вторая, принадлежавшая Гекатею, была подчинена Левконом.

Для нас в этой надписи важно то, что Левкон называется, в соответствии с традиционной титулатурой, архонтом не только Боспора и Феодосии, но и Синдики. Поскольку многими исследователями считалось, что под Синдикой нужно понимать территорию, принадлежавшую синдам, то было непонятно, почему боспорский правитель использует титул архонта по отношению к варварскому пле-

²² Подробнее: Завойкин 1998; 2004а; 2013, 424–433; см. Горончаровский, Иванчик 2010, 219–234.

²³ Nervi belli pecunia infinita (Cicero. Phil. 5.5).

²⁴ См. Garlan 1989, 56–73. На стр. 71 И. Гарлан приводит пример с монетами Родоса, которые были чеканены специально для расплаты с наемниками. Эти монеты не имели хождения на самом Родосе.

²⁵ Соколова, Павличенко 2002. Авторы публикации датируют надпись на основе палеографии рубежом первой и второй четвертей 4 в. до н.э. (с. 103). См. Завойкин 2013, 426.

²⁶ Соколова, Павличенко 2002, 101.

²⁷ Соколова, Павличенко 2002, 114; Завойкин 2013, 428.

мени, поскольку это противоречит, в том числе, титулатуре более позднего времени.²⁸ Однако, если «первая» часть Синдики, которая, вероятнее всего, должна ассоциироваться с Таманским полуостровом, принадлежала грекам, а не синдам, и уже была покорена Сатиром I, то проблема исчезает.

Доказательством правильности этого вывода являются результаты раскопок на южной окраине Фанагории. Здесь обнаружены следы разрушений, включая городские стены, в результате военного нападения на город. Они датируются А.А. Завойкиным по совокупности археологических материалов последним десятилетием V в. до н.э.²⁹ Эти разрушения справедливо связывают с насильственным включением Фанагории в состав Боспорского государства. По всей видимости, она была последним городом на Таманском полуострове, завоеванным Пантикапеем.

Таким образом, территория, на которой находились греческие города азиатской части Боспора Киммерийского, называлась Синдикой. Другими словами, она принадлежала эллинам, которые и дали ей это имя. Слово «Синдика» обозначало территорию, на которую пришли греческие переселенцы. Видимо, именно в этом контексте нужно понимать сообщение Геродота о трех днях и двух ночах плавания из Синдики (ἐκ τῆς Σινδικῆς) (Hdt. 4. 86)³⁰. Жители территории, которая была больше, чем размеры индивидуальных полисов, на ней находившихся, называли себя в соответствии с географическим названием этой территории. Например, так обстояло дело с пелопоннесцами, италиотами, родосцами, сикелиотами и т.д.³¹

Мало кто из исследователей сомневается в том, что синды являются одним из племен меотской группы. В.А. Горончаровский и А.И. Иванчик считают это слово самоназванием племени. Доказательством, с их точки зрения, служит как раз «синдская» монета с соответствующей легендой на ней³². Однако если монета не являлась синдской чеканкой, то окажется, что другие доказательства для этого утверждения отсутствуют.

Этноним «синды» остается во многом загадочным. Известны данные о существовании таких названий за пределами Боспора Киммерийского, таких как город Синд на севере Греции, фракийское племя синдонеи, Синдская равнина, через которую протекал Истр и др.³³ Для некоторых исследователей само собой разумеющимся доказательством принадлежности «синдской» монеты местному племени является то, что греки не могли называть себя синдами³⁴. Только в этом последнем случае возможно правильно понимать легенду ΣΙΝΔΩΝ. Посмотрим поближе на эту проблему. К тому, что уже было сказано по этой теме³⁵, добавлю следующий пример.

Обратимся к четвертой книге Геродота. В параграфе 18 древний историк пишет: «За Борисфеном же со стороны моря сначала простирается Гилея, а на север

²⁸ См. Завойкин 2013, 425–433.

²⁹ Завойкин 2004б, 90–94.

³⁰ См. Braund 2007, 17. Ранее, до более глубокого погружения в этот вопрос, я придерживался другой точки зрения (Кузнецов 2018, 174, прим. 91).

³¹ Antonaccio 2001, 120.

³² Горончаровский, Иванчик 2010, 220.

³³ Трубачев 1999, 66–98; Кузнецов 2016, 267–268.

³⁴ Müller 2010, 31.

³⁵ Кузнецов 2016, 267.

от нее живут скифы-земледельцы. Их эллины, живущие на реке Гипанис, называют борисфенитами, а сами себя эти эллины зовут ольвиополитами»³⁶ (τοὺς Ἑλληνας οἱ οἰκέοντες ἐπὶ τῷ Ὑπάνι ποταμῷ καλέουσι Βορυσθενεΐτας, σφέας δὲ αὐτοὺς Ὀλβιοπολίτας) (Hdt. 4. 18). Как видим, жители Ольвии называли местное племя скифов-земледельцев борисфенитами, очевидно, что по названию реки.

Теперь рассмотрим еще два параграфа из книги историка. В одном из них он сообщает историю царя Скила и пишет: «В силу полученного им воспитания царь был гораздо более склонен к эллинским обычаям и поступал, например, так: когда царю приходилось вступать с войском в пределы города борисфенитов (эти борисфениты сами себя называют милетянами) (ἐς τὸ Βορυσθενεΐτέων ἄστυ (οἱ δὲ Βορυσθενεΐται οὗτοι λέγουσι σφέας αὐτοὺς εἶναι Μιλησίους), он оставлял свиту перед городскими воротами, а сам входил в город...» (Hdt. 4. 78). В следующем параграфе говорится: «Был у царя в городе борисфенитов (ἐν Βορυσθενεΐτέων τῇ πόλι) большой роскошный дворец...» (Hdt. 4. 79).

Таким образом, Геродот называет и ольвиополитов, и скифов одним и тем же словом – борисфениты³⁷. В том, что жители Ольвии одновременно называют себя милетянами, нет ничего необычного, как показывают другие примеры. Так, все тот же Геродот говорит о том, что жители Абдеры, будучи абдеритами, называют себя и теосцами (νῦν ὑπὸ Τητίων τῶν ἐν Ἀβδήροις) (Hdt. 1. 168). Понятно, что переселенцы какое-то время после основания апойкии называли себя в соответствии с именем своей метрополии. Не исключено, что это связано также и с определенными договорами между метрополией и ее апойкией, например с исополитией.

Этот пример заставляет нас более внимательно относиться к термину «Синдика», опровергая прямолинейное понимание исследуемой проблемы. Однако он не означает, что мы можем уверенно полагать, что греки Синдики называли себя синдами³⁸. Нужно просто иметь в виду, что проблемы этнической самоидентификации того или народа, в том числе древних эллинов, не однозначны. Поэтому приведем противоположный пример.

У нас имеются данные о противопоставлении себя греками-переселенцами местным племенам. В них эллины подчеркивают в своем самоназвании, происходящем от названия новой родины, отличие от живущих здесь же аборигенов. Одним из самых ярких примеров является принятие греками Сицилии самоназвания «сикелиоты» в противоположность местным сиканам и сикелам (см. Thuc. 6. 2. 78).³⁹

Вообще говоря, тема взаимоотношений и различного рода контактов эллинов и варваров в разных сферах жизни античности не так проста и однозначна, как может показаться. Этой проблеме посвящено большое количество публикаций.⁴⁰ Применимо к северному Понту она требует специального внимания. Причем с учетом конкретных примеров из других регионов античного мира. Еще одна важ-

³⁶ Перевод всех приведенных цитат из Геродота принадлежит Г.А. Стратановскому.

³⁷ См. подробнее: Доватур и др. 1982, 235–236, прим. 211.

³⁸ Имя Синд (Σίνδος), носителями которого были греки, известно по надписи из Горгиипии: КБН 1137 (ранний эллинизм). Следует также обратить внимание в этой же надписи на единственный раз встреченное имя Σίνδοκος, а также на имена Σίνδαξ и Σινδέας (LGPN 4, 311).

³⁹ Antonaccio 2001, 121.

⁴⁰ Приведем лишь несколько примеров: Coleman, Walz (eds.) 1997; Harrison (ed.) 2002; Mitchell 2007; Vlassopoulos 2013 (с литературой).

ная тема в контексте обсуждаемых проблем касается этнической (само)идентификации эллинов, чему в литературе также уделяется значительное внимание.⁴¹ К сожалению, эти вопросы не могут быть трактованы в предлагаемой статье, поскольку задача ее несколько иная – проблема «синдской» монеты. Однако они важны с точки зрения определения «границ», за которыми теряется этническая идентификация того или иного народа (как эллинов, так и варваров), трансформируется его культура⁴².

Вернемся к статье С.А. Коваленко. На с. 283–284 он пишет о том, что Кузнецов не следует своему же принципу опираться на установленные факты, «... постулируя теоретическую возможность того, что легенда ΣΙΝΔΩΝ могла быть сокращением более развернутой легенды ΣΙΝΔΩΝ(ΙΚΟΝ/ΟΣ) и, выдвигая целую цепочку предположений, развивает гипотезу о чеканке монет с легендой ΣΙΝΔΩΝ неким союзом греческих полисов Азиатского Боспора, жители которых до присоединения этих полисов к Боспорскому государству могли называть себя «неким региональным этнонимом, производимым от слова «Синдика».

Я привел эту длинную цитату только с одной целью – использовать ее в качестве повода для краткого возвращения к рассмотрению проблемы существования различных союзов и федераций в древней Греции. Очевидно, что коллега критически относится к моим словам только по одной причине – незнакомства с этой проблемой.

Начиная с конца архаического периода многие полисы начинают объединяться в различного рода союзы, которые часто имели расплывчатый характер⁴³. Б. Смаччик в своей статье, посвященной месту союзов (leagues) в истории греческого федерализма⁴⁴ пишет о том, что политическая карта межполисных отношений в период от позднеархаического до эллинистического времени очень заметно изменилась. Количество участников таких «международных» (“international”) связей увеличилось, поскольку все больше и больше полисов проходило через процесс государственного формирования (state formation). Федерализм объединял потенциал многих небольших и часто слабых государств (states)⁴⁵.

На протяжении столетий большинство греческих полисов так или иначе участвовало в создании и входило в состав того или иного союза (федерации)⁴⁶. Ради

⁴¹ E.g. Hall 1997; 2002; Malkin (ed.) 2001; Luce (éd.) 2007; Beck, Buraselis, McAuley (eds.) 2019; Porucznik 2021.

⁴² Весьма важна в этом отношении статья: Dubuisson 1982.

⁴³ Например, в Италийскую Лигу, основанную в конце 5 в. до н.э. несколькими ахейскими апойкциями, уже в начале IV в. до н.э. вошли почти все греческие колонии вдоль побережья полуострова от Неаполя до Тарента (Fronda 2015, 386).

⁴⁴ Термин «федерализм» по отношению к древней Греции должен употребляться с осознанием того, что он не соответствует древнегреческой терминологии государственного устройства. При этом, использование его в современных европейских языках также неоднозначно (см. Beck, Funke 2015, 13–14).

⁴⁵ Smarczyk 2015, 452.

⁴⁶ Приведу длинную, но очень яркую в этом отношении цитату из Полибия, несмотря на то что она относится к более позднему времени по сравнению с трактуемым в настоящей статье. Это не меняет дела, поскольку начало процесса объединения городов Ахеи относится к более раннему времени (Rizakis 2015, 120–122). Итак: «Дело в том, что в прежние времена многие безуспешно пытались объединить пелопоннесцев во имя общего дела, но тогда каждый из пелопоннесских народов озабочен был мыслью не об общей свободе, а о собственном преобладании. В наше время обратное стремление сделало-таки успехи и осуществилось в такой мере, что среди пелопоннесцев не только

примера перечислю основные из них в соответствии с посвященными им статьями по изданному относительно недавно сборнику работ (Beck, Funke (eds.), *Federalism in Greek Antiquity*, 2015): Акарнанская, Этолийская, Ахейская, Беотийская, Локрийская, Фессалийская, Ликийская, Италиотская Лиги, союзы городов в Фокиде, Элиде, Мессении, Халкидике, на Эгейских островах, Крите, в Киренаике, Эпире, Македонии, Центральной Греции и др.⁴⁷

Можно говорить о двух доминирующих типах таких союзов – κοινόν и ἔθνη. К ним можно добавить *симмахии*, *симполитии* и *амфиктионии*⁴⁸. Точное значение двух первых терминов во многом остается трудно уловимым. Причина состоит как в недостатке информации о таких союзах, так и многочисленных вариантах и различных формах, в которых полисы их создавали⁴⁹. Одной из важнейших их целей было уменьшение опасности для своих членов со стороны более сильных государств⁵⁰.

Наиболее близка и существенна для нас информация о союзе ионийских полисов – Панионионе (Hdt. 1. 148)⁵¹. Ионийский союз создавался как следствие этнического и религиозного единства ионийцев⁵². Его духовным центром было святилище Панионион, посвященное Посейдону Геликонию на мысе Микале. Союз был наиболее ясным выражением коллективной ионийской идентичности. Этнические, географические, политические и религиозные факторы имели значение для того, чтобы быть членом Ионийской лиги и обладать коллективной ионийской идентичностью (ср. Hdt. 8. 144)⁵³.

Именно местные (в частности, ионийские) и наиболее влиятельные святилища были, прежде всего, сосредоточением локальной идентичности⁵⁴. Они были не только центрами культа, но и местной памяти и истории, которая сохранялась благодаря посвящениям, надписям, памятникам в честь побед⁵⁵. Нельзя не согласиться с Дж. Поручник, когда она пишет, что при переселении греков на новом месте создается «коллективное» колониальное общество со своими социальным, религиозным и политическим порядком (order). Это вело к созданию регионального коллектива с греческой идентичностью⁵⁶, что было возможно в результате создания своей традиции и новой коллективной памяти. Такая новая идентичность выражалась в том числе в участии в различного рода религиозных и не

водворились общие союзнические и дружественные отношения, но они пользуются одними и теми же законами, общим весом, мерами и монетою; кроме того, имеют общих должностных лиц, членов совета и судей. Вообще, если весь почти Пелопоннес не составляет одного города, то потому только, что жители его не имеют общих стен; во всем остальном существует единообразие и сходство между ними в отдельных городах и в целом союзе» (Polyb. 2. 37. 9–11. Перевод Ф.Г. Мищенко).

⁴⁷ О союзе типа koinon на западном побережье Понта см. Avram 2022, 765–771.

⁴⁸ Dreher 2003, 26–50.

⁴⁹ Beck 1997, 20–29; Beck, Funke 2015, 14.

⁵⁰ Smarczyk 2015, 452.

⁵¹ Lohmann 2012, 36.

⁵² Gorman 2001, 125.

⁵³ Mac Sweeney 2013, 174, 177. Дж. Ларсен пишет, что предпосылкой для создания полисами федерального государства является как чувство их родства (feeling of kinship), так и географическая близость (Larsen 1968, XVI–XVII).

⁵⁴ Сильнейшим выражением этнического единения была связь с общими культами и святилищами (Beck, Ganter 2015, 135).

⁵⁵ Grilaard 2009, 66.

⁵⁶ Или просто – региональной идентичностью (см., например: Beck, Ganter 2015, 135).

только (например, игры) мероприятиях, и ритуалах в святилищах⁵⁷. Апойкии через мифы связывали себя с остальным панэллинским миром, создавали новую местную идентичность. Кроме этого, через мифы создавались связи и кооперация с местными негреческими народами⁵⁸.

Нетрудно предположить, что ионийцы, основавшие свои апойкии на азиатской стороне Боспора Киммерийского, также могли создать союз, которой вначале носил, вероятнее всего, религиозный характер (амфиктиония)⁵⁹. В этом отношении следует еще раз подчеркнуть важнейшую мысль: огромную роль в процессе создания различного рода объединений греческих полисов играли святилища. Этот вопрос подробно и на конкретных примерах исследуется в специальном сборнике, посвященном этой теме, что освобождает меня от необходимости подробно говорить об этом⁶⁰. На азиатской стороне Боспора находилось такое исполнявшее роль «объединителя» святилище, авторитет которого выходил далеко за пределы региона. Речь, конечно, идет о святилище Афродиты Урании Апатуры, которое Страбон совершенно не случайно называл *ἱερόν ἐπίσημον* (Strabo. 11. 2. 10).

Одной из важных причин объединения полисов было облегчение их экономической деятельности. Греческий полис по своей сути стремился к автаркии. Однако полная автаркия для любого полиса была недостижима, поскольку ни один из них не обладал необходимым набором природных ресурсов⁶¹. Греческие города, расположенные на азиатском Боспоре, были сосредоточены на не очень большой территории, к тому же в окружении многочисленных местных племен. Они находились на расстоянии максимум в несколько десятков километров друг от друга. Уже этого было достаточно, чтобы они стремились к тесным контактам и кооперации в различных сферах жизни, что было общей тенденцией в эллинском мире. Она позволяла на практическом уровне предпринять совместные шаги, которые помимо прочего, о чем говорилось выше, расширяли горизонты экономической деятельности. Сюда можно отнести чеканку общей монеты, принятие общих мер и весов⁶² для обменных операций, установление такого налогового режима, который облегчал движение товаров в регионе и др.⁶³

Одним из важнейших мероприятий в этом отношении, была чеканка общей монеты. Этой теме посвящено значительное внимание в научной литературе.

⁵⁷ Mitchell 2015, 50–56. Приведу пример из Фукидида (4. 64. 3–4), который показывает образование вновь появившегося «этнического» единства – жителей городов Сицилии. На собрании греческих городов Сицилии по поводу заключения мира (424 г. до н.э.) с речью выступил сиракузянин Гермократ, который, в частности, сказал: «Ведь вовсе не постыдно соплеменникам улаживать миром свои ссоры с соплеменниками: дорийцам с дорийцами или халкидянам со своими сородичами ионянами. Все мы соседи, живем на одной, омываемой морем, земле и носим одно общее имя сикелиотов, и если даже при случае начнем войну между собой, то вскоре сумеем договориться и заключить мир. Но с чужеземными завоевателями (т.е. афинянами. – В.К.) мы всегда будем сражаться все как один...» (перевод Г.А. Стратановского).

⁵⁸ Porucznik 2021, 49–50. См. также Dana 2011, 365.

⁵⁹ См. Raaflaub 2015, 438–439.

⁶⁰ Funke, Naake (eds.) 2013. См. Hall 2015, 41–44.

⁶¹ См. Horden, Purcell 2000, 112–115.

⁶² Из Патрея происходят клейма на мерных сосудах с буквами ΦΑ, которые подразумевают слово «Фанагория» (Абрамов 2010, 533–534, 536, рис. 9.4; см. Ivantchik 2012). По всей видимости, объяснением этому факту может служить принятие единых мер и весов в союзе-федерации греческих городов Синдикии во главе с Фанагорией.

⁶³ Mackil 2015, 488–489.

Здесь ограничимся только ссылкой на некоторые из них, в которых вопрос рассмотрен детально⁶⁴. Мы уже писали о том, что объединение религиозного, скорее всего, характера могло возникнуть на территории азиатской стороны Боспора Киммерийского еще примерно на рубеже архаики и классики⁶⁵. Именно этот союз, образованный под эгидой храма Афродиты Урании, и начал чеканку первой на берегах Керченского пролива серебряной монеты. Однако мы не знаем практически ничего с точки зрения исторической и экономической о жизни полисов рассматриваемой территории в течение V в. до н.э. Поэтому чеканка так называемой «синдской» монеты представляет очень большой интерес. Прежде всего с позиции причин ее начала, а также эмитента, выпускающего ее.

В результате заселения Синдики греками создалась новая этническая общность, в которой переселенцы именовали себя по названию территории⁶⁶. В нимфейской надписи Теопротида слово *Σινδική* поставлено вслед за Боспором и Феодосией. Как уже говорилось выше, по отношению ко всем трем территориям Левкон выступает в качестве архонта. Из этого следует, что слово «Синдика», поставленное в одном ряду с Боспором и Феодосией, может означать только одно: Синдика – это название территории, принадлежащей эллинам, где были расположены их полисы⁶⁷. При этом имеются все основания говорить о том, что это не просто географическое понятие, но и «государственное». Другими словами, Синдика – это некое территориальное образование типа федерации. В англоязычной литературе обычно для обозначения союза полисов используется термин *federal state*. В этом отношении мы можем предположительно говорить о Синдике как о федерации полисов. Очевидно, что термины такого рода носят во многом условный характер, поскольку являются современными словами. Тогда как союз греческих городов Синдики должен был как-то называться самими греками, иметь греческое название. Мы можем выбирать, например, из наиболее распространенных терминов – *ἀμφικτιονία*, *κοινόν* и *ἔθνη*. Вот что пишет один из специалистов по государственному устройству в древней Греции А. Джованнини по поводу последнего из этих терминов: все территориальные государства, к которым неприменимо определение в качестве полисов, являются *ethne*, независимо от их происхождения или структуры⁶⁸. Если исходить из этого определения, то можно называть Синдику в качестве территориального государства – *ἔθνη*. Однако это не исключает возможность использования термина *κοινόν*. Это совершенно не противоречит тому, что было сказано выше об амфикинии. Изначально объединение ионийских полисов Синдики могло образоваться на религиозной основе вокруг святилища Афродиты. Изменение политической, военной или другой ситуации могло приводить к переменам в структуре союза. Так было, например,

⁶⁴ Psoma, Tsangari 2003; Mackil, van Alfen 2006; Mackil 2013, 247–250; 2015.

⁶⁵ Кузнецов, Абрамзон 2020, 58–59.

⁶⁶ К. Антоначчо пишет по этому поводу: “... territory serves as a criterion of ethnicity, providing a homeland...”. И еще: “The importance of territory in this construction of collective identity is primary” (Antonaccio 2001, 117, 120).

⁶⁷ Уже только это одно делает бессмысленным предположение о том, что греки должны были платить дань синдам за занимаемую ими землю (см. выше).

⁶⁸ [T]out les États territoriaux auxquels le qualitatif de *poleis* n'est pas applicable, sont des *ethnè*, indépendamment de leur origine ou de leur structure (Giovannini 2007, 122). См. Rzepka 2002, 225–225, 232, 239.

с Панионионом, который во время Ионийского восстания превратился, по сути дела, в военный союз⁶⁹.

Однако, строго говоря, «игра» с терминами не имеет решающего значения, поскольку важнее их наполнение, конкретное понятие, которое в него вкладывается.

Одним из важных элементов в системе доказательств существования греческого образования типа федерации полисов в Синдике служат следующие хорошо известные слова Страбона (11. 2. 10) о Фанагории: καὶ ἔστι τῶν μὲν Εὐρωπαϊῶν Βοσποριῶν μητρόπολις τὸ Παντικάλαιον, τῶν δ' Ἀσιασίων τὸ Φαναγόρειον. Г.А. Стратановский переводит слово μητρόπολις как «главный город». В *The Loeb Classical Library* (H.L. Jones) это слово переведено как metropolis, что является практически калькой греческого слова, в LSJ (s.v.) – capital city. Во французском переводе Ф. Лассера использовано слово «столица» (capitale)⁷⁰.

Таким образом, трудно подобрать точный современный термин для перевода, поскольку вроде бы подходящее слово «столица» звучит несколько модернизировано. Тем не менее, если мы называем Пантикапей столицей Европейского Боспора, то это *mutatis mutandis* выглядит относительно корректно с учетом истории Боспорского государства. В отношении же Фанагории нужно уточнение: этот город не был столицей, но лидером или главным городом в союзе полисов азиатской части Боспора Киммерийского. Причем, конечно, не только во времена Страбона, т.к. его сообщение, основанное на более ранних источниках, относится, по всей видимости, ко времени до вхождения Фанагории в Боспорское государство Спартокидов.

Но, как бы то ни было, использование слова μητρόπολις в отношении Фанагории определенно свидетельствует о том, что если она названа «столицей» Азиатского Боспора, то это означает, что она была (до завоевания ее Пантикапеем) лидером территориального образования/союза под именем Σινδική.

Вернемся к нашей монете. Чеканка ее была кратковременной. При этом она включает в себя несколько типов и – что имеет особое значение – практически точно совпадает с временем агрессии пантикапейских правителей против городов на территории Таманского полуострова (Σατύρου ἀρχή), в частности Фанагории. Не будем повторять, что монета имеет чисто греческий характер⁷¹.

Отсюда следует вполне логичный вывод о том, что монета выпускалась в связи с военными действиями. При этом не обязательно для оплаты наемников или даже гражданского войска, что было обычной практикой⁷² – деньги в целом предназначались для военных нужд.

⁶⁹ Gorman 2001, 124, 139.

⁷⁰ Strabon. Géographie. Trad. par F. Lassere (Collection des Universités de France. Les Belles Lettres). Paris, 2003.

⁷¹ С.А. Коваленко пишет в своей статье (с. 284), что одним из главных аргументов Кузнецова против принадлежности монеты синдам остается их чисто греческий облик. Коллега возражает мне: «... не сами синды чеканили свои монеты, как можно подумать, знакомясь с рассуждениями автора (Кузнецова. – В.К.). Они производились для них греческими мастерами». Однако то, что монету чеканили греки, очевидно всем. Но проблема состоит в том, чтобы доказать, что они это делали именно для синдов. Причем доказывать следует аргументированно, а не при помощи одного только слова «для», которое аргументом не является.

⁷² Подробнее: Loomis 1998, 32–61.

Мне уже приходилось говорить о том, что расшифровка изображений на «синдских» монетах остается искусственной и гадательной⁷³. Единственным исключением является монета с грифоном, сидящим перед зерном. С.А. Коваленко (с. 277) считает, что это изображение так или иначе имеет отношение к изображению на монетах Кизика и Фокеи. Хотя на кизикских монетах перед грифоном или *под ним* находится тунец – символ города, а на некоторых фокейских представлена *протома* грифона, иногда с тюленем. В последнем случае, как хорошо известно, именно тюлень (φώκη) был говорящим символом города⁷⁴. И это при том, что имеется тип монет метрополии Фанагории и ее сестры Абдеры с изображением полной фигуры сидящего грифона с зерном перед ним⁷⁵. Почему С.А. Коваленко, зная об этом, в качестве параллели указывает не на теосскую и абдерскую монеты, а на кизикскую и фокейскую? Ответ прост: теосские и абдерские монеты чеканились из серебра, в то время как упомянутые малоазийские центры – из электра. А для подтверждения своего тезиса о происхождении серебра для чеканки «синдских» монет путем его получения из электра ему нужны электровые монеты, а не теосское и абдерское серебро. Поэтому он закрывает глаза на несуразность своего сравнения изображений на «синдской» монете с грифоном и зерном с кизикской с грифоном и тунцом (и фокейской с грифоном и тюленем)⁷⁶. Другими словами, налицо попытка ввести читателя в заблуждение для подтверждения своей позиции некорректным сравнением разных изображений.

Совершенно очевидным и неоспоримым является следующий факт: «синдская» монета с изображением грифона (вправо) с зерном перед ним является фанагорийским чеканом, поскольку находит прямую аналогию в монете своей *метрополии* (грифон вправо с зерном) и своей *сестринской* колонии (грифон влево с зерном)⁷⁷. Уже этот один факт свидетельствует в пользу греческой принадлежности так называемой «синдской» монеты.

Теперь можно попытаться расшифровать легенду ΣΙΝΔΩΝ на монетах. В первую очередь нужно подчеркнуть, что эта надпись не обязательно означает полное слово в родительном падеже, как считают некоторые исследователи⁷⁸. Как хорошо известно, очень часто греческая монета несла на себе сокращенное имя эмитента, и специально – полиса⁷⁹. Мы не можем отвергать такую возможность и для надписи ΣΙΝΔΩΝ. Поэтому одним из вариантов самоназвания греков Синдики может быть слово ΣΙΝΔΩΝΟΙ (отсюда предполагаемое ΣΙΝΔΩΝ[ΩΝ в gen. pl. в легенде монеты). Не будем также забывать и термин *Sindones* (греч. вариант – Σινδῶνες), который мы находим у Помпония Мелы (I. 111). Очевидно, что этот автор мог подразумевать под ним синдов, по созвучию с греческим словом, обозначающим это племя. Однако не исключено, что в действительности оно могло относиться к эллинам Синдики.

⁷³ Кузнецов 2016, 264.

⁷⁴ Крау 1976, 265.

⁷⁵ Зограф 1951, 169.

⁷⁶ Заметим к тому же, что ссылка на фокейскую монету еще более неуместна, т.к. она вообще не использовалась на рынках Боспора Киммерийского.

⁷⁷ Подробнее см.: May 1966; Balcer 1968; Chryssanthaki-Nagle 2007.

⁷⁸ Тохтасьев 2001, 70.

⁷⁹ Крау 1976, 5. Имеется «синдская» монета с легендой, состоящей только из одной буквы Σ: Яценко, Тителакис 2005, 28–29.

Естественно, что в отсутствии письменного подтверждения древними источниками предложенные варианты остаются не более, чем гипотезой.

Подведем итоги. В своей статье С.А. Коваленко, обещая опираться на твердые факты, к сожалению, не привел ни одного. Все его аргументы представляют собой предположения субъективного характера. Автор обвиняет своих предшественников в том, что они опираются на узкий круг одних и тех же нумизматических данных, на основе которых предлагают свои умозаключения. Однако сам автор даже не использует всей имеющейся информации по проблеме «синдской» монеты. В первую очередь не произведен ее нумизматический анализ, что крайне удивительно, поскольку автор статьи – нумизмат. Другими словами, в соответствии с предложенными самим С.А. Коваленко принципами, его статья представляет собой «фантазии» на тему «синдских» монет.

Один из «грехов» нумизматики состоит в том, что специалисты в этой области науки нередко анализируют монеты в отрыве от исторического контекста. Однако при таком узком и ограниченном подходе невозможно решить многие вопросы, в том числе и нумизматического характера. Напомню (уже приводимую мною ранее) мысль, сказанную одним из нумизматов по этому поводу: «Numismatic's feet are in Archaeology, and its head is in History» (L. Breglia)⁸⁰. В случае с монетой Синдики не принимать во внимание историческую обстановку и не вписывать в ее контекст всё, что связано с ее производством и функционированием в конкретном обществе, приводит к ошибкам и созданию мифов. Без (по возможности) полного анализа всей совокупности данных многие нумизматические проблемы могут показаться простыми и относительно легко разрешимыми. Отсюда происходят легковесные гипотезы, не имеющие под собой твердого основания.

Очевидным является тот факт, что признание эмитентом «синдской» монеты племени синдов обязано исключительно легенде на ней – ΣΙΝΔΩΝ. Все остальное, что имеет к ней отношение с точки зрения нумизматической, совершенно определенно свидетельствует о том, что эта монета – эллинская. Об этом говорят ее чисто греческая техника чеканки, характер и качество изображений, весовая система, надпись на греческом языке. Повторю, что решающими доказательствами того, что исследуемая монета была не синдской, но греческой, являются два обстоятельства.

Первое из них: как показывает надпись Теопротида из Нимфея, титулатура боспорских правителей (... ἄρχωντος ... τῆς Σινδικῆς) неоспоримо свидетельствует о том, что Синдика как территория принадлежала греческим полисам, объединенным в некую федерацию. Отсюда следует, что монета, чеканенная на азиатской стороне Боспора Киммерийского, была эллинской.

Второй важный момент заключается в существовании одного из типов этой монеты – с грифоном и зерном перед ним. Он, без каких-либо сомнений, указывает на связь с Фанагорией.

Исследуемая монета была «общей» или «кооперативной»⁸¹ для Синдики, но каждый тип ее мог относиться к тому или иному полису, входящему в ее состав. При этом мы должны отказаться от предположения о том, что монета чеканилась

⁸⁰ «Ноги нумизматики находятся в археологии, а ее голова – в истории» (цит. по: Carrocio 2011, 100).

⁸¹ Psoma, Tsangari 2003 (monnaie commune); Mackil, van Alfen 2006 (cooperative coinage).

полисом, известным под название Синдик (Синдская Гавань, будущая Горгиппия). Об этом писали некоторые исследователи⁸². Основание для этого – наличие типа монеты с грифоном, который не мог ей принадлежать. Кроме того, будет выглядеть несколько странным факт чеканки одним эмитентом на протяжении короткого промежутка времени нескольких типов монет. Более логичным выглядит предположение, что указанному городу мог принадлежать один из таких типов⁸³.

Таким образом, возникновение союза городов азиатской части Боспора Киммерийского можно относить примерно к рубежу VI–V вв. до н.э. Он сформировался вокруг святилища Афродиты Урании, владычицы Апатура. Уже тогда это территориальное объединение могло называться Синдикой. К этому времени относится чеканка первой анепиграфной серебряной монеты с изображением морды льва на аверсе и вдавленного квадрата на реверсе. Эта эмиссия была обязана своим появлением событиям греко-персидского военного противостояния. Спустя несколько десятилетий, в конце V в., продолжавший существовать союз эллинских городов Синдики выпускал в течение краткого периода времени новую монету. Это также было связано с военными событиями – агрессией Пантикапея против Синдики. Она закончилась созданием нового территориального государства, в которое полисы азиатской части Боспора были насильно включены.

В заключении отметим еще один важный момент, имеющий отношение к нашей теме. Значительное количество монет Синдики найдены в результате поисков с использованием металлодетекторов. Поэтому точное их происхождение часто остается неизвестным. Такая ситуация дает искаженное представление о том, где было найдено наибольшее количество монет. Например, считается, что одним из основных мест таких находок является современный Анапский район Краснодарского края и специально – Семибратнее городище (Лабрис)⁸⁴. Однако следует учитывать такой весьма существенный момент: практически во всех городах азиатской части Боспора Киммерийского культурные напластования конца V в. до н.э. остаются неисследованными профессиональными археологами. Тем более, речь не идет о работах на больших площадях. По этой причине искажается количественное соотношение отчеканенных в древности монет к найденным. Дело в том, что случайные находки происходят, как правило, из поселений с не очень мощным культурным слоем, где напластования V в. до н.э. находятся близко к современной дневной поверхности. Поэтому монеты найти на них гораздо проще, чем на крупных городищах, в том числе и на таком памятнике, как Семибратнее городище.

Совершенно другая ситуация в таких городах, как Фанагория или Гермонасса. В первом из них интересующий нас слой лежит на глубине не менее пяти метров, а во втором – еще глубже. В Горгиппии картина также сложная, поскольку древний город находится под домами современной Анапы и труднодоступен для исследований. Именно по этой причине монеты Синдики, происходящие из крупных центров азиатской части Боспора, уступают в количественном отношении находкам из других мест.

⁸² Сапрыкин 2006, 175.

⁸³ См. однако: Wartenberg 2020, 596.

⁸⁴ Строкин 2012, 392–393, 395, рис. 8.

Трудность обнаружения монет Синдики в археологических раскопках усугубляется еще и тем, что мелкие серебряные кружочки, окислившиеся до темно-серого цвета, сливаются с грунтом, что сильно затрудняет их обнаружение. Особенно это было актуально до появления металлодетекторов.

Все эти факторы необходимо учитывать при составлении карты находок монет Синдики.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон, М.Г., Завойкин, А.А., Кузнецов, В.Д., Сапрыкина, И.А. 2020: Боспорские серебряные монеты классического времени из Фанагории. *Hesperis* 2, 5–26.
- Абрамзон, М.Г., Сапрыкина, И.А., Чугаев, А.В., Преснякова, Н.Н., Терещенко, Е.Ю. 2021: Элементный состав и свинцово-изотопные характеристики металла серебряных монет Боспора и Ионии V–I вв. до н.э. *Российские нанотехнологии* 16/5, 644–650.
- Абрамов, А.П. 2010: Патрей. В кн.: Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.), *Античное наследие Кубани* I. М., 529–539.
- Горончаровский, В.А., Иванчик, А.И. 2010: Синды. В кн.: Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.), *Античное наследие Кубани*. Т. I. М., 218–234.
- Горончаровский, В.А., Терещенко, А.Е. 2014: Типология и хронология синдской чеканки. В сб.: *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы и хронология* (XV Боспорские чтения). Керчь, 99–114.
- Завойкин, А.А. 1998: Синдская Гавань (Синдик) – Горгиппия. *ВДИ* 3, 134–145.
- Завойкин, А.А. 2004а: «Две Синдики» (заметки касаются исторической значимости посвящения Теопротида, сына Мегакла, из Нимфея). *ДБ* 7, 150–161.
- Завойкин, А.А. 2004б: *Фанагория во второй половине V – начале IV в. до н.э. (по материалам раскопок «Южного города»)* (ДБ. Suppl. I). М.
- Завойкин, А.А. 2013. *Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления державы Спартокидов*. (БИ. Suppl. 10). Симферополь–Керчь.
- Зограф А.Н. 1951: *Античные монеты* (МИА 16). М.–Л.
- Коваленко, С.А. 2020: Монеты синдов: некоторые замечания о причинах, характере и хронологии чеканки. В сб.: А.В. Белоусов, Е.В. Илюшечкина (ред.), *Ното Отпийт Ногаит. Сборник статей в честь 70-летия А.В. Подосинова*. М., 272–296.
- Кузнецов, В.Д. 2000: *Организация общественного строительства в древней Греции*. М.
- Кузнецов, В.Д. 2016: Фанагория и Синдика: некоторые заметки. В кн.: А.А. Завойкин (ред.), *Материалы по археологии и истории Фанагории* 2 (Фанагория 4). М., 250–278.
- Кузнецов, В.Д. 2018: Боспор Киммерийский в 5 в. до н.э. (древнеперсидская надпись из Фанагории). В кн.: В.Д. Кузнецов, А.А. Завойкин (ред.), *Материалы по археологии и истории Фанагории* 3 (Фанагория 6). М., 160–185.
- Кузнецов, В.Д., Абрамзон, М.Г. 2020: *Клад позднеархаических монет из Фанагории* (Фанагория 8). М.
- Маринович, Л.П. 1975: *Греческое наемничество IV в. до н.э. и кризис полиса*. М.
- Сапрыкин, С.Ю. 2006: Этюды по социальной и экономической истории Боспорского царства. В кн.: *Античная цивилизация и варвары*. М., 171–242.
- Смекалова, Т.Н. 2000: Значение изучения состава монетных сплавов для античной нумизматики (на примере Боспора). *ДБ* 3, 260–301.
- Смекалова, Т.Н., Дюков, Ю.А. 2007: *Монетные сплавы государств Причерноморья. Боспор, Ольвия, Тира*. СПб.
- Соколова, О.Ю., Павличенко, Н.А. 2002: Новая посвятельная надпись из Нимфея. *Hesperis* 8, 99–121.

- Строкин, В.Л. 2012: Синдские монеты: взгляд из «Синдики». *ДБ* 16, 379–417.
- Тохтасьев, С.Р. 2001: Еще раз о синдских монетах и синдском царстве. В кн.: *Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства*. Ч. I. СПб., 63–79.
- Трубачев, О.Н. 1999: *Indoarica в Северном Причерноморье*. М.
- Яценко, В.В., Тителакис, А.В. 2005: О неизвестном варианте синдских гемитетартемориев. В сб.: *Тринадцатая Всероссийская нумизматическая конференция (Тезисы докладов и сообщений)*. М., 28–29.
- Antonaccio, C.M. 2001: Ethnicity and Colonization. In: I. Malkin (ed.), *Ancient Perceptions of Greek Ethnicity* (Center for Hellenic Studies Colloquia 5). Cambridge (Mass.)–London, 113–157.
- Avram, A. 2022: Sur un possible *koinon* des cités du Pont Gauche à l'époque hellénistique. In: G. Tsetskhladze (ed.), *Ionians in the West and East* (Colloquia Antiqua 27). Leuven–Paris–Bristol, 765–771.
- Balcer, J.M. 1968: The Early Silver Coinage of Teos. *Schweizerische Numismatische Rundschau* XLVII, 5–50.
- Beck, H. 1997: *Polis und Koinon. Untersuchungen zur Geschichte und Struktur der griechischen Bundesstaaten im 4. Jahrhundert v. Chr.* (Historia Einzelschriften 114). Stuttgart.
- Beck, H., Buraselis, K., McAuley, A. (eds.) 2019: *Ethnos and Koinon. Studies in Ancient Greek Ethnicity and Federalism*. Stuttgart.
- Beck, H., Funke P. (eds.). 2015: *Federalism in Greek Antiquity*. Cambridge.
- Beck, H., Funke, P. 2015: An Introduction to Federalism in Greek Antiquity. In: H. Beck, P. Funke (eds.), *Federalism in Greek Antiquity*. Cambridge, 1–19.
- Beck, H., Ganter, A. 2015: Boiotia and the Boiotian Leagues. In: H. Beck, P. Funke (eds.), *Federalism in Greek Antiquity*. Cambridge, 132–157.
- Bissa, E.M.A. 2009: *Governmental Intervention in Foreign Trade in Archaic and Classical Greece*. Leiden–Boston.
- Braund, D. 2007: The Sindians of the Taman Peninsula ca. 400 BC: Polyaeus' Tigratao, Numismatics and Demosthenes' Grandfather. In: S.L. Solovyev (ed.), *Greeks and Natives in the Cimmerian Bosphoros 7th – 1st Centuries BC* (BAR Int. Series 1729). Oxford, 17–21.
- Carruccio, B. 2011: Parallel Striking Reconstruction and Chronological Numismatic Interpretation. In: F. de Callatay (ed.), *Quantifying Monetary Supplies in Greco-Roman Times*. Bari, 81–103.
- Chryssanthaki-Nagle, K. 2007: *L'histoire monétaire d'Abdère (VIe s. avant J.-C. – IIe s. après J.-C.)*. Athènes.
- Coleman, J.E., Walz, C.A. (eds.) 1997: *Greeks and Barbarians. Essays on the Interactions between Greeks and Non-Greeks in Antiquity and the Consequences for Eurocentrism*. Bethesda.
- Dana, M. 2011: *Culture et mobilité dans le Pont Euxin. Approche régionale de la vie culturelle des cités grecques* (Ausonius. Scripta Antiqua 37). Bordeaux.
- Dreher, M. 2003: *Symmachia* und *Sympoliteia* in der Griechischen Welt bis 323 v. Chr. In: K. Buraselis, K. Zoumboulakis (eds.), *The Idea of European Community in History*. Vol. II. *Aspects of Connecting Poleis and Ethne in Ancient Greece*. Athens, 26–50.
- Dubuisson, M. 1982: Remarques sur le vocabulaire grec d'acculturation. *Revue belge de philologie et d'histoire* LX, 5–32.
- Fronza, M.H. 2015: The Italiote League and Southern Italy. In: H. Beck, P. Funke (eds.), *Federalism in Greek Antiquity*. Cambridge, 386–402.
- Funke, P., Haake, M. (eds.). 2013: *Greek Federal States and Their Sanctuaries*. Stuttgart.
- Garlan, Y. 1989: *Guerre et économie en Grèce ancienne*. Paris.
- Giovannini, A. 2007: *Les relations entre États dans la Grèce antique du temps d'Homère à l'intervention romaine (ca. 700–200 av. J.–C.)* (Historia Einzelschriften 193). Stuttgart.

- Gorman, V.B. 2001: *Miletos, the Ornament of Ionia. A History of the City to 400 B.C.E.* Ann Arbor.
- Grielaard, J.P. 2009: The Ionians in the Archaic Period. Shifting Identities in a Changing World. In: T. Derks, N. Roymans (eds.), *Ethnic Constructs in Antiquity. The Role of Power and Tradition.* Amsterdam, 37–79.
- Griffith, G.T. 1935: *The Mercenaries of the Hellenistic World.* Cambridge.
- Hall, J.M. 1997: *Ethnic Identity in Greek Antiquity.* Cambridge.
- Hall, J.M. 2002: *Hellenicity.* Chicago–London.
- Hall, J.M. 2015: Federalism and Ethnicity. In: H. Beck, P. Funke (eds.), *Federalism in Greek Antiquity.* Cambridge, 30–48.
- Harrison, Th. (ed.). 2002: *Greeks and Barbarians.* Edinburgh.
- Horden, P., Purcell, N. 2000: *The Corrupting Sea. A Study of Mediterranean History.* Oxford.
- Ivanchik, A. 2012: Agoranomes dans les cités du Pont nord et occidentales. In: L. Capdetrey, Cl. Hasenohr (éds.), *Agoranomes et édiles. Institutions des marchés antique* (Ausonius. Scripta Antiqua 44). Bordeaux, 121–130.
- Konuk, K. 2012: Asia Minor to the Ionian Revolt. In: W.E. Metcalf (ed.), *The Oxford Handbook of Greek and Roman Coinage.* Oxford, 43–60.
- Kraay, C.M. 1976: *Archaic and Classical Greek Coins.* Berkeley–Los Angeles.
- Krasilnikoff, J.A. 1992: Aegean Mercenaries in the Fourth to Second Centuries BC: A Study in Payment, Plunder and Logistics of Ancient Greek Armies. *Classica et Mediaevalia* 43, 23–36.
- Krasilnikoff, J.A. 1993: The Regular Payment of Aegean Mercenaries in the Classical Period. *Classica et Mediaevalia* 44, 77–95.
- Kuznetsov, V.D., Abramzon, M.G. 2021: *The Beginning of Coinage in the Cimmerian Bosphorus (A Hoard from Phanagoria)* (Colloquia Antiqua 34). Leuven–Paris–Bristol.
- Larsen, J.A.O. 1968: *Greek Federal States. Their Institutions and History.* Oxford.
- Launey, M. 1949–1950: *Recherches sur les armées hellénistiques.* 2 vols. Paris.
- Lohmann, H. 2012: Ionians and Carians in the Mykale: the Discovery of Carian Melia and the Archaic Panionion. In: G. Cifani, S. Stoddart (eds.), *Landscape, Ethnicity and Identity in the Archaic Mediterranean Area.* Oxford–Oakville, 32–50.
- Loomis, W.T. 1998: *Wages, Welfare Costs and Inflation in Classical Athens.* Ann Arbor.
- Luce, J.-M. (éd.) 2007: *Identités ethniques dans le monde grec antique* (Pallas 73). Toulouse.
- Mac Sweeney, N. 2013: *Foundation Myths and Politics in Ancient Ionia.* Cambridge.
- Mackil, E. 2013: *Creating a Common Polity. Religion, Economy, and Politics in the Making of the Greek Koinon.* Berkeley–Los Angeles–London.
- Mackil, E. 2015: The Economics of Federation in the Ancient Greek World. In: H. Beck, P. Funke (eds.), *Federalism in Greek Antiquity.* Cambridge, 487–502.
- Mackil, E., van Alfen, P.G. 2006: Cooperative Coinage. In: P.G. van Alfen (ed.), *Agoranomia: Studies in Money and Exchange Presented to J.H. Kroll.* New York, 201–246.
- Malkin, I. (ed.). 2001: *Ancient Perceptions of Greek Ethnicity* (Center for Hellenic Studies Colloquia 5). Cambridge (Mass.)–London.
- Marinovich L.P. 1988. *Le Mercenariat grec au IVe siècle avant notre ère et la crise de la polis.* Paris.
- May, J.M.F. 1966: *The Coinage of Abdera (540–345 BC).* London.
- Mitchell, L. 2007: *Panhellenism and the Barbarian.* Swansea.
- Mitchell, L. 2015: The Community of the Hellenes. In: H. Beck, P. Funke (eds.), *Federalism in Greek Antiquity.* Cambridge, 49–65.
- Müller, Ch. 2010: *D’Olbia à Tanais. Territoires et réseaux d’échanges dans la mer Noire septentrionale aux époques classique et hellénistique.* Bordeaux.
- Parke, H.W. 1973: *Greek Mercenary Soldiers from the Earliest Times to the Battle of Ipsus.* Oxford.

- Porucznik, J. 2021: *Cultural Identity within the Northern Black Sea Region in Antiquity. (De) constructing Past Identity* (Colloquia Antiqua 31). Leuven–Paris–Bristol.
- Pritchett, W.K. 1971: *The Greek State at War*. Pt. 1. Berkeley–Los Angeles–London.
- Psoma, S., Tsangari, D. 2003: Monnaie commune et états fédéraux. La circulation des monnaies frappés par les états fédéraux du monde grec. In: K. Buraselis, K. Zoumboulakis (eds.), *The Idea of European Community in History*. Vol. II. *Aspects of Connecting Poleis and Ethne in Ancient Greece*. Athens, 111–141.
- Raaflaub, K.A. 2015: Forerunners of Federal States: Collaboration and Integration Through Alliance in Archaic and Classical Greece. In: H. Beck, P. Funke (eds.), *Federalism in Greek Antiquity*. Cambridge, 434–451.
- Rizakis, A. 2015: The Achaian League. In: H. Beck, P. Funke (eds.), *Federalism in Greek Antiquity*. Cambridge, 118–131.
- Rzepka, J. 2002: Ethnos, Koinon, Sympoliteia, and Greek Federal States. In: T. Derda, J. Urbanik, M. Węcowski eds.), *EYEPITEΣΙΑΣ ΧΑΡΙΝ. Studies Presented to B. Bravo and E. Wipszycka*. Warsaw, 225–247.
- Smarczyk, B. 2015: The Hellenic Leagues of Late Classical and Hellenistic Times and Their Place in the History of Greek Federalism. In: H. Beck, P. Funke (eds.), *Federalism in Greek Antiquity*. Cambridge, 452–470.
- Spier, J. 1990: Emblems in Archaic Greece. *Bulletin of the Institute of Classical Studies* 37, 107–129.
- Trundle, M. 2004: *Greek Mercenaries. From the Late Archaic Period to Alexander*. London–New York.
- van Alfen, P. 2012: Problems in the Political Economy of the Archaic Greek Coinage. *Notae Numismaticae* VII, 13–36.
- Vlassopoulos, K. 2013: *Greeks and Barbarians*. Cambridge.

REFERENCES

- Abramov, A.P. 2010: Patrei [Patraeus]. In: G.M. Bongard–Levin, V.D. Kuznetsov (eds.), *Antichnoe nasledie Kubani I [Ancient Heritage of Kuban I]*. Moscow, 529–539.
- Abramzon, M.G., Saprykina, I.A., Chugaev, A.V., Presnyakova, N.N., Tereshchenko, E.Yu. 2021: Elementnyi sostav i svintsovo-izotopnye kharakteristiki metalla serebryanykh monet Bospora i Ionii V–I vv. do n.e. [Chemical and Pb-Isotopic Characteristics of Metal of Silver Coins of the Bosphorus and Ionia Dated from the 5th to 1st centuries BC]. *Rossiyskie nanotekhnologii [Nanobiotechnology Reports]* 16/5, 644–650.
- Abramzon, M.G., Zavoykin, A.A., Kuznetsov, V.D., Saprykina, I.A. 2020: Bosporskiye serebryanye monety klassicheskogo vremeni iz Fanagorii [Bosporan Silver Coins of the Classical Period from Phanagoria]. *Hypanis* 2, 5–26.
- Antonaccio, C.M. 2001: Ethnicity and Colonization. In: I. Malkin (ed.), *Ancient Perceptions of Greek Ethnicity* (Center for Hellenic Studies Colloquia 5). Cambridge (Mass.)–London, 113–157.
- Avram, A. 2022: Sur un possible koinon des cités du Pont Gauche à l'époque hellénistique. In: G. Tsatskheladze (ed.), *Ionians in the West and East* (Colloquia Antiqua 27). Leuven–Paris–Bristol, 765–771.
- Balcer, J.M. 1968: The Early Silver Coinage of Teos. *Schweizerische Numismatische Rundschau* XLVII, 5–50.
- Beck, H. 1997: *Polis und Koinon. Untersuchungen zur Geschichte und Struktur der griechischen Bundesstaaten im 4. Jahrhundert v. Chr.* (Historia Einzelschriften 114). Stuttgart.
- Beck, H., Funke P. (eds.). 2015: *Federalism in Greek Antiquity*. Cambridge.
- Beck, H., Funke, P. 2015: An Introduction to Federalism in Greek Antiquity. In: H. Beck, P. Funke (eds.), *Federalism in Greek Antiquity*. Cambridge, 1–19.

- Beck, H., Ganter, A. 2015: Boiotia and the Boiotian Leagues. In: H. Beck, P. Funke (eds.), *Federalism in Greek Antiquity*. Cambridge, 132–157.
- Beck, H., Buraselis, K., McAuley, A. (eds.) 2019: *Ethnos and Koinon. Studies in Ancient Greek Ethnicity and Federalism*. Stuttgart.
- Bissa, E.M.A. 2009: *Governmental Intervention in Foreign Trade in Archaic and Classical Greece*. Leiden–Boston.
- Braund, D. 2007: The Sindians of the Taman Peninsula ca. 400 BC: Polyaeus' Tirgatao, Numismatics and Demosthenes' Grandfather. In: S.L. Solovyev (ed.), *Greeks and Natives in the Cimmerian Bosphoros 7th – 1th Centuries BC* (BAR Int. Series 1729). Oxford, 17–21.
- Carroccio, B. 2011: Parallel Striking Reconstruction and Chronological Numismatic Interpretation. In: F. de Callataÿ (ed.), *Quantifying Monetary Supplies in Greco-Roman Times*. Bari, 81–103.
- Chryssanthaki-Nagle, K. 2007: *L'histoire monétaire d'Abdère (VIe s. avant J.-C. – IIe s. après J.-C.)*. Athènes.
- Coleman, J.E., Walz, C.A. (eds.) 1997: *Greeks and Barbarians. Essays on the Interactions between Greeks and Non-Greeks in Antiquity and the Consequences for Eurocentrism*. Bethesda.
- Dana, M. 2011: *Culture et mobilité dans le Pont Euxin. Approche régionale de la vie culturelle des cités grecques* (Ausonius. Scripta Antiqua 37). Bordeaux.
- Dreher, M. 2003: *Symmachia und Sympoliteia in der Griechischen Welt bis 323 v. Chr.* In: K. Buraselis, K. Zoumboulakis (eds.), *The Idea of European Community in History*. Vol. II. *Aspects of Connecting Poleis and Ethne in Ancient Greece*. Athens, 26–50.
- Dubuisson, M. 1982: Remarques sur le vocabulaire grec d'acculturation. *Revue belge de philologie et d'histoire* LX, 5–32.
- Fronza, M.H. 2015: The Italiote League and Southern Italy. In: H. Beck, P. Funke (eds.), *Federalism in Greek Antiquity*. Cambridge, 386–402.
- Funke, P., Haake, M. (eds.) 2013: *Greek Federal States and Their Sanctuaries*. Stuttgart.
- Garlan, Y. 1989: *Guerre et économie en Grèce ancienne*. Paris.
- Giovannini, A. 2007: *Les relations entre États dans la Grèce antique du temps d'Homère à l'intervention romaine (ca. 700–200 av. J.-C.)* (Historia Einzelschriften 193). Stuttgart.
- Gorman, V.B. 2001: *Miletos, the Ornament of Ionia. A History of the City to 400 B.C.E.* Ann Arbor.
- Goroncharovskiy, V.A., Ivantchik, A.I. 2010: Sindy [Sindoi]. In: G.M. Bongard-Levin, V.D. Kuznetsov (eds.), *Antichnoe nasledie Kubani I [Ancient Heritage of Kuban I]*. Moscow, 218–234.
- Goroncharovskiy, V.A., Tereshchenko, A.E. 2014: Tipologiya i khronologiya sindskoi chekanki [Typology and Chronology of Sindian Mint]. In: *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekovya. Aktualnye problemy i khronologiya [The Cimmerian Bosphorus and Barbarian World in the Ancient and Medieval Periods. Current Issues and Chronology]* (XV Bosporskiye chteniya [Bosporan Readings]). Kerch, 99–114.
- Grielaard, J.P. 2009: The Ionians in the Archaic Period. Shifting Identities in a Changing World. In: T. Derks, N. Roymans (eds.), *Ethnic Constructs in Antiquity. The Role of Power and Tradition*. Amsterdam, 37–79.
- Griffith, G.T. 1935: *The Mercenaries of the Hellenistic World*. Cambridge.
- Hall, J.M. 1997: *Ethnic Identity in Greek Antiquity*. Cambridge.
- Hall, J.M. 2002: *Hellenicity*. Chicago–London.
- Hall, J.M. 2015: Federalism and Ethnicity. In: H. Beck, P. Funke (eds.), *Federalism in Greek Antiquity*. Cambridge, 30–48.
- Harrison, Th. (ed.). 2002: *Greeks and Barbarians*. Edinburgh.
- Horden, P., Purcell, N. 2000: *The Corrupting Sea. A Study of Mediterranean History*. Oxford.

- Ivantchik, A. 2012: Agoranomes dans les cités du Pont nord et occidentales. In: L. Capdetrey, Cl. Hasenohr (éds.), *Agoranomes et édiles. Institutions des marchés antique* (Ausonius. Scripta Antiqua 44). Bordeaux, 121–130.
- Konuk, K. 2012: Asia Minor to the Ionian Revolt. In: W.E. Metcalf (ed.), *The Oxford Handbook of Greek and Roman Coinage*. Oxford, 43–60.
- Kovalenko, S.A. 2020: Monety sindov: nekotorye zamechanya o prichinakh, kharaktere i khronologii chekanki [Coins of Sindoi: Some Notes on the Causes, Nature and Chronology of the Coinage]. In: A.V. Belousov, E.V. Ilyushechkina (eds.), *Homo Omnium Horarum. Sbornik statey v chest 70-letiya A.V. Podosinova* [*Homo Omnium Horarum. Collection of Articles in Honor of the 70th Anniversary of A.V. Podossinov*]. Moscow, 272–296.
- Kraay, C.M. 1976: *Archaic and Classical Greek Coins*. Berkeley–Los Angeles.
- Krasilnikoff, J.A. 1992: Aegean Mercenaries in the Fourth to Second Centuries BC: A Study in Payment, Plunder and Logistics of Ancient Greek Armies. *Classica et Mediaevalia* 43, 23–36.
- Krasilnikoff, J.A. 1993: The Regular Payment of Aegean Mercenaries in the Classical Period. *Classica et Mediaevalia* 44, 77–95.
- Kuznetsov, V.D. 2000: *Organizatsiya obschestvennogo stroitelstva v drevnei Gretsii* [*Organization of Public Construction in Ancient Greece*]. Moscow.
- Kuznetsov, V.D. 2016: *Fanagoriya i Sindika: nekotorye zametki* [*Phanagoria and Sindike: Some Remarks*]. In: A.A. Zavoykin (ed.), *Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii* [*Materials on Archaeology and History of Phanagoria*] 2 (Fanagoriya [Phanagoria] 4). Moscow, 250–278.
- Kuznetsov, V.D. 2018: Bospor Kimmeriyskiy v 5 v. do n.e. (drevnepersidskaya nadpis iz Fanagorii) [Cimmerian Bosphorus in the Fifth Century BC (Ancient Persian Inscription from Phanagoria)]. In: V.D. Kuznetsov, A.A. Zavoykin (eds.), *Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii* 3 [*Materials on Archaeology and History of Phanagoria* (Fanagoriya [Phanagoria] 6)]. Moscow, 250–278.
- Kuznetsov, V.D., Abramzon, M.G. 2020: *Klad pozdnearchaicheskikh monet iz Fanagorii* [*A Hoard of Late Archaic coins from Phanagoria*] (Fanagoriya [Phanagoria] 8). Moscow
- Kuznetsov, V.D., Abramzon, M.G. 2021: *The Beginning of Coinage in the Cimmerian Bosphorus (A Hoard from Phanagoria)* (Colloquia Antiqua 34). Leuven–Paris–Bristol.
- Larsen, J.A.O. 1968: *Greek Federal States. Their Institutions and History*. Oxford.
- Launey, M. 1949–1950: *Recherches sur les armées hellénistiques*. 2 vols. Paris.
- Lohmann, H. 2012: Ionians and Carians in the Mykale: the Discovery of Carian Melia and the Archaic Panionion. In: G. Cifani, S. Stoddart (eds.), *Landscape, Ethnicity and Identity in the Archaic Mediterranean Area*. Oxford–Oakville, 32–50.
- Loomis, W.T. 1998: *Wages, Welfare Costs and Inflation in Classical Athens*. Ann Arbor.
- Luce, J.-M. (éd.) 2007: *Identités ethniques dans le monde grec antique* (Pallas 73). Toulouse.
- Mackil, E. 2013: *Creating a Common Polity. Religion, Economy, and Politics in the Making of the Greek Koinon*. Berkeley–Los Angeles–London.
- Mackil, E. 2015: The Economics of Federation in the Ancient Greek World. In: H. Beck, P. Funke (eds.), *Federalism in Greek Antiquity*. Cambridge, 487–502.
- Mackil, E., van Alfen, P.G. 2006: Cooperative Coinage. In: P.G. van Alfen (ed.), *Agoronomia: Studies in Money and Exchange Presented to J.H. Kroll*. New York, 201–246.
- Mac Sweeney, N. 2013: *Foundation Myths and Politics in Ancient Ionia*. Cambridge.
- Malkin, I. (ed.). 2001: *Ancient Perceptions of Greek Ethnicity* (Center for Hellenic Studies Colloquia 5). Cambridge (Mass.)–London.
- Marinovich, L.P. 1975: *Grecheskoe naemnichestvo IV v. do n.e. i krizis polisa*. Moscow
- Marinovich L.P. 1988. *Le Mercenariat grec au IVe siècle avant notre ère et la crise de la polis*. Paris.
- May, J.M.F. 1966: *The Coinage of Abdera (540–345 BC)*. London.

- Mitchell, L. 2007: *Panhellenism and the Barbarian*. Swansea.
- Mitchell, L. 2015: The Community of the Hellenes. In: H. Beck, P. Funke (eds.), *Federalism in Greek Antiquity*. Cambridge, 49–65.
- Müller, Ch. 2010: *D'Olbia à Tanais. Territoires et réseaux d'échanges dans la mer Noire septentrionale aux époques classique et hellénistique*. Bordeaux.
- Parke, H.W. 1933: *Greek Mercenary Soldiers from the Earliest Times to the Battle of Ipsus*. Oxford.
- Porucznik, J. 2021: *Cultural Identity within the Northern Black Sea Region in Antiquity. (De) constructing Past Identity (Colloquia Antiqua 31)*. Leuven–Paris–Bristol.
- Pritchett, W.K. 1971: *The Greek State at War*. Pt. 1. Berkeley–Los Angeles–London.
- Psoma, S., Tsangari, D. 2003: Monnaie commune et états fédéraux. La circulation des monnayages frappés par les états fédéraux du monde grec. In: K. Buraselis, K. Zoumboulakis (eds.), *The Idea of European Community in History*. Vol. II. *Aspects of Connecting Poleis and Ethne in Ancient Greece*. Athens, 111–141.
- Raaflaub, K.A. 2015: Forerunners of Federal States: Collaboration and Integration Through Alliance in Archaic and Classical Greece. In: H. Beck, P. Funke (eds.), *Federalism in Greek Antiquity*. Cambridge, 434–451.
- Rizakis, A. 2015: The Achaian League. In: H. Beck, P. Funke (eds.), *Federalism in Greek Antiquity*. Cambridge, 118–131.
- Rzepka, J. 2002: Ethnos, Koinon, Sympoliteia, and Greek Federal States. In: T. Derda, J. Urbanik, M. Węcowski eds.), *EYEPTEΣΙΑΣ XAPIN. Studies Presented to B. Bravo and E. Wipszycka*. Warsaw, 225–247.
- Saprykin, S.Yu. 2006: Etyudy po sotsialnoi i ekonomicheskoi istorii Bosporskogo tsarstva [Essays on the Social and Economic History of the Bosporan Kingdom]. In: *Antichnaya tsivilizatsiya i varvary [Ancient Civilization and Barbarians]*. Moscow, 171–242.
- Smarczyk, B. 2015: The Hellenic Leagues of Late Classical and Hellenistic Times and Their Place in the History of Greek Federalism. In: H. Beck, P. Funke (eds.), *Federalism in Greek Antiquity*. Cambridge, 452–470.
- Smekalova, T.N. 2000: Znachenie izucheniya sostava monetnykh splavov dlya antichnoy numizmatiki (na primere Bospora) [Importance of Studying the Composition of Coin Alloys for Ancient Numismatics]. *Bosporskie drevnosti [Antiquities of the Bosporus]* 3, 260–301.
- Smekalova, T.N., Dyukov, Yu.A. 2007: *Monetnye splavy gosudarstv Prichernomoriya. Bospor; Olviya, Tira [Coin Alloys of the North Pontic States. Bosporus, Olbia, Tyras]*. Saint Petersburg.
- Sokolova, O.Yu., Pavlichenko, N.A. 2002: Novaya posvyatitelnaya nadpis iz Nimfeya [New Dedication from Nymphaion]. *Hyperboreus* 8, 99–121.
- Spier, J. 1990: Emblems in Archaic Greece. *Bulletin of the Institute of Classical Studies* 37, 107–129.
- Strokin, V.L. 2012: Sindskiye monety: vzglyad iz Sindiki [Sindian Coins: A View from Sindike]. *Bosporskie drevnosti [Antiquities of the Bosporus]* 16, 379–417.
- Tokhtasyev, S.R. 2001: Esche raz o sindskikh monetakh i sindskom tsarstve [Once Again About Sindian Coins and Sindian Kingdom]. In: *Bosporskiy fenomen: kolonizatsiya regiona, formirovaniye polisov, obrazovaniye gosudarstva [Bosporus Phenomenon: Colonization of the Region, Poleis and States Formation]*. P. I. Saint Petersburg.
- Trubachev, O.N. 1999: *Indoarica v Severnom Prichernomoriye [Indoarica in the Northern Pontus]*. Moscow.
- Trundle, M. 2004: *Greek Mercenaries. From the Late Archaic Period to Alexander*. London–New York.
- Yatsenko, V.V., Titelakis, A.V. 2005: O neizvestnom variante sindskikh gemitetartemoriev [About an Unknown Variant of the Sindian Hemitetartemorion]. In: *Trinadtsataya Vserossi-*

- yskaya numizmaticheskaya konferentsiya (Tezisy докладov i soobscheniy) [13th All-Russian Numismatic Conference (Abstracts and Papers)]*. Moscow, 28–29.
- van Alfen, P. 2012: Problems in the Political Economy of the Archaic Greek Coinage. *Notae Numismaticae* VII, 13–36.
- Vlassopoulos, K. 2013: *Greeks and Barbarians*. Cambridge.
- Wartenberg, U. 2020: Was There an Ionian Revolt Coinage? Monetary Patterns in the Late Archaic Period. In: P. van Alfen, U. Wartenberg (eds.), *White Gold. Studies in Early Electrum Coinage*. New York–Jerusalem, 569–640.
- Zavoykin, A.A. 1998: Sindsкая Gavan (Sindik) – Gorgippia [Sindian Harbour (Sindik) – Gorgippia]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 3, 134–145.
- Zavoykin, A.A. 2004a: “Dve Sindiki” (zametki kasaemo istoricheskoi znachimosti posvyascheniya Teopropida, syna Megakla, iz Nimfeya [“Two Sindikes”] (Notes on the Historical Significance of the Dedication of Theopropides, Son of Megakles, from Nymphaion). *Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosporus]* 7, 150–161.
- Zavoykin, A.A. 2004b: *Fanagoriya vo vtoroi polovine V – nachale IV v. do n.e. (po materialam raskopok “Yuzhnogo goroda” [Phanagoria in the Second Half of the Fifth – Beginning of the Fourth Centuries BC (After Results of Excavations at the “South City” Trench (Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosporus]. Suppl. I. Moscow.*
- Zavoykin, A.A. 2013: *Obrazovaniye Bosporskogo gosudarstva. Archeologiya i khronologiya stanovleniya derzhavy Spartokidov [Formation of Bosporan State. Archaeology and Chronology of the Formation of the State]*. (Bosporskie issledovaniya [Bosporos Studies] 10) Simferopol–Kerch.
- Zograf, A.N. 1951: *Antichnye monety [Ancient Coins]*. Moscow–Leningrad.

SINDIKE AND ITS COINAGE

Vladimir D. Kuznetsov

*Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
State Historical and Archaeological Museum-Reserve “Phanagoria”*

E-mail: phanagor@mail.ru

The article deals with to the problem of determining the issuing authorities of the so-called “Sindi” coinage. Many scholars consider it to be coinage of the Sindi tribe. These include S.A. Kovalenko, who suggests in his article that the reason for minting coins is the desire of the Sindi kings to make a profit from striking. At the same time, in his opinion, electrum coins of some Asia Minor mints (Cyzius, Phocaea) were used as metal for it, from which silver was obtained. This point of view is refuted by chemical analyzes of the composition of metals in the “Sindi” coin. Moreover, it conflicts with some important facts. First of all, it should be noted that the coin was minted in Sindike, which belonged to the Greek cities that were located in this territory. The inscription of Theopropides from Nymphaeum definitely confirms this. A very important point is that among the so-called “Sindi” coins there is a type of griffin sitting in front of a grain that is directly related to Phanagoria. This fact alone refutes the opinion of the coin as belonging to the Sindi. To this it should also be added that the Sindi coinage was of a completely Greek nature. The combination of various facts indicates that in the 5th century BC on the Asian side of the Cimmerian Bosporus there was a union of the Greek poleis of Sindike. It was this union that minted coins at the time of Panticapaeon aggression against them to finance military actions.

Keywords: Sindike, Sindi, coinage

DOI: 10.18503/1992-0431-2024-2-84-56–66

СВЕТИЛЬНИКИ С «ПОЛЯНКИ»

А.А. Масленников

*Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия;
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия*

E-mail: iscander48@mail.ru

ORCID: 000-001-8292-1572

Статья посвящена находкам керамических (красно- и сероглиняных гончарных и лепных) светильников на поселении Полянка. Первых немного (8 целых экз.). Большая часть вторых (13 экз.), скорее всего, выполняла функцию курильниц. Почти все гончарные и до половины лепных происходят из помещений и датируются I в. до н.э. Все они находят многочисленные аналогии на различных античных памятниках Боспора и Северного Причерноморья. Гончарные и отчасти лепные светильники-курильницы наряду с некоторыми другими артефактами и археологическими реалиями являются своего рода индикаторами жилого предназначения того или иного помещения.

Ключевые слова: Боспор Киммерийский, поселение Полянка, античные гончарные лампы и лепные светильники-курильницы, хронология, жилые помещения

Как это не покажется странным, но предмет настоящей публикации с его типологиями и хронологиями сам по себе малоинтересен автору. Зато, как представляется, он важен в плане понимания некоторых археологических реалий и даже, пусть и частных, но исторических реконструкций. И тем не менее...

Среди товаров, поставляемых на край Ойкумены (в данном случае – древний боспорский город Танаис в устье Дона) и «приличествующих» цивилизованному образу жизни, Страбон (Strab. XI. 2. 3) не упоминал светильники. Экая мелочь на «фоне» куда более важных статей экспорта. Между тем эти предметы домашнего обихода, как известно, – характернейший «элемент» античного «набора» массового (фрагменты) и индивидуального археологического материала. В полной мере это относится и к памятникам Боспорского государства. В городских слоях и комплексах, начиная с архаики, их, естественно, больше. На объектах же хоры, столь же естественно, – меньше. Еще реже встречаются они в некрополях, хотя в

Данные об авторе. Александр Александрович Масленников – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом полевых исследований ИА РАН.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-18-00088 «Начало противостояния Востока и Запада. Борьба Митридата VI с Римом и судьбы народов Таврии и Синдики в позднем эллинизме», <https://rscf.ru/project/23-18-00088/>.

позднеантичных склепах, судя по специальным нишам, – почти что обязательны. Присутствие светильников в сакральных объектах, в том числе сельских вообще – тема особого рассмотрения.

Разумеется, прежде всего мы имеем в виду классические гончарные, «фабричные» изделия – как привозные, так и местного производства. Количество их в силу ряда причин, по всей видимости, не покрывало спроса, поэтому «в ходу» всегда были, как правило, весьма простенькие и даже грубоватые варианты лепных ламп. Особенно это касалось убогих жилищ рядового населения так называемой дальней боспорской хоры позднеэллинистического и римского периодов. Слово «жилище» мы употребили здесь вовсе не напрасно, но об этом – потом. (Как, а главное, чем «освещались» сопредельные варвары – отдельный «разговор». Ведь не оливковое же масло они жгли, а достаточно тонкостенные античные светильники на другое и не были рассчитаны...). Все, только что сказанное относительно «убогости» быта, включая жилища, в полной мере относится к обитателям одного из поселений Крымского Приазовья, существовавшего на непростом, а порой и драматическом этапе местной истории: в I в. до н.э. Да, речь опять пойдет о «Полянке», самом раскопанном сельском поселенческом объекте этого времени не только на Боспоре, но и во всем (говорим это со знанием дела) Северном Причерноморье. И при всей своей непрезентабельности он по-своему «того стоит».

Итак, среди очень небольшого числа так называемых индивидуальных находок светильников вообще совсем немного, а гончарных, в том числе «штампованных» (оттиснутых в формах) – всего 8 экз. Сначала о них, а потом – немного о лепных. Их несколько больше. Вот наше собрание в последовательности обнаружения его «составляющих»:¹

1. ВКАЭ. 1984. Оп. 148 (рис. 1, 1). Помещение 5, на полу, возле печи. Закрытый, красноглиняный, однорожковый целый светильник. Ручка «петелька» – вертикальная неплоская в сечении. Тулово относительно высокое, подбиконическое с выраженным ребром. Отверстие для масла довольно большое и как бы в глубине воронки, закопченное. Короткий, расширяющийся к краю рожок (носик) (также с закопченным отверстием) подтреугольной в плане формы. Дно плоское.

2. ВКАЭ. 1984. Оп. № 153 (рис. 1, 2). Помещение 2, на полу. Маленький, закрытый, сероглиняный (глина без видимых включений), однорожковый светильник. Ручка (вертикальная «петелька») и край рожка (носика) утрачены. Изнутри слегка закопченный. Тулово подбиконическое с ребром посередине. Отверстие для масла довольно большое, круглое. Дно плоское. Носик (рожок) выделен с двух сторон валютообразным желобом.

3. ВКАЭ. 2008. Оп. 19. Помещение 37 (рис. 1, 3). Закрытый, сероглиняный, однорожковый светильник. Ручка и край рожка (носик) утрачены. Тулово скорее подбиконическое, но невысокое. Короткий рожок выделен двумя продольными желобками (валютами?). Отверстие для масла в виде неглубокой воронки (слегка закопченное) расположено по центру щитка и как будто бы украшено рельефными овами по кругу. Дно плоское. Сбоку – с двух сторон, примерно по центру ту-

¹ Автор благодарит Н.В. Быковскую, заместителя генерального директора ВКИКМЗ, за любезную помощь в работе с артефактами из фондов музея.

лова – два подпрямоугольных, разделенных бороздками выступа – «псевдоручки/крылышки».

4. ВКАЭ. 2009. Оп. 11. Помещение 40 (рис. 1, 4). Пол. Темно-сероглиняный, закрытый, двухрожковый, практически целый (край рожка подклеен) светильник. Тулово, скорее, биконическое, чем округлое, но без выраженного ребра. Ручка вертикальная, плоская, с продольной ложбинкой. Отверстие для масла небольшое, на дне неглубокой воронки, выделенной валиком. Рожки (носики) украшены двусторонними ложбинками-валютами. Их слегка расширяющиеся края подтреугольные в плане. Отверстия для фитилей слегка закопченные. Дно на низком поддоне.

5. ВКАЭ. 2012. Оп. 156. Помещение 59 (рис. 1, 5). Светильник закрытый, однорожковый, красноглиняный, почти целый (утрачена ручка). Носик (рожок) длинный, с подтреугольным в плане, слегка расширяющимся краем. Тулово округлое. Отверстие для масла относительно небольшое, круглое, в неглубокой воронке. Дно плоское. Край носика снаружи и изнутри закопчен.

6. ВКАЭ. 2012. Оп. 161. Помещение 59 (рис. 2, 6). Закрытый, красноглиняный (глина без видимых включений), однорожковый, частично фрагментированный светильник. Ручка – высокая овальная «петелька» с продольным «желобком». Носик (рожок), украшенный валютами (?), полностью не сохранился. Тулово высокое, биконическое. Отверстие для масла круглое, довольно большое и выделенное заметным бортиком. Дно плоское. Следов горения изнутри и снаружи как будто бы нет.

7. ВКАЭ. 2017. Оп. 72. Помещение 86 (рис. 2, 7). Светильник маленький, почти целый (нет ручки), сероглиняный, закрытый. Поверхность как бы окатанная. Тулово – близкое к биконическому. Носик (рожок) короткий, со слегка расширяющимся подтреугольным в плане, закопченным концом. Отверстие для масла относительно небольшое, в центре «щитка», выделенного валиком. Вокруг как будто бы орнамент из выпуклых ов. Дно плоское.

8. ВКАЭ. 2017. Оп. 113. Квадрат 167, под вымосткой, I в. до н.э. (рис. 2, 8). Светло-красноглиняный, однорожковый, закрытый, высокий, частично фрагментированный (утрачены край носика, ручка) светильник. Тулово, скорее, биконическое, с заметно вытянутой нижней частью. Носик (рожок), очевидно, «остроконечный», недлинный, сильно закопченный. Отверстие для масла по центру, в неглубокой воронке. Поддон, близкий к плоскому (с небольшим прогибом вовнутрь). С боков, почти по центру тулова – два (?) маленьких острых выступа (один сбит).

Таким образом, перед нами, в сущности, ничем не примечательная, немногочисленная группа предметов обихода, по своим датировкам в целом соответствующая хронологии основных этапов жизнедеятельности поселения Полянка (вторая треть – середина последней четверти I в. до н.э.). Единственное исключение (№ 8) вполне объяснимо многократно упомянутой в разных наших публикациях хроностратиграфической особенностью данного памятника (наличие как бы двух основных, разделенных незначительной временной лакуной, территориально соседних массивов культурных напластований и комплексов: III–II и I вв. до н.э.).

Рис. 1. Красноглиняные и сероглиняные гончарные светильники.
Fig. 1. Red clay and gray clay pottery lamps.

Все это, скорее всего, местное (боспорское) производство – подражания соответствующему импорту. Что касается аналогий и опять-таки датировок, то скажем следующее. Все красноглиняные светильники, кроме № 8, – примеры так называемых кувшинообразных сосудиков, широко распространенных в I в. до н.э. – I в. н.э., и им без труда находятся многочисленные «параллели» в разных публикациях, в частности, в известном Своде светильников (Т. II) из собрания Керченского музея древностей. Более того, некоторые из них (находки до 2008 г.) присутствуют в этом каталоге. Почти все вышеперечисленные светильники попадают в группу позднеэллинистических, включая I в. до н.э. и даже начало следующего века². В основу такой датировки положен археологический контекст, что, в принципе, естественно, но уже, как представляется, не вполне достаточно. Желательна более детальная, дробная и узкая типология и хронология. Впрочем, некоторые наблюдения и уточнения, в том числе касательно светильников, аналогичных нашему собранию, все-таки в ряде случаев присутствуют. Так, кувшиновидные лампы как тип, видимо, проявились еще во II в. до н.э.³ Но распространенными, как только что отмечалось, они становятся позднее, в I в. до н.э., причем исследователи выделяют не менее 4-х их типов с несколькими вариантами⁴. «Наши», скорее всего, можно отнести к достаточно поздним (середина, вторая половина этого же века), при этом они очень похожи на соответствующий набор из Резиденции Хрисалиска⁵. Попутно в этой связи заметим, что местная «мода» на сероглиняные светильники как бы pendant распространению сероглиняной же столовой посуде с лаковым покрытием в первые постмитридатовские десятилетия⁶. Впрочем, авторы упомянутого Свода полагают, что таковые – с рожками, обрамленными волютами, в том числе двухрожковые – бытовали несколько дольше (вторая половина I в. до н.э. – начало I в. н.э.)⁷. Вообще говоря, значительная часть простых красно- и сероглиняных светильников постмитридатовской эпохи как будто бы сохраняет общность форм и декора на протяжении довольно длительного времени, и выявление соответствующих «деформаций» и особенностей – задача более углубленного исследования.

Однако, как отмечалось выше, рассматриваемые находки важны и интересны для нас в другом аспекте. Но прежде об изделиях, которые также могли бы быть светильниками. Четыре из них, несомненно, служили этим целям. Они, да и другие маленькие лепные «произведения» почти наверняка – дело рук полянкинских же «мастеров». Одно (ВКАЭ. 1986. Оп. 560) как будто бы имитация закрытого гончарного светильника. Другое – некое подобие сапожка (ВКАЭ. 2012. Оп. 171). Два следующих (ВКАЭ. 2011. Оп. 81 и ВКАЭ. 2012. Оп. 200) – так называемые ладьевидные, хотя последний более напоминает «вчерашнюю» калошу. Сложнее с остальными, более многочисленными лепными изделиями. Мы имеем в виду хорошо знакомые многим археологам, имевшим дело с памятниками позднеэллинистического и римского времени, артефакты, а именно: как правило, неболь-

² Журавлев и др. 2010, 121.

³ Chrzanovski, Zhuravlev 1998, 43, fig. 11.

⁴ Журавлев 2010, 264–276.

⁵ Журавлев, Ломтадзе 2022, 90–92.

⁶ Масленников 2019, 134–143.

⁷ Журавлев и др. 2010, 142.

шие рюмковидные лепные сероглиняные «сосудики» («плошка на ножке»). Чаще всего, однако, верхняя часть (вместилище) конусовидная или округлая в разрезе. Изредка она как бы со сливом, еще реже внутри «вместилища» имелся своего рода «шип» или даже несколько таких, а то и полый «цилиндрик» с отверстиями. Ножка в большинстве своем тонкая, цилиндрическая, относительно высокая. Реже – подтреугольная или ромбовидная в сечении, иногда украшенная горизонтальными или вертикальными насечками. Основание, как правило, круглое, с выемкой, или плоское. В римское время попадаются изделия с фигурным (трехлопастным либо даже «ажурным») основанием. Нередки сосуды, где собственно ножка (ствол) как бы отсутствует, и верхняя часть непосредственно переходит в нижнюю, разумеется, сужаясь в этом месте (перевернуто-подбиконической формы). Встречаются и еще более «экстравагантные» варианты (подцилиндрические или кубовидные с валиками-налепами либо выступами).

Никто, насколько мне известно, не озадачился типологией этих предметов. Между тем они, по нашим наблюдениям, – неременный атрибут всех, по крайней мере сельских, святилищ Восточного (и не только) Крыма, как домашних, так и общественных (наверное, правильнее сказать «общинных?»), в том числе и как бы *extra urbem*⁸. Но и в поселенческих слоях и комплексах, а также в погребальной обрядности на сопредельной варварской территории (см. ниже) такого рода находки в указанное время не сказать, чтобы большая редкость. И «Полянка» в этом отношении – не исключение.

Вовсе не собираясь сколь-либо основательно обращаться здесь к этой тематике, остановимся кратко лишь на двух «вопросах»: чем являлись (для чего служили) и откуда взялись (прототипы) лепные, условно рюмковидные изделия.

На первый вопрос ответ вовсе не так однозначен, как кажется. И он отчасти как бы зависит от второго. А именно: таковые встречаются с чашечками-вместилищами как сильно обгорелыми изнутри и отчасти снаружи, так и вовсе без следов копоти. Но и это, понятное дело, не основание судить: светильник ли перед нами или курильница. Да и местоположение их (вернее, место находки) далеко не всегда «подсказка». Огонь, как, впрочем, и в «случае» с «нормальными» глиняными лампами, мог гореть и в святилище, и в жилом помещении, и в «подсобке». Носить такого рода светильники было хотя и менее удобно, нежели традиционные, с ручкой, но вполне себе можно. Курильница же, по идее, не требовала сильного и долгого горения (что-то там дымилось, «благовоняло» и ладно, и хорошо...). Истина, скорее всего, посередине: в зависимости от места, действия (надобности) и обстоятельств (как без этого!) рюмковидные лепные изделия и в повседневном быту, и в сакральной практике служили и тем и тем. Именно обломки «рюмок» чаще всего происходят из мусорных или вообще культурных напластований. А целые – из разного рода помещений. И частный пример тому – наше маленькое собрание. Но сначала – ответ на второй вопрос. Кажется почти безусловным, что прототипом этих светильников-курильниц являлись не столь уж и редкие, действительно рюмкообразные, тонкостенные, гончарные красноглиняные изделия, находимые при раскопках боспорских городов, сельских усадеб и святилищ (в том числе в рассматриваемом регионе: Генеральское – Западное, Крутой Берег,

⁸ Масленников 2007.

Рис. 2. Полянка. 6–8 – красно- и сероглиняные гончарные светильники; 9–10 – лепные светильники-курильницы редких типов.
Fig. 2. 6–8 – red- and gray clay pottery lamps; 9–10 – molded incense burner lamps of rare types.

Сююрташ да и окрестности «нашей» же Полянки) предшествовавшего времени, вплоть до конца II в. до н.э. Разве что помимо, естественно, большей изящности, верхняя часть у них, как правило, цилиндрической формы. Их назначение именно как курильниц как будто бы не вызывает сомнений. Значит, изначально и лепные «аналоги» служили тем же целям. Могут возразить, вернее, добавить: а как же насчет так называемых позднескифских лепных курильниц примерно того же времени? Действительно, несколько разновидностей таковых (рюмковидные, перевернуто-биконические, т.е. коническое вместилище и подконическое же основание без промежуточной цилиндрической ножки или даже и с ней, а также полые «подцилиндрические» и «кубовидные» с налепами⁹) находят аналогии среди боспорских (прежде всего – Танаис)¹⁰ материалов. Но, подчеркнем, только эти «варианты». В целом же на сопредельных (как на востоке, так и на западе и даже севере) пространствах варварского мира лепные курильницы приблизительно этого же времени совершенно другие¹¹. Тем не менее с учетом же неоднократно высказываемых предположений об инфильтрации соответствующего варварского населения на территорию, по крайней мере, дальней хоры Европейского Боспора и именно в эпоху Митридата и его ближайших преемников (подробнее останавливаться на данной теме мы не будем) это выгладит вполне себе реально. Впрочем, такая культово-культурная «инфильтрация» могла идти и в обратном направлении... Но вернемся к нашим материалам.

Итак, из раскопок «Полянки» происходит 15 целых и фрагментированных, прокомментированных выше лепных изделий. Преобладают – «классического» рюмковидного типа. Но есть две-три только что упомянутого «псевдо-позднескифского» варианта (рис. 2, 9–10). Подробно описывать их все, полагаю, нет смысла.

И, наконец, как уже заявлялось, переходим к самому важному и существенно-му в связи с данной темой.

Как известно, в отечественной античной полевой археологии широко применяется термин «помещение». Между тем, строго говоря, не всякое замкнутое (ограниченное стенами) пространство являлось именно таковым. А главное – не всякое помещение было жилым, т.е. собственно жильем, тем более, если это комплекс построек. Ведь в реалии что-то было кладовыми, стойлами для скота, огороженным двором, туалетом и т.п. Проблема отождествления той или иной постройки или ее части именно с жильем (ойкосом?), как все знают, далеко не проста¹². Между тем от ее решения зависит не так уж и мало. Во всяком случае, все предположения демографического толка – совершенно точно. Да и некоторые этнокультурные и хозяйственные реконструкции тоже. Не останавливаясь здесь на этом сколь-либо подробно, отметим только, что соответствующая античная письменная традиция в отношении сельской глубинки (да тем более такого «медвежьего угла», как Северное Причерноморье) безмолвствует. Остается только уповать на археологию. Но и тут, как понятно каждому, наши «возможности» очень ограничены как по причине заведомо плохой, а точнее, абсолютной «несохранности» всякого рода органики,

⁹ Пуздровский 2007, 359, рис. 85.

¹⁰ Арсеньева 1988, 82–131, табл. 46–48.

¹¹ Синика и др. 2014, 65–101.

¹² Чистов 2023, 100–107.

включая дерево, так и крайней бедности (разумеется, по сравнению со странами Средиземноморья) и, наверняка, бытовой неприхотливости здешних поселян. И, думается, светильники, вернее, их локализация при раскопках – один из немногих (наряду с печами, культовыми возвышениями-«столами», «ларями», терракотами, ценными вещами, «деньгами»), хотя и не бесспорных соответствующих «критериев». Особенно явно приобретенные, относительно ценные для поселян лампы. В этой связи примечательно, что все интересующие нас находки, как и вообще мало-мальски целые и ценные предметы происходят из помещений той части поселения Полянка, которое просуществовало дольше прочих (условно к северу от поздней оборонительной стены) или участка оно, внезапно покинутого и как бы законсервированного. Из прочих все было явно собрано и унесено. Логично предположить, что ими более или менее постоянно пользовались именно в жилых «покоях». И в случае некоего внезапного катаклизма они – светильники – оставались именно в таких помещениях. Как долго они вообще бытовали? Да по-разному. Дело случая... Но их все-таки берегли, поэтому что-то могло и пережить владельца, т.е. срок жизни одного поколения. Это, так сказать, к вопросу о хронологии.

Итак, практически все гончарные светильники нашего собрания были обнаружены именно в помещениях (№ 2, 5, 37, 40, 59, 86). Находки же лепных, в том числе рюмкообразных – не столь очевидно «привязаны» к ним. Часть их, в том числе почти все фрагменты, происходит просто из слоя, что, в общем-то, естественно. Но целые почти исключительно также найдены в помещениях, какие бы функции у них (и изделий, и помещений) не были. В паре случаев гончарные и лепные светильники («рюмки») были обнаружены вместе. (И тогда вероятность отождествления «вторых» с курильницей сильно возрастает?) С учетом прочих специфических находок (терракот, подсыпок из морских раковин, монет и т.п.) относительно некоторых, подчеркнем, единичных помещений можно предположить их сакральное назначение. Но что примечательно: в сельских святилищах Восточного Крыма, по крайней мере, известных, настоящие керамические лампы, как показывают наши раскопки¹³, фиксируются крайне редко, да и то лишь в римское время. Нет их и в известном полянском святилище.

ЛИТЕРАТУРА

- Арсеньева, Т.М. 1988: *Светильники Танаиса*. М.
- Журавлев, Д.В. 2010: О боспорских светильниках типа «кувшинчика». *ПИФК* 1, 264–276.
- Журавлев, Д.В., Быковская, Н.В. 2023: Импортные светильники с волютами из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. В сб.: А.В. Махлаюк (ред.), *Профессор Е.А. Молев и современные проблемы антиковедения. Материалы научной конференции «Историко-археологический симпозиум памяти профессора Евгения Александровича Молева», Институт международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, 22 января 2022 г.* Нижний Новгород, 48–78.
- Журавлев, Д.В., Быковская, Н.В., Желтикова, А.Л. 2010: *Светильники второй половины III в. до н.э. – IV в. н.э.: импортные эллинистические светильники. Боспорские светильники эллинистического и римского времени* (Из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Коллекция светильников. Т. II). Киев.

¹³ Масленников 2007.

- Журавлев, Д.В., Ломтадзе, Г.А. 2022: Столовая посуда и светильники из Резиденции Хрисалиска. *ДБ* 27, 59–100.
- Масленников, А.А. 2007: *Сельские святилища Европейского Боспора*. М.
- Масленников, А.А. 2019: Сероглиняная керамика с лаковым покрытием из раскопок поселения Полянка в Восточном Крыму. *РА* 4, 134–143.
- Пуздоровский, А.Е. 2007: *Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники*. Симферополь.
- Синика, В.С., Мельникова, В.А., Тельнов, Н.И. 2014: Лепные курильницы из памятников Северного Причерноморья VI–I вв. до н.э. *Stratum plus* 3, 65–101.
- Чистов, Д.С. 2023: Помещения-ойкосы в античной жилой архитектуре Северного Причерноморья. В сб.: *Боспорский феномен: quarta pars saeculi. Итоги, проблемы, дискуссии. Материалы международной научной конференции*. СПб., 100–109.
- Chrzanowski, L., Zhuravlev, D. 1998: *Lamps from Chersonesos in the State Historical Museum – Moscow* (Studia Archaeologica 94). Roma.

REFERENCES

- Arsenyeva, T.M. 1988: *Svetil'niki Tanaisa [Lamps of Tanais]*. Moscow.
- Chistov, D.S. 2023: Pomeshcheniya-oykosity v antichnoy zhiloy arkhitekture Severnogo Prichernomor'ya. In: *Bosporskiy fenomen: quarta pars saeculi. Itogi, problemy, diskussii. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Sankt Petersburg, 100–109.
- Chrzanowski, L., Zhuravlev, D. 1998: *Lamps from Chersonesos in the State Historical Museum – Moscow* (Studia Archaeologica 94). Roma.
- Maslennikov, A.A. 2007: *Sel'skie svyatilishcha Evropeyskogo Bospora [Rural sanctuaries of the European Bosporus]*. Moscow.
- Maslennikov, A.A. 2019. Seroglinyanaya keramika s lakovym pokrytiem iz raskopok poseleniya Polyanka v Vostochnom Krymu [Dark-glossed gray clay pottery from the Polyanka settlement in the Eastern Crimea]. *RA* 4, 134–143.
- Puzdrovskiy, A.E. 2007: *Krymskaya Skifiya II v. do n.e. – III v. n.e. Pogrebal'nye pamyatniki [Crimean Scythia in the 2nd century BC – 3rd century AD. Funerary monuments]*. Simferopol.
- Sinika, V.S., Melnikova, V.A., Telnov, N.I. 2014: Lepnye kuril'nitsy iz pamyatnikov Severnogo Prichernomor'ya VI–I vv. do n.e. [Molded incense burners of the 6th to 1st centuries BC from the sites of the Northern Black Sea region]. *Stratum plus* 3, 65–101.
- Zhuravlev, D.V. 2010: O bosporskikh svetil'nikakh tipa «kuvshinchika» [About Bosporan jug-shaped lamps]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]* 1, 264–276.
- Zhuravlev, D.V., Bykovskaya, N.V. 2023: Importnye svetil'niki s volyutami iz sobraniya Vostochno-Krymskogo istoriko-kul'turnogo muzeya-zapovednika [Imported lamps with volutes in the East Crimean Historical and Cultural Museum-Reserve]. In: A.V. Makhlayuk (ed.), *Professor E.A. Molev i sovremennye problemy antikovedeniya. Materialy nauchnoy konferentsii «Istoriko-arkheologicheskiy simpozium pamyati professora Evgeniya Aleksandrovicha Moleva», Institut mezhdunarodnykh otnosheniy i mirovoy istorii NNGU im. N.I. Lobachevskogo, Nizhniy Novgorod, 22 yanvarya 2022 g. [Professor E.A. Molev and modern problems of ancient studies. Proceedings of the Scientific Conference “Historical and Archaeological Symposium in Memory of Professor Evgeniy Aleksandrovich Molev”, Institute of International Relations and World History of Nizhny Novgorod State University. N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, January 22, 2022]*. Nizhniy Novgorod, 48–78.
- Zhuravlev, D.V., Bykovskaya, N.V., Zheltikova, A.L. 2010: *Svetil'niki vtoroy poloviny III v. do n.e. – IV v. n.e.: importnye ellinisticheskie svetil'niki. Bosporskie svetil'niki ellinisticheskogo i rimskogo vremeni [Lamps of the Second Half of the 3rd Century BC – 4th century AD:*

imported Hellenistic lamps. Bosporan lamps from Hellenistic and Roman times] (Iz sobraniya Kerchenskogo istoriko-kul'turnogo zapovednika. Kolleksiya svetil'nikov [From the collection of the Kerch Historical and Cultural Reserve. Collection of lamps]. Vol. II). Kiev.

Zhuravlev, D.V., Lomtadze, G.A. 2022: Stolovaya posuda i svetil'niki iz Rezidentsii Khrisaliska [Tableware and lamps from the Chrysaliskos Residence]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosphorus] 27, 59–100.

LAMPS FROM THE “POLYANKA” SETTLEMENT

Aleksandr A. Maslennikov

*Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia*

E-mail: iscander48@mail.ru

The paper discusses the finds of red- and gray clay pottery and molded lamps at the Polyanka settlement. The first are few (8 whole pieces). Most of the latter (13 specimens) most likely served as incense burners. Almost all of the pottery and up to half of the stucco come from the premises and date back to the 1st century BC. All of them find numerous analogies in various ancient sites of the Bosphorus and the Northern Black Sea region. Pottery and partly molded incense burner lamps, along with some other artifacts and archaeological evidence, are a kind of indicator of the residential purpose of a particular room.

Acknowledgements: Russian Science Foundation, project No. 23-18-00088

oblemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2024), 67–87
© The Author(s) 2024

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2024), 67–87
©Автор(ы) 2024

DOI: 10.18503/1992-0431-2024-2-84-67–87

ЗЕРКАЛО С СЮЖЕТНЫМИ ИЗОБРАЖЕНИЯМИ ИЗ ВОСТОЧНОГО ЗАКУБАНЬЯ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

А.М. Новичихин¹, Т.Н. Смекалова², А.Г. Кокоулин³

¹ Анапский археологический музей, Анапа, Россия;

² Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия

³ Независимый исследователь, Евпатория, Россия

¹ E-mail: yazamat10@yandex.ru ² E-mail: tnsmek@mail.ru ³ E-mail: shurshon66@mail.ru

¹ ORCID: 0000-0001-9878-2431 ² ORCID: 0000-0001-5378-5372

В статье представлены результаты комплексного исследования металлического зеркала с сюжетными изображениями, происходящего из Восточного Закубанья. Плоское зеркало с трапецевидной ручкой относится к типу IV по классификации И.И. Марченко и по внешним признакам датируется концом II – I в. н.э. Зеркала этого типа характерны для материальной культуры меотов Северо-Западного Кавказа. РФА металла показал, что зеркало изготовлено из оловянно-свинцовой бронзы с высоким содержанием олова (>18%) и умеренным содержанием свинца (~5%). Такая технология отражает характерные для региона меото-сарматские металлургические традиции. Выгравированные на зеркале изображения представляют собой композицию из трех сцен: «древо жизни» со стоящими по обеим сторонам копытными животными (центральная сцена), поединок двух всадников (верхняя сцена), охота волка на ланей (нижняя сцена). Стиль изображения и представленные в композиции сюжеты имеют аналогии в памятниках прикладного искусства сарматов и меотов. Выгравированные на зеркале сюжетные сцены отражают религиозные, мифологические или эпические представления древнего населения Северо-Западного Кавказа.

Ключевые слова: зеркало, Северо-Западный Кавказ, РФА, оловянно-свинцовая бронза, меоты, сарматы, мифология, религия, эпос

Металлические зеркала играли важную роль в религиозной жизни племен скифо-сарматского круга. Об этом свидетельствуют не только изображения бо-

Данные об авторах. Андрей Михайлович Новичихин – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ААМ; Татьяна Николаевна Смекалова – доктор исторических наук, заведующий отделом естественно-научных методов в археологии Крыма КФУ им. В.И. Вернадского; Александр Геннадьевич Кокоулин – независимый исследователь.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-18-00088, <https://rscf.ru/project/23-18-00088>.

гини с зеркалом на памятниках скифской торевтики и археологически засвидетельствованные случаи ритуальной порчи зеркал при помещении их в сарматские погребения, но и художественное оформление самих зеркал. Так, ручки некоторых скифских зеркал украшены выполненными в традициях звериного стиля зооморфными изображениями, а зеркала из сарматских и меотских памятников зачастую несут гравированный или рельефный орнамент, в элементах которого прослеживаются солярные мотивы¹.

Особое место занимают редко встречающиеся зеркала с сюжетными изображениями одним из регионов распространения которых был Северо-Западный Кавказ. Данная традиция зарождается здесь еще на заре скифской эпохи, свидетельством чему является известное серебряное зеркало из Келермеса, золотая обкладка которого разделена на восемь секторов, в которых помещены выполненные в технике чеканки сцены с участием антропоморфных и зооморфных персонажей². В последующие периоды сюжетные изображения на зеркала наносились в технике гравировки. Так, с территории Северо-Западного Кавказа происходит бронзовое зеркало II – первой половины I в. до н.э. с выступом для ручки и фестончатым нижним краем, на котором в поле между концентрическими кольцами резного геометрического орнамента вписаны гравированные сцены с участием людей, животных и птиц (хранится в собрании КГИАМЗ)³.

Настоящая публикация вводит в научный оборот еще одно бронзовое зеркало с гравированными сюжетными изображениями из частной коллекции, происходящее с Северо-Западного Кавказа. Примерный регион находки – Восточное Закубанье: горная Адыгея, Мостовской район Краснодарского края и далее к юго-востоку до Карачаево-Черкесии. Обстоятельства находки неизвестны.

ОПИСАНИЕ

Зеркало (рис. 1) в виде плоского круглого диска с трапециевидным выступом-ручкой в нижней части. В древности подверглось ремонту, его ручка сломалась, и к сохранившейся части при помощи пяти заклепок была прикреплена пластина вытянутой трапециевидной формы⁴. Диаметр зеркала – 8,1 см, высота с ручкой – 11,7 см. На тыльной стороне зеркала тонкими гравированными линиями нанесены изображения растений, животных и людей, распадающихся на три сюжетные группы, расположенные по вертикали.

Центральную часть композиции составляет изображение дерева, ствол которого образуют две вертикальные линии, сужающиеся к заостренной вершине, по обеим сторонам от ствола в его средней и верхней частях отходят направленные под углом вверх линии разной длины. Слева и справа от дерева помещены животные с туловищами в виде вытянутых по горизонтали прямоугольников, заполненных зонами расположенной под разными углами штриховки. У правой фигуры туловище слегка сужается спереди. Головы животных испорчены коррозией. У правого парными гравированными линиями обозначены ноги – и передние,

¹ Хазанов 1964, 89–96.

² Максимова 1954, 281–305; Кисель 1993, 111–125; 2003, 85–99.

³ Берлизов и др. 2019, 162–176.

⁴ Как выяснилось при анализе металла, к сохранившейся части ручки была прикреплена ее отломившаяся часть.

Рис. 1. Зеркало: *а* – фотография, *б* – прорисовка изображений
 Fig. 1. Mirror: *a* – photograph, *b* – drawing

и задние направлены под наклоном вперед. Правая фигура имеет хвост, обозначенный двойной линией, отходящей от верхней части тулова под углом вверх. У левой фигуры сохранилась линия, обозначающая верхний контур слегка склоненной шеи и задние ноги, также переданные парными линиями, но направленными назад.

Верхняя сцена представляет поединок двух воинов-всадников. Лучше сохранилась фигура правого воина, в стремительном движении обращенного к расположенному слева противнику. Он восседает на лошади с сильно вытянутым по горизонтали прямоугольным туловищем, заполненным зонами расположенной под разными углами штриховки. Ноги животного изображены отходящими от туловища двойными линиями каждая – передние ноги слегка выставлены вперед, задние находятся почти в вертикальном положении. От крупа отходит слегка опущенный хвост, обозначенный пучком гравированных линий. От фигуры всадника сохранилась только нижняя, примыкающая к фигуре лошади часть туловища, и руки. Судя по контуру туловища, всадник слегка наклонился вперед. Вперед и вверх направлена и правая рука воина, наносящая удар зажатым в ней топором с прямым топорцем. От изображения боевой части топора сохранилась только черточка, обозначающая верхнюю часть (спинку) оружия, отходящая от топорца под прямым углом. Судя по всему, топор не имел выделенного обушка, а боек был прямоугольной или трапециевидной формы. Левая рука отведена назад, как

бы создавая баланс для устойчивого положения всадника при нанесении удара. Рукава всадника снизу оторочены бахромой, переданной короткими наклонными штрихами, создающими впечатление развивающейся на ветру и придающими изображению всадника динамику. От изображения, расположенного слева, сохранились только линии, обозначающие задние ноги и нижний контур туловища животного. Поскольку сохранившиеся части тела животного расположены зеркально-симметрично относительно позиции коня вооруженного топором всадника, весьма вероятно, что здесь была также изображена лошадь, на которой восседал его противник.

Ниже и немного левее этой фигуры, у края зеркала, выгравирована фигура движущегося влево животного. У него длинное и тонкое туловище, близкой к прямоугольнику формы, но со слегка изогнутой ближе к крупу спиной. Как и у остальных фигур, туловище животного покрыто зонами наклонной штриховки. Длинная шея, переданная двумя вертикальными линиями, отходит от туловища под прямым углом, она также заполнена наклонной штриховкой. Шею венчает направленная влево треугольная морда, сзади двумя косыми штрихами обозначены уши. Ноги животного отмечены парными гравированными линиями – задние слегка отставлены назад, а передние выброшены вперед и согнуты в коленях, в результате чего создается впечатление, что животное (лошадь) совершает скачок влево.

Нижняя сцена изображает охоту хищника на копытных животных. Хищник расположен в правой части диска и движется влево. У него длинное сигаровидное туловище, разделенное продольной линией на две зоны. Нижняя зона покрыта участками наклонной штриховки, верхняя заштрихована лишь в задней части – ее верхняя линия передает контур спины животного, выгнутой на холке и в задней части. Туловище животного сужается в передней и задней частях. Спереди оно переходит в шею, голова животного повреждена коррозией, сохранились только расположенные над шеей уши, переданные двумя наклонными штрихами. От задней части туловища животного отходит горизонтально расположенный хвост, обозначенный двойной линией. Ноги животного короткие, переданы двойными и тройными линиями, сужающимися книзу, они слегка выставлены вперед. Не приходится сомневаться, что здесь изображен хищник семейства псовых, судя по характерной форме хвоста – волк. Слева от фигуры хищника – преследуемые им животные, движущиеся влево. Одно из них, расположенное выше второго, слегка выдвинулось вперед. У животных трапециевидные тела, покрытые наклонной штриховкой. У верхнего хорошо сохранилась шея, обозначенная двумя параллельными вертикальными линиями, ее венчает треугольная голова, нижний контур которой продолжается поперек шеи до затылка. Линии, обозначающие шею, слегка выступают над верхним контуром головы, создавая впечатление, что здесь изображены небольшие рожки. У второго животного из-под слоя коррозии видны лишь нижняя часть шеи и, судя по всему, наклоненная книзу морда. Ноги животных обозначены двойными линиями, расположенными под разными углами наклона. Из-за сохранности зеркала в этих местах непонятно, то ли они спасаются бегством от преследующего их хищника, то ли мирно пасутся, не ожидая нападения сзади.

КУЛЬТУРНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ И ДАТИРОВКА

Зеркало относится к одному из распространенных в меотской культуре типу плоских зеркал с треугольным или трапециевидным выступом-ручкой. Их прототипами, вероятно, послужили зеркала савроматского (VI–IV вв. до н.э.) и сарматского (IV–II вв. до н.э.) времени типа II, по А.М. Хазанову⁵. При анализе материалов меото-сарматского могильника у ст. Усть-Лабинской Н.В. Анфимов выделил зеркала подобной формы с ровным и фестончатым нижним краем в первый тип, отметив, что этот тип является «господствующим» в погребениях третьей хронологической группы – III – начала I в. до н.э.⁶. По классификации И.И. Марченко, зеркало относится к типу IV. В этом типе исследователь выделил два варианта, отличающиеся размерами и количеством вырезков-фестонов. Исходя из размеров публикуемого зеркала, его следовало бы относить ко второму варианту, однако отсутствие фестонов наиболее характерно для первого варианта. По данным И.И. Марченко, зеркала IV типа бытовали у населения Прикубанья с последней четверти III до I в. до н.э. и имеют тенденцию к уменьшению диаметра диска со временем. Исходя из этого, публикуемый экземпляр следует относить к поздней группе зеркал IV типа и датировать концом II – I в. до н.э.⁷.

Укажем, что среди зеркал 1 варианта IV типа известен экземпляр с аналогичным повреждением и ремонтом – зеркало из погребения 158в могильника Старо-корсунского городища № 2, датированного последней четвертью II в. до н.э.⁸.

СОСТАВ СПЛАВА ЗЕРКАЛА ПО ДАННЫМ РФА

Изучение состава сплава проводилось методом неразрушающего безэталонного рентгеновского флуоресцентного анализа (РФА) на энергодисперсионном спектрометре Mistral M1 (Bruker) (приборная база Отдела естественно-научных методов в археологии НИЦ истории и археологии Крыма КФУ им. В.И. Вернадского). Прибор оснащен полупроводниковым кремний-дрейфовым детектором высокого разрешения (50 кэВ, мощность 50 Вт). Использовалось программное обеспечение XSpectPro. Размер пучка на образце (изучаемая область) составлял 1,5×1,5 мм². Регистрация флуоресцентного излучения проводилась «на воздухе», что позволило детектировать элементы с атомным номером выше 17 (Cl). В ходе исследования выяснилось, что в составе сплава рассматриваемой выборки присутствуют медь, олово, свинец, серебро, железо, сурьма. К рецептурным добавкам относились концентрации элементов, превышающих 1%. (см. таблица 1).

⁵ Хазанов 1963, рис. 1, II.

⁶ Анфимов 1951, 184.

⁷ Марченко 1996, 17–19, рис. 3.

⁸ Лимберис, Марченко 2023, 118, рис. 3, 5.

Таблица 1.

Состав сплава зеркала по данным РФА, в масс. %

№ п/п	Исследованная область	Cu	Fe	Ag	Pb	Sb	Sn
диск							
1.	зеркальная сторона диска	82.14	1.25	0.10	3.73	0.16	12.62
2.	зеркальная сторона диска в другой точке	69.86	5.44	0.18	6.28	0.26	17.98
3.	рукоять, часть диска с матовой стороны	58.66	9.77	0.22	6.94	0.30	24.11
4.	рукоять, часть диска с матовой стороны у шва и заклепки	66.69	8.72	0.18	5.33	0.29	18.78
5.	рукоять, часть диска зеркальной стороны	68.65	6.95	0.18	4.35	0.29	19.57
6.	среднее	69.2	6.43	0.17	5.33	0.26	18.61
отдельная часть рукояти							
7.	с матовой стороны	87.99	2.67	0.09	2.03	0.14	7.09
8.	с матовой стороны	84.25	0.78	0.10	3.40	0.16	11.21
9.	с зеркальной стороны	53.06	7.46	0.27	7.64	0.27	31.29
10.	с зеркальной стороны	67.25	5.51	0.16	5.15	0.23	21.70
11.	среднее	73.14	4.11	0.16	4.56	0.2	17.82
заклепки							
12.	заклепка 1 (средняя в верхнем ряду)	91.99	2.92	0.16	1.26	0.18	3.49
13.	заклепка 2 (правая в верхнем ряду)	83.05	5.92	0.22	3.33	0.23	7.26
14.	заклепка 1 (средняя в верхнем ряду)	85.62	2.51	0.16	2.76	0.18	8.77
15.	заклепка 3 (левая в верхнем ряду)	87.40	1.47	0.24	1.75	0.26	8.88
16.	заклепка 4 (правая в нижнем ряду)	86.90	6.17	0.20	2.46	0.21	4.06
17.	заклепка 5 (левая в нижнем ряду) с зеркальной стороны	93.44	2.65	0.13	0.87	0.14	2.78
18.	среднее	88.07	3.61	0.19	2.07	0.2	5.87

Диск зеркала сделан из оловянно-свинцовой бронзы с достаточно высоким содержанием олова ($>18\%$) и умеренным количеством свинца ($\sim 5\%$) (табл. 1, 1–6). В связи с присутствием на поверхности слоя окислов и, возможно, загрязнений, появившихся в результате пребывания зеркала в земле, фиксируется высокое содержание железа ($\sim 6\%$), которое, очевидно, не относится к рецептурным компонентам сплава. Остальные примеси представлены сурьмой ($0,26\%$) и серебром ($0,17\%$), в сумме они составляют менее $0,5\%$ и, возможно, перешли в металл из использованной руды.

Ручка зеркала, составлявшая единое целое с диском, в древности была сломана и подверглась ремонту. Пластина, прикрепленная пятью заклепками к сохранившейся части ручки, сделана из того же сплава (табл. 1, 7–11), что и диск зеркала, с тем же соотношением как рецептурных добавок ($\sim 18\%$ олова и $\sim 5\%$ свинца), так и примесей (ср. с табл. 1, 1–6). Это свидетельствует о том, что починка была осуществлена не с использованием какой-то новой детали, а с применением обломанной части прежней рукояти.

Все заклепки выполнены из иного сплава, по сравнению с зеркалом. Это по-прежнему оловянно-свинцовая бронза, но олова в ней уже в три раза меньше (только около 6% по сравнению с 18% в сплаве диска), а свинца – в 2,5 раза меньше (примерно 2% по сравнению с ~5% в сплаве диска). Такая рецептура соответствует наиболее распространенному на Северном Кавказе во II–I вв. до н.э. оловянно-свинцовому сплаву на медной основе⁹. Предположительно, починка зеркала была осуществлена в какой-то мастерской, в которой под рукой оказался наиболее ходовой, рабочий сплав, использующийся для изготовления многих других вещей.

Полученные данные по составу сплава зеркала хорошо согласуются с известными на сегодняшний день результатами исследования зеркал сарматской эпохи. Наиболее важные результаты для сравнения с публикуемым зеркалом были получены И.Г. Равич, изучившей технологию изготовления большого количества зеркал из северокавказских некрополей: Цемлодинского, Раевского и могильника Широкая Балка. Исследователь выявил две различные технологические традиции производства зеркал. К первой относятся небольшие тонкие зеркала, изготовленные методомковки литой заготовки из оловянной бронзы, содержащей 7–10% олова и иногда до 2% свинца. Зеркальная сторона изделий покрывалась слоем олова (лужение), что обеспечивало ее прекрасную полируемость и серебристый цвет¹⁰. Лужение низкооловянных зеркал практиковалось в Средиземноморье эллинистического и римского времени¹¹. Поэтому И.Г. Равич предполагает, что прием лужения зеркал сформировался на Северном Кавказе под влиянием античной традиции и был отчасти данью моде, распространившейся в римское время на зеркала с серебристой, а не золотисто-желтой поверхностью, как раньше¹².

Вторая традиция представлена небольшими литыми высокооловянными зеркалами, появление которых на Кавказе И.Г. Равич связывает с меото-сарматским влиянием. У сарматов, возможно, эта технология сформировалась на рубеже нашей эры, благодаря их знакомству с китайскими зеркальными бронзами эпохи Хань, доставляемыми по Великому Шелковому пути. В этот же период появляются и римские литые высокооловянные зеркала, близкие по составу к китайским. И те, и другие имели серебристый цвет. Для китайских зеркал типичным является сплав из 25% олова и 5% свинца, а для римских зеркальных бронз – 23% олова в сочетании с 7% свинца¹³.

И.Г. Равич детально изучила технологию изготовления сарматских зеркал методом горячейковки отлитой заготовки из бронзы, содержащей 20–23% олова¹⁴, а также проанализировала 43 зеркала раннесарматского времени с валиком по краю из могильников Поволжья. Она определила, что методом горячейковки зеркала могли быть изготовлены только из сплава особого состава, а именно из высокооловянной бронзы, содержащей не ниже 18% и не выше 26% олова, в противном случае сплавы проковать невозможно, они становятся ломкими¹⁵.

⁹ Барцева 1974, 33.

¹⁰ Равич 2007, 238; 2008, 276.

¹¹ Meeks 1986; Craddock 1978.

¹² Равич 2007, 238–241.

¹³ Равич 2011, 372, 373.

¹⁴ Равич 2006, 47.

¹⁵ Равич 2006, 42–48; 2001, 46.

М.Г. Мошкова и Н.В. Рындина, исследовавшие 26 зеркал из сарматских могильников Нижнего Поволжья и Приуралья, пришли к выводу, что они распределяются на четыре металлургические группы: «чистая» медь, высокооловянная бронза без свинца, низкооловянная бронза с примесью свинца до 1% и оловянно-свинцовая бронза с содержанием олова 15–25% и свинца 1,5–5%¹⁶.

Сплав исследованного нами ранее методом РФА вотивного зеркала с выступом-петелькой в центре и солярным выпуклым орнаментом I–II вв. н.э. из керченского склепа в переулке Малый – высокооловянная бронза (олово ~26,5%, свинец ~3,7%). Оно относится к сарматской традиции, однако не исключено, что производили такие зеркала и на Боспоре или в Неаполе Скифском¹⁷. По нашим данным, из похожего высокооловянно-свинцового сплава сделано зеркало, обнаруженное в могиле № 1 некрополя Лучистое-2 римского времени в Алуштинской долине¹⁸. В составе этого зеркала в среднем 35% олова и 7% свинца.

Несколько иной сплав у зеркал сусловской (среднесарматской) культуры конца II в. до н.э. – II в. н.э., которые также содержат большое количество олова (14–54%), но свинца в сплаве зеркал не более 0,5–1%¹⁹. Большинство зеркал сарматской культуры эпохи раннего железа Тоболо-Ишимского междуречья также было изготовлено из высокооловянного сплава с концентрацией олова 20,7–30,3% и почти без свинца²⁰.

Более ранние тагарские зеркала, относящиеся к эпохе бронзы и железа (VIII–III вв. до н.э.) Минусинской котловины, изготавливались, наряду с оловянными бронзами, по существенно иным рецептам. Согласно обобщенным данным И.В. Богдановой-Березовской, они преимущественно делались из мышьяково-оловянной бронзы (4–5% Sn, 1–5% As, 0,1–0,2% Pb) и оловянной бронзы (1–9% Sn, 0,1–0,2% As, до 0,2% Pb)²¹. Недавно полученные дополнительные данные позволили уточнить, что к этим видам сплавов должны быть также добавлены «чистая» и мышьяковая медь, мышьяковая бронза и оловянно-свинцовая бронза²².

Как определила Т.Б. Барцева, проанализировавшая более 50 зеркал, скифские и сарматские зеркала различаются по составу сплава и технологии изготовления. Поэтому, чтобы выявить типологически близкие скифские и сарматские зеркала, необходимо знать состав их сплава. Большинство скифских зеркальных бронз содержит 5–12% олова и примерно 1–3% свинца²³. Вероятно, к скифской традиции относится исследованное нами ранее с помощью РФА круглое зеркало, происходящее из могильника Кара-Тав в предгорьях Восточного Крыма II в. до н.э. – IV в. н.э. Его сплав – бронза с небольшим количеством олова (5,5%) и незначительным количеством свинца (около 1%). Такой же состав был и у металла раннескифского зеркала с бортиком и центральной ручкой-петелькой VI в. до н.э., найденного на южном берегу Краснодарского водохранилища²⁴. Т.Б. Барцева также исследовала

¹⁶ Мошкова, Рындина 1975, 120–124.

¹⁷ Бейлин и др. 2024.

¹⁸ Лысенко и др. 2015, рис. 16, 4.

¹⁹ Приступа и др. 2002, 14.

²⁰ Тигеева, Белоногова 2018, 88.

²¹ Богданова-Березовская 1975, 132, табл. 1.

²² Савельева 2019, 45–47.

²³ Барцева 1981, 65–72.

²⁴ Новичихин, Смекалова 2021, 191.

состав сплава дисковидных зеркал с ручкой или с приставной ручкой, происходящих из Северокавказского могильника Нартан. Ею было установлено, что зеркала изготавливались либо из оловянной, либо из оловянно-свинцовой бронзы²⁵.

Сравним полученные результаты с имеющимися сведениями по составу сплава античных зеркал. По данным П.Т. Крэдока, зеркала Средиземноморья изготавливались из оловянных или оловянно-свинцовых бронз, причем в эпоху эллинизма наиболее популярным становятся последние²⁶. Н.П. Сорокиной и М.Ю. Трейстером были проанализированы прямоугольные зеркала и круглые зеркала с перфорацией (отверстиями) по краю диска, найденные в Керчи. Исследователи пришли к выводу, что три из исследованных четырех прямоугольных зеркал были изготовлены из высокооловянно-свинцовой бронзы италийского происхождения, в то время как четвертое отлито из низколегированной свинцовой бронзы (1,1% Pb), близкой по составу к зеркалам II–I вв. до н.э., найденным в некрополях Фанагории и Кеп. Исходя из этого, исследователи предполагают местное, боспорское производство зеркал из бронзы с небольшими добавками свинца²⁷.

В римское время для изготовления зеркал применялся специальный сплав, называемый *speculum*. По данным П.Т. Крэдока, это была высокооловянно-свинцовая бронза, содержащая от 18,6 до 22,8% олова, 8–25% свинца и следы цинка²⁸. Сплав такого состава давал серебристо-белесую поверхность при полировке²⁹. Вероятно, именно он применялся для изготовления зеркал, фрагменты которых были найдены в таврском святилище Эклизи-Бурун в горном Крыму. Судя по составу сплава, были найдены осколки не менее двух зеркал. Первое было сделано из сплава с содержанием 32–37% олова и 2–4% свинца (исследовано 4 фрагмента). Сплав второго зеркала содержал еще больше олова – около 47% и 7–9% свинца (исследовано 3 осколка). Как уже говорилось, еще в эллинистическое время получило распространение также лужение низкооловянных зеркал, оно оставалось популярным и в римское время³⁰.

Таким образом, следует признать, что оловянная бронза, иногда с небольшим количеством свинца, являлась типичным сплавом для производства зеркал, начиная с раннескифского до позднесарматского времени. Изучаемое нами зеркало – не исключение. Однако особенность исследуемого экземпляра в том, что зеркало было изготовлено, вероятно, методом горячейковки отлитой заготовки с последующим нанесением изображений на матовую сторону с помощью гравирования. Технологией изготовления обусловлен и состав сплава зеркала – высокооловянно-свинцовая бронза (18% олова и 5% свинца). Очевидно, исследуемое зеркало относится к характерной для региона меото-сарматской традиции.

Использование высокооловянной бронзы обусловлено самим характером предмета. Зеркала должны были обладать высокой отражательной способностью, не тускнеющей со временем зеркальной поверхностью, цветом, имитирующим солнечный или лунный диск, и даже производить мелодичное звучание. Эти каче-

²⁵ Барцева 1985, 122.

²⁶ Сорокина, Трейстер 1983, 147.

²⁷ Сорокина, Трейстер 1983, 148.

²⁸ Craddock 1978.

²⁹ Dungworth 1995, 124.

³⁰ Meeks 1986.

ства важны были для применения зеркал не только в быту, но и при отправлении определенных культов, в том числе соляных³¹. Лучше всего по физическим свойствам подходили именно оловянные бронзы, для которых характерны высокая коррозионная стойкость и значительная твердость, способность к полировке³². Кроме того, меняя содержание олова, можно получать как золотистые (солнечные), так и серебристые (луноподобные) сплавы³³. Содержание олова до 20–23% делало цвет диска зеркала золотисто-желтым, а повышение концентрации этого элемента в составе сплава до 24–28% – серо-стальным. Содержание 20–30% олова в зеркальных бронзах придавало изделиям еще и приятное звучание при касании³⁴. Небольшое количество свинца добавлялось в сплав для улучшения литейных свойств, обрабатываемости резанием и для облегчения нанесения изображений методом гравировки.

СТИЛЬ ИЗОБРАЖЕНИЙ

Сюжетные гравировки на зеркале выполнены в примитивной манере. Тем не менее особенности работы резчика позволяют сопоставить созданное им графическое произведение с некоторыми уже известными памятниками. Так, близкие по манере изображения деревьев присутствуют на процарапанном по сырой глине изображении яблоневого сада на керамической кружке II в. до н.э. из погребения 73 кургана 1 меотского могильника Псенафа в Адыгее³⁵. Туловища в виде вытянутых прямоугольников имеются у некоторых животных, изображенных на зеркале из собрания КГИАМЗ (лошадь и олени во второй и третьей сценах³⁶). Животное с двойным (на холке и в задней части) изгибом спины также есть на зеркале из КГИАМЗ – авторы публикации видят в нем быка³⁷. Как и в нашем случае, туловища животных, изображенных на зеркале из КГИАМЗ, покрыты штриховкой.

Более обтекаемые пропорции имеет покрытое штриховкой туловище животного (олени или лошади), процарапанное на фрагменте штукатурки из раскопок резиденции Хрисалиска на Таманском полуострове. По мнению Н.И. Сокольского, граффити с изображением животных на стенах этого оборонительно-жилого комплекса II–I вв. до н.э. связано с расселением на Азиатском Боспоре представителей племен меото-сарматского круга³⁸.

Таким образом, стилистика изображения на публикуемом зеркале имеет параллели в изобразительных памятниках, связанных с культурой меотских племен Северо-Западного Кавказа.

³¹ Равич 2011, 372.

³² Равич и др. 2004, 72.

³³ Равич 1983, 138–139, рис. 3.

³⁴ Шемаханская 2008, 398–407.

³⁵ Эрлих 2014, 56, 57, 126, 127, кат. 236; 2015, 84, 85.

³⁶ Берлизов и др. 2019, рис. 5; 6, 1–4.

³⁷ Берлизов и др. 2019, рис. 5; 6, 3, 4.

³⁸ Сокольский 1976, 90, 91, рис. 45.

СЮЖЕТ ИЗОБРАЖЕНИЙ

Не вызывает сомнений, что выгравированное на зеркале изображение следует рассматривать как комплекс всех трех представленных здесь сцен. Учитывая роль зеркал в религиозно-магических практиках древних народов, едва ли нанесенные на него изображения были картиной из жизни одного из представителей меотских племен, происходящей на фоне природы. Вероятнее всего, представленные на зеркале сцены описывают какие-то религиозные, мифологические или эпические сюжеты.

Центральное место, несомненно, занимает средняя сцена – дерево, со стоящими по обеим сторонам от него животными. Изображение «мирового древа» как оси мироздания, с группами расположенных по обеим сторонам животных известно на головных уборах (диадемах) сарматских жриц, погребенных в кургане Хохлач³⁹, кургане 10 Кобяковского могильника⁴⁰ и кургане 46 у ст. Усть-Лабинской⁴¹. Во всех трех случаях ближайшими к «мировому дереву» расположены фигуры оленей. Головы животных на публикуемом зеркале повреждены коррозией, и их вид определить не представляется возможным. Весьма вероятно, что и здесь по обеим сторонам от дерева были изображены олени. Впрочем, в росписях боспорских склепов известны сцены, в которых по обеим сторонам от «мирового древа» расположены лошади⁴².

Сюжет верхней, батальной, сцены – поединок двух конных воинов, из которых лучше сохранилось изображение правого всадника, наносящего удар топором своему, находящемуся слева, противнику. Поединки воинов, чаще конных, представлены в изобразительной традиции народов Евразии раннего железного века. Древнейшим из подобных изображений является сцена сражения всадника со спешенным воином на золотом гребне конца V – начала IV в. до н.э. из скифского царского кургана Солоха – всаднику помогает в сражении пеший воин, лошадь его противника убита. По мнению А.Ю. Алексеева, исследовавшего этот великолепный памятник торевтики, сцена отражает известное по Геродоту (IV. 78–80) событие династической истории Скифии – свержение царевичем Октамасадом при поддержке младшего брата Орика царя Скила⁴³.

К IV–III вв. до н.э. или несколько более позднему времени относится железная, плакированная золотом поясная пряжка из Керчи с изображением двух скачущих навстречу и замахивающихся копьями всадников⁴⁴. Всадник, выбивший ударом копья из седла противника, изображен в левой части нижнего фриза гравированного изображения на серебряном кубке из сарматского погребения I в. н.э. в Косике⁴⁵. Батальная сцена на большой костяной пластине из Орлатского могильника I–III вв. н.э. представляет собой изображение поединков четырех пар закованных в доспехи воинов (двух пар конных и двух, в которых противниками

³⁹ Засецкая 1975, 14, рис. 2; 2008, 34–36, 121, рис. 6, кат. 36; Яценко 1986, 15, 16, рис. 1, 5.

⁴⁰ Прохорова, Гугуев 1988, 41, рис. 1; 1992, 142, 143, 156, рис. 4; Гугуев 1992, 116–120, рис. 2–3; Прохорова 1994, 174–179, рис. 1; Засецкая 2008, 36, рис. 7.

⁴¹ Засецкая 1975, 16, рис. 3; 2008, 36, 121, рис. 8, кат. 37; Яценко 1986, 16, рис. 1, 6.

⁴² Ростовцев 1913, табл. LI, 1.

⁴³ Алексеев 2003, 72–88.

⁴⁴ Ростовцев 1913, табл. LXXXV, 3; фон Галль 1997, 180, рис. 3; Гуляев 2016, 188, рис. 1, 4.

⁴⁵ Трейстер 1994, 182, рис. 7; фон Галль 1997, 175, рис. 1–2.

являются конный и пеший воины), отличающихся разнообразием успешно применяемого ими наступательного вооружения – копий, мечей, боевого топора, лука со стрелами⁴⁶. В качестве взаимосвязанной композиции, передающей поединок двух всадников, скачущих навстречу и замахивающихся на противника короткими копьями, С.А. Яценко предлагает рассматривать изображения на парных фаларах из датированного II–I вв. до н.э. погребения 17 кургана 1 могильника Кривая Лука IX в Нижнем Поволжье⁴⁷. Говоря о поединках конных воинов, можно упомянуть росписи боспорских позднеантичных склепов, в которых этот сюжет также неоднократно встречается⁴⁸. Известны также изображения поединков пеших воинов, сражающихся копьями. Таковы сцены в правой части сюжетного фриза, прочерченного по сырой глине на тулове сероглиняного сосуда из погребения второй половины I – первой половины II в. н.э., открытого при раскопках на меотском Старокорсунском городище № 2⁴⁹ и на одной из малых орлатских пластин⁵⁰.

Не исключая того, что батальные сцены на перечисленных изобразительных памятниках могут изображать эпизоды конкретных исторических событий⁵¹, следует согласиться с мнением С.А. Яценко, что они, вероятнее всего, передают сюжеты древнего героического эпоса⁵².

Сцена поединка всадника на публикуемом зеркале имеет ряд значимых отличий. Прежде всего, это оружие, которым герой наносит удар противнику, – топор без выделенного обуха. Анализируя боспорский рельеф со сценой амазомахии, представляющий сражающихся варваров, В.С. Ольховский отметил, что при изображении оружия скульптор исходил из местных реалий, сознательно внося их в изобразительный текст «для усиления его достоверности»⁵³. Судя по всему, и на публикуемом зеркале мастер старался передать в рисунке изображения конкретного, хорошо известного в местной среде вида оружия. Среди материалов из сарматских памятников боевые топоры неизвестны. В то же время этот вид вооружения представлен в воинских комплексах меотской культуры. Среди находок из погребений меотских воинов-всадников IV в. до н.э. в Прикубанском могильнике и в кургане у п. Водный имеются боевые топоры клиновидной формы без выделенного обуха, близкие по форме изображенному в руке всадника на публикуемом зеркале⁵⁴.

Интересной деталью одеяния всадника является бахрома, украшающая рукава. Такой элемент одежды неизвестен на антропоморфных изображениях скифо-сарматского времени, но, видимо, был очень важным, поскольку древний мастер счел необходимым его отобразить. По мнению исследователей, в батальных сценах герой-протагонист наделен большим числом костюмных деталей и атрибутов, чем его противник⁵⁵.

⁴⁶ Пугаченкова 1989, 56–57, рис. 1.

⁴⁷ Дворниченко, Федоров-Давыдов 1981, 100–105, рис. 2–3; Яценко 2000а, 259, рис. 2, 1.

⁴⁸ Ростовцев 1914, 199–305; фон Галль 1997, 182–186.

⁴⁹ Анфимов 1992, 288, рис. 2.

⁵⁰ Пугаченкова 1989, 58, рис. 3.

⁵¹ Трейстер 1994, 200, примеч. 190; фон Галль 1997, 176–197.

⁵² Яценко 2000б, 86–104.

⁵³ Ольховский 2001, 152–153.

⁵⁴ Лимберис, Марченко 2020, 153–154, рис. 2, 8; 7, 1–3.

⁵⁵ фон Галль 1997, 176, 178; Яценко 2000а, 259; 2000б, 97.

Важным элементом батальных сцен, по мнению Х. фон Галля, является лошадь без седока, раненная или скачущая прочь от места сражения⁵⁶. Скачущий влево от места поединка конь имеется на публикуемом зеркале. Не исключено, что посередине нижней части батальной сцены на сильно поврежденном коррозией участке имелось изображение еще одного, поверженного врага, которому принадлежала убегающая лошадь.

Примечательно, что на многих древних изображениях батальных сцен (кубок из Косики, пластина из Орлата, парфянские рельефы и др.), как и сцен охоты, главный герой (протагонист) изображен слева. В нашем случае герой расположен справа. Аналогичное расположение наделенного большим количеством атрибутов персонажа известно еще на двух памятниках с изображением поединка – парных фаларах из могильника Кривая Лука IX⁵⁷ и на сосуде из погребения на Старокорсунском городище № 2⁵⁸. Последний, как и публикуемое зеркало, происходит с Северо-Западного Кавказа, с территории меотских племен. Расположение главного персонажа не слева, как это было принято в изобразительной традиции иранского мира⁵⁹, а справа обусловлено, возможно, влиянием местных западнокавказских традиций – судя по данным адыгской этнографии, правая сторона, в отличие от левой, считалась позитивной, почетной⁶⁰.

Согласно справедливому замечанию С.А. Яценко, «война и охота у кочевников считались наиболее достойными мужскими занятиями»⁶¹. В равной степени оно применимо и к древним племенам Кавказа, включая меотов и их степных соседей – сираков, особенно если речь идет не о простом смертном, а об эпическом герое.

Изображением охоты является нижняя сцена выгравированной на зеркале композиции. Правда, на двух, движущихся влево, ланей охотится не антропоморфный персонаж, а хищник, напоминающий по виду волка. Как и герой-протагонист в верхней сцене, волк расположен в правой части композиции. Судя по всему, аналогичный сюжет имеется и на зеркале из собрания КГИАМЗ, если животное с двойным изгибом спины (четвертая сцена) воспринимать не как быка, а как волка, преследующего убегающего вправо оленя (вторая сцена, расположенная с противоположной стороны зеркала)⁶². Сцена охоты на оленей имеется и на сосудике из погребения на Старокорсунском городище № 2, там охотником является антропоморфный персонаж, которому помогают две собаки⁶³. Не исключено, что в охотничьей сцене на публикуемом зеркале (и, возможно, на зеркале из собрания КГИАМЗ) хищник замещает героя-протагониста. Возможно, здесь имеет место развитие сюжета, зафиксированного адыгским преданием о гибели нарта Сосруко, – волк, отказавшийся есть плоть героя и пить его кровь, получает седьмую часть его силы⁶⁴.

⁵⁶ фон Галль 1997, 193, 195.

⁵⁷ Яценко 2000а, 259.

⁵⁸ Анфимов 1992, рис. 2; Яценко 2000б, 92, рис. 3.

⁵⁹ Ермоленко 2010, 53–61.

⁶⁰ Мижгаев 2002, 69.

⁶¹ Яценко 2000б, 86.

⁶² Берлизов и др. 2019, 164, рис. 4–5.

⁶³ Анфимов 1992, 288, рис. 2; Яценко 2000б, 92, рис. 3.

⁶⁴ Нарты... 1974, 223, 226.

Нельзя исключать, что при оформлении композиции нанесенного на зеркало рисунка его создатель исходил из стремления изобразить здесь традиционную для многих народов древности трехчастную структуру мира. В центре мироздания находится «мировое древо» с окружающими его животными. В верхнем мире – обожествленный герой сражается с врагами. В нижнем – хтонический хищник охотится на ланей.

Таким образом, основной круг аналогий сюжетам гравированных сцен на публикуемом зеркале относится к изобразительным памятникам сарматской и меотской культур. В меото-сарматских технологических традициях изготовлено и само несущее эти изображение зеркало.

Не приходится сомневаться, что выгравированная на публикуемом зеркале композиция отражает какие-то религиозные, мифологические или эпические представления древнего населения Северо-Западного Кавказа II–I вв. до н.э. Вместе с другими аналогичными изображениями она требует дальнейшего исследования и может стать важным источником для изучения духовной культуры меотов и соседних с ними кочевых племен.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев, А.Ю. 2003: Гребень из кургана Солоха и скифские цари V–IV веков до н.э. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа* 56, 72–88.
- Анфимов, Н.В. 1951: Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. В сб.: *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа* (МИА 23), 155–207.
- Анфимов, Н.В. 1992: Меотский сосуд с мифологическими сценами. В сб.: Г.Х. Мекулов (ред.), *Вопросы археологии Адыгеи*. Майкоп, 287–293.
- Барцева, Т.Б. 1981: *Цветная металлообработка скифского времени (Лесостепное днепровское левобережье)*. М.
- Бейлин, Д.В., Рукавишникова, И.В., Федосеев, Н.Ф., Смекалова, Т.Н., Антипенко, А.В., Лобода, А.Ю., Гурьева, П.В., Коваленко, Е.С., Мурашев, М.М., Терещенко, Е.Ю., Яцишина, Е.Б. 2024: Каменный склеп на северном участке некрополя Пантикапея (район «Глинище»): комплексный анализ металлических находок. *РА* 1, 75–92.
- Берлизов, Н.Е., Пьянков, А.В., Смаглюк, М.И. 2019: Бронзовое зеркало с гравированными изображениями из новых поступлений в Краснодарский музей-заповедник. *Из истории культуры народов Северного Кавказа* 11, 162–176.
- Богданова-Березовская, И.В. 1975: К вопросу о химическом составе зеркал Минусинской котловины В кн.: Лубо-Лесниченко, Е.И. *Привозные зеркала Минусинской котловины*. М., 131–141.
- фон Галль, Х. 1997: Сцена поединка всадников на серебряной вазе из Косики (Истоки и восприятие одного иранского мотива в Южной России). *ВДИ* 2, 174–198.
- Гугуев, В.К. 1992: Кобяковский курган (К вопросу о восточных влияниях на культуру сарматов I н.э. – начала II в. н.э.). *ВДИ* 4, 116–129.
- Гуляев, В.И. 2016: Антропоморфные поясные пряжки скифского времени из Крыма. *КСИА* 245.1, 185–190.
- Дворниченко, В.В., Федоров-Давыдов, Г.А. 1981: Фалары из сарматского погребения могильника Кривая Лука IX в Астраханской области. *КСИА* 168, 100–105.
- Ермоленко, Л.Н. 2010: О смысле «левого» и «правого» в композиции некоторых памятников изобразительного искусства древности. *Уральский исторический вестник* 1, 53–61.

- Засецкая, И.П. 1975: *Золотые украшения гуннской эпохи. По материалам Особой кладовой Государственного Эрмитажа*. Л.
- Засецкая, И.П. 2008: Золотые украшения из кургана Хохлач – классические образцы сарматского полихромного звериного стиля I – начала II в. н.э. В кн.: *Сокровища сарматов: Каталог выставки. К 100-летию со дня рождения академика Б.Б. Пиотровского*. СПб–Азов, 30–43.
- Кисель, В.А. 1993: Стилистическая и технологическая атрибуция серебряного зеркала из Келермеса. *ВДИ* 1, 111–125.
- Кисель, В.А. 2003: *Шедевры ювелиров Древнего Востока из скифских курганов*. СПб.
- Лимберис, Н.Ю., Марченко, И.И. 2023: О некоторых категориях меотского импорта в раннесарматских погребениях. В сб.: *Региональные особенности археологической периодизации савроматской и сарматских культур. Материалы XI Всероссийской научной конференции с международным участием «Проблемы сарматской археологии и истории», посвященной памяти А.С. Скрипкина*. Волгоград, 114–127.
- Лимберис, Н.Ю., Марченко, И.И., Кондратенко, А.В. 2020: Погребения меотских всадников с боевыми топорами из Прикубанского могильника. *Археологическое наследие* 3, 152–167.
- Лысенко, А.В., Масыкин, В.В., Мордвинцева, В.И. 2015: Могила № 1 некрополя римского времени Лучистое-2 (Южный Крым). *История и археология Крыма* 2, 295–333, 620–628.
- Максимова, М.И. 1954: Серебряное зеркало из Келермеса. *СА* XXI, 281–305.
- Марченко, И.И. 1996: *Сираки Кубани (по материалам курганных погребений Нижней Кубани)*. Краснодар.
- Мижаев, М.И. 2002: Космогонические мифы адыгов. В сб.: Р.А. Ханаху (ред.), *Мир культуры адыгов (проблемы эволюции и целостности)*. Майкоп, 62–79.
- Мошкова, М.Г., Рындина, Н.В. 1975: Сарматские зеркала Поволжья и Приуралья (химико-технологическое исследование). В сб.: Б.А. Колчин (ред.), *Очерки технологии древнейших производств*. М., 117–133.
- Нарты...* 1974: *Нарты. Адыгский героический эпос*. М.
- Новичихин, А.М., Смекалова, Т.Н. 2021: Комплекс предметов конского снаряжения протомеотского времени и раннескифское зеркало с южного берега Краснодарского водохранилища. Междисциплинарное исследование. В сб.: А.А. Малышев, А.Ю. Скаков (ред.), *Кобанская культурно-историческая общность в контексте древностей Кавказа. Памяти доктора исторических наук В.И. Козенковой*. М., 178–197.
- Ольховский, В.С. 2021: Рельеф с поселения Юбилейное I: этнографические и фольклорные реалии. В кн.: Е. Савостина (ред.), *Боспорский рельеф со сценой сражения (Амазономахия?)*. М.–СПб., 144–181.
- Приступа, О.И., Стародумов, Д.О., Яковлев, Я.А. 2002: *Окно в бесконечность. Бронзовые зеркала раннего железного века*. Ханты-Мансийск.
- Прохорова, Т.А. 1994: Некоторые аспекты идеологии сармато-алан. *ВДИ* 4, 174–182.
- Прохорова, Т., Гугуев, В. 1988: Богатое сарматское погребение в кургане на восточной окраине г. Ростова-на-Дону. *Известия Ростовского областного музея краеведения* 5, 40–49.
- Прохорова, Т.А., Гугуев, В.К. 1992: Богатое сарматское погребение в кургане 10 Кобяковского могильника. *СА* 1, 142–161.
- Пугаченкова, Г.А. 1987: *Из художественной сокровищницы Среднего Востока*. Ташкент, 56–64.
- Равич, И.Г. 1983: Эталонные микроструктуры оловянной бронзы. *Художественное наследие. Хранение, исследование, реставрация* 8, 136–142.
- Равич, И.Г. 2001: Некоторые типы высокооловянных горячекованных зеркал сарматского времени и их технологические особенности. *Историко-археологический альманах* 7, 43–54.

- Равич, И.Г. 2004. К вопросу о происхождении и применении зеркал сарматского времени с валиком по краю диска. *Исследование и консервация памятников культуры*. М., 67–76.
- Равич, И.Г. 2006: Некоторые типы высокооловянных горячекованных зеркал сарматского времени и их технологические особенности. *КСИА* 220, 42–51.
- Равич, И.Г. 2007: Техничко-технологическая характеристика изделий из цветного металла из Раевского некрополя. В кн.: А.А. Малышев (ред.), *Юго-Восточная периферия Боспора в эллинистическое время. По материалам Раевского некрополя*. М., 234–242.
- Равич, И.Г. 2008: Химико-технологическая характеристика изделий из цветного металла из погребений некрополей в Цеммеской долине и Широкой Балке (I–III вв. н.э.). В кн.: А.А. Малышев (ред.), *Аспургиане на юго-востоке Азиатского Боспора. По материалам Цемдолинского могильника*. М., 272–279.
- Равич, И.Г. 2011: Особенности состава изделий из цветного металла, найденных в некрополе Широкая Балка. В кн.: А.А. Малышев (ред.), *Население предгорий северо-западного Кавказа в римскую эпоху по материалам некрополя в Широкой Балке*. М., 369–374.
- Ростовцев, М.И. 1913: *Античная декоративная живопись на Юге России. Атлас*. СПб.
- Ростовцев, М.И. 1914: *Античная декоративная живопись на Юге России. Текст*. СПб.
- Савельева, А.С. 2019: Об элементном составе металла зеркал тагарской культуры. *Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница»* 9, 40–52.
- Сокольский, Н.И. 1976: *Таманский толос и резиденция Хрисалиска*. М.
- Сорокина, Н.П., Трейстер, М.Ю. 1983: Две группы бронзовых зеркал из собрания Государственного исторического музея. *СА* 4, 142–153.
- Тигеева, Е.В., Белоногова, Л.Н. 2018: Зеркала саргатской культуры Тоболо-Ишимского междуречья. *Вестник археологии, антропологии и этнографии* 4 (43), 84–96.
- Трейстер, М.Ю. 1994: Сарматская школа художественной торевтики (К открытию сервиза из Косики). *ВДИ* 1, 172–203.
- Хазанов, А.М. 1963: Генезис сарматских бронзовых зеркал. *СА* 4, 58–71.
- Хазанов, А.М. 1964: Религиозно-магическое понимание зеркал у сарматов. *СЭ* 3, 89–96.
- Шемаханская, М.С. 2008: Феномен высокооловянистой посуды – от древности до наших дней. В сб.: А.В. Трезвов, Л.И. Лифшиц, О.В. Яхонт (отв. ред.), *Исследования в консервации культурного наследия*. Вып. 2. *Материалы международной научно-методической конференции, посвященной 50-летию ГосНИИР*. М., 291–298.
- Эрлих, В.Р. 2014: *Древности долины яблонь. Каталог выставки*. М.
- Эрлих, В.Р. 2015: *От ремесла – к искусству. Путеводитель по археологической экспозиции СКФ ГМВ*. М.
- Яценко, С.А. 1986: Диадемы степных кочевников Восточной Европы в сарматскую эпоху. *КСИА* 186, 14–20.
- Яценко, С.А. 2000а: Атропоморфные образы в искусстве ираноязычных народов Сарматии II–I вв. до н.э. *Stratum plus* 4, 251–272.
- Яценко, С.А. 2000б: Эпический сюжет ираноязычных кочевников в древностях степной Евразии. *ВДИ* 4, 86–104.
- Craddock, P.T. 1978: The composition of the Copper Alloys used by the Greek, Etruscan and Roman civilisations: 3. The origins and Early use of Brass. *Journal of Archaeological Science* 5, 1–16.
- Dungworth, D.B. 1995: *Iron Age and Roman copper alloys from northern Britain*. Durham theses, Durham University. Available at: <http://etheses.dur.ac.uk/1024/>
- Meeks, N.D. 1986: Tin-rich surfaces on bronze – some experimental and archaeological considerations. *Archaeometry* 28 (2), 133–162.

REFERENCES

- Alekseev, A.Yu. 2003: Greben' iz kurgana Solokha i skifskie tsari V–IV vekov do n.e. [Comb from the Solokha Kurgan and Scythian kings of the 5th–4th centuries BC]. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological collection of the State Hermitage] 56, 72–88.
- Anfimov, N.V. 1951: Meoto-sarmatskiy mogil'nik u stanitsy Ust'-Labinskoy [Meoto-Sarmatian burial ground near the village of Ust-Labinskaya]. In: *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza* [Materials and research on the archeology of the North Caucasus] (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and Research on the Archaeology of the USSR] 23), 155–207.
- Anfimov, N.V. 1992: Meotskiy sosud s mifologicheskimi stsenami [Meotian vessel with mythological scenes]. In: G.Kh. Mekulov (ed.), *Voprosy arkheologii Adygei* [Questions of Archaeology of Adygea]. Maykop, 287–293.
- Bartseva, T.B. 1981: *Tsvetnaya metalloobrabotka skifskogo vremeni (Lesostepnoe dneprovskoe levoberezh'e)* [Non-ferrous metalworking of the Scythian time (Forest-steppe Dnieper left bank)]. Moscow.
- Berlizov, N.E., Pyankov, A.V., Smaglyuk, M.I. 2019: Bronzovoe zerkalo s gravirovannymi izobrazheniyami iz novykh postupleniy v Krasnodarskiy muzey-zapovednik [Bronze mirror with engraved images from new acquisitions in the Krasnodar Museum-Reserve]. *Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza* [From the history of culture of the peoples of the North Caucasus] 11, 162–176.
- Beylin, D.V., Rukavishnikova, I.V., Fedoseev, N.F., Smekalova, T.N., Antipenko, A.V., Loboda, A.Yu., Guryeva, P.V., Kovalenko, E.S., Murashev, M.M., Tereshchenko, E.Yu., Yatsishina, E.B. 2024: Kamennyy sklep na severnom uchastke nekropolya Pantikapeya (rayon «Glinishche»): kompleksnyy analiz metallicheskih nakhodok [Stone crypt in the northern section of the Panticapaeum necropolis (Glinishche area): a comprehensive analysis of metal finds]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology] 1, in print.
- Bogdanova-Berezovskaya, I.V. 1975: K voprosu o khimicheskom sostave zerkal Minusinskoy kotloviny [On the question of the chemical composition of the mirrors of the Minusinsk Basin]. In: Lubo-Lesnichenko, E.I. *Privoznye zerkala Minusinskoy kotloviny* [Imported mirrors from the Minusinsk basin]. Moscow, 131–141.
- Craddock, P.T. 1978: The composition of the Copper Alloys used by the Greek, Etruscan and Roman civilisations: 3. The origins and Early use of Brass. *Journal of Archaeological Science* 5, 1–16.
- Dungworth, D.B. 1995: *Iron Age and Roman copper alloys from northern Britain*. Durham theses, Durham University. Available at: <http://etheses.dur.ac.uk/1024/>
- Dvornichenko, V.V., Fedorov-Davydov, G.A. 1981: Falary iz sarmatskogo pogrebeniya mogil'nika Krivaya Luka IX v Astrakhanskoy oblasti [Falars from a Sarmatian burial at the Krivaya Luka IX burial ground in the Astrakhan region]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 168, 100–105.
- Erlikh, V.R. 2014: *Drevnosti doliny yablon'*. Katalog vystavki [Antiquities of the valley of apple trees. Exhibition catalogue]. Moscow.
- Erlikh, V.R. 2015: *Ot remesla – k iskusstvu. Putevoditel' po arkheologicheskoy ekspozitsii SKF GMV* [From craft to art. Guide to the archaeological exposition of the North Caucasian branch of the State Museum of Oriental Art]. Moscow.
- Ermolenko, L.N. 2010: O smysle «levogo» i «pravogo» v kompozitsii nekotorykh pamyatnikov izobrazitel'nogo iskusstva drevnosti [On the meaning of “left” and “right” in the composition of some monuments of the fine arts of antiquity]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Bulletin] 1, 53–61.

- Guguev, V.K. 1992: [Kobyakovsky barrow (On the issue of eastern influences on the culture of the Sarmatians in the 1st century AD – early 2nd century AD)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 116–129.
- Gulyaev, V.I. 2016: Antropomorfnye poyasnye pryazhki skifskogo vremeni iz Kryma [Anthropomorphic belt buckles of the Scythian period from the Crimea]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 245 (1), 185–190.
- Khazanov, A.M. 1963: Genezis sarmatskikh bronzovykh zerkal [Genesis of Sarmatian bronze mirrors]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 4, 58–71.
- Khazanov, A.M. 1964: Religiozno-magicheskoe ponimanie zerkal u sarmatov [Religious and magical understanding of mirrors among the Sarmatians]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography] 3, 89–96.
- Kisel, V.A. 1993: Stilisticheskaya i tekhnologicheskaya atributsiya serebryanogo zerkala iz Kelermesa [Stylistic and technological attribution of the silver mirror from Kelermes]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 111–125.
- Kisel, V.A. 2003: *Shedevry yuvelirov Drevnego Vostoka iz skifskikh kurganov* [Masterpieces of jewelers of the Ancient East from the Scythian burial mounds]. Sankt Petersburg.
- Limberis, N.Yu., Marchenko, I.I. 2023: O nekotorykh kategoriakh meotskogo importa v rannesarmatskikh pogrebeniyakh [On some categories of Meotian imports in early Sarmatian burials]. In: *Regional'nye osobennosti arkheologicheskoy periodizatsii savromatskoy i sarmatskikh kul'tur. Materialy XI Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem "Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii", posvyashchennoy pamyati A.S. Skripkina* [Regional features of the archaeological periodization of the Sauromatian and Sarmatian cultures. Materials of the 11th All-Russian scientific conference with international participation "Problems of Sarmatian archeology and history", dedicated to the memory of A.S. Skripkin]. Volgograd, 114–127.
- Limberis, N.Yu., Marchenko, I.I., Kondratenko, A.V. 2020: Pogrebeniya meotskikh vsadnikov s boevymi toporami iz Prikubanskogo mogil'nika [Burials of Meotian horsemen with battle axes from the Kuban burial ground]. *Arkheologicheskoe nasledie* [Archaeological Heritage] 3, 152–167.
- Lysenko, A.V., Masyakin, V.V., Mordvintseva, V.I. 2015: Mogila № 1 nekropolya rimskogo vremeni Luchistoe-2 (Yuzhnyy Krym) [Grave No. 1 of the necropolis of the Roman period Luchistoye-2 (South Crimea)]. *Istoriya i arkheologiya Kryma* [History and Archaeology of Crimea] 2, 295–333, 620–628.
- Maksimova, M.I. 1954: Serebryanoe zerkalo iz Kelermesa [Silver mirror from Kelermes]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] XXI, 281–305.
- Marchenko, I.I. 1996: *Siraki Kubani (po materialam kurgannykh pogrebeniy Nizhney Kubani)* [Siraki of the Kuban (Based on the burial mounds of the Lower Kuban)]. Krasnodar.
- Meeks, N.D. 1986: Tin-rich surfaces on bronze – some experimental and archaeological considerations. *Archaeometry* 28 (2), 133–162.
- Mizhaev, M.I. 2002: Kosmogonicheskie mify adygov [Cosmogonic myths of the Adygs]. In: R.A. Khanakhu (ed.), *Mir kul'tury adygov (problemy evolyutsii i tselostnosti)* [The world of culture of the Adyghes (problems of evolution and integrity)]. Maykop, 62–79.
- Moshkova, M.G., Ryndina, N.V. 1975: Sarmatskie zerkala Povolzh'ya i Priural'ya (khimiko-tekhnologicheskoe issledovanie) [Sarmatian mirrors of the Volga and Ural regions (chemical and technological research)]. In: B.A. Kolchin (ed.), *Ocherki tekhnologii drevneyshikh proizvodstv* [Essays on the technology of ancient industries]. Moscow, 117–133.
- Narty... 1974: *Narty. Adygskiy geroicheskiy epos* [The Narts. Adyghes heroic epic]. Moscow.
- Novichikhin, A.M., Smekalova, T.N. 2021: Kompleks predmetov konskogo snaryazheniya protomeotskogo vremeni i ranneskifskoe zerkalo s yuzhnogo berega Krasnodarskogo vodokhranilishcha. Mezhdistsiplinarnoe issledovanie [A complex of items of horse

- equipment of the Proto-Meotian period and an early Scythian mirror from the southern shore of the Krasnodar reservoir. Interdisciplinary research]. In: A.A. Malyshev, A.Yu. Skakov (eds.), *Kobanskaya kul'turno-istoricheskaya obshchnost' v kontekste drevnostey Kavkaza. Pamyati doktora istoricheskikh nauk V.I. Kozenkovoy* [Koban cultural and historical community in the context of the antiquities of the Caucasus. In memory of Doctor of Historical Sciences V.I. Kozenkova]. Moscow, 178–197.
- Olkhovskiy, V.S. 2021: Rel'ef s poseleniya Yubileynoe I: etnograficheskie i fol'klornye realii [A Relief from the Settlement Yubileinoe I: Ethnographie and Folklore Features]. In: E. Savostina (ed.), *Bosporskiy rel'ef so stsenoy srazheniya (Amazonomakhia?)* [Bosporan battle relief (Amazonomachia?)]. Moscow–Sankt Petersburg, 144–181.
- Pristupa, O.I., Starodumov, D.O., Yakovlev, Ya.A. *Okno v beskonechnost'. Bronzovye zerkala rannego zheleznogo veka* [Window to infinity. Bronze mirrors of the early Iron Age]. Khanty-Mansiysk.
- Prokhorova, T., Guguev, V. 1988: Bogatoye sarmatskoye pogrebenie v kurgane na vostochnoy okraine g. Rostova-na-Donu [A rich Sarmatian burial in a burial mound on the eastern outskirts of Rostov-on-Don]. *Izvestiya Rostovskogo oblastnogo muzeya kraevedeniya* [Proceedings of the Rostov Regional Museum of Local Lore] 5, 40–49.
- Prokhorova, T.A. 1994: Nekotorye aspekty ideologii sarmato-alan [Some aspects of the ideology of the Sarmatian-Alans]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 174–182.
- Prokhorova, T.A., Guguev, V.K. 1992. Bogatoye sarmatskoye pogrebenie v kurgane 10 Kobyakovskogo mogil'nika [A rich Sarmatian burial in Kurgan 10 of the Kobyakovsky burial ground]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 1, 142–161.
- Pugachenkova, G.A. 1987: *Iz khudozhestvennoy sokrovishchnitsy Srednego Vostoka* [From the Artistic Treasury of the Middle East]. Tashkent, 56–64.
- Ravich, I.G. 1983: Etalony mikrostruktur olovyannoy bronzy [Standards of microstructures of tin bronze]. [Artistic heritage. Storage, research, restoration] 8, 136–142.
- Ravich, I.G. 2001: Nekotorye tipy vysokoolovnyannykh goryachekovannykh zerkal sarmatskogo vremeni i ikh tekhnologicheskie osobennosti [Some types of high-tin hot-forged mirrors of the Sarmatian period and their technological features]. *Istoriko-arkheologicheskii al'manakh* [Historical and Archaeological Almanac] 7, 43–54.
- Ravich, I.G. 2004. K voprosu o proiskhozhdenii i primenenii zerkal sarmatskogo vremeni s valikom po krayu diska. [On the question of the origin and use of mirrors of the Sarmatian period with a roller along the edge of the disk]. *Issledovaniye i konservatsiya pamyatnikov kul'tury* [Research and conservation of cultural monuments]. Moscow, 67–76.
- Ravich, I.G. 2006: Nekotorye tipy vysokoolovnyannykh goryachekovannykh zerkal sarmatskogo vremeni i ikh tekhnologicheskie osobennosti [Some types of hot-forged mirrors of Sarmatian times with high tin content (technical specifics)]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 220, 42–51.
- Ravich, I.G. 2007: Tekhniko-tekhnologicheskaya kharakteristika izdeliy iz tsvetnogo metalla iz Raevskogo nekropolya [Technical and technological characteristics of non-ferrous metal products from the Raevsky necropolis.]. In: A.A. Malyshev (ed.), *Yugo-Vostochnaya periferiya Bospora v ellinisticheskoy vremya. Po materialam Raevskogo nekropolya* [South-eastern periphery of the Bosphorus in the Hellenistic period. Based on the materials of the Raevsky necropolis]. Moscow, 234–242.
- Ravich, I.G. 2008: Khimiko-tekhnologicheskaya kharakteristika izdeliy iz tsvetnogo metalla iz pogrebeniy nekropol'ey v Tsemmesskoy doline i Shirokoy Balke (I–III vv. n.e.) [Chemical-technological characteristics of non-ferrous metal items from necropolis burials in the Tsemmes Valley and Shirokaya Balka (1st–3rd centuries AD)]. In: A.A. Malyshev (ed.), *Aspurgiane na yugo-vostoke Aziatskogo Bospora. Po materialam Tsemdolinskogo*

- mogil'nika* [Aspurgians in the southeast of the Asian Bosporus. According to the materials of the Tsemdolinsky burial ground]. Moscow, 272–279.
- Ravich, I.G. 2011: Osobennosti sostava izdeliy iz tsvetnogo metalla, naydennykh v nekropole Shirokaya Balka [Features of the composition of non-ferrous metal items found in the Shirokaya Balka necropolis]. In: A.A. Malyshev (ed.), *Naselenie predgoriy severo-zapadnogo Kavkaza v rimskuyu epokhu po materialam nekropolya v Shirokoy Balke* [The population of the foothills of the northwestern Caucasus in the Roman era based on materials from the necropolis in Shirokaya Balka]. Moscow, 369–374.
- Rostovtsev, M.I. 1913: *Antichnaya dekorativnaya zhivopis' na Yuge Rossii. Atlas* [Antique decorative painting in the South of Russia. Atlas]. Sankt Petersburg.
- Rostovtsev, M.I. 1914: *Antichnaya dekorativnaya zhivopis' na Yuge Rossii. Tekst* [Antique decorative painting in the South of Russia. Text]. Sankt Petersburg.
- Savelyeva, A.S. 2019: Ob elementnom sostave metalla zerkal tagarskoy kul'tury [On the elemental composition of the metal of mirrors of the Tagar culture.]. *Uchenye zapiski muzeya-zapovednika «Tomskaya Pisanitsa»* [Scientific Notes of the Museum-Reserve "Tomskaya Pisanitsa"] 9, 40–52.
- Shemakhanskaya, M.S. 2008: Fenomen vysokoolovyanistoy posudy – ot drevnosti do nashikh dney [The phenomenon of high-tin utensils – from antiquity to the present day]. In: A.V. Trezvov, L.I. Lifshits, O.V. Yakhont (eds.), *Issledovaniya v konservatsii kul'turnogo naslediya. Vyp. 2. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-metodicheskoy konferentsii, posvyashchennoy 50-letnemu yubileyu GosNIIR* [Studies in the conservation of cultural heritage. Vol. 2. Materials of the international scientific and methodological conference dedicated to the 50th anniversary of State Research Institute of Restoration]. Moscow, 291–298.
- Sokol'skiy, N.I. 1976: *Tamanskiy tolos i rezidentsiya Khrisaliska* [Taman tholos and residence of Chrysaliscus]. Moscow.
- Sorokina, N.P., Treyster, M.Yu. 1983: Dve gruppy bronzovykh zerkal iz sobraniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Two groups of bronze mirrors from the collection of the State Historical Museum]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 4, 142–153.
- Tigeeva, E.V., Belonogova, L.N. 2018: Zerkala sargatskoy kul'tury Tobolo-Ishimskogo mezhdurech'ya [Mirrors of the Sargatka culture in the Tobol-Ishim interfluvial basin]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Journal of Archaeology, Anthropology and Ethnography] 4 (43), 84–96.
- Treyster, M.Yu. 1994: Sarmatskaya shkola khudozhestvennoy torevtiki (K otkrytiyu serviza iz Kosiki) [Sarmatian Toreutic School (A Tableware Set from Koika)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 172–203.
- von Hall, X. 1997: Stena poedinka vsadnikov na serebryanoy vaze iz Kosiki (Istoki i vospriyatie odnogo iranskogo motiva v Yuzhnoy Rossii) [A Duel of Horseman on the Silver Vase from Kosika (Sources and Perception of an Iranian Motif in Southern Russia)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 174–198.
- Yatsenko, S.A. 1986: Diademy stepnykh kochevnikov Vostochnoy Evropy v sarmatskuyu epokhu [Tiaras of the steppe nomads of Eastern Europe in the Sarmatian era]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 186, 14–20.
- Yatsenko, S.A. 2000a: Atropomorfnye obrazy v iskusstve iranoyazychnykh narodov Sarmatii II–I vv. do n.e. [The Antropomorphical Images in the Art of the Iranian-speaking Peoples of Sarmatia in the II–I cc. BC]. *Stratum plus* 4, 251–272.
- Yatsenko, S.A. 2000b: Epicheskiy syuzhet iranoyazychnykh kochevnikov v drevnostyakh stepnoy Evrazii [An Epic Subject of the Iranian-Speaking Nomads in the Antiquities of the Eurasian Steppes]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 86–104.

- Zasetskaya, I.P. 1975: *Zolotyie ukrasheniya gunnskoj epokhi. Po materialom Osoboy kladovoy Gosudarstvennogo Ermitazha* [Golden jewelry of the Hun era. Based on material from the Special Storeroom of the State Hermitage]. Leningrad.
- Zasetskaya, I.P. 2008: *Zolotyie ukrasheniya iz kurgana Khokhlach – klassicheskie obraztsa sarmatskogo polikhromnogo zverinogo stilya I – nachala II v. n.e.* [Gold jewelry from the Khokhlach mound is a classic example of the Sarmatian polychrome animal style of the 1st – early 2nd centuries AD]. In: *Sokrovishcha sarmatov: Katalog vystavki. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya akademika B.B. Piotrovskogo* [Treasures of the Sarmatians: Exhibition catalogue. To the 100th anniversary of Academician B.B. Piotrovsky]. Sankt Petersburg–Azov, 30–43.

MIRROR WITH PLOT IMAGES FROM THE EASTERN TRANS-KUBAN REGION: AN INTERDISCIPLINARY STUDY

Andrey M. Novichikhin¹, Tatiana N. Smekalova², Aleksandr G. Kokoulin³

¹ *Anapa Archaeological Museum, Anapa, Russia*

² *V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia*

³ *Independent researcher, Yevpatoria, Russia*

¹ *E-mail: yazamat10@yandex.ru* ² *E-mail: tnsmek@mail.ru* ³ *E-mail: shurshon66@mail.ru*

The article presents the results of a comprehensive study of a metal mirror with plot images originating from the Eastern Trans-Kuban region. A flat mirror with a trapezoidal handle belongs to type IV, according to the classification of I.I. Marchenko, and, according to external signs, dates back to the end of the 2nd–1st centuries AD. Mirrors of this type are characteristic for the material culture of the Meotians of the North-Western Caucasus. X-ray fluorescence analysis of the metal showed that the mirror was made of tin-lead bronze with a high content of tin (>18%) and a moderate content of lead (~5%). This technology reflects the Meoto-Sarmatian metallurgical traditions characteristic of the region. The images engraved on the mirror represent a composition of three scenes: the “tree of life” with ungulates standing on both sides (central scene), a duel between two horsemen (upper scene), and a wolf hunting for fallow deer (lower scene). The style of the image and the plots presented in the composition have analogies in the monuments of applied art of the Sarmatians and Meotians. The plot scenes engraved on the mirror reflect the religious, mythological or epic ideas of the ancient population of the North-Western Caucasus.

Keywords: mirror, North-Western Caucasus, X-ray fluorescence analysis, tin-lead bronze, Meotians, Sarmatians, plot images, mythology, religion, epos

DOI: 10.18503/1992-0431-2024-2-84-88–94

НЕКРОПОЛЬ ФАНАГОРИИ В КОНТЕКСТЕ ПОЛЕВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

А.Н. Ворошилов¹, О.М. Ворошилова²

Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия

¹ E-mail: voroshilov.aleksej@yandex.ru ² E-mail: helga-mir@yandex.ru

¹ ORCID: 0000-0003-2830-8114 ² ORCID: 0000-0002-9789-9168

В статье представлены некоторые наблюдения о методических особенностях раскопок некрополя Фанагории. Последний является максимально сложным памятником для раскопок на Азиатском Боспоре. Столичный статус города стал причиной разнообразия погребальных традиций его жителей. Насыщенное погребениями древнее кладбище формировалось на протяжении тысячелетия и имеет грандиозные размеры. Отмечается наилучшая сохранность археологического ландшафта некрополя в регионе. Курганы представляли собой сложные архитектурные сооружения. Большинство каменных гробниц под ними сильно разрушены. Помимо камня, для постройки усыпальниц под курганами использовался сырцовый кирпич, но большинство гробниц вырубались в грунте. Наиболее сложная методика применяется при раскопках грунтовых склепов. Они имеют сложную конструкцию и грандиозные размеры. Дерево редко сохраняется в глубоких погребениях Фанагории, но современные методы полевой работы позволяют реконструировать деревянные конструкции по отпечаткам предметов в грунте. Некрополь Фанагории является эталонным памятником для изучения античных кладбищ на территории Таманского полуострова.

Ключевые слова: Фанагория, некрополь, античность, погребения, полевая археология, методика исследований, Таманский полуостров

Полевые археологические исследования – очень сложная сфера научной деятельности. Далеко не каждый талантливый ученый-археолог является высококлассным полевым исследователем. В иерархии многочисленных квалификаций, обязательных для «полевика», особенное место занимает так называемое «чув-

Данные об авторах. Алексей Николаевич Ворошилов – кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела научной информации и подготовки публикаций ИА РАН; Ольга Михайловна Ворошилова – кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела классической археологии ИА РАН.

Статья подготовлена в рамках плановой темы ИА РАН «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (№ НИОКТР 122011200269-4).

ство земли». Редкому археологу, обладающему этим «сплавом» врожденной интуиции, практического опыта и теоретических знаний, удается достичь вершины совершенствования в этой сфере. Одним из таких уникальных людей является Алексей Андреевич Завойкин. Этот факт подтверждает множество его коллег и учеников, которым довелось работать с ним в поле. Так сложилось, что особенное место в жизни юбиляра занимает древняя Фанагория, не чужды его интересам и материалы ее некрополя¹. Памятуя об этом, в данной статье мы попытались лаконично представить некоторые наблюдения относительно методических особенностей полевых исследований крупнейшего античного кладбища из наиболее сохранившихся некрополей больших боспорских городов.

Следует признать, что «город мертвых» Фанагории является максимально сложным для изучения памятником на Азиатском Боспоре. В первую очередь это обусловлено столичным статусом города, где проживали носители разнообразных культурных и, конечно же, погребальных традиций, обусловивших значительное разнообразие гробниц, обрядов и находок. Впечатляет и тысячелетняя продолжительность формирования античного некрополя (V в. до н.э. – V в. н.э.), безусловно повлиявшая на его насыщенность погребениями. Этими обстоятельствами обусловлены и грандиозные размеры античного кладбища², площадь которого составляет не менее 850 га.

Столь внушительные пространства, занятые древними захоронениями, определили их максимально разнообразную геологическую оболочку. Этот фактор имеет большое значение, так как подавляющее большинство погребальных комплексов грунтовые, да и те, что построены из камня и бетона, так же находятся в толще земли. На разных участках кладбища материковый грунт весьма разнообразен. В восточной части некрополя преобладают глины и пески, выходящие к поверхности чередующимися слоями, не всегда расположенными горизонтально. Характерной особенностью ситуации на западе от городища является большое количество выходов железняка. Это одна из самых прочных пород, в которых располагаются погребения Фанагории. Как правило, залегает она в виде горизонтальных слоев разной мощности вместе с песками и глинами. Прослойки этой породы в некоторых случаях формируют максимально прочные своды грунтовых склепов. Общей особенностью для всех участков некрополя является преобладание так называемой «глины-белоглазки» – светло-коричневой глины с регулярными известняковыми вкраплениями. На разной глубине присутствуют также слои голубой глины, выходящие на поверхность у береговой линии или уже под поверхностью Таманского залива. Следует отметить, что грунт фанагорийского некрополя весьма агрессивен в отношении как органических материалов, так и металлических предметов, происходящих из захоронений.

Важной позитивной особенностью некрополя Фанагории является высокий уровень сохранности его археологического ландшафта. Древняя топография этого античного кладбища уцелела лучше, чем в других боспорских городах. В результате удачного стечения обстоятельств большая часть фанагорийского кладбища до сих пор не застроена и доступна для полноценного изучения.

¹ Завойкин, Шавырина 2013; Завойкин и др. 2016.

² Кузнецов 2007, 5.

Однако верхний слой фанагорийского некрополя значительно пострадал в результате антропогенного воздействия. Помимо локальных повреждений на значительную глубину в процессе строительных работ, прокладки коммуникаций и военных действий, значительная его площадь подвергается систематической плантажной распашке на глубину до метра. Именно она стала причиной обнаружения многих каменных надгробий и архитектурных деталей в результате разрушения неглубоких комплексов или насыпей курганов. На тех участках некрополя, поверхность которых уцелела от воздействий человека, фиксируется мощный слой почвообразования – иногда более метра. Это обстоятельство сильно затрудняет выявление границ грунтовых погребальных сооружений, расположенных недалеко от поверхности.

Курганы, выстроенные в системы аллей, протянувшихся вдоль древних дорог и возвышенностей, окружавших город, формируют «скелет» некрополя. Все приподнятые на местности участки имеют на своей поверхности следы древних насыпей, за исключением действующего грязевого вулкана – Майской горы (Шапурская, Блевака), возвышающейся южнее города и окруженной аллеями курганов. Ее вершина и склоны почти свободны от древних насыпей.

Перемещаясь на следующий уровень организации некрополя, обратим внимание на устройство курганных насыпей. Размеры и сохранившаяся форма курганов весьма разнообразны. Самые крупные из уцелевших насыпей достигали до 10 м в высоту и более 100 м в диаметре. Небольшие курганы сегодня еле заметны на пашне. Многие насыпи в результате антропогенного воздействия уже не фиксируются визуально, однако при должном методическом подходе могут быть реконструированы по выявленной в ходе раскопок планиграфической ситуации.

Раскопки курганов последних лет позволили установить, что их насыпи представляли собой сложные архитектурные сооружения, которые помимо ритуальных функций выполняли вполне утилитарные. Тщательная фиксация стратиграфии насыпей позволяет судить о сложной системе пластов грунта различной структуры, разделенных мощными прослойками из камки. Отложение карбонатов в материковом грунте по периметру насыпи свидетельствует о реализации дренажа насыпи кургана. Благодаря этому архитектурному приему вода отводилась от ядра насыпи и расположенного в нем основного погребения к полам кургана. Выявление подобных археологических реалий в поле требует тщательной зачистки разрезов и детальную их фиксацию. Обнаружение карбонатов под полами кургана возможно при значительном запасе прохождения материкового грунта вглубь (иногда до 1–2 м ниже уровня появления материка). Качественные и многочисленные разрезы насыпи в некоторых случаях позволяют обнаружить древнюю погребенную поверхность, пашню античного времени или насыпь более раннего кургана. Необходимо отметить, что некоторые фанагорийские курганы были построены над трудно обнаруживаемыми археологическими комплексами в виде тонкой прослойки остатков кремации, располагавшимися на древнем горизонте, а в материк уходили исключительно более поздние грунтовые погребальные сооружения. Этот факт говорит о необходимости тщательного последовательного изучения каждой насыпи независимо от ее размеров и сохранности.

Как правило, основным погребальным комплексом, над которым сооружались крупные курганы, являлись каменные сооружения. Погребальные построй-

ки из тесанного известняка встречаются гораздо реже грунтовых захоронений в могилах и склепах. Объясняется это дороговизной качественного строительного камня на Азиатском Боспоре, который доставлялся сюда морем из каменоломан Пантикапея. Только знатные и состоятельные жители города могли позволить себе строительство монументальных гробниц. В Фанагории присутствуют два основных типа каменных гробниц: склепы и каменные ящики. В контексте рассмотрения полевой методики, важно отметить плачевную сохранность большинства каменных склепов. Это связано с древними ограблениями этих самых богатых гробниц, раскопками курганов в XIX в., а также добычей строительного камня местными жителями в новое и новейшее время. В результате этих действий значительная часть археологических комплексов к моменту раскопок представляла собой котлован с турбированным заполнением, в котором сохранились обломки известняковых блоков, изначально формировавших конструктивные элементы каменных гробниц. Такой уровень сохранности древних объектов актуализирует необходимость тщательной расчистки и фиксации основания стен и пола гробниц. Соблюдение этих принципов в некоторых случаях позволяет выявить устройство гробницы по отпечаткам блоков на поверхности дна котлована и реконструировать архитектурные особенности сооружения. Отметим, что в редких случаях каменные усыпальницы сохраняются довольно хорошо, что позволяет полностью восстановить их облик.

Наряду с камнем для постройки престижных усыпальниц горожане использовали и наиболее доступный на Азиатском Боспоре строительный материал – сырцовый кирпич. Это выглядит вполне закономерным явлением, соответствующим археологическим реалиям, выявленным при раскопках городских структур³. Из кирпича в классическое и эллинистическое время строились склепы и ящики – основные или впускные гробницы под насыпями некоторых курганов. Массово его применяли в качестве элемента конструкции при возведении перекрытий и кладов в грунтовых погребальных комплексах. Отметим, что работа с сырцовыми погребальными постройками или элементами конструкции гробниц некрополя весьма трудоемкая и сложная. Решающее значение здесь имеет сохранность этого материала, которая варьируется от идеально сохранившихся кладок, позволяющих фиксировать форму и размеры отдельных кирпичей, до массива плотной глины, которую трудно отделить от окружающего ее геологического слоя. В некоторых случаях облегчает полевую работу с этим строительным материалом частое его сочетание в погребальной архитектуре с деревянными элементами и камкой, реже камнем. Это позволяет конкретизировать формы и детали конструкций, отслаивая поверхности в зоне границ разных материалов.

Наиболее трудоемкими с точки зрения современной полевой археологической деятельности являются раскопки грунтовых склепов. Зачастую исследование этих гробниц требует нетривиальных решений и сложных организации работ. Особенно сложными являются механизмы исследования склепов римского и позднеантичного времени. Эти относительно поздние гробницы, как правило, тесно встроены в более раннее погребальные ансамбли, что предполагает существенную связь стратегии исследования каждой из них с раскопками окружаю-

³ Кузнецов 2015.

щих их контекстов. Дополнительные сложности в решении задач полевого изучения этой категории погребальных сооружений обусловлены их грандиозными пространственными характеристиками. В качестве иллюстрации масштаба этих подземных сооружений приведем некоторые метрические показатели двухкамерных гробниц, которые, залегая на глубине до 7 м от современной поверхности (в древности, вероятно, они находились глубже, так как слой над некоторыми исследованными склепами был значительно нивелирован), имеют общую длину около 10 м. Исследование таких глубоких и обширных по площади гробниц, как правило, продвигается не быстро и связано со сложной организацией водоотвода, дренажных сооружений, логистических решений и обеспечения безопасности работы археологов внутри них. Дополнительной нагрузкой, хотя и приятной для исследователей, является высокая насыщенность этих гробниц погребениями и их тесное расположение внутри погребальных камер, а иногда и дромосов с коридорами. Количество захоронений в таких усыпальницах нередко достигает десятков индивидов. Учитывая долгое использование некоторых из этих склепов (до нескольких столетий), не удивительно, что внутреннее пространство их камер иногда было полностью заполнено саркофагами или гробами, установленными в несколько уровней друг на друга (в некоторых случаях нам удавалось зафиксировать до трех ярусов деревянных вместилищ с человеческими останками и сопровождающим их погребальным инвентарем).

Печальной особенностью некрополя Фанагории является крайне неудовлетворительная сохранность деревянных предметов, обусловленная агрессивностью грунта. Применение некоторых приемов расчистки позволяет зафиксировать размеры, форму и конструкцию деревянных находок. Это особенно важно при раскопках склепов и погребений в могилах римского и позднеантичного времени – именно в них наиболее часто умерших хоронили в деревянных гробах и саркофагах, большинство которых за 1500–2000 лет полностью исчезли. Их остатки как правило представлены тонкими прослойками бурого тлена, зажатыми между плотных слоев грунта, обрушившегося со сводов погребальных камер, заполненных и перекрытых могил. Опыт методичной и тщательной расчистки этих конгломератов позволяет нам с полной ответственностью говорить о возможности восстановления конструкции деревянных вместилищ тел по отпечаткам в глине. В результате отделения грунта с одной из сторон плоскости, выявленной при зачистках тлена досок и других элементов конструкции (резной деревянный декор саркофагов и их постаменты, поперечные планки дна гроба и т.п.), удается получить объемный негатив или позитив первоначальной формы деревянного предмета при полном разложении самого дерева. Это позволяет не только реконструировать форму и размеры предмета, но в некоторых случаях дает возможность понять его устройство.

В завершение отметим, что некрополь Фанагории фактически является эталонным памятником для изучения античных кладбищ на территории современного Таманского полуострова. Здесь представлены все известные в регионе типы погребальных сооружений, впущенные в максимально широкий спектр пород, встречающихся на территории Азиатского Боспора.

ЛИТЕРАТУРА

- Завойкин, А.А., Колесников, А.Б., Сударев, Н.И. 2016: Позднеархаические погребения на «Южном городе» Фанагории. В сб.: В.Д. Кузнецов (ред.), *Материалы по археологии и истории Фанагории*. Вып. 2 (Фанагория 4). М., 110–207.
- Завойкин, А.А., Шавырина Т.Г. 2013: Погребение 23/1980 Восточного некрополя Фанагории: к вопросу о закупорке античных амфор. В сб.: В.Д. Кузнецов (ред.), *Материалы по археологии и истории Фанагории*. Вып. 1 (Фанагория 1). М., 230–239.
- Кузнецов, В.Д. 2007: Фанагория: история исследований и новые находки. *РА* 2, 5–15.
- Кузнецов, В.Д. 2015: Сырцовый кирпич (по материалам Фанагории). *ПИФК* 1, 282–294.

REFERENCES

- Kuznetsov, V.D., 2007: Fanagoriya: istoriya issledovaniy i novye nakhodki. [Phanagoria: the history of research and recent findings]. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian Archaeology]*, 2, 5–15.
- Kuznetsov, V.D., 2015: Syrtsovyuy kirpich (po materialam Fanagorii) [Raw brick (based on the materials of the Phanagoria)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]*, 1, 282–294.
- Zavoykin, A.A., Kolesnikov, A.B., Sudarev, N.I., 2016: Pozdnearkhaicheskie pogrebeniya na «Yuzhnom gorode» Fanagorii [Late Archaic burials in the “Southern City” of Phanagoria]. In: V.D. Kuznetsov (ed.), *Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii [Materials on Archaeology and History of Phanagoria]* 2. (Fanagoriya [Phanagoria], 4). Moscow, 110–207.
- Zavoykin, A.A., Shavyrina, T.G. 2013: Pogrebenie 23/1980 Vostochnogo nekropolya Fanagorii: k voprosu o zakuporke antichnykh amfor [Burial on 23/1980 of the Eastern necropolis of Phanagoria: on the issue of occlusion of ancient amphorae]. In: V.D. Kuznetsov (ed.), *Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy [Phanagoria. Results of Archaeological Research]* 1 (Fanagoriya [Phanagoria]), 1). Moscow, 230–239.

NECROPOLIS OF PHANAGORIA IN THE CONTEXT OF
ARCHAEOLOGICAL FIELD RESEARCH

Aleksey N. Voroshilov¹, Olga M. Voroshilova²

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

¹ E-mail: voroshilov.aleksej@yandex.ru ² E-mail: helga-mir@yandex.ru

The article presents some observations about the methodological features of the excavations at the necropolis of Phanagoria. This is the most difficult site for excavations on the Asiatic Bosphorus. The capital status of the city became the reason for the diversity of funeral traditions of its inhabitants. The ancient cemetery, full of burials, was formed over a millennium, and it is of enormous size. The best preservation of the archaeological landscape of the necropolis in the region is noted. The burial mounds are complex architectural structures. Most of the stone tombs underneath are badly destroyed. In addition to stone, mud brick was used to build tombs under the kurgans, but most tombs were cut into the ground. The most complex technique is used when

excavating ground crypts. They had a complex design and enormous dimensions. Wood is rarely preserved in deep burials of Phanagoria, but modern methods of field work make it possible to reconstruct wooden structures based on the imprints of objects in the ground. The necropolis of Phanagoria is a reference site for the study of ancient cemeteries on the territory of the Taman Peninsula.

Keywords: Phanagoria, necropolis, antiquity, burials, field archaeology, research methodology, Taman Peninsula

DOI: 10.18503/1992-0431-2024-2-84-95–112

«ПРОТОФАСОССКИЕ» АМФОРЫ В СТРАТИГРАФИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ «ВЕРХНЕГО ГОРОДА» ФАНАГОРИИ

А.А. Завойкин

Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия

E-mail: bospor@inbox.ru

ORCID: 0000-0002-1576-5802

В статье рассматриваются позднеархаические ионийские амфоры (протофасосские), найденные при раскопках на «Верхнем городе» Фанагории в стратифицированных объектах (домах, ямах, котлованах) второй половины VI – первых двух десятилетий V в. до н.э. Основной целью работы стало соотнесение этих амфор с актуальными хронологическими схемами, предложенными для данной группы керамической тары. Наиболее существенной проблемой здесь является то обстоятельство, что «протофасосские» амфоры производились не в одном, а в нескольких ионийских центрах. К сожалению, пока с уверенностью можно говорить только о том, что одним из этих центров был Теос. Признание данного факта дезавуирует ранее высказанную гипотезу о характере амфорной тары этого полиса в конце VII – первой половине VI в. до н.э. «Протофасосские» амфоры в рассмотренных комплексах представлены с момента основания Фанагории (ок. 540 г. до н.э.) и до разрушения построек на «Верхнем городе» ок. 480 г. до н.э. В наиболее ранних комплексах (540–530/520 гг. до н.э.) найдены исключительно крупные (ок. 20–22 л) пифоидные амфоры первой и второй серий по классификации С.Ю. Монахова. Судя по комплексу амфор из ямы-склада (№ 32) в Патрее, в последней четверти VI в. до н.э. амфоры второй серии какое-то время сосуществуют с новым типом «протофасосских» амфор меньшего объема (ок. 10–14 л) и иной формы (максимальный диаметр корпуса выше, от него тулово сужается к ножке на конус), относящихся к третьей серии С.Ю. Монахова. Именно эти амфоры, произведенные в нескольких ионийских центрах, безраздельно господствуют вплоть до рубежа первой и второй четвертей V в. до н.э., наряду с амфорами, которые С.Ю. Монахов относит к четвертой серии (их датировка ограничена первой четвертью/третьей V в. до н.э.).

Ключевые слова: Фанагория, Северная Иония, Теос, амфоры, «протофасос», классификация, хронология, стратиграфия

Данные об авторе. Алексей Андреевич Завойкин – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела классической археологии ИА РАН.

Работа выполнена в рамках НИР ИА РАН «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (№ НИОКТР 122011200269-4).

Обращение к детальному рассмотрению так называемых «протофасосских» амфор продиктовано практической необходимостью. Дело в том, что при разработке хронологии и периодизации строительных комплексов первого столетия истории Фанагории, открытых раскопками на «Верхнем городе»¹, нередко оказывается недостаточно материалов, датировки которых разработаны наиболее подробно (например, амфоры Хиоса, ионийская и аттическая чернолаковая и расписная керамика и др.), или же неудовлетворительная их сохранность не позволяет реализовать их датирующие преимущества. В то же время в некоторых из такого рода комплексах неплохо (во фрагментах, реже – в археологически целых формах) представлены «протофасосские» амфоры. Во всяком случае анализ их распределения в культурном слое позволял надеяться если и не установить точную абсолютную дату этих комплексов, то, по крайней мере, уточнить стратиграфическую позицию того или иного объекта, опираясь на относительную хронологию рассматриваемой здесь группы материала. В любом случае имеет смысл посмотреть, каким образом эти амфоры представлены в стратифицированных и более или менее точно датированных комплексах и каким образом «протофасосские» амфоры из этих комплексов соотносятся с существующими классификациями. Однако прежде всего следует разобрать несколько общих вопросов, связанных с изучением группы «протофасосских» амфор.

Итак, амфорная керамическая тара позднеархаического – раннеклассического времени, которую ошибочно (и неудачно) называют «протофасосской» или же описательно именуют «амфорами на сложнопрофилированной ножке», занимает значительное место в составе импорта, доставляемого в города Северного Причерноморья². Появившись в этом регионе около середины VI в. до н.э., товары, экспортируемые в амфорах данной группы, поступают сюда на протяжении примерно столетия³.

Мне уже приходилось рассуждать о том, что, скорее всего, такого рода тарные сосуды производились не в одном, а в нескольких центрах, в силу чего затруднительно предложить строго обоснованную единую типологическую схему их развития, признавая при этом, что предложенная С.Ю. Монаховым хронологическая классификация, опирающаяся на анализ большого массива материала⁴, в целом верно и аргументированно отражает общую эволюцию форм⁵.

Нередко изготовление этих амфор связывают с мастерскими Абдеры⁶. Впрочем, в большинстве случаев исследователи все-таки обоснованно отно-

¹ См. Завойкин, Кузнецов 2023.

² См.: Абрамов 2009, 19 (550–520 гг. – 15,8%; 520–500 гг. – 30,7%; 500–480 гг. – 25,3%; 480–465 гг. – 6,8%); Кузнецова 2005, 169, табл. 2; Чистов и др. 2020, 91. В Фанагории, по расчетам С.Ю. Монахова и Е.В. Кузнецовой, в последней трети VI в. до н.э. эти амфоры («Северная Эгеида», согласно номенклатуре авторов) составляют 29,9%, превосходя все другие центры в полтора-два раза и более, а в первой четверти V в. до н.э. их доля достигает 42%, во второй же четверти столетия она падает до 21% (Monachov, Kuznetsova 2017, 86–88, fig. 4, 9a–c).

³ Их ввоз продолжался несколько десятилетий после того, как ок. 480 г. до н.э. прерывается импорт (и, видимо, производство) в амфорах ряда других ионийских и эолийских центров, таких как Клазомены, лесбосского центра, выпускавшего красноглиняные амфоры «со стаканообразной ножкой» (Зеест 1960, тип 9) и др. Впрочем, экспорт из островных ионийских центров (Хиос, Самос) и с о-ва Лесбос (сероглиняные амфоры) тоже продолжается.

⁴ Монахов 2003, 38–42, табл. 23–26.

⁵ См.: Завойкин 2018, 143–145; Завойкин, Кузнецов 2020, 136.

⁶ См. Монахов 2003, 38 с лит. Критику этого мнения см. Завойкин 2018, 143–145.

сят производство «протофасосских» амфор к *нескольким* центрам. В том числе С.Ю. Монахов считает, что амфоры третьей и четвертой серий его классификации «естественно, включают тару не двух, а большего числа центров»⁷. С его мнением солидарен и Г.А. Ломтадзе, который пишет: «... Не вызывает сомнений, что мы имеем дело с несколькими центрами производства»⁸. Хотя ранее предлагались различные варианты конкретной их локализации⁹, в настоящее время, кажется, практически ни у кого не осталось сомнений в том, что все эти центры имеют прямое отношение к Северной Ионии¹⁰. Нейтронно-активационный анализ (НАА) образцов глин бракованных изделий из Теоса, проведенный М. Кершнером и Х. Моммзенем, доказал, что одним – но вовсе не единственным – из центров, в мастерских которого изготавливали так называемые ‘Zeest’s Samian and Protothasian’ амфоры, был именно этот полис¹¹.

В связи с признанием этого факта придется сделать небольшое отступление. Дело в том, что сравнительно недавно Ю. Сэзгин выделил группу амфор (Ionia γ), в морфологическом плане и по декору близких клазоменской таре, но отличающихся меньшими размерами (45–50 × 30–36 см, 12–14 л или 40–45 × 25–30 см, 8–9 л), которую он связал с производством Теоса. Эти амфоры, датируемые в пределах конца VII – первой половины VI в. до н.э., практически не встречаются в числе находок из Клазомен, в основном, они были обнаружены на памятниках Египта и Северного Причерноморья, но неизвестны в Западном Средиземноморье и в Греции¹². Сложно не заметить, что как в отношении формы, так и размеров между амфорами этой группы¹³ и ионийскими амфорами группы Ionia β(1-3), по классификации Ю. Сэзгина, датируемой ок. 550–500/480 гг. до н.э.¹⁴, нет ничего общего. Таким образом, ни о какой преемственности традиции в производстве амфорной тары здесь речи быть не может. Из этого следует единственно возможный вывод: принимая в качестве образцов теосской тары амфоры ‘Zeest’s Samian and Protothasian’, мы должны отказаться от теосской атрибуции амфор группы Ionia γ Ю. Сэзгина, гипотеза которого была основана лишь на косвенных источниках.

М. Кершнер и Х. Моммзен справедливо акцентируют внимание на том обстоятельстве, что обилие производства и импорта амфор Теоса в середине – вто-

⁷ Монахов 2003, 40. Рассуждая о конкретном месте изготовления этих амфор, С.Ю. Монахов и Е.В. Кузнецова отмечают: «Вполне вероятно (highly possible), что амфоры так называемой “протофасосской” серии (не имеющей к Фасосу никакого отношения) второй четверти V века и обладающие рядом признаков, сближающих их с милетскими и самосскими конца VI – начала V века, могут оказаться образцами милетской тары 70–60-х годов V века» (Monachov, Kuznetsova 2017, 67–68). Ранее к милетскому происхождению «протофасосских» амфор склонялся В.В. Рубан (1991, 182).

⁸ Ломтадзе 2005, 322.

⁹ См.: Kerschner, Mommsen 2022, 197, note 100 = Bîrzescu, 2012, 122–123: Самос, Милет, Фасос, Абдера, Торона и даже Коринф.

¹⁰ Bîrzescu, 2012, 122–133; Sezgin 2012, 253. П. Дюпон на основе лабораторных исследований в качестве возможных центров производства ‘самосских, по Зеест’ и ‘протофасосских’ амфор называет Эритры, Теос и Колофон (Dupont 2018, 95–96, fig. 20).

¹¹ Kerschner, Mommsen 2022, 198–201, fig. 29–31.

¹² Sezgin 2017, 15–25, fig. 1–23 = его группа Ionia γ (Sezgin 2012, 283–288, 291–292).

¹³ С.Ю. Монахов (2003, 50–51, табл. 32. I) ранее относил эту тару к «кругу Клазомен», в морфологическом плане амфорам которых она близка. Позднее исследователь принял атрибуцию Ю. Сэзгина.

¹⁴ Sezgin 2012, 278. Именно амфоры Ionia β1-2 в зарубежной литературе принято именовать ‘Zeest’s Samian amphorae’. Соответствует второй серии классификации С.Ю. Монахова (Монахов 2003, 253, табл. 23, 4, 5), а также амфорам группы Ionia I Ю. Бързеску (Bîrzescu, 2012, 113–125).

рой половине VI в. до н.э. противоречит сведениям Геродота (I. 168) и Страбона (XIV. 1, 30) о депопуляции города вследствие персидской агрессии. Согласно археологическим материалам получается, что Теос в первый период правления Ахеменидов процветал¹⁵. Наконец, обоснованная локализация части производства «протофасосских» амфор в Теосе позволяет вернуться к гипотезе, согласно которой традиция этого производства *могла* быть перенесена в реколонизованную теосцами Абдери ок. 545 г. до н.э.

Подведем краткий итог. Несмотря на определенный прогресс в вопросе о локализации центров производства «протофасосских» амфор и даже установление одного из них (Теос), следует признать, что разделение всего массива этих амфор на отдельные группы, связанные теми или иными конкретными центрами производства, остается неразрешимой проблемой. Таким образом, для разработки хронологии «протофасосской» тары нам остается, как и прежде, опираться на датировки комплексов, в которых такие амфоры были найдены, в то время как датирующий потенциал самих «протофасосских» амфор следует признать крайне невысоким, поскольку возможные варианты их классификации способны отразить лишь самые общие тенденции эволюции амфор, произведенных в нескольких центрах.

Особо следует подчеркнуть, что сравнительно небольшие фрагменты амфор для этой цели мало- или даже вовсе непригодны. Попытку дифференцировать фрагменты «протофасосских» амфор, разделенных на две группы (А и В)¹⁶, опираясь, разумеется, на параметры целых сосудов из датированных комплексов, предпринял А.П. Абрамов¹⁷. Всего он выделяет 14 типов и вариантов «протофасосских» амфор. Весьма примечательно, что из них в комплексе ямы-склада (№ 32) последней четверти VI в. до н.э. в Патрее¹⁸ представлены *четыре*: А-1Б (№ 6а, 11–14; рис. 1, 1–5, Б-1 (№ 1 и 2; рис. 1, 6, 7), Б-2 (№ 5; рис. 1, 8) и Б-3 (№ 3, 15, 16; рис. 1, 9, 10). Этот комплекс служит отличным хронологическим ориентиром как для исследуемых форм и размеров целых амфор, так и их профилированных частей.

Ранее аналогичную работу с фрагментами «протофасосских» амфор, основываясь на хронологии памятников Нижнего Побужья, проделал В.В. Рубан, который выделил три типа (не считая собственно милетских, его тип I)¹⁹. А.П. Абрамов критикует исследование киевского археолога за то, что тот, выделяя в качестве хронологического признака уменьшение диаметра ножек амфор и размеров их венцов, не учитывает синхронное существование тарных сосудов нескольких стандартов объема²⁰, подтверждение чему А.П. Абрамов видит в материалах из упомянутого комплекса в Патрее²¹. Однако стоит подчеркнуть, что это критическое замечание

¹⁵ Kerschner, Mommsen 2022, 200.

¹⁶ Абрамов 1994, 11: группа «А» – розовая или светло-коричневая мелкозернистая глина с блестками слюды («Вероятно, данная группа объединяет несколько центров производства»); группа «Б» – крупнозернистая глина желтоватого или коричневого цвета с серым закалом в центре черепка.

¹⁷ Абрамов 1994, 29–31, 82–83; 2020, 87 сл., 217–219.

¹⁸ Абрамов 2006.

¹⁹ Рубан 1991, 187–190, рис. 8.

²⁰ Абрамов 2020, 87. Ср. Монахов 2003, 192: объемы амфор *третьей* серии варьируют в интервале от 8,73* до 13,5 л, *четвертой* – от 10,96* до 15,0 л, *пятой* – от 5,9 до 12 л. Звездочкой (*) отмечены расчетные (по обмерным чертежам) величины.

²¹ Так, ножки амфор А-1Б («полуамфоры», 12–13 л) имеют диаметр 49–56 мм; Б-1 (22,9–24,5 л) – 69–70 мм, Б-2 (расчетный объем 17,3–19,5 л, измеренный – 13,8 л) и Б-3 (расчетный объем 11,9 л) – 52–58 мм (Абрамов 2006, 23–24).

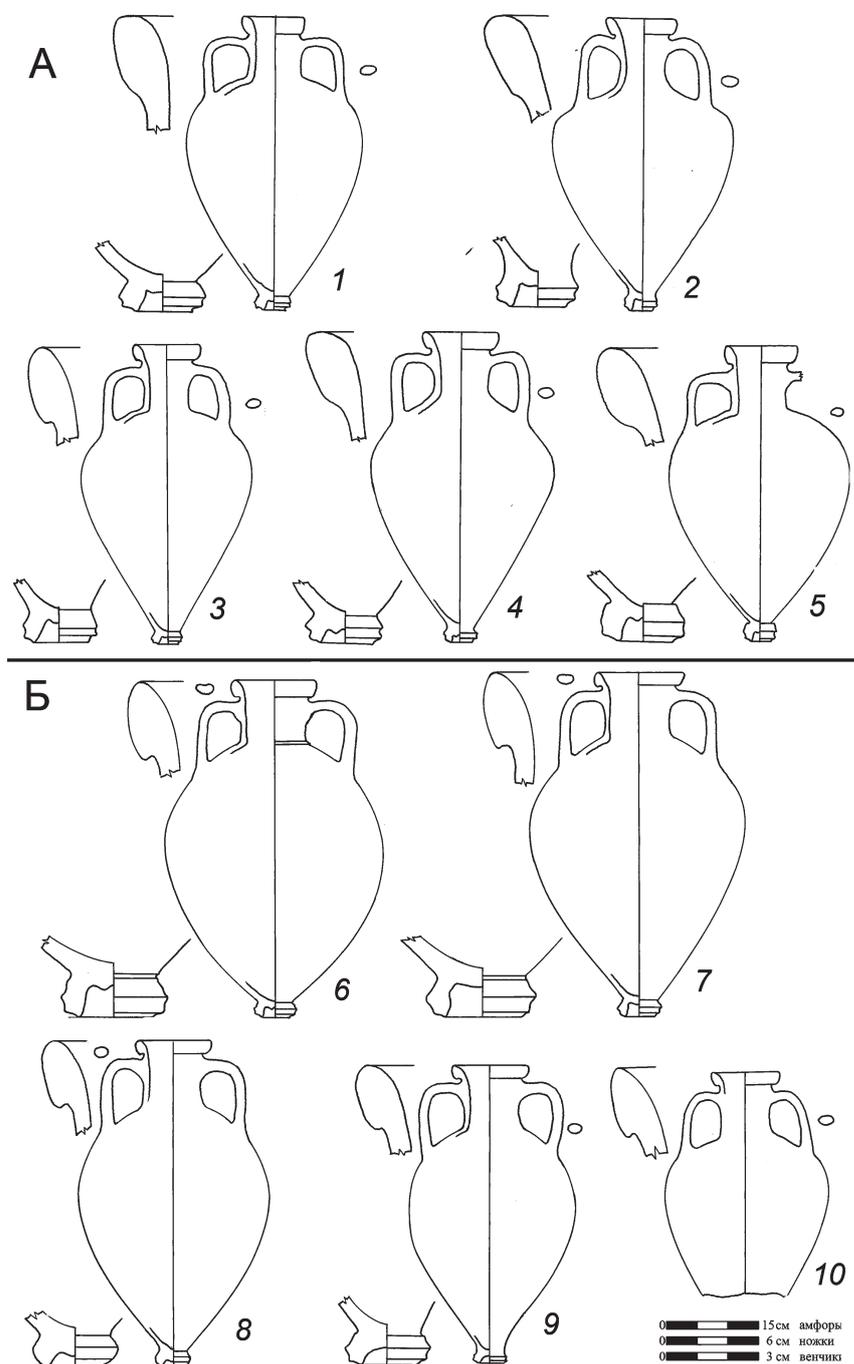

Рис. 1. «Протофасосские» амфоры из ямы-склада (№ 32) в Патрее: 1–5 – группа «А» (№ 6а, 11, 14, 12, 13); 6–10 – группа «Б» (№ 1, 2, 5, 3, 15, по: Абрамов 2006)

Fig. 1. “Protophasian” amphorae from the Storage-Pit 32 in Patraeus: 1–5 – group “A” (nos. 6a, 11, 14, 12, 13); 6–10 – group “B” (nos. 1, 2, 5, 3, 15, after: Abramov 2006)

ние А.П. Абрамова в определенной мере обесценивает и его собственные разработки хронологии фрагментов рассматриваемой группы тарных амфор²².

Имеет смысл обратить внимание и на то, каким образом распределены «протофасосские» амфоры из патрейского комплекса последней четверти VI в. до н.э. в хронологических сериях С.Ю. Монахова, который рассматривает эту тару единым массивом²³. Так, амфоры А-1Б отмечены в качестве аналогий для сосудов *второй* (№ 13)²⁴ и *третьей* (№ 12)²⁵ серий; амфора Б-1 (№ 2) – явно по случайной ошибке – для амфоры *третьей* серии, датированной первой четвертью V в. до н.э.²⁶; амфора Б-2 (№ 5) рассматривается как аналогия сосудам *второй* серии²⁷; амфора Б-3 (№ 3) – амфоре *третьей* серии²⁸. Таким образом, в комплексе последней четверти VI в. до н.э. «сосуществуют» амфоры второй и третьей серий ионийских амфор «на сложнопрофилированной ножке» (условно говоря, первые еще бытуют, вторые недавно появились).

Несколько слов имеет смысл сказать о систематизации «протофасосских» амфор из коллекции ГИМ, проведенной Г.А. Ломтадзе. Им было проанализировано 20 сосудов, датированных главным образом концом VI – первой половиной V в. до н.э.²⁹ Эти амфоры автор разделяет на две условные (особо это подчеркивая) группы³⁰. Сосуды *первой группы* (№ 2–5³¹, 8³², 11, 12, 18³³, 19)³⁴, датированные

²² Ср. Абрамов 1994, 30, 31 – диаметры ножек амфор: группы «А»: ок. 70 мм (2.39, 3-я четв. VI в.), 50–60 мм (2.40, А-I-II, конец VI – начало V в.), уменьшение диаметра основания ножки, исчезает «резкий переход от корпуса к ножке» (2.41, А-II, 2-я четв. V в.); группы «Б»: ок. 70 мм (2.48, 3-я четв. VI в.), 50–60 мм (2.49, Б-I-II, конец VI – начало V в.), 40 мм (2.50, Б-III-IV, 2-я четв. V в.).

²³ Полагаю, что это более оправданно, поскольку разделение на группы, предложенное А.П. Абрамовым, основано на визуальной оценке глины и носит субъективный характер. С учетом того, что даже в одном центре производства могли использоваться разные глинища и того, что режим обжига сосудов не мог быть «однородным», такое разделение, на мой взгляд, только усложняет систематизацию материала. Тем более принимая в расчет его неоднородность, обусловленную тем, что «протофасосские» амфоры производились несколькими центрами. Попытки обосновать морфологические различия двух групп не представляются мне убедительными. Также см. Ломтадзе 2005, 322 и прим. 15.

²⁴ Монахов и др. 2019, 114, NA.4; 2020, 130, NA.2.

²⁵ Монахов и др. 2019, 115, NA.6; 2020, 132, NA.4.

²⁶ Монахов и др. 2019, 118, NA.12.

²⁷ Монахов и др. 2019, 114, NA.4; 2020, 130, NA.2.

²⁸ Монахов и др. 2019, 115, NA.6.

²⁹ Исключая «двадцатилитровые» амфоры № 6 и 7, по его каталогу, которые исследователь датирует третьей четвертью VI в. до н.э. (Ломтадзе 2005, 322–323, рис. 3, 6; 4, 7; ср. Монахов и др. 2020, 130, NA.2 – вторая серия). По А.П. Абрамову (2020, 89, рис. 104), амфора № 7 – это тип А-2 (единственный сосуд).

³⁰ Ломтадзе 2005, 319, прим. 6.

³¹ По А.П. Абрамову (2020, 90–91, рис. 106) амфора № 5 – это тип А-4, амфора № 3 – тип А-7Б (Абрамов 2020, 92), а амфоры № 2 и 4 – тип Б-4 (Абрамов 2020, 95).

³² Отмечает, что амфору № 8, как и № 13 «сложно отнести к какой-либо из выделенных условных групп» (Ломтадзе 2005, 321). Согласно классификации А.П. Абрамова (2020, 95, рис.115), амфора № 13 относится к типу Б-4, как и амфоры № 2 и 4.

³³ Амфоры № 8 и 18 принадлежат, по А.П. Абрамову (2020, 93, рис. 111), типу А-8, как и амфора № 10 (второй группы).

³⁴ «Скорее всего, с этой группой» связана и амфора № 1 из погребения 106 (44) кепского некрополя, датированного рубежом VI и V вв. до н.э. (Ломтадзе 2005, 320–321, рис. 1. 1; 11. 3). В качестве аналога автор приводит амфору из подводного комплекса 1 в Патрее, датированного последней четвертью VI в. до н.э. (Абрамов, Сазонов 1992, 149–150, 164, табл. III. 2–4). По Абрамову (2020, 90, рис. 105), амфора № 1 – это тип А-3.

концом VI – первой четвертью V в. до н.э., отличаются «биконической» формой тулова (H = 420–442 мм, D = 247–278 мм), диаметр ножки – 46–49 мм, объем – от 6,8 до 8,15 л. Амфоры *второй группы* (№ 9, 10, 14–17³⁵, 20) более вытянуты по вертикали, с «коническим» туловом (H = 466–522 мм, D = 248–270 мм), диаметр ножки – 40–50 мм, а их объем – от 6,25 до 8,28 л³⁶. В итоге Г.А. Ломтадзе приходит к следующим выводам. «Протофасосские» амфоры в коллекции представлены тремя стандартами объема (№ 6, 7 – ок. 20 л; № 1, 13 – «полуамфоры» 11,25 и 9,45 л; остальные – в пределах 6–8 л). С учетом, с одной стороны, морфологических и размерных различий амфор, а с другой, – «визуального сходства состава глины всех без исключения сосудов» и близости их объемных характеристик о едином центре производства, по мнению исследователя, все же говорить не следует. «Единственный логичный вывод, который позволительно сделать, исходя из этих обстоятельств, это то, что в конце VI – первой половине V в. до н.э. существовало несколько центров производства, выпускавших керамическую тару, отличительной особенностью которой являлась ножка в виде сложнопрофилированного кольцевого поддона»³⁷.

Как мы можем видеть, амфоры из коллекции ГИМ *первой группы* (конец VI – первая половина V в. до н.э.)³⁸ соответствуют пяти типам/вариантам по классификации А.П. Абрамова: А-3 (начало V в. до н.э.), А-4 (первая половина V в. до н.э.), А-7Б (последняя четверть VI – начало второй четверти V в. до н.э.), А-8 (конец VI – первая четверть V в. до н.э.) и Б-4 (начало V в. до н.э.), а амфоры *второй группы* (конец VI – первая четверть V в. до н.э.)³⁹ – только двум: А-4, А-7Б (оба характерны и для первой группы тоже).

Из всего сказанного, кажется, можно сделать некоторые выводы. Отнесение амфоры к тому или иному типу/варианту, исключая наиболее ранние и наиболее поздние, не может служить прочным основанием для точной ее датировки. Судя по всему, наши представления о стандарте объема амфор этой группы и его «фракциях» («амфора», «полуамфора» и т.д.) не вполне соответствуют действительности. Крупные (более 20 л) амфоры *первой* и *второй* серий С.Ю. Монахова бытуют во второй половине VI в. до н.э. (первые из них – возможно, до первых двух десятилетий V в. до н.э.⁴⁰). С последней четверти VI в. до н.э. одновременно с ними бытуют амфоры *третьей* серии. Так, в патрейском комплексе, наряду с двумя крупными амфорами «коричневой глины» (№ 1 и 2, Б-1 = 22,9–24,5 л) и двумя «полуамфорами» (№ 5 и 13, Б-2 – расчетные емкости 17,3–19,5 л, одна измеренная – 13,8 л) второй серии⁴¹, присутствовали тарные сосуды, относимые к третьей серии: амфора аналогичной посуде № 5 формы (№ 3, Б-3), расчетный объ-

³⁵ Согласно А.П. Абрамову (2020, 90), амфоры № 15 и 16 относятся к типу А-4, как и амфора № 5 (первой группы Ломтадзе), а амфоры № 17 (как и № 3 первой группы) – это тип А-7Б (Абрамов 2020, 92, рис. 110).

³⁶ Ломтадзе 2005, 319, 321.

³⁷ Ломтадзе 2005, 323.

³⁸ Ломтадзе 2005, 321.

³⁹ Ломтадзе 2005, 320–321.

⁴⁰ Монахов 2003, 39, со ссылкой на: Roberts 1986, nos. 440, 441 из Q 12:3 на агоре Афин.

⁴¹ Амфоры № 5 и 13 из патрейской ямы-склада рассматривают в качестве аналогов амфорам второй серии (см. прим. 27 и 24).

ем которой ок. 11,9 л⁴², а также четыре амфоры «красной глины» (№ ба, 11, 13, 14, А-1Б) объемом 12–13 л.

Принимая в расчет то, что «протофасосские» амфоры производились в нескольких центрах, а также то, что в дальнейшем тарные пифоидные сосуды большого объема не известны, в то время как «фракционные» хорошо представлены вплоть до середины V в. до н.э.⁴³, на мой взгляд, вполне оправданным будет мнение, что так называемые фракционные амфоры (по крайней мере, некоторая их часть) являются собой «стандарт» продукции иных центров, нежели те, в которых выпускались амфоры первой и второй серий⁴⁴. В любом случае для меня очевидно, что весь массив «протофасосских» амфор не выстраивается в единый типологический ряд вне зависимости от того, разделяют ли их на две группы по характеру глины (А, Б) или нет. Не случайно исследователи выделяют ряд сосудов, «которые не входят ни в одну из упомянутых серий и отнесены в связи с этим к числу изолированных»⁴⁵ или же отнесены к типу, объединяющему в себе морфологически разнородные амфоры⁴⁶.

Опираясь на полученные выводы, обратимся, наконец, непосредственно к фанагорийским материалам: попытаемся на конкретных примерах проследить, каким образом представлены «протофасосские» амфоры в стратиграфическом контексте. Для наших целей, разумеется, наиболее ценны и интересны археологически целые формы или значительные их части из стратиграфически значимых комплексов. Поскольку некоторые из них были ранее опубликованы, здесь о них информация дана очень кратко.

Наиболее ранний из них представлен в находках из котлована (№ 826), насыпь которого (ок. 530/520 гг. до н.э.)⁴⁷ перекрыта субструкцией из чистой глины, на которой был построен дом (№ 802), относящийся ко второму строительному периоду застройки данного района, южная стена которого примыкала к северной стене дома (№ 464), расположенного южнее, у борта раскопа (частично уходит под него, см. ниже). Датировка находок из котлована не выходит за пределы третьей четверти VI в. до н.э. В их числе – крупные обломки ионийских амфор на сложнопрофилированной ножке (рис. 2, 1–7) первой и второй серий по классификации С.Ю. Монахова (Ionia β1-2 и β3, по Ю. Сэзгину).

⁴² См. прим. 28.

⁴³ Их емкости колеблются в пределах: третья серия – 13,5–8,73*; четвертая – 15*–10,96*; пятая – 12,0–5,9 л (Монахов 2003, 192).

⁴⁴ Судя по их морфологии (в особенности – переходу от горла к плечу), эти две бытующие параллельно серии относятся к двум разным центрам производства. Обращу внимание на то, что однотипные клейма «Е» на ручках амфор третьей серии и амфоры первой серии из музея в Никосии из Саламина на Кипре (Nicolaidu, Empegeur 1986, 531, fig. 15) могут послужить основанием для размышлений о едином центре их производства. А.П. Абрамов выделяет пифоидные амфоры в отдельный тип – «Никосия» и датирует его первой четвертью V в. до н.э., ссылаясь на афинский комплекс Q 12:3 (Абрамов 2020, 95–96, рис. 116; см. Roberts 1986, 72, fig. 44, nos. 440, 441).

⁴⁵ Монахов 2003, 42.

⁴⁶ Например, ср. амфоры типа Б-4 по Абрамову (2020, 95), который включает: три сосуда из раскопок Березани (Лейпунская 1973, 50, рис. 3; 56, № 8/105, 9/113, 10/115; Монахов 2003, табл. 24, 2, 4; 25, 4 – третья и четвертая серии); две амфоры начала V в. до н.э. из некрополя Кеп (Ломтадзе 2005, № 2 и 4) и четыре амфоры из Керчи в коллекции ГИМ (Ломтадзе 2005, № 11–14), а также амфору (рис. 3, 12) из погребения 46.80 на южной окраине Фанагории, датированного ок. 490–480 гг. до н.э. (Завойкин и др. 2016, 178–180, рис. 81, 2).

⁴⁷ Завойкин 2019, 234–239, рис. 1–5.

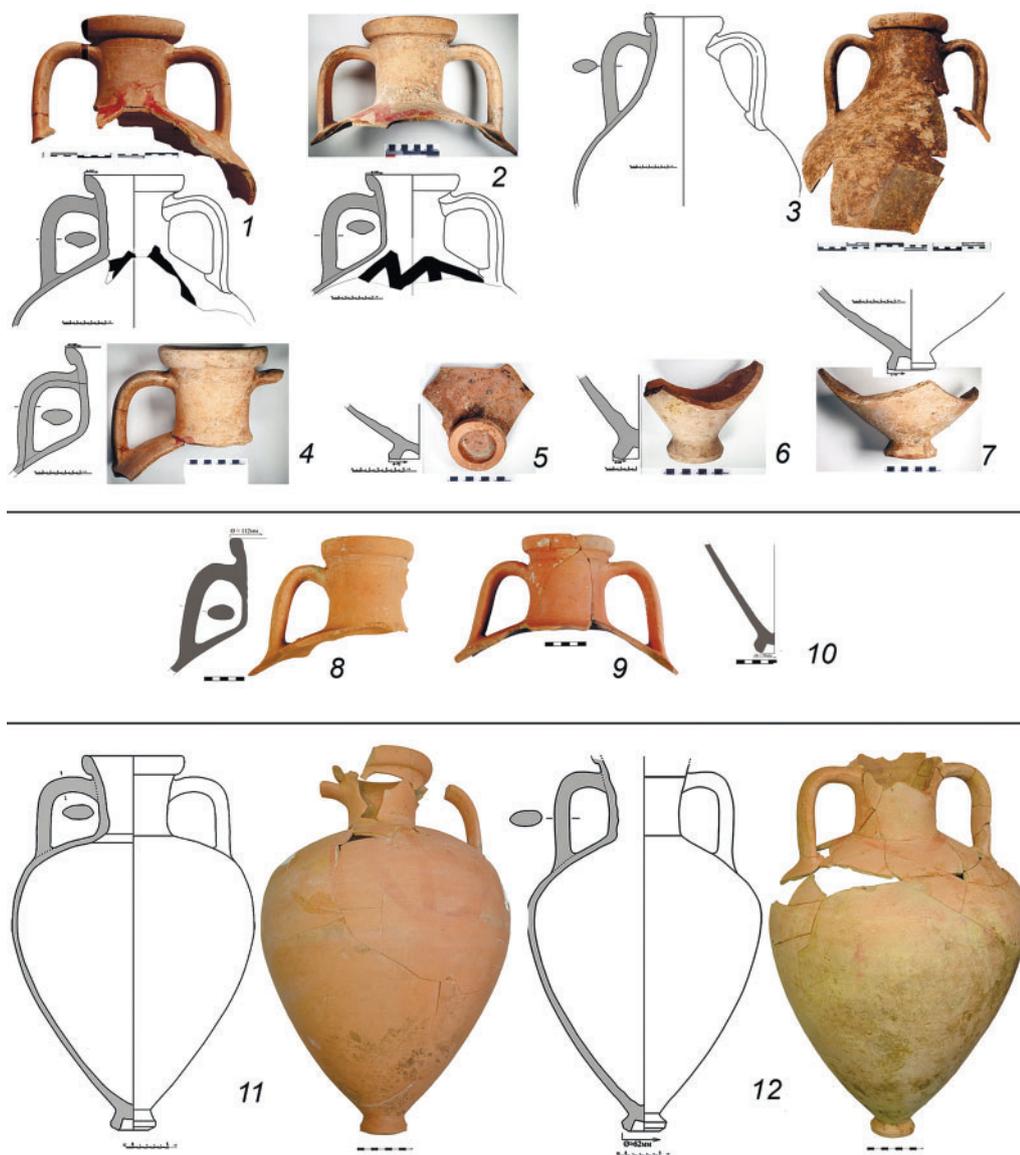

Рис. 2. «Протофасосские» амфоры первой и второй серий (по: Монахов 2003) из комплексов «Верхнего города» Фанагории: 1–7 – из котлована № 826; 8–10 – из ямы № 902; 11, 12 – из помещения 2 дома № 888

Fig. 2. “Protophasian” amphorae of the first and second series (after: Monakhov 2003) from the complexes of the “Upper City” of Phanagoria: 1–7 – from Pit 826; 8–10 – from Pit 902; 11, 12 – from Room 2 of Building 888

К тому же времени относятся находки из ямы (№ 902)⁴⁸, засыпь которой ок. 540 г. до н.э. перекрыла стена дома (№ 888) первого строительного периода. В яме найдены обломки «протофасосских» амфор второй серии по С.Ю. Монахову (рис. 2, 8–10). Оба комплекса синхронизируют фрагменты хиосской тары с воронковидным горлом раннего варианта.

Следующий по времени фанагорийский комплекс с «протофасосскими» амфорами был обнаружен пом. 2 упомянутого дома № 888, относящегося к первому строительному периоду (стратиграфический горизонт II, здесь он перекрывает яму № 902), который завершился примерно в 530–520 гг. до н.э.⁴⁹ Здесь было найдено пять ионийских амфор «на сложнопрофилированной ножке» (рис. 2, 11, 12)⁵⁰ и одна – красноглиняная лесбосская. Ионийские пифоидные амфоры относятся ко второй серии по классификации С.Ю. Монахова⁵¹ (= Ionia β1-2 Ю. Сызгина⁵²). В целом исследователь датирует их от середины – третьей четверти VI до начала V в. до н.э., отмечая при этом, что амфоры последней четверти VI – начала V в. до н.э. отличаются более вытянутыми пропорциями и меньшим диаметром ножки⁵³. Таким образом, интересующие нас амфоры следует относить ближе к концу третьей четверти VI в. до н.э. По морфологии фанагорийские сосуды близки амфоре № 2 из патрейского комплекса последней четверти VI в. до н.э. (рис. 1, 7). По классификации А.П. Абрамова, такие амфоры относятся к типу Б-1, который берет начало в третьей четверти VI в. до н.э.

В третьем комплексе, зафиксированном на полу пом. 3 дома 839⁵⁴, который относится ко второму строительному периоду (стратиграфический горизонт IV)⁵⁵, завершившемуся ок. 480 г. до н.э. в результате общего в этом районе города пожара, были найдены «протофасосские» амфоры (рис. 3, 1–3) третьей или, скорее, четвертой серии, по классификации С.Ю. Монахова⁵⁶. «Верхняя» дата обеих серий не выходит за пределы первых двух-трех десятилетий V в. до н.э.⁵⁷

Представленные в двух последних комплексах образцы, разделенные примерно 40–50 годами, могут послужить ориентирами для определения хронологии и стратиграфической позиции других объектов⁵⁸, в которых были представлены

⁴⁸ Завойкин, Чашук 2023.

⁴⁹ Завойкин, Кузнецов 2023, 131, 144, табл.

⁵⁰ Завойкин 2023, 57–59, 60, рис. 2, 2–6. Диаметры ножек – 62–71 мм. Наименьший у наиболее сохранный амфоры (рис. 2, 11), высота которой равна 52,5 см, диаметр тулова – 34 см. Ср. патрейские амфоры: № 1 – 55 см / 36,2 см; № 2 – 56 см / 36 см (Абрамов 2006, 12). Отношение диаметра к высоте у всех трех – 0,64/0,65.

⁵¹ Ср. Монахов и др. 2019, 113–114, NA.2, 3.

⁵² Sezgin 2012, 265–270, 278.

⁵³ Монахов 2003, 39–40, табл. 23, 1, 4, 5. Дата появления таких амфор на памятниках Северного Причерноморья убедительно подтверждается материалами раскопок Борисфена (см. Чистов и др. 2012, 23, 63). К числу позднейших («по меньшей мере до рубежа V в. до н.э.») С.Ю. Монахов (2003, 39, прим. 13) относит («весьма вероятно») две амфоры из афинского колодца Q 12:3. Но с этим сложно согласиться: указанные сосуды не имеют характерной профилировки ножки, автор публикации относит их к продукции Самоса (ср. Roberts 1986, 64–65, fig. 41, pl. 17, nos. 412, 413).

⁵⁴ Завойкин, Кузнецов 2020, 134–136, рис. 4; 5, 1–3.

⁵⁵ Завойкин, Кузнецов 2023, 144, табл.

⁵⁶ Ср. Монахов 2003, 40–41, табл. 24, 25.

⁵⁷ Ср. Монахов и др. 2019, 116, NA.8 – третья серия, первые два десятилетия V в. до н.э.

⁵⁸ Разумеется, с оговорками, что были сделаны ранее. Ср., например, эти амфоры с синхронной им амфорой из погребения 46.80 (рис. 3, 12).

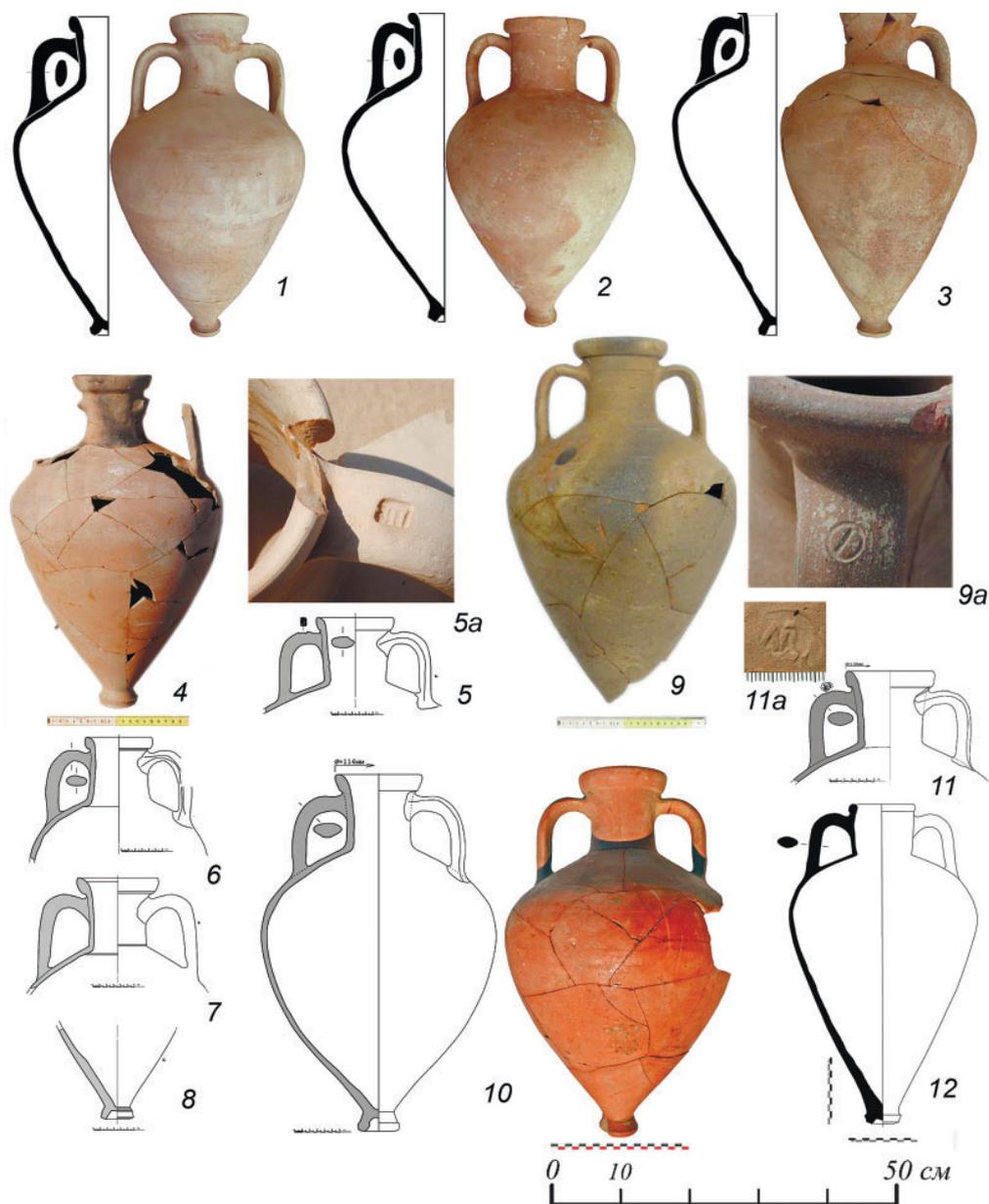

Рис. 3. «Протофасосские» амфоры третьей серии (по: Монахов 2003) из комплексов «Верхнего города» Фанагории и некрополя: 1–3 – из помещения 3 дома № 839; 4–8 – из ямы № 809; 9, 9а – из ямы № 806; 10, 11 – из котлована № 773; 12 – из погребения 46.80 (на южной окраине городища)

Fig. 3. “Protophasian” amphorae of the third series (after: Monakhov 2003) from the complexes of the “Upper City” of Phanagoria and the necropolis: 1–3 – from Room 3 of House 839; 4–8 – from Pit 809; 9, 9a – from Pit. 806; 10, 11 – from Pit 773; 12 – from Burial 46.80 (on the southern outskirts of the settlement)

ионийские амфоры «на сложнопрофилированной ножке». Нас прежде всего будут интересовать три таких объекта – это две ямы (№ 806, 809) и котлован (№ 773).

Первая яма (№ 806) была выявлена в восточном помещении (1+2) большого здания (№ 464) на уровне нижнего пола, обустроенного непосредственно на поверхности материка. Яму заполняли продукты разрушения стен этой постройки с явными следами пожара. Находки из нее важны для уточнения даты завершения первой фазы жизни этого здания, построенного во втором строительном периоде (ок. 530/2–480 гг. до н.э.)⁵⁹.

Состав находок из ямы маркирует временной интервал между 525 и 480 гг. до н.э.⁶⁰ Характер ее заполнения и наконечник стрелы в нем склоняют в пользу мнения, что засыпка ямы произошла сразу после или, скорее, во время общего пожара ок. 480 г. до н.э. Наряду с другой керамикой, в верхней части засыпки была найдена «протофасосская» амфора без ножки (рис. 3, 9). По своим характеристикам она относится к *третьей* серии по классификации С.Ю. Монахова⁶¹ или к варианту А-1Б, по А.П. Абрамову (ср. рис. 1, 3, 4). На ручке амфоры имеется клеймо «Θ» (рис. 3, 9а).

Таким образом, амфора из этой ямы не может быть датирована позднее первых двух десятилетий V в. до н.э. В то же время сравнение ее с амфорами из дома 839 (рис. 3, 1–3), погибшего в том же пожаре, что и здание № 464 (ок. 480 г. до н.э.), демонстрирует заметные их морфологические отличия. По форме амфора из ямы № 806 более соответствует амфорам А-1Б из патрейской ямы-склада последней четверти VI в. до н.э. (ср. рис. 1, 3, 4 и 3, 9).

Вторая яма (№ 809) располагалась вплотную к внешнему фасу стены, ограничивающей пом. 1+2 здания № 464 с севера, в узком «проходе» между этим зданием и расположенным севернее общественным зданием № 294. Размеры ямы в плане невелики (0,7×0,8 м), в глубину она сохранилась всего на 0,29 м, поскольку при очередной нивелировке поверхности верхняя ее часть была полностью уничтожена. Яму перекрывал развал хиосских амфор второй четверти V в. до н.э., связанный с горизонтом разрушения построек на «Верхнем городе» Фанагории на рубеже этой и следующей четвертой того же столетия.

Сохранившаяся придонная часть ямы преднамеренно была плотно забутована сравнительно крупными обломками амфор, среди которых абсолютно преобладали «протофасосские» (рис. 3, 4–8)⁶². В их числе – один археологически целый сосуд, на горле которого хорошо видны следы пребывания в пожарище (рис. 3, 4), и горло и часть плеча другого, на ручке которого оттиснуто клеймо «Е» (рис. 3, 5, 5а)⁶³. Д.Е. Чистов датирует клейма на ионийских амфорах подобного типа главным образом концом VI – первой половиной V в. до н.э., соотнося их с тарными сосудами третьей серии С.Ю. Монахова, правда, отмечает единичные случаи при-

⁵⁹ С перестройками это здание доживает до середины V в. до н.э. (ок. 450–440 гг. до н.э.).

⁶⁰ Для верификации датировки важны находки из двух других ям (801 и 807), также открытых в пом. 1+2 в той же стратиграфической позиции (см. Кузьмина, Камелина 2015).

⁶¹ Датированные по комплексам амфоры *третьей* серии С.Ю. Монахов относит к концу VI – началу V в. до н.э. (Монахов 2003, 40–41, табл. 24).

⁶² Помимо них в яме содержалась ножка лесбосской красной глины, фрагмент стенки ионийского сосуда и три фрагмента красноглиняных мисок.

⁶³ Такие же клейма присутствуют на ручках двух аналогичных амфор третьей серии из погребенный ольвийского некрополя (Монахов 2003, табл. 24, 5, 6).

сутствия клейм «Е» на Березани в домах третьей четверти VI в. до н.э.⁶⁴. Таким образом, находки из этой ямы должны датироваться *не позднее* рубежа первой и второй четвертей V в. до н.э.

Наконец, археологически целая «протофасосская» амфора (рис. 3, 10) представлена в комплексе находок из котлована (№ 773)⁶⁵, который был углублен в материк, прорезав ЮЗ угол дома (№ 768), построенного во второй половине VI в. до н.э. (1-й / 2-й строительный периоды) вблизи от восточной оборонительной линии архаического города. Этот дом, как и крепостные постройки, явно не пережил катаклизма, который случился ок. 480 г. до н.э. Впрочем, нельзя полностью исключать и того, что он был разрушен раньше (еще на рубеже третьей и последней четверти VI в. до н.э.), как и другие постройки, относящиеся к первому строительному периоду⁶⁶. Отнесению данного комплекса к пятому стратиграфическому горизонту (480–470 гг. до н.э.) препятствует, во-первых, отсутствие в составе находок предметов, определенно датирующихся второй четвертью V в. до н.э., в том числе фрагментов пухлогорлых хиосских амфор «развитого» варианта, а во-вторых, – отсутствие в объектах этого горизонта (главным образом это котлованы и «подвалы») археологически целых или хотя бы крупных фрагментов «протофасосских» амфор⁶⁷.

По форме интересующая нас амфора ближе всего амфорам № 5 (Б-2) и № 13 (А-1Б) из патрейской ямы-склада (№ 32) последней четверти VI в. до н.э. (рис. 1, 8, 5)⁶⁸ и выглядит «чуть архаичнее» амфоры, зафиксированной как объект А34 в некрополе Нимфея⁶⁹, которую С.Ю. Монахов с соавторами относит к третьей серии и датирует концом VI – началом V в. до н.э.⁷⁰

Попытаемся подвести некоторые итоги проведенного сопоставления актуальных классификаций и хронологических схем «протофасосских» амфор со стратиграфическими выкладками, полученными на «Верхнем городе» Фанагории. Комплексы (№ 826, 802, 888), относящиеся к *первому* и *второму* стратиграфическим горизонтам (ок. 540–530/520 гг. до н.э.), характеризуются присутствием исключи-

⁶⁴ Чистов 2022, 445–446, 448, табл. 1, № 13 и 9, 11, рис. 1, 13 и 9, 11.

⁶⁵ Наряду с ней в котловане найдена археологически целая ионийская амфора (без ножки), напоминающая керамическую тару Самоса (Завойкин 2018, 144, рис. 4, 4). Помимо нее в засыпи объекта содержались фрагменты амфор Хиоса (с воронковидным горлом позднего варианта и ранних пухлогорлых), Клазомен, Лесбоса (красноглиняные и, в меньшем количестве сероглиняные), довольно много обломков ионийских на сложнопрофилированной ножке (в том числе верхней части сосуда, по плечу, с клеймом на ручке «Σ» или «М» – рис. 3, 11, 11а; аналогично: Монахов 2003, 254, табл. 24, 8), несколько фрагментов амфор неопределенных центров производства, а также фрагменты: ионийской керамики (гидрия, ольпы, килики, *ionian cup*, археологически целый светильник, миски, одноручная чаша, клазоменские амфоры с чешуйчатым орнаментом), коринфской леканы; аттической чернолаковой керамики (чернофигурный кратер, чернофигурные килики типа А, миска, чернофигурные лекиф (?) и др. закрытые формы).

⁶⁶ В.Д. Кузнецов выделяет два периода в истории древнейших оборонительных сооружений Фанагории (Кузнецов 2021). К сожалению, определить точную временную грань, их разделяющую, не представляется возможным. Исключительно на основании аналогии с ситуацией, прослеженной в СЗ углу раскопа, можно осторожно предположить, что перестройка оборонительных стен приходится на 530–520 гг. до н.э. (см. Завойкин, Кузнецов 2023, 144, табл.).

⁶⁷ Например, см. Завойкин и др. 2013, 225–226, прим. 45.

⁶⁸ Абрамов 2020, 88, 94.

⁶⁹ Грач 1999, 43.

⁷⁰ Монахов и др. 2019, 115, НА6. В качестве аналогии отмечена патрейская амфора № 3.

тельно амфор первой и, главным образом, второй серий (= Sezgin, 2012, Ionia β3 и Ionia β1-2). Единственная амфора, найденная в котловане (773), относящаяся, по видимому, к *третьему* стратиграфическому горизонту (ок. 530–520 гг. до н.э.), по форме занимает «промежуточное» положение между амфорами второй и третьей серий по классификации С.Ю. Монахова и находит хорошие параллели в патрейском комплексе последней четверти VI в. до н.э. Остальные ионийские амфоры на сложнопрофилированной ножке третьей и четвертой серий были найдены в объектах (839, 806, 809), лежащих в *четвертом* стратиграфическом горизонте (ок. 520–480 гг. до н.э.). Примечательно, что амфоры четвертой серии, очевидно, принадлежащие одной товарной партии, найдены в финальном контексте отмеченного периода.

С учетом этих обстоятельств нет оснований рассматривать амфоры третьей и четвертой серий «протофасосских» в качестве фракционных сосудов. Более оправданно видеть в них полномерный стандарт керамической тары нескольких центров. С формальной стороны синхронизация в патрейской яме-погребке (№ 32) амфор типов/вариантов Б-1, Б-2, Б-3 и А-1Б (по А.П. Абрамову; согласно С.Ю. Монахову – второй и третьей серий, см. прим. 24–28) вроде бы допускает суждение о «стандарте и фракциях». Однако и тогда, *принимая условно*, что амфоры группы «Б» в данном комплексе относятся к одному производственному центру, это предположение может иметь отношение разве что к амфорам данной группы, но никак не к амфорам группы «А», представляющим собой самостоятельный «стандарт» той же примерно емкости, что и «фракционные» группы «Б».

Даже принимая в расчет малочисленность нашей выборки, разнообразие представленных здесь вариаций форм «протофасосских» третьей-четвертой серий, датируемых интервалом примерно в сорок лет, на мой взгляд, вполне наглядно отражает заявленный ранее тезис о том, что такого рода амфоры производились в нескольких ионийских центрах. Было их два, три (или больше?) – установить не представляется возможным, так же, как и выработка более дробной хронологической шкалы, к сожалению, пока остается нереалистичной⁷¹.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамов, А.П., Сазонов, Ю.С. 1992: Керамика трех подводных комплексов Патрея. *БС* 1, 147–172.
- Абрамов, А.П. 1994: Античные амфоры. Периодизация и хронология. *БС* 3, 4–135.
- Абрамов, А.П. 2006: Комплекс амфор последней четверти VI в. до н.э. из Патрея. *ДБ* 9, 11–35.
- Абрамов, А.П. 2009: *Амфоры VI–V вв. до н.э. в Северном Причерноморье (классификация и периодизация). Автореферат. дисс. ...канд. ист. наук.* М.
- Абрамов, А.П. 2020: *Греческие амфоры 6–5 вв. до н.э. в Северном Причерноморье.* М.
- Грач, Н.Л. 1999: *Некрополь Нимфея.* СПб.
- Завойкин, А.А. 2018: Амфорные материалы из древнейшего слоя Фанагории. *КСИА* 252, 138–152.

⁷¹ Автор выражает свою искреннюю благодарность руководителю Фанагорийской экспедиции ИА РАН В.Д. Кузнецову за возможность публикации амфорных материалов из раскопок «Верхнего города».

- Завойкин, А.А. 2019: Новые амфорные комплексы из раскопок «Верхнего города» Фанагории. *ДБ* 24, 232–252.
- Завойкин, А.А. 2023. Амфорный комплекс дома 888 на «Верхнем городе» Фанагории. *ПИФК* 3, 55–68
- Завойкин, А.А., Колесников, А.Б., Сударев, Н.И. 2016: Позднеархаические погребения на «Южном городе» Фанагории. В сб.: А.А. Завойкин (ред.), *Материалы по археологии и истории Фанагории* 2 (Фанагория 4). М., 110–207.
- Завойкин, А.А., Кузнецов, В.Д. 2020: Хронология архаического дома из Фанагории. *Huraniis* 2, 129–140.
- Завойкин, А.А., Кузнецов, В.Д. 2023: Фанагория в период поздней архаики – ранней классики (стратиграфия, хронология, периодизация. 1). *ДБ* 28, 126–148.
- Завойкин, А.А., Кузнецова, Е.В., Монахов, С.Ю. 2013: Склад амфор 290Б из Фанагории. В сб.: В.Д. Кузнецов (ред.), *Материалы по истории и археологии Фанагории* 1 (Фанагория 1). М., 226–229.
- Завойкин, А.А., Чашук, М.С. 2023. Позднеархаическая яма на «Верхнем городе» Фанагории (материалы к датировке древнейшей застройки). *КСИА* 271, 69–84.
- Зеест, И.Б. 1960: *Керамическая тара Боспора* (МИА 83). М.
- Кузнецов, В.Д. 2021: Архаические стены Фанагории. *Huraniis* 3, 111–130.
- Кузнецова, Е.В. 2005: Методика изучения античной торговли (на примере керамического комплекса Фанагорийского городища). *Antiquitas Iuventae* 1. Саратов, 159–171.
- Кузьмина, Ю.Н., Камелина, Г.А. 2015: Лепная керамика из раскопок объекта 464 в Фанагории. *ПИФК* 1, 316–321.
- Лейпунська, Н.О. 1973: Класифікація амфор архаїчного часу з Ольвії. *Археологія* 8, 45–58.
- Ломтадзе, Г.А. 2005: Амфоры с ножкой в виде сложнопрофилированного кольцевого поддона в собрании Государственного Исторического музея. *БИ* VIII, 318–338.
- Монахов, С.Ю. 2003: *Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре*. М.–Саратов.
- Монахов, С.Ю., Кузнецова, Е.В., Чистов, Д.Е., Чурекова, Н.Б. 2019: *Амфорная коллекция Государственного Эрмитажа VI–II вв. до н.э.* Саратов.
- Монахов, С.Ю., Кузнецова, Е.В., Толстикова, В.П., Чурекова, Н.Б. 2020: *Амфоры VI–I вв. до н.э. из собрания Гос. музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина*. Саратов.
- Рубан, В.В. 1991. Опыт классификации так называемых милетских амфор из Нижнего Побужья. *СА* 2, 182–195.
- Чистов, Д.Е., Зуев, В. Ю., Ильина, Ю.И., Каспаров, А.К., Новоселова, Н.Ю. 2012. *Исследования на острове Березань в 2005–2009 гг.* (Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции 2). СПб.
- Чистов, Д. Е., Ильина, Ю.И., Еремеева, А.А., Щербакова, О.Е. 2020: *Березанское поселение в исследованиях 2010–2014 годов* (Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции 3). СПб.
- Чистов, Д.Е. 2022. Клейма на «протофасосских» амфорах в позднеархаических контекстах Березанского поселения. В сб.: «От Кавказа до Дуная»: *Северное Причерноморье в античную эпоху. Сборник научных трудов к 70-летию проф. С.Ю. Монахова*. Саратов, 441–450.
- Bîrzescu, Iu. 2012. *Die archaischen und frûnklassischen Transportamphoren* (Histria XV). Bucureşti.
- Dupont, P. 2018: Erythrai versus South Ionia: «Samian» Amphoras Revisited. В сб.: В.Д. Кузнецов, А.А. Завойкин (ред.), *Материалы по археологии и истории Фанагории* 3 (Фанагория 6). М., 88–100.
- Kerschner, M., Mommsen, H. 2022: Teos in the Geometric and Archaic Period: a Major Production Centre of Pottery in North Ionia. In: G.R. Tsatskheladze (ed.), *Ionians in the West and East* (Colloquia Antiqua 27). Leuven–Paris–Bristol, 169–213.

- Monachov, S.Ju., Kuznetsova, E.V. 2017: Overseas Trade in the Blacksea Region from the Archaic to the Hellenistic Period. In: V. Kozlovskaya (ed.), *The Northern Black Sea in Antiquity. Networks, Connectivity, and Cultural Interaction*. Cambridge, 59–99.
- Nicolaidu, I., Empereur, J.-Y. 1986: Amphores rhodiennes du musee de Nicosie. *BCH Suppl.* XIII, 515–533.
- Roberts, S.R. 1986: The Stoa Gutter Well. A Late Archaic Deposit from a Well in the Athenian Agora. *Hesperia* 55/1, 1–74.
- Sezgin, Yu. 2012: *Arkaik dönem İonia üretimi ticari amphoralar*. İstanbul.
- Sezgin, Yu. 2017: Arkaik dönemde Teos'ta ticari amphora üretimi: sorunlar ve gözlemler. *Anadolu* 43, 15–39.

REFERENCES

- Abramov, A.P. 1994: Antichnyye amfory. Periodizatsiya i khronologiya [Ancient amphorae. Periodization and chronology]. *Bosporskiy sbornik [Bosporan Collection]* 3, 4–135.
- Abramov, A.P. 2006: Kompleks amfor posledney chetverti VI v. do n.e. iz Patreya. Drevnosti Bospora [Complex of amphorae of the last quarter of the 6th century BC from Patraeus]. *Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosporus]* 9, 11–35.
- Abramov, A.P. 2009: *Amfory VI–V vv. do n.e. v Severnom Prichernomor'ye (klassifikatsiya i periodizatsiya) [Amphorae of the 6th–5th centuries BC at the Northern Black Sea region (classification and periodization)]*. Abstract. diss. PhD. Moscow.
- Abramov, A.P. 2020: *Grecheskiye amfory 6–5 vv. do n.e. v Severnom Prichernomor'ye [Greek amphoras of the 6th–5th centuries BC at the Northern Black Sea region]*. Moscow.
- Abramov, A.P., Sazonov, Yu.S. 1992: Keramika trekh podvodnykh kompleksov Patreya [Ceramics of the three underwater complexes from Patraeus]. *Bosporskiy sbornik [Bosporan Collection]* 1, 147–172.
- Bîrzescu, Iu. 2012. *Die archaischen und frühklassischen Transportamphoren* (Histria XV). Bucureşti.
- Chistov, D. Ye., Ilyina, Yu.I., Yeremeyeva, A.A., Shcherbakova, O.Ye. 2020: Berezanskoye poseleniye v issledovaniyakh 2010–2014 godov [*Berezan settlement in the research of 2010–2014*] (Materialy Berezanskoy (Nizhnebugskoy) antichnoy arkheologicheskoy ekspeditsii [Materials of the Berezan (Nizhnebug) ancient archaeological expedition] 3). Saint Petersburg.
- Chistov, D.Ye. 2022: Kleyma na «protofasoskikh» amforakh v pozdnearkhaicheskikh kontekstakh Berezanskogo poseleniya [Stamps on “Protothasian” amphorae in the Late Archaic contexts of the Berezan settlement]. In: A.P. Medvedev (ed.), *“Ot Kavkaza do Dunaya”: Severnoe Prichernomor'e v antichnuyu epokhu. Sbornik nauchnykh trudov v chest' 70-letiya S.Yu. Monakhova [“From the Caucasus to the Danube”: The Northern Black Sea region in Antiquity. Studies presented to S.Yu. Monakhov on the occasion of his 70th Birthday]*. Saratov, 441–450.
- Chistov, D.Ye., Zuyev, V.Yu., Ilyina, Yu.I., Kasparov, A.K., Novoselova, N.Yu. 2012: *Issledovaniya na ostrove Berezan' v 2005–2009 gg. [Research on Berezan Island in 2005–2009]* (Materialy Berezanskoy (Nizhnebugskoy) antichnoy arkheologicheskoy ekspeditsii [Materials of the Berezan (Nizhnebug) Ancient Archaeological Mission] 2). Saint Petersburg.
- Dupont, P. 2018: Erythrai versus South Ionia: «Samian» Amphoras Revisited. In: V.D. Kuznetsov, A.A. Zavoykin (eds.), *Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii [Materials on the archeology and history of Phanagoria]* 3 (Fanagoriya [Phanagoria] 6). Moscow, 88–100.
- Grach, N.L. 1999: *Nekropol' Nymfeya [Necropolis of Nymphaeum]*. Saint Petersburg
- Kerschner, M., Mommsen, H. 2022: Teos in the Geometric and Archaic Period: a Major Production Centre of Pottery in North Ionia. In: G.R. Tsetskhladze (ed.), *Ionians in the West and East* (Colloquia Antiqua 27). Leuven–Paris–Bristol, 169–213.

- Kuzmina, Yu.N., Kamelina, G.A. 2015: Lепnaya keramika iz raskopok ob'ekta 464 v Fanagorii [Hand-made pottery from excavations at the site #464 at Phanagoria]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 1, 316–321.
- Kuznetsov, V.D. 2021: Arkhaicheskiye steny Fanagorii [Archaic walls of Phanagoria]. *Hypanis* 3, 111–130.
- Kuznetsova, Ye.V. 2005: Metodika izucheniya antichnoy trgovli (na primere keramicheskogo kompleksa Fanagoriyskogo gorodishcha) [Methodology for studying ancient trade (using the example of the ceramic complex of the Phanagoria city-site)]. *Antiquitas Inventae* 1. Saratov, 159–171.
- Leipunaska, N.O. 1973: Klassifikatsiya amfor akhaichnogo chasu z Ol'vii [Classification of amphorae from the Archaic period from Olbia]. *Arkheologiya* [Archaeology] 8, 45–58
- Lomtadze, G.A. 2005: Amfory s nozhkoy v vide slozhnoprofilirovannogo kol'tsevogo poddona v sobranii Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya [Amphorae with a foot in the form of a complex-profiled ring tray in the collection of the State Historical Museum]. *Bosporskiye issledovaniya* [Bosporos Studies] VIII, 318–338.
- Monakhov, S.Yu. 2003: *Grecheskie amfory v Prichernomor'e: Tipologiya amfor vedushchikh tsentrov-eksporterov tovarov v keram. tare: Katalog-opredelitel'* [Greek Amphorae in the Black Sea region: Typology of amphorae of the leading centers-exporters of products in ceramic containers: Catalogue]. Moscow–Saratov.
- Monachov, S.Ju., Kuznetsova, E.V. 2017: Overseas Trade in the Blacksea Region from the Archaic to the Hellenistic Period. In: V. Kozlovskaya (ed.), *The Northern Black Sea in Antiquity. Networks, Connectivity, and Cultural Interaction*. Cambridge, 59–99.
- Monakhov, S.Yu., Kuznetsova, E.V., Tolstikov, V.P., Churekova, N.B. 2020: *Amfory VI–I vv. do n.e. iz sobraniya Gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'nykh iskusstv im. A.S. Pushkina* [Amphorae of the 6th–1st Centuries BC in the Pushkin State Museum of Fine Arts]. Saratov.
- Monakhov, S.Yu., Kuznetsova, Ye.V., Chistov, D.Ye., Churekova, N.B. 2019: *Amfornaya kollektiya Gosudarstvennogo Ermitazha VI–II vv. do n.e.* [Amphorae of the 6th–2nd centuries BC in the State Hermitage]. Saratov.
- Nicolaidu, I., Empereur, J.-Y. 1986: Amphores rhodiennes du musee de Nicosie. *BCH Suppl.* XIII, 515–533.
- Roberts, S.R. 1986: The Stoa Gutter Well. A Late Archaic Deposit from a Well in the Athenian Agora. *Hesperia* 55/1, 1–74.
- Ruban, V.V. 1991. Opyt klassifikatsii tak nazyvayemykh miletskikh amfor iz Nizhnego Pobuzh'ya [Experience of classification of the so-called Milesian amphorae from the Lower Bug region]. *Sovetskaya Arkheologiya* [Soviet Archaeology] 2, 182–195.
- Sezgin, Yu. 2012: *Arkaik dönem İonia üretimi ticari amphoralar*. İstanbul.
- Sezgin, Yu. 2017: Arkaik dönemde Teos'ta ticari amphora üretimi: sorunlar ve gözlemler. *Anadolu* 43, 15–39.
- Zavoykin, A.A. 2018. Amfornyye materialy iz drevneyshego sloya Fanagorii [Amphoric finds from the oldest layer of Phanagoria]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkherologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 252, 138–152.
- Zavoykin, A.A. 2019: Novyye amfornyye komplekсы iz raskopok «Verkhnego goroda» Fanagori [New amphorae complexes from the excavations at the “Upper City” of Phanagoria]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 24, 232–252.
- Zavoykin, A.A. 2023. Amfornyy kompleks doma 888 na «Verkhnem gorode» Fanagorii [Amphorae complex of House #888 on the “Upper City” of Phanagoria]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 3, 55–68.
- Zavoykin, A.A., Chashuk, M.S. 2023: Pozdnearkhaicheskaya yama na «Verkhnem gorode» Fanagorii. (Materialy k datirovke drevneyshey zastroyki) [Late archaic pit on the “Upper City” of Phanagoria. (Materials for the dating of the most ancient buildings)]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkherologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 271, 69–84.

- Zavoykin, A.A., Kolesnikov, A.B., Sudarev, N.I. 2016: Pozdnearkhaicheskiye pogrebeniya na «Yuzhnom gorode» Fanagorii [Late Archaic burials at the “Southern City” of Phanagoria]. In: A.A. Zavoykin (ed.), *Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii* [Materials on the archaeology and history of Phanagoria] 2 (Fanagoriya [Phanagoria] 4). Moscow, 110–207.
- Zavoykin, A.A., Kuznetsov, V.D. 2020: Khronologiya arkhaiskogo doma iz Fanagorii [Chronology of an archaic house at Phanagoria]. *Hypanis* 2, 129–140.
- Zavoykin, A.A., Kuznetsov, V.D. 2023: Fanagoriya v period pozdney arkhaiki – ranney klassiki (stratigrafiya, khronologiya, periodizatsiya. 1) [Phanagoria in the period of the late archaic – early classic (stratigraphy, chronology, periodization. 1)]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosphorus] 28, 126–148.
- Zavoykin, A.A., Kuznetsova, Ye.V., Monakhov, S.Yu. 2013: Sklad amfor 290B iz Fanagorii [Warehouse of amphorae #290B from Phanagoria]. In: V.D. Kuznetsov (ed.), *Materialy po istorii i arkheologii Fanagorii* [Materials on the history and archaeology of Phanagoria] 1 (Fanagoriya [Phanagoria] 1). Moscow, 226–229.
- Zeest, I.B. 1960: *Keramicheskaya tara Bospora* [Ceramic containers in Bosphorus] (Materialy i issledovaniya po arkheologii [Materials and Research on the Archaeology of USSR] 83). Moscow.

“PROTOTHASIAN” AMPHORAE IN THE STRATIGRAPHIC CONTEXT OF THE “UPPER CITY” OF PHANAGORIA

Aleksey A. Zavoykin

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

E-mail: bospor@inbox.ru

The article examines Late Archaic Ionian amphorae (“Protothasian”), which were found during excavations at the “Upper City” of Phanagoria in stratified contexts (houses, pits) of the second half of the 6th – the first two decades of the 5th century BC. The main goal of the work was to correlate these amphorae with the current chronological schemes proposed for this group of ceramic containers. The most significant problem here is that “Protothasian” amphorae were produced not in one, but in several Ionian centers. For now, we can only say with certainty that Teos was one of these centers (Kerschner, Mommsen 2022). Recognition of this fact disavows the hypothesis about the nature of the amphora containers of this polis at the end of the 7th – first half of the 6th century BC. (Sezgin 2017). “Protothasian” amphorae in the contexts considered are represented from the founding of Phanagoria (ca. 540 BC) until the destruction of buildings in this area of the city ca. 480 BC. In the earliest contexts (540–530/20 BC) exceptionally large (approx. 20–22 l) pythoid amphorae of the ‘first and second series’ according to the classification of S.Yu. Monakhov (2003; resp. Sezgin, 2012, Ionia β3 and Ionia β1-2). Judging by the amphorae from the storage pit (No. 32) in Patraeus (Abramov 2006), in the last quarter of the 6th century BC amphorae of the ‘second series’ coexist for some time with a new type of “Protothasian” amphorae. They had a smaller volume (approx. 10–14 l) and a different body shape (conical). It was these amphorae of the ‘third series’ (according to: Monakhov 2003) until the turn of the first and second quarters of the 5th century. BC are present in the imports of Phanagoria along with amphorae, which Monakhov classifies as the ‘fourth series’ (their dating is limited to the first quarter / third of the 5th century BC).

Keywords: Phanagoria, Northern Ionia, Teos, “Protothasian” amphorae, classification, chronology, stratigraphy

DOI: 10.18503/1992-0431-2024-2-84-113–120

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ИЗ КАМЕННОГО СКЛЕПА НЕКРОПОЛЯ ПАНТИКАПЕЯ

В.П. Гусева¹, Н.Г. Свиркина²

^{1,2} *Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия;*
¹ *Коломенский археологический центр, Коломна, Россия*

¹ *E-mail: gusewa.violetta2018@yandex.ru* ² *E-mail: svirkina.natalia@mail.ru*

¹ *ORCID: 0000-0001-6909-4760* ² *ORCID: 0000-0001-5712-5953*

В статье представлены результаты исследования антропологических материалов из заполнения каменного склепа I–III вв. н.э., раскопанного в ходе локальных спасательных археологических работ в 2018 г. на территории Керчи. Кости были значительно повреждены как в древности, так и в процессе изъятия из слоя плотного суглинка. На основании подсчета гомологичных элементов скелета установлено минимальное количество индивидов, рассчитаны основные демографические параметры выборки, описаны патологии и травмы. Половозрастной состав выборки позволяет выдвинуть предположение о том, что принадлежность к одной семье не была основным критерием для захоронения в склепе. Основные характеристики группы находят аналогии с выборками из крупных склепов Фанагории римского времени.

Ключевые слова: Боспорское царство, римский период, антропология, половозрастная структура, патологии и аномалии на костях

ВВЕДЕНИЕ

Археологические исследования обширного некрополя Пантикапея предпринимаются с XIX в., однако они имеют неплановый и несистематический характер. На сегодняшний день общий объем исследованной территории могильника остается достаточно скромным. Тем не менее, благодаря работам, предпринятым еще на ранних этапах археологических изысканий, были обнаружены уникальные объекты, например, склеп Мелек-Чесменского кургана, склеп «Деметры» и «Погребение с золотой маской»¹. Антропологические материалы из городского некрополя в большинстве своем утрачены или представлены случайными находками.

Данные об авторах. Виолетта Павловна Гусева – старший лаборант лаборатории контекстуальной антропологии ИА РАН, младший научный сотрудник КАЦ; Наталия Геннадиевна Свиркина – кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории контекстуальной антропологии ИА РАН.

К настоящему времени в научный оборот введена лишь небольшая краниологическая серия мужских и женских черепов VI в. до н.э. – V в. н.э.².

В 2018 г. в процессе локальных строительных работ на территории г. Керчь, на участке пер. Малый, д. 10, строителями были обнаружены фрагменты человеческих костей. В ходе последующих археологических изысканий выявлен каменный склеп II–III вв. н.э. Заполнение склепа представляло собой плотный суглинок, в котором находилось большое количество разрушенных, разрозненных костей³. Антропологические материалы, собранные в результате археологических изысканий, стали объектом настоящего исследования.

Материалы и методы. Визуальный осмотр костей позволил оценить специфику сохранности антропологического материала. На многих костях присутствуют следы давних и современных повреждений, связанных с перемещением внутри пространства склепа и процедурой изъятия их из грунта. Так как костные останки находились в перемешанном состоянии, минимальное количество индивидов определялось по числу аналогичных анатомических участков от разных индивидов с учетом половозрастных характеристик. Наиболее многочисленными идентифицируемыми костями были фрагменты верхних и нижних челюстей, по которым проводилось определение минимального числа индивидов⁴. Обнаружено 94 фрагмента правых сторон и 93 фрагмента левых сторон нижних челюстей и 7 целых костей.

Определение биологического возраста и пола проводилось на основании оценки изношенности жевательной поверхности зубов, морфологии и размеров кости⁵. На основании половозрастных характеристик были построены диаграммы распределения индивидов по возрастным группам: *Infantilis I* – новорожденный до 6–7 лет; *Infantilis II* – до 12–13 лет; *Juvenis* – до 17–18 лет; *Adultus I* – 19–24 года; *Adultus II* – 25–34 года; *Maturus I* – 35–44 года; *Maturus II* – 45–54 года; *Senilis* – 55 лет и старше. Рассчитаны основные палеодемографические характеристики. Все антропологические материалы из склепа были изучены на предмет наличия аномалий и патологий.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Половозрастная характеристика выборки. Исходя из подсчета гомологичных участков костей, можно считать, что в склепе были погребены останки минимум 103 костяков. Из них 52 принадлежали мужчинам, 39 женщинам, 9 – детям (до 14 лет), у трех взрослых индивидов пол не установлен.

Работа подготовлена в рамках темы «Междисциплинарный подход в изучении становления и развития древних и средневековых антропогенных экосистем» (номер ЕГИСУ НИОКТР 122011200264-9).

Авторы благодарят Д.В. Бейлина за предоставленный антропологический материал и научное консультирование, а также М.В. Добровольскую за помощь в идентификации патологических проявлений на костях.

¹ Бейлин и др. 2023, 38–61.

² Герасимова и др. 1987, 17, 20–21.

³ Бейлин и др. 2023, 38–61.

⁴ При подсчете количества детей учитывались кости посткраниального скелета, т.к. челюсти в ряде случаев отсутствовали.

⁵ Алексев 1966, 252; Mays 2010, 404; Ubelaker 1978, 118.

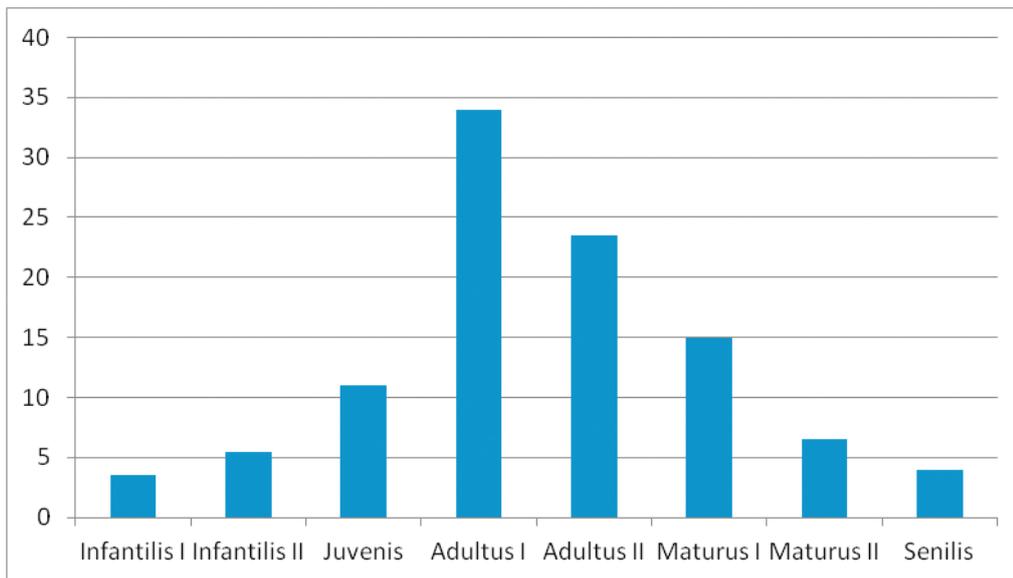

Рис. 1. Распределение индивидов из каменного склепа по возрастным интервалам
Fig. 1. Distribution of individuals from the stone crypt by age group

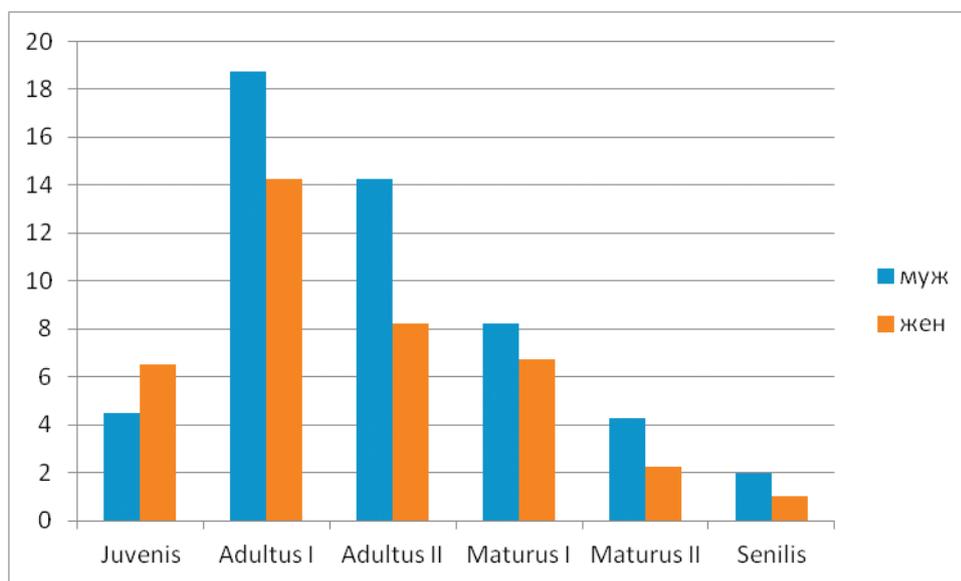

Рис. 2. Распределение мужчин и женщин из каменного склепа по возрастным интервалам
Fig. 2. Distribution of men and women from the stone crypt by age group

Очевидно, что выборка из каменного склепа не представляет палеопопуляцию. Обращает на себя внимание небольшое количество детей, которые составляют 9% от общего числа костяков. Отсутствуют дети до года, идентифицирован один индивид возраста 1–2 года, а остальные представлены детьми старше 4-х лет. Соотношение мужчин и женщин близко к паритетному (57% и 43%). Индивиды финальной возрастной когорты (старше 55 лет) составляют 4% от общей численности костяков.

Средний возраст смерти в группе составляет 28 лет, без учета детей – 30 лет. Около 56% выборки представлены индивидами молодого возраста (Adultus I–II). Пик смертности приходится на интервал 19–25 лет (33% от общего числа индивидов) (рис. 1). Различия между мужчинами и женщинами минимальны, а характер распределения по когортам схож с общей тенденцией (рис. 2).

Патологии и травмы. Относительно неплохая сохранность челюстей с зубами позволила сделать несколько наблюдений относительно частоты встречаемости кариеса и зубного камня. Кариес присутствует практически у каждого 4-го взрослого индивида. Зубной камень встречен у 15% половозрелых индивидов. У детей данных патологий нет.

Специфика антропологического материала (значительно разрушенные разрозненные кости) не позволяет произвести полноценное исследование частот встречаемости патологий и аномалий⁶. Тем не менее приведем случаи изменений на костях, связанных с травмами и посттравматическими патологиями.

В центральной части левой ключицы выявлен заживший перелом со смещением. Кость принадлежала взрослому индивиду. На месте перелома – костная мозоль, что указывает на успешное заживление тканей. Отметим, что данный процесс мог быть осложнен воспалением, о чем свидетельствует локальная резорбция ткани (абсцесс) (рис. 3, 4).

Предположительно с боевой травмой связано повреждение в центральной части диафиза левой плечевой кости взрослого индивида (рис. 3, 3). Повреждение было получено в результате удара острым рубящим орудием, т.к. была срезана часть кортикального слоя кости. Об успешном заживлении травмы свидетельствует наличие костной мозоли.

У взрослого мужчины обнаружен деформирующий артроз головки правой бедренной кости (рис. 3, 1). Он проявляется постепенным изменением суставных поверхностей эпифиза, выраженными краевыми костными разрастаниями по контуру суставной поверхности⁷. Одна из возможных причин появления данного нарушения – травма.

У индивида старше 40 лет зафиксирован вдавленный компрессионный перелом поясничного позвонка. Травма привела к уменьшению высоты тела позвонка. На верхней поверхности тела просматриваются признаки регенерации костной ткани. На краях тела позвонка значительные краевые разрастания (остеофиты).

⁶ Частоты дискретно-варьирующих признаков (не метрические признаки, позволяет устанавливать наличие родственных связей) не подсчитывались. Перечень встреченных при изучении костей из каменного склепа признаков: вставочные косточки в лямбдовидном шве, сквозное отверстие в теле грудины, костные «крючки» на верхних суставных поверхностях первого шейного позвонка, перфорация на дистальном эпифизе плечевой кости.

⁷ Рейнберг 1964, 530–572.

Рис. 3. Патологии на костях посткраниального скелета: 1 – дегенеративные изменения на головке правой бедренной кости; 2 – предсмертная (?) травма крыла левой подвздошной кости; 3 – зажившая травма диафиза правой плечевой кости; 4 – заживший перелом левой ключицы

Fig. 3. Pathologies of the post-cranial skeleton: 1 – degenerative changes on the head of the right femur; 2 – perimortem (?) injury on the wing of the left ilium; 3 – antemortem trauma to the diaphysis of the right humerus; 4 – antemortem fracture of the left clavicle

Вероятно, их появление обусловлено компенсаторной реакцией организма для стабилизации позвоночника.

Обнаружен заживший перелом третьей пястной кости. У другого индивида зафиксировано разрастание костной ткани и деформация головки плюсневой кости, возможно, возникшие вследствие бытовой травмы.

Помимо травм со следами заживления выявлен случай повреждения кости без признаков регенерации. На крыле левой подвздошной кости подростка зафиксирована травма, нанесенная рубящим орудием (рис. 3, 2). На кости отсутствуют следы заживления, окраска поверхности травмы и окружающей кости совпадает,

на внутренних участках повреждения чешуевидные фрагменты. Это указывает на предсмертный характер повреждения.

Из патологий, связанных с травмами, следует упомянуть случаи обнаружения энтезопатий (локальная резорбция костной ткани на месте крепления сухожилий и мышц), которые могут рассматриваться как признак чрезмерной нагрузки костно-мышечного аппарата. В выборке из каменного склепа выявлено только три случая данной аномалии на ключицах, месте крепления реберно-ключичной связки.

ОБСУЖДЕНИЕ

Основные демографические показатели (процент детей, соотношение мужчин и женщин, средний возраст смерти, процент индивидов старше 50 лет) из каменного склепа схожи с аналогичными показателями выборок из склепов римского времени Фанагории, Херсонеса⁸.

Крайне низкое число детских скелетов и, в частности, младенцев может быть связано не только с фактором сохранности, но и некими обстоятельствами, ограничивающими возможность захоронения детей в склепе. Если рассматривать склепы как семейные усыпальницы, то половозрастной состав погребенных внутри этих захоронений будет близким к палеопопуляции с большим числом детских костяков, паритетным соотношением полов, среди взрослых – с разнообразием возрастных групп. Однако специфика демографических характеристик выборок из каменного склепа Пантикапея и крупных склепов Фанагории не позволяет рассматривать их как семейные усыпальницы. Возможно, присутствовал некоторый фактор, не позволяющий хоронить всех членов семьи в одном месте.

Частота встречаемости зубных патологий схожа с другими синхронными городскими группами Причерноморья⁹. В целом травмы и посттравматические патологии, встреченные в выборке из каменного склепа, единичны, что характерно для стационарного населения с низким уровнем внутренней и внешней агрессии. Отметим, что при описании материалов из крупных склепов Восточного некрополя Фанагории упоминаются травмы и маркеры физической нагрузки, но они, как и в случае с материалами из Пантикапея, не имеют массового характера¹⁰.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного исследования получены данные, позволяющие охарактеризовать группу индивидов, объединенных одним погребальным пространством. Особенности сохранности антропологического материала ограничивают возможности применения традиционного набора методов исследования. Тем не менее материалы из каменного склепа являются ценнейшим источником информации для изучения населения Пантикапея римского времени. Дальнейшие исследования с применением естественнонаучных методов (палеогенетика, изотопный анализ) позволят перейти к обсуждению широкого круга тем.

⁸ Добровольская 2016, 299–310; Свиркина 2022, 498.

⁹ Свиркина 2022, 498; Moles 2012, 44; Kendeley-side et al 2009, 51–63.

¹⁰ Добровольская 2016, 299–310.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев, В.П. 1966: *Остеометрия. Методика антропологических исследований*. М.
- Алексеева, Т.И., Богатенков, Д.В., Лебединская, Г.В. 2003: *Влахи. Антропо-экологическое исследование (по материалам средневекового некрополя Мистихали)*. М.
- Бейлин, Д.В., Рукавишников, И.В., Федосеев, Н.Ф. 2023: Исследования каменного склепа в районе ул. Мирошника в Керчи (Северный участок некрополя Пантикапея). *ДБ* 28, 38–61.
- Бужилова, А.П. 1995: *Древнее население (палеопатологические аспекты исследования)*. М.
- Герасимова, М.И., Рудь, Н.М., Яблонский, Л.Т. 1987: *Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы*. М.
- Добровольская, М.В. 2016: Опыт изучения скелетных материалов из склепов римского времени Восточного некрополя Фанагории. *КСИА* 244, 299–310.
- Огнерубов, Н.А., Огнерубова, М.А., Стегачев, С.К. 2017: Аномалии грудины: судебно-медицинское значение. *Вестник ТГУ* 22.1, 155–163.
- Рейнберг, С.А. 1965: *Рентгенодиагностика заболеваний костей и суставов*. М.
- Рохлин, Д.Г. 1965: *Болезни древних людей*. М.
- Свиркина, Н. Г. 2020: *Население Фанагории в III в. до н.э. – V в. н.э. (по палеоантропологическим материалам из Восточного некрополя): дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук*. М.
- Keenleyside, A., Schwarcz, H., Stirling, L., Lazreg, N.B. 2009: Stable isotopic evidence for diet in a Roman and Late Roman population from Leptiminus, Tunisia. *Journal of Archaeological Science* 36.1, 51–63.
- Mays, S. 2010: *Archaeology of Human Bones*. Routledge.
- Moles, A.A. 2012: *Stable Isotope Analysis Study for Dietary Reconstruction at the Multi-Period Site of Mesembria on the Black Sea*. MSc Thesis. Edinburgh.
- Stanton, G. 1969: The Relation of Diet to Salivary Calculus Formation. *Journal of Periodontology* 40.3, 167–172.
- Ubelaker, D. 1978: *Human skeletal remains. Excavation, analysis, interpretation*. Smithsonian Institution. Chicago.

REFERENCES

- Alekseev, V.P. 1966: *Osteometriya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Osteometry. Methodology of anthropologic research]. Moscow.
- Alekseeva, T.I., Bogatenkov, D.V., Lebedinskaya, G.V. 2003: *Vlaxhi. Antropo-ekologicheskoe issledovanie (po materialam srednevekovogo nekropolya Mistikhali)* [Vlachs. Anthropo-ecological study (on the materials of the medieval necropolis of Mistikhali)]. Moscow.
- Beylin, D.V., Rukavishnikova, I.V., Fedoseev, N.F. 2023: Issledovaniya kamennogo sklepa v rayone ul. Miroshnika v Kerchi (Severnny uchastok nekropolya Pantikapeya) [Investigation of the stone crypt in the area of Miroshnika Street in Kerch (Northern section of the necropolis of Panticapaeum)]. *Antiquities of the Bosporus* 28, 38–61.
- Buzhilova, A.P. 1995: *Drevnee naselenie (paleopatologicheskie aspekty issledovaniya)* [Ancient population (paleopathological aspects of research)]. Moscow.
- Dobrovolskaya, M.V. 2016: [Experience of studying skeletal materials from the Roman time crypts in the Eastern necropolis of Phanagoria]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 244, 299–310.
- Gerasimova, M.I., Rud, N.M., Yablonsky, L.T. 1987: *Antropologiya antichnogo i srednevekovogo naseleniya Vostochnoy Evropy* [Anthropology of the ancient and medieval population of Eastern Europe]. Moscow.

- Keenleyside, A., Schwarcz, H., Stirling, L., Lazreg, N.B. 2009: Stable isotopic evidence for diet in a Roman and Late Roman population from Leptiminus, Tunisia. *Journal of Archaeological Science* 36.1, 51–63.
- Mays, S. 2010: *Archaeology of Human Bones*. Routledge.
- Moles, A.A. 2012: *Stable Isotope Analysis Study for Dietary Reconstruction at the Multi-Period Site of Mesembria on the Black Sea*. MSc Thesis. Edinburgh.
- Ognerubov, N.A., Ognerubova, M.A., Stegachev, S.K. 2017: Anomalii grudiny: sudebno-meditsinskoe znachenie [Anomalies of the sternum: forensic significance]. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Tambov State University] 22.1, 155–163.
- Reinberg, S.A. 1965: *Rentgenodiagnostika zabolevanij kostey i sustavov* [Radiodiagnosis of diseases of bones and joints]. Moscow.
- Rokhlin, D.G. 1965: *Bolezni drevnikh lyudey* [Diseases of ancient people]. Moscow.
- Stanton, G. 1969: The Relation of Diet to Salivary Calculus Formation. *Journal of Periodontology* 40.3, 167–172.
- Svirkina, N.G. 2020: *Naselenie Fanagorii v III v. do n.e. – V v. n.e. (po paleoantropologicheskim materialam iz Vostochnogo nekropolya): diss. na soisk. uch. step. kand. ist. nauk* [Population of Phanagoria in the 3rd century BC – 5th century AD (on paleoanthropological materials from the Eastern necropolis): PhD Text]. Moscow.
- Ubelaker, D. 1978: *Human skeletal remains. Excavation, analysis, interpretation*. Smithsonian Institution. Chicago.

SOME RESULTS OF THE STUDY OF ANTHROPOLOGICAL MATERIAL FROM THE STONE CRYPT OF THE PANTICAPAEAN NECROPOLIS

Violetta P. Guseva¹, Nataliya G. Svirkina²

^{1,2} *Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;*
¹ *Kolomna Archaeological Center, Kolomna, Russia*

¹ *E-mail: gusewa.violetta2018@yandex.ru* ² *E-mail: svirkina.natalia@mail.ru*

The article presents the results of studying the anthropological material from the 1st – 3rd cc. AD stone crypt excavated in Kerch in 2018. The bones were significantly damaged both in antiquity and during the removal from the burial. Based on the counting of homologous skeletal elements, the minimum number of individuals was established. Basic demographic parameters are calculated. The gender and age composition of the sample suggests that belonging to the same family was not the main criterion for burial in the crypt. The main characteristics of the group find analogies with samples from synchronous burial chamber of Phanagoria.

Keywords: Bosporan kingdom, Roman period, anthropology, gender and age structure, pathologies and anomalies on bones

DOI: 10.18503/1992-0431-2024-2-84-121–144

МОНЕТЫ ИЗ РАСКОПОК 2018 Г. В РАЙОНЕ ЦЕРКВИ ИОАННА ПРЕДТЕЧИ В КЕРЧИ

М.Г. Абрамзон¹, В.В. Майко², С.А. Кононова³, Л.Ю. Пономарев⁴

¹ *Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия;*

¹ *Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск, Россия*

^{2,4} *Институт археологии Крыма Российской академии наук, Симферополь, Россия*

³ *ООО «Крымский региональный центр археологических исследований», Симферополь,
Россия*

¹ *E-mail: abramzon-m@mail.ru* ² *E-mail: vadimmaiko1966@mail.ru*

³ *E-mail: sakononova@yandex.ru* ⁴ *E-mail: l_ponomare@mail.ru*

¹ *ORCID: 0000-0001-6111-048X* ² *ORCID: 0000-0003-1065-4836*

³ *ORCID: 0009-0003-6257* ⁴ *ORCID: 0009-0004-8102-0050*

В ходе работ 2018 г. на раскопе возле церкви Иоанна Предтечи в Керчи были найдены 82 монеты: боспорские – 51, римские – 3, византийские – 18, итальянские – 1, Крымское ханство – 2, Российская империя XVIII–XX вв. – 4, не определяемые – 3. Сильно потертые статеры Фофорса – Рескупорида VI обращались в VI–VII вв. вместе с синхронными византийскими монетами (в раскопе найдены выпуски Маврикия, Ираклия, Юстиниана I, Константа II). Византийских монет VIII–X вв. в данном комплексе нет. Вторую половину византийских монет составляют выпуски X в. (Константин VII, Роман II, Василий II). Доминирует чекан Херсона. Большой интерес представляет находка редкого денария Ландульфа из Конзы (Салерно, 973 г.). Акче крымских ханов XVI в. – позднейшие монеты в данном монетном комплексе. Единичные позднебоспорские и средневековые монеты характеризуют нумизматический профиль города Боспор (Керчь), представляя свидетельство денежного обращения в городе и регионе преимущественно с IV по XVI вв. Профиль аналогичен монетам, найденным при раскопках XX в. в районе церкви Иоанна Предтечи, а также на других памятниках со слоями позднеримского, византийского и османского периодов.

Ключевые слова: Боспор (Керчь), раскоп 2018 г., ранневизантийское время, османский период, монеты из раскопок, денежное обращение

Данные об авторах. Михаил Григорьевич Абрамзон – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела классической археологии ИА РАН, директор НИИ исторической антропологии и филологии МГТУ им. Г.И. Носова; Вадим Владиславович Майко – доктор исторических наук, директор ИАК РАН; Светлана Андреевна Кононова – старший научный сотрудник ООО «КРЦАИ»; Леонид Юрьевич Пономарев – внештатный сотрудник ИАК РАН.

Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР ИА РАН «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (№ НИОКТР 122011200269-4) (М.Г. Абрамзон).

1. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

В 2018 г. экспедиция Крымского регионального центра археологических исследований под руководством А.В. Шарапы проводила охранно-спасательные работы в прибрежной части Керчи на участке, отведенном под строительство гостиничного комплекса в пер. Димитрова, д. 4, в 65 м к юго-западу от церкви Иоанна Предтечи (рис. 1)¹.

Раскоп площадью 658,75 м² был заложен внутри квартала, границы которого сформировались в 1830-е–1840-е гг. по ул. Театральной (бывш. ул. Дворянская, ул. 1812 г., ул. Розы Люксембург), Адмиралтейскому проезду (бывш. ул. Магази́нная), пер. Димитрова (бывш. пер. Церковный) и скверу «Славы» на пл. Ленина (бывш. сквер Л.Н. Толстого на Предтеченской площади)². Культурные напластования удалось исследовать на глубину до 3,75 м. Работы были остановлены на уровне горизонта построек VII в., поскольку ниже при расчистке ям и пифосов выступили грунтовые воды.

В процессе раскопок стратиграфическая колонка в границах исследованного участка была разделена на пять слоев, четыре из которых удалось изучить на всю глубину: слой 1 – XX в., мощностью 0,10–3,75 м (с учетом перекопов, коммуникационных траншей, выгребных ям и подвалов домов); слой 2 – XVIII–XIX вв., нестратифицированного серо-черного суглинка мощностью до 2,5 м; слой 3 – XII–XVII вв., нестратифицированного серого суглинка мощностью до 1 м и слой 4 – VIII–XI вв., нестратифицированного серо-коричневого суглинка мощностью до 1,20 м.

В слоях 2–4 были расчищены кладки нескольких построек VIII–XV вв. – № 1, 2, 3, 4а, 6, 9, имевших сложную строительную периодизацию, обусловленную их долговременным использованием. Кроме того, в слой 4 были впущены три плитовые могилы XII в., скорее всего, находившиеся в границах некрополя, упомянутого П.А. Дюбрюксом у стен трехапсидного храма – церкви «1833 г.»³.

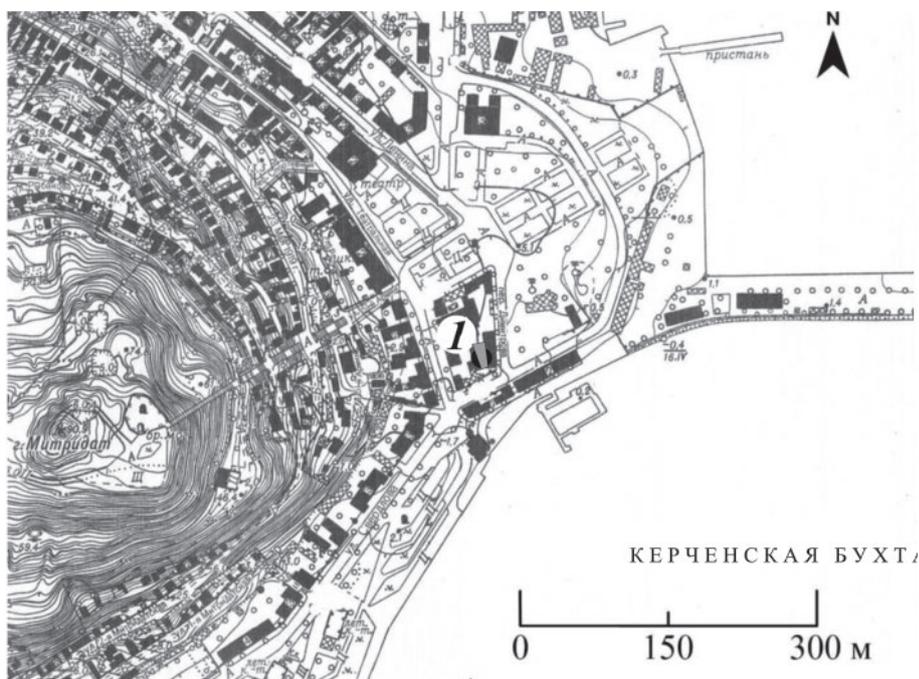
Слой 5 – нестратифицированного серо-желтого суглинка был исследован на глубину до 0,40 м. Дальнейшим работам воспрепятствовали грунтовые воды, поэтому его нижнюю хронологическую границу установить не удалось (скорее всего, в пределах VI в.), а верхняя не выходит за третью четверть/конец VII в. Как и вышележащие слои, он был нарушен перекопами, поэтому кроме керамики V–VII вв. и примеси «снизу» (керамики IV в. до н.э. – V в. н.э.) содержал находки VIII–XIX вв. С этим слоем стратиграфически связаны постройки 2, 4б, нижние участки кладок постройки 9 (первого строительного периода) и гончарный комплекс к югу от постройки 2, в который входили обжигательная печь, ямы 1, 2 и вкопанная в грунт нижняя часть пифоса. На уровне того же горизонта были частично раскрыты кладки более ранних построек – западная стена постройки 2 и постройка 10. Время их функционирования установить не удалось, поскольку соответствующий им горизонт оказался ниже уровня грунтовых вод, но, скорее всего, он приходится на IV–VI вв.⁴

¹ Авторы выражают глубокую благодарность А.В. Шарапе за возможность ознакомиться с полевой документацией и полевым отчетом.

² Шарапа 2019/2, 3, рис. 3; 4; Пономарев и др. 2023, 280–281, рис. 6.

³ Майко 2021а, 65–78; 2021б, 176–192; Майко и др. 2021, 95–122; Науменко, Пономарев 2013а, 249–250; 2013б, 244–263.

⁴ Кононова и др. 2024а; 2024б.

А

Б

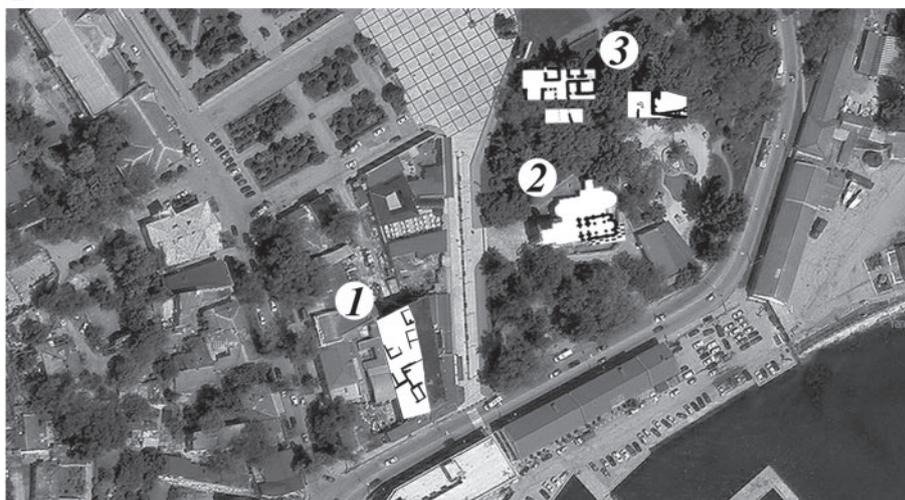

Рис. 1. Местоположение раскопа 2018 г. в Керчи: А – на карте масштаба 1:5 000; Б – на спутниковом снимке: 1 – раскоп; 2 – церковь Иоанна Предтечи; 3 – раскоп И.Б. Зеест, А.Л. Яковсона 1963 г. и раскопы I, II Т.И. Макаровой 1963–1964 гг.

Fig. 1. Location of the 2018 excavation area in Kerch: А – on a 1:5,000 scale map; Б – on a satellite image: 1 – excavation trench; 2 – Church of St. John the Baptist; 3 – excavation trenches 1963 (I.B. Zeest and A.L. Jakobson) and 1963–1964 (T.I. Makarova)

Позднеантичные и особенно средневековые монеты из раскопа 2018 г. важны для уточнения датировки средневековых слоев Боспора, которые исследуются лишь эпизодически и на небольших площадях: большая часть их уничтожена городской застройкой Керчи. Отметим, что публикуемые монеты соответствуют профилю нумизматических находок из раскопок XX в. в районе церкви Иоанна Предтечи и прилегающих кварталов города (см. ниже).

2. НУМИЗМАТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ

В ходе раскопок были найдены 82 монеты, из которых 79 поддаются определению. Все монеты поступили в Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник (далее – ВКИКМЗ), почти все они имеют плохую сохранность⁵. В целом нумизматический материал, связанный с различными слоями памятника, охватывает время с последней трети IV в. до н.э. до начала XX в. Монеты распределяются следующим образом:

Таблица 1.

Хронологическое распределение монет из раскопок 2018 г.

Страна	Века						Всего
	IV в. до н.э.	Кон. I в. до н.э. – III в. н.э.	Кон. III – IV	VI–X	XV	XVIII–XX	
Боспорское царство	3	16	32				51
Римская империя			3				3
Византийская империя				18			18
Италия				1			1
Крымское ханство					2		2
Российская империя						4	4
Итого:	3	16	35	19	2	4	79

Старейшие монеты – пантикапейские дихалк ок. 330–315 гг. до н.э. и тетрагалки ок. 315–300 гг. до н.э. (№ 1–3) связаны с глубокими перекопами, вследствие которых слои 4 и 5 оказались перемешанными, и поступили из примеси «снизу» вместе с керамикой IV в. до н.э. Остальные боспорские монеты принадлежат римскому периоду; большинство их (32 экз.) составляют сильно потертые статеры Фофорса, Радамсада и Рескупорида VI, которые отражают денежное обращение как в позднеантичное время, так и ранневизантийское. Публикуемые находки до-

⁵ ВКИКМЗ. Инв. № КП-198752, 198761; КН-11147-11151, 11588, 11589; НВФ-27177-27191, 27213-27292. Авторы выражают искреннюю благодарность за помощь в работе с фондами заместителю генерального директора ВКИКМЗ Н.В. Быковской, а также научному сотруднику музея Т.И. Охримено.

полняют ряд античных единичных монет из предыдущих раскопок в районе церкви Иоанна Предтечи⁶.

Все римские монеты из слоев 4 и 5 относятся ко времени правления Константина I и Лициния (№ 52–54). Заметное количество находок меди Константина I и семьи в Пантикапее и Фанагории маркирует начало основного притока римской имперской монеты на Боспор.

Средневековые монеты представлены выпусками Византийской империи (18 экз.), Италии (1) и Крымского ханства (2). Ранневизантийские монеты принадлежат императорам VI–VII и X вв. Традиционно для города Боспора доминирует херсоно-византийская медь (13 экз.); затем следуют выпуски Константинопольского монетного двора (5 экз.). Одна монета относится к продукции монетного двора Антиохии (№ 55). Большой интерес представляют довольно редкие херсонские монеты Маврикия Тиберия и Ираклия номиналом в 8 пентануммиев (№ 56–58, 61), которые дополняют корпус В.А. Сидоренко⁷.

Таблица 2.

Распределение византийских монет по дворам

Император	Константинополь	Антиохия	Херсон	Всего
Маврикий (582–602)	1	1	3	6
Ираклий (610–641)	2		1	3
Юстиниан II. Первое правление (685–695)	1			1
Константин VII (913–959)	1		1	1
Роман I (920–944)			1	1
Роман II (959–963)			2	2
Василий II (976–1025)			4	4
Неопределенные X в.			2	2
Итого:	5	1	13	18

Особый интерес представляет совместная находка салернского денария Ландульфа из Конзы (973–после 979 гг.) (№ 73) и херсонского выпуска Романа II (№ 67) в слое 3, время активного формирования которого приходится на вторую половину X – первую четверть XIII вв.⁸ Чрезвычайно редкие денарии Ландульфа известны в двух разновидностях – с легендами +LAN / SALRN (LR в лигатуре)⁹ и +LAN / SABAS¹⁰. Последние, зарегистрированные в Крыму и на Тамани, были тщательно проанализированы О.В. Пушкаревым¹¹, который, исходя из факта обладания салернскими правителями титулом *sebastos* при Алексее I Комнине (1081–1118) и поддерживая идею Ф. Грирсона и Л. Траваини о заинтересован-

⁶ Ср., например, Голенко 1970.

⁷ Сидоренко 2003, 377–391.

⁸ Майко и др. 2021, 97; 113, рис. 6, 23.

⁹ Именно такой денарий впервые опубликован в аукционном каталоге Glendining 1944 г. (Glendining & Co. Cat., 38, Lot 2833) и затем переиздан Ф. Грирсоном и Л. Траваини в 2009 г. (Grierson, Travaini 2009, 60–61, 592, pl. I, 11).

¹⁰ Пушкарев 2014, 213–214, рис. 1; 2.

¹¹ Пушкарев 2014.

ности Византии в отстранении от власти в Салерно Гизульфа I¹², предположил, что Ландульф, по-видимому, являлся союзником и ставленником империи и был пожалован ей титулом севаста, сокращение которого в форме SABAS помещалось на его денариях¹³.

Отметим важность первой находки денария Ландульфа *in situ*¹⁴ – в синхронном слое города Боспор, что является редким археологическим свидетельством исторического контекста эпохи, пересекающимся с данными Эскуриального Тактика Икономидиса (971/975 гг.), отмечающего создание множества мелких провинций, в том числе морской фемы Евксинского Понта, задачей которой был контроль над Черным морем (против Руси), и фемы Боспора – единственной в восточной Таврике¹⁵. В настоящее время с появлением этого тактика связывается административная реформа в Таврике, которая ознаменовала после победы над Святославом вхождение юго-восточного и восточного Крыма в состав Византийской империи¹⁶. Эта находка подтверждает предположение О.В. Пушкарева, считающего, что денарии Ландульфа были занесены в фему Боспор военными контингентами, прибывшими из катепаната Италия для возвращения Причерноморья под контроль Византии, среди которых могли быть участники событий 973 г. в Салерно¹⁷.

Среди материалов слоя 5 присутствуют неопределяемая херсоно-византийская литая медь X в. (№ 71, 72) и фоллис Константина VII, отчеканенный на монетном дворе Константинополя в 945–950 гг. (№ 65). Эти монеты важны для установления времени начала накопления хронологических горизонтов средневизантийского времени и, соответственно, времени завершения «хазарского» периода¹⁸.

Пара акче Мехмеда Гирия I (1515–1523) и Мехмеда Гирия II (1577–1584) из слоя 3 завершает ряд средневековых монет из раскопа 2018 г.

Публикуемые средневековые монеты характеризуют нумизматический профиль Боспора VI–XVI вв., представленный монетными находками из раскопок XX в. – начала 2000-х гг. в районе церкви Иоанна Предтечи и прилегающих кварталов города – для сравнения перечислим их:

1. Некрополь у стен церкви Иоанна Предтечи. 1) в могиле № 36 – две пробитые монеты: османское акче 1359–1421 гг. и сольдино венецианского дожа Антонио Веньера (1382–1400)¹⁹. Рядом, в могиле № 31, у южной апсиды, – пробитый данг хана Узбека (712–741 гг. х./1312–1341 гг.), тип 720 г. х., монетного двора

¹² Grierson, Travaini 2009, 60.

¹³ Пушкарев 2014, 210.

¹⁴ При раскопках Н.П. Туровой пещерного христианского комплекса над Ялтой в 2013 г. в культурном слое ниши пещеры Иограф I, содержащим votivные приношения, также был найден денарий Ландульфа, ошибочно интерпретированный как монета «Сébastополиса первой половины XV в.» (Турова 2014, 124). Однако эта находка вместе с ранним тмутараканским подражанием милитарисию Василия II и Константина VIII и другими синхронными артефактами относится к выделенному Н.П. Туровой I этапу существования христианского комплекса – X(?)–XI–XIII вв., связанному со строительством храма в пещере Иограф I и начальным функционированием всего пещерного комплекса (Турова 2014, 124). Остальные известные экземпляры денариев Ландульфа происходят из нелегальных раскопок и находятся в частных коллекциях.

¹⁵ Oikonomides 1972, 268–269, 358, 363.

¹⁶ Майко 2014, 24, 199, 213.

¹⁷ Пушкарев 2014, 210–211.

¹⁸ Майко и др. 2021, 98.

¹⁹ Гончаров, Чхаидзе 2018, 37–38, рис. 2.

Крым ал-Махруса, чеканенный позже указанной даты, возможно, во второй половине XIV в. или позже²⁰; 2) в могиле № 11 – серебряная монета тмутараканского князя Олега-Михаила (ок. 1078 г.)²¹.

2. Двор церкви Иоанна Предтечи (раскопки В.Д. Блаватского в 1934 г.): фоллис Маврикия Тиберия 587 г.²²

3. Раскопки Т.И. Макаровой в 1963–1964 гг. к северу от церкви Иоанна Предтечи. Вне соответствующего археологического контекста найдено несколько византийских монет VI–VII вв., в том числе: полуфоллис Тиберия II Константина (578–582), четыре фоллиса Маврикия (582–602), фоллис Фоки (602–610), фоллис Иракия и Иракия Константина (610–641), фоллис Тиберия III Апсимара (698–705)²³.

4. Плитовый некрополь VII – первой половины VIII вв. по ул. Свердлова и пер. 1-й Босфорский (рядом с Керченским музеем). В могилах 5 и 71 в 1-м Босфорском пер. (раскопки А.И. Айбабина 2007–2009 гг.) найдены два фоллиса – Юстина II (577/8 г.) и Иракия (610–641) или Константа II (641–668)²⁴. В могиле № 9 (раскопки В.Н. Холодкова и С.А. Шестакова 1986 г.) на ул. Свердлова, среди остатков ткани, найдены три монеты Маврикия, одна из них с надчеканкой Иракия²⁵.

5. Раскопки А.Б. Занкина на ул. Театральной у театра им. А.С. Пушкина в 1990 г. Монеты не опубликованы, за исключением одной – боспорского (?) полуфоллиса Константа II с буквами K_B на реверсе²⁶.

6. Раскопки А.И. Айбабина в Кооперативном пер. в 1990–1992 гг.: фоллис 654–659 гг., полуфоллис Иракия и Иракия Константина 612–638 гг. и фоллис Юстиниана II 686/687 г.²⁷

7. Предтеченская площадь (раскопки В.В. Шкорпила в 1911 г., ныне пл. Ленина). При раскопках бани позднеосманского периода найден клад, включавший 2872 мелкие серебряные монеты Крымского ханства XV–XVI вв., хранившийся в одноручном глиняном кувшине. Из определенных монет наиболее ранние чеканены при Менгли Гирае I (1478–1515), позднейшие – при Девлет Гирае I (1551–1577)²⁸.

8. Гора Митридат (раскопы Эспланадный, Ново-Эспланадный и случайные находки). 1) Италия, графство Дезана, Джованни Бартоломео, 5 гроссо, 1525–1533 гг. (пробита)²⁹; 2) Арслан-Гирай, Бахчисарай, 1748–1756 гг.³⁰; 3) Венеция, XVIII в.³¹; 4) Литва, Ян Казимир, солид, 1649–1668 гг.³²; 5) Шахин Гирай (?), 1777–1783 (?)³³; 6) Херсон, Роман I, 920–944 гг. (?)³⁴.

²⁰ Макарова, 1998, 379; Гончаров, Чхаидзе 2018, 37, рис. 1.

²¹ Кропоткин, Макарова 1973.

²² Кропоткин 1962, 34, № 208.

²³ Макарова 1998, 363; Кропоткин 1965, 175–176, № 57, а–в; 1971, 216–217; Иванина и др. 2006, 156–161, № 14, 19, 23, 28, 31; Сидоренко 2003, 368.

²⁴ Айбабин, Хайрединова 2015, 355; 2018, 36.

²⁵ Пономарев 2020, 111; Иванина и др. 2006, 156–157, № 16.

²⁶ Сидоренко 2003, 379, № 14; 392, табл. XIII, 14.

²⁷ Айбабин 2000, 169.

²⁸ Шкорпил 1914, 18–19, 74.

²⁹ Голенко, Шелов 1963, 27, № 2.

³⁰ Голенко, Шелов 1963, 28, № 19.

³¹ Голенко, Шелов 1963, 28, № 21.

³² Голенко, Шелов 1963, 32, № 121.

³³ Голенко, Шелов 1963, 44, № 370.

³⁴ Голенко, Шелов 1963, 47, № 431.

Рис. 2. Античные монеты из раскопок в Керчи в 2018 г.
Fig. 2. Ancient coins from the 2018 excavations at Kerch

Рис. 3. Средневековые монеты из раскопок в Керчи в 2018 г.
 Fig. 3. Medieval coins from the 2018 excavations at Kerch

Таким образом, публикуемый нумизматический материал из раскопок 2018 г. расширяет сведения о денежном обращении средневекового Боспора (и Таврики в целом) в IV–XVI вв.

Приложение

СПИСОК МОНЕТ ИЗ РАСКОПА 2018 г.

БОСПОР КИММЕРИЙСКИЙ

1. АВТОНОМНЫЙ ПЕРИОД

Пантикапей

Ок. 330–315 гг. до н.э.

AE. *Л.с.* Голова безбородого сатира вправо. *О.с.* Протома Пегаса вправо; ПАН.

№ п/п	Инв. № ВКИКМЗ	Диаметр, мм	Место находки	Литература
1.	НВФ-27290	16	Ниж. уров. строения 2	Ср. Анохин 1986, № 112.

Ок. 315–300 гг. до н.э.

AE. *Л.с.* Голова безбородого сатира в плющевом венке влево. *О.с.* Голова льва вправо; внизу осетр влево; вокруг ПАН.

2.	КН-11149	19	Слой 4, кв. 6Б	Ср. Анохин 1986, № 125.
----	----------	----	----------------	-------------------------

Начало III в. до н.э.

AE. То же тип, но с надчеканками «звезда» и «горит».

3.	НВФ-27292	19	Слой 3, кв. 9Б	Ср. Анохин 1986, № 131.
----	-----------	----	----------------	-------------------------

Пантикапей как Кесария

13–12 гг. до н.э.

AE. *Л.с.* Голова Афродиты Урании вправо. *О.с.* Жезл; ΚΑΙ ΣΑ ΡΕ ΩΝ; справа внизу Н. Восьмихалковый обол.

4.	НВФ-27273	21	Слой 5, кв. 7А	Ср. Анохин 1986, № 322а
----	-----------	----	----------------	-------------------------

2. РИМСКИЙ ПЕРИОД

Полемон I (15/14–9/8 гг. до н.э.)

АЕ. Л.с. Венок, в нем голова Аполлона в лавровом венке вправо. **О.с.** Треножник, покрытый кортиной, слева **ΒΑΕ**, справа лавровая ветвь; внизу Δ. 4 унции.

5.	К.о. 24	21	Слой 3, кв. 9Б	Ср. Анохин 1986, № 280
6.	НВФ-27274	21	Слой 5, кв. 7Б	
7.	НВФ-27246	21	Слой 4, кв. 8Б	

Котис I (45/46–68/69)

49–54 гг. н.э.

АЕ. Л.с. ΤΙ ΚΛΑΥΔΙΟΥ ΚΑΙΣΑΡΟΣ. Голова Клавдия вправо, внизу **ΙΒ**. **О.с.** ΙΟΥΛΙΑΝ ΑΓΡΙΠΠΙΑΝ ΚΑΙΣΑΡΟΣ. Голова Агриппины влево, слева **ΒΑΚ**. Ас-сарий.

8.	НВФ-27245	19	Слой 4, кв. 8Б	Ср. Анохин 1986, № 344?
----	-----------	----	----------------	-------------------------

Савромат I (93/94–123/124)

98/99–103/104 гг. н.э.

АЕ. Л.с. ΤΙΒΕΡΙΟΥ ΙΟΥΛΙΟΥ ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΑΥΡΟΜΑΤΟΥ. Курульное кресло с венком, слева щит и копье, справа скипетр с бюстом. **О.с.** ΤΕΙΜΑΙ ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΑΥΡΟΜΑΤΟΥ. Круглый щит и копье, слева шлем и меч, справа голова коня и топор, внизу ΜΗ. Сестерций.

9.	НВФ-27238	27	Слой 4, кв. 7А	Ср. Фролова 1997/1, XLII, 14–16. Половинка монеты.
----	-----------	----	----------------	--

115/116–118/119 гг. н.э.

АЕ. Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΑΥΡΟΜΑΤΟΥ. Бюст Савромата I вправо. **О.с.** Венок, в нем ΜΗ. Сестерций.

10.	НВФ-27271	25	Слой 5, кв. 7А	Ср. Фролова 1997/2, XLVIII, 21.
11.	НВФ-27244	26	Слой 4, кв. 8Б	Ср. Фролова 1997/2, XLVIII, 23?

Котис II (123/124–132/133)

Ок. 123/124–124/125 гг. н.э.

АЕ. *Л.с.* ΒΑΣΙΛΕΩС ΚΟΤΥΟС. Бюст Котиса II вправо. *О.с.* Венок, в центре МН. Сестерций.

12. НВФ-27239 25 Слой 4, кв. 7Б Ср. <https://bosporan-kingdom.com/481-4177/22.html>.

Реметалк (131/132–153/154)

АЕ. *Л.с.* ΒΑΣΙΛΕΩС ΡΟΙΜΗΤΑΛΚΟΥ. Бюст царя вправо, справа трезубец. *О.с.* Венок, в нем МН. Сестерций.

13. НВФ-27272 23 Слой 5, кв. 7А Ср. Фролова 1997/2, LXIII, 17–22
 14. НВФ-27240 23 Слой 4, кв. 7Б
 15. НВФ-27242 23 Слой 4, кв. 8А
 16. НВФ-27243 22 Слой 4, кв. 8А Ср. Фролова 1997/1, LXII, 6, 9.
Л.с. Круглое клеймо.

Евпатор (154/155–170/171)

АЕ. *Л.с.* ΒΑΣΙΛΕΩС ΕΥΠΑΤΟΡΟС. Бюст царя и царицы. *О.с.* Венок, в нем МН. Сестерций.

17. НВФ-27237 23 Слой 4, кв. 6Б Ср. Фролова 1997/1, LXXII, 9–10.

Рескупорид III (211/212–226/227)

Ок. 214–216 гг. н.э.

АЕ. *Л.с.* ΒΑΣΙΛΕΩС ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΔΟС. Бюст Рескупорида III в плаще и доспехах вправо. *О.с.* Царь на коне вправо; правая рука поднята в жесте адорации, в левой держит копье; под обрезом * . Денарий.

18. НВФ-27270 25 Слой 5, кв. 6Б Ср. Фролова 1997/2, XIV, 12.
О.с. Клеймо.

Иниффимей, 234/235–238/239 г. н.э.

АЕ. *Л.с.* ΒΑΣΙΛΕΩС ΙΝΙΝΘΙΜΗΥΟΥ. Бюсты царя и богини. *О.с.* Богиня на троне влево, слева внизу Β, справа звезда. Двойной денарий.

19. НВФ-27269 20 Слой 5, кв. 6Б Ср. Фролова 1997/2, XXXIII, 4.

Рескупорид V (242/243–276/277)

ВІ. *Л.с.* ΒΑΣΙΛΕΩС ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΔΟС. Бюст Рескупорида V вправо. *О.с.* Бюст императора вправо; внизу дата. Статер.

№ п/п	Инв. № ВКИКМЗ	Диам., мм	Год б.э.	Год н.э.	Место находки	Литература
20.	НВФ-27268	19	548?	251/252?	Слой 5, кв. 6Б	Ср. Абрамзон, Кузнецов 2017, № 364?

Фофорс (285/286–309/310)

АЕ. Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩС ΘΟΘΩРСΟΥ. Бюст царя вправо. **О.с.** Бюст императора вправо; справа тамга; внизу дата. Статеры.

21.	НВФ-27267	17.5	586	289/290	Слой 5, кв. 6А	Ср. Абрамзон, Кузнецов 2017, № 2458?
22.	НВФ-27261	20	587	290/291	Слой 5, кв. 5А	Ср. Абрамзон, Кузнецов 2017, № 2470.
23.	НВФ-27266	17.5	593	296/297	Слой 5, кв. 6А	Ср. Абрамзон, Кузнецов 2017, № 2651.
24.	НВФ-27190	20	594	297/298	Слой 3, кв. 7Б	Ср. Абрамзон, Кузнецов 2017, № 2923.
25.	КН-11148	21	595	298/299	Слой 4, кв. 6Б	Ср. Абрамзон, Кузнецов 2017, № 3021.
26.	КН-11147	18.5	596	299/300	Слой 4, кв. 5А	Ср. Абрамзон, Кузнецов 2017, № 3119 (л.с.).
27.	НВФ-27260	19	597	300/301	Слой 5, кв. 5А	Ср. Абрамзон, Кузнецов 2017, № 3327.
28.	НВФ-27232	19	599	302/303	Слой 4, кв. 6Б	Ср. Абрамзон, Кузнецов 2017, № 3601.
29.	НВФ-27231	19	602	305/306	Слой 4, кв. 6Б	Ср. Абрамзон, Кузнецов 2017, № 3669.

Радамсад (309/310–318/319)

АЕ. Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩС РАДАМСАДИС. Бюст царя вправо. **О.с.** Бюст императора вправо; справа палица; внизу дата. Статеры

30.	НВФ-27229	19	608	311/312	Слой 4, кв. 5А	Ср. Абрамзон и др. 2019, № 365.
31.	НВФ-27291	19	608	311/312	Нижн. уров. строения 2	Ср. Абрамзон и др. 2019, № 365?

Рескупорид VI (318/319–341/342)

АЕ. Л.с. ΒΑΣΙΛΕΥС ΡΙΣΚΟΥΠΟΡΙС. Бюст царя вправо. **О.с.** Бюст императора вправо; внизу или по сторонам дата. Статеры

32.	КН-11589	18	616	319/320	Слой 4, кв. 4Б	Ср. Абрамзон и др. 2019, № 408.
33.	НВФ-27227	19	616	319/320	Слой 4, кв. 5Б	Ср. Фролова 1997/2, ХСП, б.

34.	НВФ-27230	17	617–619?	319–322?	Слой 4, кв. 5А	
35.	НВФ-27259	19	620	323/324	Слой 5, кв. 5А	Ср. Абрамзон и др. 2019, № 586.
36.	НВФ-27233	18.5	621	324/325	Слой 4, кв. 6Б	Ср. Абрамзон и др. 2019, № 674?
37.	НВФ-27262	20	621	324/325	Слой 5, кв. 5Б	Ср. Абрамзон и др. 2019, № 689–691.
38.	НВФ-27224	18	621	324/325	Слой 4, кв. 4Б	Ср. Абрамзон и др. 2019, № 754. <i>О.с. Орел.</i>
39.	НВФ-27257	19	621	324/325	Слой 5, кв. 5А	<i>О.с. Орел.</i>
40.	К.о. 193	19	621	324/325	Строение 9	Ср. Абрамзон и др. 2019, № 809. <i>О.с. Орел.</i>
41.	НВФ-27263	20	621–623?	324/325–326/327	Слой 5, кв. 5Б	<i>О.с. Орел, ...КХ.</i>
42.	НВФ-27222	18	622?	325/326?	Слой 4, кв. 2Б	Ср. Абрамзон и др. 2019, № 838?
43.	НВФ-27226	19	622?	325/326?	Слой 4, кв. 5Б	<i>О.с. Орел</i>
44.	НВФ-27225	19	623	326/327	Слой 4, кв. 5Б	Ср. Абрамзон и др. 2019, № 973. <i>О.с. Ника</i>
45.	НВФ-27235	18.5	623	326/327	Слой 4, кв. 6Б	Ср. Абрамзон и др. 2019, № 939–941.
46.	КН-11151	17.5	624	327/328	Слой 5, кв. 4Б	Ср. Фролова 1997/2, СІХ, 13а.
47.	НВФ-27256	19	624	327/328	Слой 5, кв. 5А	Ср. Абрамзон и др. 2019, № 980–982.

Статеры плохой сохранности. Фофорс – Рескупорид VI

48.	НВФ-27264	21			Слой 5, кв. 5Б	
49.	НВФ-27265	20			Слой 5, кв. 5А	
50.	НВФ-27234	18.5			Слой 4, кв. 6Б	Рескупорид VI. <i>О.с. Ника</i> справа?
51.	НВФ-27236	18			Слой 4, кв. 6Б	

РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ

Константин I Великий (306–337)

Кизик

326–327 гг. н.э.

АЕ. *Л.с.* CONSTAN—TINVS AVG. Голова Константина I в лавровом венке вправо. *О.с.* PROVIDEN—TIAE AVGG. Ворота лагеря с двумя башенками, без дверей; вверху звезда. По обрезаю •SMK[...].Фоллис.

№ п/п	Инв. № ВКИКМЗ	Диаметр, мм	Место находки	Литература
52.	НВФ-27258	21	Слой 5, кв. 5А	Cf. <i>RIC</i> 7, 650, no. 44.

Лициний II (317–324)**Кизик****321–324 гг.**

AE. *Л.с.* D N VAL LICIN LICINIVS NOV C. Бюст Лициния II в панцире, влево; на голове шлем; в правой руке держит копье, положив его на плечо. *О.с.* IOVI CONSERVATORI. Юпитер стоит влево, держа Викторию на шаре и скипетр; внизу слева орел с веком в клюве, справа – пленник; справа в поле II^{X} . Под обрезом SMKB.

53. НВФ-27228 20 Слой 4, кв. 5А Cf. *RIC* 7, 646, no. 18.**Констант (320–350)****Никомедия****347–348 гг.**

AE. *Л.с.* DN CONSTA—NS PF AVG. Голова Константа в жемчужной диадеме вправо. *О.с.* VOT / XX / MVLT / XXX внутри венка. Под обрезом •SMNA•.

54. КН-11588 15 Слой 4, кв. 2А Cf. *RIC* 8, 475, no. 56.**ВИЗАНТИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ****Маврикий (582–602)****Константинополь****587/588 г.**

AE. *Л.с.* $\text{ONMAVRIC TIBEPPIAV}$. Бюст Маврикия в фас. *О.с.* M, вверху крест, ниже Г, слева ANNO вертикально, справа C ; под обрезом CON. Фоллис

55. НВФ-27253 31 Слой 5, кв. 4Б Cf. *DOC* 1, 305, nos. 29b.**Антиохия****596/597 или 598/599 гг.**

AE. *Л.с.* ONMAVPI CNPACV . Бюст Маврикия в фас. *О.с.* M, вверху крест, ниже E, слева ANNO вертикально, справа ч или чII; под обрезом CNECP . Фоллис

56. НВФ-27189 22.5 Слой 3, кв. 7А Cf. *DOC* 1, 343–344, no. 167с или 169с.

Херсон

584–602 гг.

С именем монетного двора. Серия В

AE. Л.с. **ΧΕΡ** CONOC. Маврикий (слева) и Константина (справа) в нимбах стоят впрямь. Между головами крест. О.с. **Η**, слева сын Маврикия Феодосий держит длинный скипетр с навершием в виде **ϙ**. 8 пентануммиев.

57. НВФ-27255 32 Слой 5, кв. 4Б Cf. *DOC* 1, 374, nos. 299.1–3.
Справа клеймо **ϙ**.

Без имени монетного двора. Серия В

AE. Л.с. **DNMAVI RICPPAVC**. Маврикий (слева) и Константина (справа) стоят впрямь на помосте. Между головами крест. О.с. То же. 8 пентануммиев.

58. НВФ-27254 32 Слой 5, кв. 4Б Cf. *DOC* 1, 375, no. 303.2
59. НВФ-27220 18 Слой 4, кв. 8Б Половинка монеты.

Ираклий (610–641)

Константинополь

610/611–612/613 гг.

AE. Л.с. [**ϠNHRACLI ΧSPERPAVI**]. Бюст Ираклия анфас, с бородой, в панцире, со щитом, в шлеме с пендулиями. О.с. **Μ**, вверху крест, слева ANNO вертикально, справа I?; под обрезом [CON]. Фоллис.

60. НВФ-27217 24 Слой 4, кв. 9Б Cf. *DOC* 2/1, 275–277, nos. 69–71.

612/613 г.

AE. Л.с. [**ϠNHRACLI PERPAVC**]. То же. О.с. **Κ**, вверху крест, слева ANNO вертикально, справа III? ½ фоллиса.

61. НВФ-27218 17 Слой 4, кв. 9Б Cf. *DOC* 2/1, 277, no. 73a?

Херсон

615–629 гг.

AE. Л.с. [**ddNNhERA EThERA CON**]. Ираклий (слева) и Ираклий Константина (справа) в нимбах стоят впрямь. Между головами крест. О.с. **Η**, справа Мартина держит длинный скипетр с навершием в виде **ϙ**. 8 пентануммиев.

62. НВФ-27219 25 Слой 4, кв. 8Б Cf. *DOC* 2/1, 381, no. 311.

Констант II (641–668)

Константинополь

666–668 гг.

АЕ. *Л.с.* Бюст Константа II в фас, с длинной бородой в правой руке сфера с крестом; справа **К.** *О.с.* **М**, вверху бюст Константина IV, слева и справа бюсты Ираклия и Тиберия. Фоллис

63. НВФ-27188 23 Слой 3, кв. 6Б Cf. *DOC* 2/2, 459–460, nos. 88–89.

Юстиниан II. Первое правление (685–695)

Константинополь

Класс 2. 686/687 г.

АЕ. *Л.с.* **ΙΟΥΣΤΙΝΙ ΑΝΥΣΡ**. Бюст Юстиниана II, бородатого, анфас, в хламиде и короне, украшенной крестом. В правой руке держит сферу, украшенную крестом, в правом поле крест. *О.с.* **М**, вверху крест, ниже **Α**, слева **ΑΝΝΟ** вертикально, справа **Π** с крестом выше и чертой ниже; под обрезом **CON**. Фоллис

64. НВФ-27252 29 Слой 5, кв. 4А Cf. *DOC* 2/2, 584, nos. 18a.1–3.

Константин VII Порфирогенет (913–959)

Константинополь

Класс 5. Единое правление Константина VII 945–ок. 950 гг.

+CONST' +CONST'BA SIL'ROM']. Бюст Константина VII в фас, одетого в лорос **ΕΠΘΕΟΒΑ** увенчанную крестом; в левой руке держит сферу с крестом, в правой – **SILEVSR** *Л.с.* **ΟΜΕΟΠ** *О.с.*

65. КН-11150 27 Слой 5, кв. 4А Cf. *DOC* 3/2, 566, no. 26.1.

Херсон

Класс 8. Единое правление Романа I 921–944 гг.

АЕ. *Л.с.* *О.с.*

66. НВФ-27215 17 Слой 4, кв. 9Б Cf. *DOC* 3/2, 573, no. 36.

Роман II (959–963)**Херсон**

959–963 гг.

AE. Л.с. . О.с. Крест, справа и слева по точке.

67. НВФ-27177 18 Слой 3, кв. 6Б Cf. DOC 3/2, 577, nos. 3a.1–5.

AE. Л.с. . О.с. То же.

68. НВФ-27216 17 Слой 4, кв. 9Б Cf. DOC 3/2, 577, nos. 3b.

Василий II Болгаробойца (976–1025)**Херсон**

977–989 гг.

AE. Л.с. . О.с. .

69. НВФ-27214 18 Слой 4, кв. 8Б Cf. DOC 3/2, 633, nos. 21a.

70. НВФ-27214 17 Слой 4, кв. 8Б

Херсоно-византийская литая медь плохой сохранности. X в.

71. К.о. 94 15 Слой 5, кв. 3А

72. К.о. 95 17 Слой 5, кв. 4А

ИТАЛИЯ**Салерно****Ландульф из Конзы (973–после 979)**

973 г.

AR. Л.с. MA / ΘEOI. Бюст св. Матфея анфас. О.с. +LAN / SABAS. Точечная рамка. Денарий.

73. КП-198761 27мм 1.67 г Слой 3, кв. 6Б Cf. Grierson, Travaini 1998, 592, pl. I, II. Отверстие

КРЫМСКОЕ ХАНСТВО³⁵**Мехмед Гирай I (1515–1523)**

³⁵ Авторы искренне благодарят М.М. Чорефа за определение монет Крымского ханства.

AR. Акче.

74. КП-198752 13 Слой 2, кв. 8Б

Мехмед Гирай II (1577–1584)

AR. Акче.

75. НВФ-27186 11 Слой 3, кв. 6Б Retowski 1905, No. 8, Taf. VIII, 8.

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ

Екатерина II (1762–1796)

Две копейки образца 1763–1767 гг.

AE. *Л.с.* Вензель малый Екатерины II. По сторонам 17–63. Изображение окружено двумя ветвями, связанными внизу бантом. *О.с.* Георгий Победоносец на коне вправо, поражает копьем дракона. Внизу полукругом лента с надписью: «ДВЕ КОПЕЙКИ». Без обозначения монетного двора.

№ п/п	Шарапа 2019/II	Диаметр, мм	Место находки	Год	Литература
76.	Рис. 88, 51	35	Подвал № 2	1763	Ср. Уздеников 2004, № 2643. <i>Л.с.</i> Следы прежнего типа.

Николай II (1894–1917)

1 копейка образца 1895–1914 гг. С обозначением монетного двора

AE. *Л.с.* Малый Государственный Герб Российской империи. В верхней части обода выпуклая надпись: «МЕДНАЯ РОССИЙСКАЯ МОНЕТА», в нижней вдавленная надпись – «ОДНА КОПЕЙКА». *О.с.* Во внешнем круге ветви лавра и дуба, перевязанные лентой. Вверху надпись «1912 ГОДА». В центральном круге, отделенном точечной рамкой, надпись в две строки: «1 КОПЕЙКА». По бокам цифры две звездочки. Под номиналом две виньетки и «СПБ».

77. К.о. 10 21.7 Слой 2, кв. 8Б 1912 Ср. Уздеников 2004, № 3937.

1 копейка образца 1915–1917 гг. Без обозначения монетного двора

78. К.о. 8 21.7 Слой 2, кв. 7В 1916 Ср. Уздеников 2004, № 3960.
79. К.о. 9 21.7 Слой 2, кв. 7В 1916 То же.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон, М.Г., Кузнецов, В.Д. 2017: *Клад позднебоспорских статеров из Фанагории* (Фанагория. Результаты археологических исследований; т. 5). М.
- Абрамзон, М.Г., Новичихин, А.М., Сапрыкина, И.А., Смекалова, Т.Н. 2019: *Третий Гай-Кодзорский клад позднебоспорских статеров*. М.
- Айбабин, А.И. 2000. Хазарский слой в Керчи. *МАИЭТ* VII, 168–185.
- Айбабин, А.И., Хайрединова, Э.А. 2015: Плитовые могилы с высеченными крестами из раннесредневекового могильника Боспора. *БИ* XXXI, 354–378.
- Айбабин, А.И., Хайрединова, Э.А. 2018: Ранневизантийский некрополь Боспора. *АДСВ* 46, 33–53.
- Анохин, В.А. 1986: *Монетное дело Боспора*. Киев.
- Голенко, К.В. 1970: Монеты, найденные при раскопках в Керчи в 1964 г. *ВДИ* 2, 87–99.
- Голенко, К.В., Шелов, Д.Б. 1963: Монеты из раскопок Пантикапея 1945–1961 гг. *Нумизматика и сфрагистика* 1, 3–65.
- Гончаров, Е.Ю., Чхаидзе, В.Н. 2018: Монеты из раскопок 1971 г. у храма Иоанна Предтечи в Керчи. В сб.: *«ПриРОНТийский меняла: деньги местного рынка»*. V Международной нумизматической симпозиум (Москва 20–21.09. 2018 г.). Материалы научной конференции. Симферополь–М., 37–38.
- Иванина, О.А., Куликов, А.В., Холодков, В.Н. 2006: Византийские монеты VI–VII вв. в собрании Керченского заповедника (к истории денежного обращения в Таврике в эпоху раннего средневековья). В сб.: *Научный сборник Керченского заповедника*. Вып. I. К 180-летию Керченского музея древностей. Керчь, 149–171.
- Кононова, С.А., Майко, В.В., Пономарев, Л.Ю. 2024а: Комплексы VII в. ранневизантийского Боспора (по материалам охранных раскопок 2018 г. в Керчи в пер. Димитрова). Гончарная мастерская к югу от постройки 2. *ИАК* (в печати).
- Кононова, С.А., Майко, В.В., Пономарев, Л.Ю. 2024б: Комплексы VII в. ранневизантийского Боспора (по материалам охранных раскопок 2018 г. в Керчи к юго-западу от церкви Иоанна Предтечи). Постройка 2. *ИАК* (в печати).
- Кропоткин, В.В. 1962: *Клады византийских монет на территории СССР* (САИ Е4–4).
- Кропоткин, В.В. 1965: Новые находки византийских монет на территории СССР. *ВВ* 26, 166–189.
- Кропоткин, В.В. 1971: Новые находки византийских монет в Керчи. *ВВ* 32, 216–218.
- Кропоткин, В.В., Макарова, Т.И. 1973: Находка монеты Олега-Михаила в Корчеве. *СА* 2, 250–254.
- Майко, В.В. 2021а: Салтово-маяцкие горизонты Боспора (по материалам раскопок 2018 г.). В сб.: *Михеевские чтения*. Вып. II. Харьков, 65–78.
- Майко, В.В. 2021б. Византийские элементы материальной культуры Боспора XIII–XIV вв. (на примере раскопа 2018 г.). *АДСВ* 49, 176–192.
- Майко, В.В., Шарапа, А.В., Юрочкин, В.Ю., Михайлов, А.М. 2021: К вопросу о материальной культуре Боспора второй половины X – XII вв. (на примере охранных раскопок 2018 г.). *ИАК* XIV. Симферополь, 95–122.
- Макарова, Т.И. 1998: Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи. *МАИЭТ* VI, 344–393.
- Науменко, В.Е., Пономарев, Л.Ю. 2013а: Христианские памятники и топография Боспора X–XII вв. В сб.: Т.Ю. Яшаева (ред.), *Климентовский сборник. Материалы VI Международной конференции «Церковная археология: Херсонес – город святого Климента»* (Севастополь, 2011 г.). Севастополь, 244–263.
- Науменко, В.Е., Пономарев, Л.Ю. 2013б: К исторической топографии Боспора X–XII вв.: об обстоятельствах находки и местоположении так называемой «Церкви Шевелева»

- («Церкви 1833 г.»). В сб.: *Ρομαίος: сборник статей к 60-летию проф. С.Б. Сорочана* (Нартекс. Byzantine Ukrainensis, Т. 2). Харьков, 295–309.
- Пономарев, Л.Ю. 2020: К изучению христианских некрополей ранневизантийского Боспора (по результатам охранных раскопок в 1986 г. на ул. Свердлова в Керчи). В сб.: В.В. Майко, Э.А. Хайрединова, Т.Ю. Яшаева (ред.), *Христианство в археологических и письменных источниках. Материалы IX Международной научной конференции по церковной археологии. Севастополь, 21–25 сентября 2020 г.* Симферополь, 108–113.
- Пономарев, Л.Ю., Кононова, С.А., Майко, В.В. 2023: Охранно-спасательные раскопки в пер. Димитрова (2018 г.) в контексте истории археологического изучения и топографии средневековой Керчи. *ИАК XVIII*, 267–297.
- Пушкарев, О.В. 2014: О монетах с легендой LAN SABAS. *АДСВ* 42, 206–214.
- Сидоренко, В.А. 2003: Медная чеканка византийского Боспора (590–668 гг.). *МАИЭТ X*, 355–392.
- Турова, Н.П. 2014: Средневековый пещерный комплекс хребта Иограф над г. Ялтой. *МАИАСК* 6, 93–173.
- Уздеников, В.В. 2004: *Монеты России 1700–1917*. 3-е изд. М.
- Фролова, Н.А. 1997: *Монетное дело Боспора (середина I в до н.э. – середина IV в. н.э.)*. Ч. I–II. М.
- Шарапа, А.В. 2019: *Научный отчет о выполнении спасательных археологических полевых работ (археологических наблюдений) на участке объекта культурного наследия федерального значения «Древнерусское городище летописного города Корчев» в зоне строительства гостиничного комплекса на земельном участке по адресу: Республика Крым, город Керчь, переулок Димитрова, 4 (кадастровый номер 90:19:010109:1940)*. Т. 1–2. Симферополь.
- Шкорпил, В.В. 1914: Отчет о раскопках в Керчи и на Таманском полуострове в 1911 г. *ИИАК* 56, 1–74.
- Grierson, Ph., Travaini, L. 1998: *Medieval European Coinage*. Vol. 14. *Italy (III). South Italy, Sicily, Sardinia: With a Catalogue of the Coins in the Fitzwilliam Museum* (Medieval European Coinage, Series Number 14). Cambridge.
- Oikonomides, N. 1972: *Les listes de preesance Byzantines des IX et X siecles*. Paris.
- Retowski, O. 1905: *Die Münzen der Girei*. Moskau.

REFERENCES

- Abramzon, M.G., Kuznetsov, V.D. 2017: *Klad pozdnebosporiskikh staterov iz Fanagorii [The hoard of late Bosporan stateres from Phanagoria]* (Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy [Phanagoria. Results of Archaeological Research], 5). Moscow.
- Abramzon, M.G., Novichikhin, A.M., Saprykina, I.A., Smekalova, T.N., 2019: *Tretiy Gay-Kodzorskiy klad pozdnebosporiskikh staterov [The Third Hoard of Late Bosporan Staters from the Gai-Kodzor Site]*. Moscow.
- Anokhin, V.A. 1986: *Monetnoe delo Bospora [Coinage of the Bosporus]*. Kiev.
- Aybabin, A.I. 2000. Khazarskiy sloy v Kerchi [Khazar layer in Kerch]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Taurii [Materials on Archaeology, History and Ethnography of Tauria]* VII, 168–185.
- Aybabin, A.I., Khayreidinova, E.A. 2015: Plitovye mogily s vysechennymi krestami iz ranne-srednevekovogo mogil'nika Bospora [Slab graves with carved crosses in an early medieval Bosporan burial ground]. *Bosporkie issledovaniya [Bosporos Studies]* XXXI, 354–378.
- Aybabin, A.I., Khayreidinova, E.A. 2018: Rannevizantiyskiy nekropol' Bospora [An Early Byzantine necropolis of Bosporus]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka [Antiquity and the Middle Ages]* 46, 33–53.

- Frolova, N.A. 1997: *Monetnoe delo Bospora (seredina I v do n.e. – seredina IV v. n.e.)* [The Coinage of the Bosporus (the mid-1st century BC – mid-4th century AD)]. 2 vols. Moscow.
- Golenko, K.V. 1970: Monety, naydennye pri raskopkakh v Kerchi v 1964 g. [Coin finds in the excavations at Kerch in 1964]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 87–99.
- Golenko, K.V., Shelov, D.B. 1963: Monety iz raskopok Pantikapeya 1945–1961 gg. [Coin from 1945–1961 excavations at Panticapaeum]. *Numizmatika i sfragistika* [Numismatics and Sphragistics] 1, 3–65.
- Goncharov, E.Yu., Chkhaidze, V.N. 2018: Monety iz raskopok 1971 g. u khrama Ioanna Predtechi v Kerchi [Coins from the 1971 excavation near the Church of St. John the Baptist, Kerch]. In: “PriPONTiyskiy menyala: den’gi mestnogo rynka”. V Mezhdunarodnyy numizmaticheskiy simpozium (Moskva, 20–21.09. 2018 g.). *Materialy nauchnoy konferentsii* [“Pontic Money-Changer: Money of the Local Market.” Vth International Numismatic Symposium (Moscow, September 20–21, 2018). Scientific Conference Materials]. Simferopol–Moscow, 37–38.
- Grierson, Ph., Travaini, L. 1998: *Medieval European Coinage*. Vol. 14. *Italy* (III). *South Italy, Sicily, Sardinia: With a Catalogue of the Coins in the Fitzwilliam Museum* (Medieval European Coinage, Series Number 14). Cambridge.
- Ivanina, O.A., Kulikov, A.V., Kkolodkov, V.N. 2006: Vizantiyskie monety VI–VII vv. v sobranii Kerchenskogo zapovednika (k istorii denezhnogo obrashcheniya v Tavrike v epokhu ranнего srednevekov’ya) [The 6th–7th centuries Byzantine coins in the Kerch Reserve (on the history of currency in Taurica in the early Middle Ages)]. In: *Nauchnyy sbornik Kerchenskogo zapovednika*. Vyp. I. *K 180-letiyu Kerchenskogo muzeya drevnostey* [Scientific Collection of the Kerch Reserve. Vol. I. To the 180th Anniversary of the Kerch Museum of Antiquities]. Kerch, 149–171.
- Kononova, S.A., Mayko, V.V., Ponomarev, L.Yu. 2024b: Kompleksy VII v. rannevizantiyskogo Bospora (po materialam okhrannykh raskopok 2018 g. v Kerchi k yugo-zapadu ot tserkvi Ioanna Predtechi). Postroyka 2 [Seventh-century complexes of the Early Byzantine Bosporus (based on materials from security excavations in 2018 at Kerch, the Dimitrov Lane). Building 2]. *Istoriya i arkheologiya Kryma* [History and Archaeology of Crimea] (forthcoming).
- Kononova, S.A., Mayko, V.V., Ponomarev, L.Yu. 2024a: Kompleksy VII v. rannevizantiyskogo Bospora (po materialam okhrannykh raskopok 2018 g. v Kerchi v per. Dimitrova). Goncharnaya masterskaya k yugu ot postroyki 2 [Seventh-century complexes of the Early Byzantine Bosporus (based on materials from security excavations in 2018 at Kerch, the Dimitrov Lane). Pottery workshop south of Building 2]. *Istoriya i arkheologiya Kryma* [History and Archaeology of Crimea] (forthcoming).
- Kropotkin, V.V. 1962: *Klady vizantiyskikh monet na territorii SSSR* [Byzantine Coin Hoards in USSR] (Svod arkheologicheskikh istochnikov [Corpus of Archaeological Sources] E4–4).
- Kropotkin, V.V. 1965: Novye nakhodki vizantiyskikh monet na territorii SSSR [Recent Byzantine coin finds in USSR]. *Vizantiyskiy vremennik* [Byzantine Chronicle] 26, 166–189.
- Kropotkin, V.V. 1971: Novye nakhodki vizantiyskikh monet v Kerchi [Recent Byzantine coin finds in Kerch]. *Vizantiyskiy vremennik* [Byzantine Chronicle] 32, 216–218.
- Kropotkin, V.V., Makarova, T.I. 1973: Nakhodka monety Olega-Mikhaila v Korcheve [Coin of Oleg-Mikhail found in Korchev]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 2, 250–254.
- Makarova, T.I. 1998: Arkheologicheskie raskopki v Kerchi okolo tserkvi Ioanna Predtechi [Archaeological excavations near the Church of St. John the Baptist, Kerch]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Taurii* [Materials on Archaeology, History and Ethnography of Tauria] VI, 344–393.
- Mayko, V.V. 2014: *Vostochnyy Krym vj vtoroy polovine X – XII vv.* [Eastern Crimea in the Second Half of the 10th – 12th Century]. Kiev.

- Mayko, V.V. 2021a: Saltovo-mayatskie gorizonty Bospora (po materialam raskopok 2018 g.) [Saltovo-Mayaki horizons of Bosphorus (based on materials from excavations in 2018)]. In: *Mikheevskie chteniya [Mikheev Readings]* II. Kharkov, 65–78.
- Mayko, V.V. 2021b. Vizantiyskie elementy material'noy kul'tury Bospora XIII–XIV vv. (na primere raskopa 2018 g.) [Byzantine elements of the material culture of Bosphorus of the 13th–14th centuries (the 2018 excavation)]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka [Antiquity and the Middle Ages]* 49, 176–192.
- Mayko, V.V., Sharapa, A.V., Yurochkin, V.Yu., Mikhaylov, A.M. 2021: K voprosu o material'noy kul'ture Bospora vtoroy poloviny X–XII vv. (na primere okhrannykh raskopok 2018 g.) [On the issue of the material culture of Bosphorus of the second half of the 10th – 12th centuries (security excavations in 2018)]. *Istoriya i arkhologiiya Kryma [History and Archaeology of Crimea]* XIV. Simferopol, 95–122.
- Naumenko, V.E., Ponomarev, L.Yu. 2013a: Khristianskie pamyatniki i topografiya Bospora X–XII vv. [Christian sites and topography of Bosphorus in the 10th–12th centuries]. In: T.Yu. Yashaeva (ed.), *Klimentovskiy sbornik. Materialy VI Mezhdunarodnoy konferentsii "Tserkovnaya arkhologiiya: Khersones – gorod svyatogo Klimenta" (Sevastopol, 2011 g.) [Kliment Collection. Materials of the VI International Conference "Church Archaeology: Chersonesus, the City of St. Clement" (Sevastopol, 2011)].* Sevastopol, 244–263.
- Naumenko, V.E., Ponomarev, L.YU. 2013b: K istoricheskoy topografii Bospora X–XII vv.: ob obstoyatel'stvakh nakhodki i mestopolozhenii tak nazyvaemoy "Tserkvi Sheveleva" ("Tserkvi 1833 g.") [On the historical topography of Bosphorus from the 19th to the 18th centuries: about the circumstances of the find and the location of the so-called "Shevelev Church" ("Church of 1833")]. In: Πομπαιος: sbornik statey k 60-letiyu prof. S.B. Sorochana [Πομπαιος: Miscellany of Articles to the 60th Anniversary of Prof. S.V. Sorochan] (Narteks. Byzantine Ukrainensis, 2). Kharkov, 295–309.
- Oikonomides, N. 1972: *Les listes de preseance Byzantines des IX et X siecles*. Paris.
- Ponomarev, L.Yu. 2020: K izucheniyu khristianskikh nekropoley rannevizantiyskogo Bospora (po rezul'tatam okhrannykh raskopok v 1986 g. na ul. Sverdlova v Kerchi) [To the study of Christian necropolises of early Byzantine Bosphorus (based on the results of security excavations in 1986 on Sverdlova Street in Kerch)]. In: V.V. Mayko, E.A. Khayredinova, T.Yu. Yashaeva (eds.), *Khristianstvo v arkhologicheskikh i pis'mennykh istochnikakh. Materialy IX Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii po tserkovnoy arkhologii. Sevastopol, 21–25 sentyabrya 2020 g. [Christianity in Archaeological and Written Sources. Materials of the IX International Scientific Conference on Church Archeology. Sevastopol, September 21–25, 2020].* Simferopol, 108–113.
- Ponomarev, L.YU., Kononova, S.A., Mayko, V.V. 2023: Okhranno-spatatel'nye raskopki v per. Dimitrova (2018 g.) v kontekste istorii arkhologicheskogo izucheniya i topografii srednevekovoy Kerchi [Security and rescue excavations on Dimitrov lane (2018) in the context of the history of archaeological study and topography of medieval Kerch]. *Istoriya i arkhologiiya Kryma [History and Archaeology of Crimea]* XVIII, 267–297.
- Pushkarev, O.V. 2014: O monetakh s legendoy LAN SABAS [Coins with the legend LAN SA-BAS]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka [Antiquity and the Middle Ages]* 42, 206–214.
- Retowski, O. 1905: *Die Münzen der Girei*. Moskau.
- Sharapa, A.V. 2019: *Nauchnyy otchet o vypolnenii spatatel'nykh arkhologicheskikh polevykh rabot (arkhologicheskikh nablyudeniy) na uchastke ob"ekta kul'turnogo naslediya federal'nogo znacheniya «Drevnerusskoe gorodishche letopisnogo goroda Korchev» v zone stroitel'stva gostinichnogo kompleksa na zemel'nom uchastke po adresu: Respublika Krym, gorod Kerch', pereulok Dimitrova, 4 (kadastrovyiy nomer 90:19:010109:1940)* [Scientific report on the implementation of rescue archaeological field work (archaeological observations) on the site of a cultural heritage site of federal significance "Ancient Russian settlement of the chronicle city of Korchev" in the construction zone of a hotel complex on a

- land plot at the address: Republic of Crimea, Kerch, Dimitrov lane, 4 (cadastral number 90:19:010109:1940)]. 2 vols. Simferopol.
- Shkorpil, V.V. 1914: Otchet o raskopkakh v Kerchi i na Tamanskom poluostrove v 1911 g. [Report on excavations in Kerch and on the Taman Peninsula in 1911]. *Izvestiya Imperatorsloy arkheologicheskoy komissii* [Proceedings of the Imperial Archaeological Commission] 56, 1–74.
- Sidorenko, V.A. 2003: Mednaya chekanka vizantiyskogo Bospora (590–668 gg.) [The Bronze Coinage of Byzantine Bosphorus (590–668)]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Taurii* [Materials on Archaeology, History and Ethnography of Tauria] X, 355–392.
- Turova, N.P. 2014: Srednevekovyy peshchernyy kompleks khrebta Iograf nad g. Yaltoy [Medieval cave complex of Iograf Ridge over Yalta]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma* [Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea] 6, 93–173.
- Uzdenikov, V.V. 2004: *Monety Rossii 1700–1917* [Russian Coins 1700–1917]. 3rd Ed. Moscow.

COINS FROM THE 2018 EXCAVATIONS AT KERCH, NEXT TO
THE CHURCH OF ST. JOHN THE BAPTIST

Mikhail G. Abramzon¹, Vadim V. Mayko², Svetlana A. Kononova³,
Leonid Yu. Ponomarev⁴

¹ *Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;*

¹ *Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia*

^{2,4} *Institute of Archaeology of Crimea, Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia*

³ *Crimean Regional Center for Archaeological Research LLC, Simferopol, Russia*

¹ *E-mail: abramzon-m@mail.ru* ² *E-mail: vadimmaiko1966@mail.ru*

³ *E-mail: sakononova@yandex.ru* ⁴ *E-mail: l_ponomare@mail.ru*

Eighty-two coins were found during the 2018 excavations at a site located near the Church of St. John the Baptist, Kerch: 50 are Bosporan, 2 Roman, 18 Byzantine, one Italian, 2 Crimean 16th c., 4 Russian 18th–20th cc., 4 unidentifiable. Strongly worn staters of Thothorses to Rhescuporis VI were circulated in the 6th–7th centuries together with synchronous Byzantine coins (those of Maurice, Heraclius, Justinian I, and Constans II were retrieved in the excavation trench). No Byzantine coins came from the 8th–10th centuries. The second portion of Byzantine coins consists of the tenth-century issues (Constantine VII, Roman II, and Basil II). The mint of Cherson dominates. Of great interest is a rare denarius of Landulf of Conza struck in Salerno in 973. Couple *akche* of the 16th century Crimean khans are the latest coins in the collection. The isolated late Bosporan staters and medieval coins constitute a reliable numismatic profile for Bosphorus (Kerch) — evidence of the coin circulation in the city and the region mainly from the fourth to the sixteenth century. The profile is similar to coins finds from a number of twentieth-century excavation areas around the Church of St. John the Baptist, and other including those of the Late Roman, Byzantine and Ottoman periods.

Keywords: Bosphorus (Kerch), excavation 2018, Early Byzantine period, Ottoman period, excavation coins, currency

DOI: 10.18503/1992-0431-2024-2-84-145–158

МОНЕТЫ ИЗ РАСКОПОК АНТИЧНОГО ПОСЕЛЕНИЯ У СТ. СТАРОТИТАРОВСКАЯ

М.Г. Абрамзон¹, А.Б. Колесников²

^{1,2} *Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия;*

¹ *Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Магнитогорск, Россия*

¹ *E-mail: abramzon-m@mail.ru* ² *E-mail: abkolesnikov60@mail.ru*

¹ *ORCID: 0000-0001-6111-048X* ² *ORCID: 0000-0002-3548-5170*

В статье публикуются 113 монет из раскопок античного памятника «Поселение», расположенного в 0,6 км к западу от западной окраины ст. Старотитаровская (Темрюкский район Краснодарского края) в 2019–2022 гг. Монетный комплекс не только характеризует нумизматический профиль региона, но и отражает разные периоды интенсивности жизнедеятельности поселения. Нумизматический материал датируется V в. до н.э. – рубежом II/I вв. до н.э. Наивысшая активность жизни на поселении, судя по монетным находкам, приходится на последнюю треть IV и первую половину III вв. до н.э. К этому времени относятся 70 монет. Со второй половины III в. и во II–I вв. до н.э. наблюдается спад: монет второй половины III в. до н.э. нет вовсе, а ко II в. до н.э. принадлежат 40 монет. Две монеты приходятся на правление Митридата VI. Таким образом, нумизматические материалы уточняют фазы функционирования поселения у ст. Старотитаровская, жизнь на котором прекратилась, по-видимому, в самом начале I в. до н.э.

Ключевые слова: Боспор Киммерийский, Таманский полуостров, античное поселение у ст. Старотитаровская, монеты из раскопок, денежное обращение

Данные об авторах. Михаил Григорьевич Абрамзон – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела классической археологии ИА РАН, директор НИИ исторической антропологии и филологии МГТУ им. Г.И. Носова; Андрей Борисович Колесников – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела археологии Московской Руси ИА РАН.

Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР ИА РАН «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (№ НИОКТР 122011200269-4).

Рис. 1. Местоположение поселения у ст. Старотитаровская, 0,6 км
 Fig. 1. Location of the site of Chekups-2

1. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Памятник античного времени «Поселение» расположен в 0,6 км к западу от западной окраины ст. Старотитаровская (Темрюкский район Краснодарского края), к северу от ж/д переезда¹ (рис. 1). Центральная часть поселения повреждена автомобильной дорогой федерального значения М-25 (Новороссийск – Керчь) в направлении с С–СЗ на Ю–ЮВ, остальная территория распаивается. Общий периметр границы территории данного объекта археологического наследия составляет 1883,84 м, площадь – 291 540 м², мощность культурного слоя – 0,75–1,25 м.

Микрорегион вокруг Старотитаровской насыщен археологическими памятниками. Только в радиусе 5 км от станции Я.М. Паромов выявил 19 сельских поселений античного времени или многослойных памятников с античными слоями. Некоторые из них были связаны древними дорогами с Фанагорией (Старотитаровская 2, Старотитаровская 7, Старотитаровская 17). В районе ряда поселений зафиксированы признаки древних земельных наделов, связанные в единую систему с другими поселениями и дорогами. Большинство поселений, включая и рассматриваемое, существовали с VI–V по I вв. до н.э., погибли или функционировали после перерыва во II–III вв. н.э. и в средневековье².

¹ В настоящее время – объект археологического наследия «Поселение», согласно распоряжению комитета по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края от 18.12.2002 г. № 3-р. Авторы выражают искреннюю благодарность руководителям раскопок А.Г. Шереметьеву и Н.Ф. Шевченко за возможность изучения и публикации нумизматического материала.

² Паромов 1992, 588–635, № 189–207.

Поселение у западной окраины Старотитаровской было выявлено в 2002 г. отрядом ООО «Кубаньэкспертиза» под руководством А.А. Сазонова, затем частично исследовалось шурфами в 2014–2016 гг., что позволило уточнить его стратиграфию, время бытования и границы. В 2019–2022 гг., на памятнике, попавшем в зону проектируемого строительства объекта «Строительство и реконструкция участков автомобильной дороги М-25 Новороссийск – Керчь (на Симферополь), подъезды к морским портам Кавказ и Тамань. Реконструкция автомобильной дороги А-290 Новороссийск – Керчь на участке км 73 – км 100, Краснодарский край», проводились охранно-спасательные работы силами отрядов под руководством А.Г. Шереметьева в 2019–2020 гг.³, затем Н.Ф. Шевченко в 2020–2022 гг.⁴ Всего за данное время на памятнике были обследованы участки общей площадью 44 328 м², в том числе археологическими раскопками – 17 109 м².

Выявленные объекты – хозяйственные ямы, колодец, остатки печей, скопления амфор. Среди наиболее интересных находок – скальпированный череп мужчины 35–40 лет из хозяйственной (возможно, ритуальной) ямы II в. до н.э.⁵ Основная масса находок – фрагменты гончарной керамики V–III вв. до н.э., преимущественно, привозной тары – амфор различных центров Средиземноморья (Клазомены, Менда, «протофасос», Фасос, Хиос, Самос, Кос, Лесбос (?), Книд (?), Родос), Южного (Синопа, Гераклея) и Восточного Понта, изредка – Херсонеса. Реже встречаются фрагменты амфор конца VI в. до н.э. (Милет, Лесбос)⁶. Аттическая чернолаковая керамика V–III вв. до н.э. представлена многочисленными фрагментами чаш со штампованным орнаментом внутри, тарелок, рыбных блюд, кафаров, скифосов, солонок, кувшинов, унгвентариев. Найдено несколько фрагментов лепной керамики, имеющей аналогии среди материалов меотской археологической культуры VI–V вв. до н.э. Остальные находки – фрагменты терракот, боспорской черепицы, свинцовые и керамические грузила, железные изделия, бронзовые наконечники стрел, элементы упряжи, колокольчики, ювелирные изделия – золотая нашивка⁷, позолоченные бронзовые подвески, перстни (бронзовые и железные), а также монеты. Общая датировка памятника – VI–II вв. до н.э.⁸, однако нумизматический материал позволяет расширить хронологическую атрибуцию до начала I в. до н.э.

2. НУМИЗМАТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ

Всего на памятнике найдено 126 монет⁹. Некоторые имеют плохую сохранность. За исключением одной серебряной (№ 1), все монеты медные. На данный момент определению поддаются 113 экз., принадлежащие двум центрам – Пантикапею (96 экз.) и Фанагории (16 экз.); еще одна монета – сильно истертый сестер-

³ Шереметьев 2020.

⁴ Шевченко 2023.

⁵ Шевченко 2023, 389; Березина и др. 2023, 277–288, рис. 3.

⁶ Например, в хозяйственной яме (об. 18, кв. Ж58) найдены фрагменты амфор, в том числе производства Милета (конец VI в. до н.э.), Лесбоса (конец VI – первая половина V в. до н.э.), протофасосского типа (V в. до н.э.): Шереметьев 2020/1, 70.

⁷ Шереметьев 2020/1, 142, № 80.

⁸ Шереметьев 2020/1, 104.

⁹ Монеты и другие материалы поступили в Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына.

ций Савромата I – не связана с нумизматическим профилем поселения и занесена на территорию памятника случайно.

Публикуемый монетный комплекс отражает разные периоды интенсивности жизнедеятельности поселения. Судя по нумизматическому материалу, наивысшая активность жизни на нем приходится на последнюю треть IV и первую половину III вв. до н.э. От этого времени дошло 70 монет (62% от всей массы). Как для многих сельских поселений Боспора, с середины III в. и во II–I вв. до н.э. здесь тоже наблюдается спад: монет второй половины III в. в коллекции нет вовсе, ко II в. относятся 40 монет, самому началу I в. до н.э. – всего 2.¹⁰

Абсолютное большинство монет принадлежит чекану Пантикапея (80,4% от всей массы). Самая ранняя из них – серебряный гемиобол типа «голова льва/вдавленный квадрат с двумя точками», отчеканенный ок. 480–460 гг. до н.э.¹¹ (рис. 3, 1). Эта находка связана с начальным периодом функционирования поселения, как и фрагменты амфор Милета (конец VI в. до н.э.), Лесбоса (конец VI – первая половина V в.), Хиоса (начало V в.) и др., а также чернолаковой керамики Аттики начала V в.¹²

Далее, как и в нумизматических материалах большинства синхронных боспорских сельских поселений, следуют пантикапейские выпуски серии ок. 330–315 гг. до н.э. (см. прил., № 2–8). Представлены все номиналы кроме оболы: тетрагалк, дихалк, халк, гемихалк¹³. Затем идут тетрагалки серии ок. 315–300 гг. до н.э. типа «сатир/голова льва и осетр»¹⁴ (№ 9–11), которые в начале III в. до н.э. подверглись массовой надчеканке клеймами «горит» и «звезда»¹⁵, а затем перечеканке в новый тип «сатир/лук и стрела»¹⁶ (№ 17–21). К началу III в. до н.э. относятся также пантикапейские дихалки с головой быка в $\frac{3}{4}$ на реверсе¹⁷ (№ 37–39) и тетрагалки нового типа «сатир/лук и стрела»¹⁸, в том числе и перечеканенные из клейменных монет со львом и осетром (№ 16, 22–48).

Самая многочисленная группа (45 монет) относится к периоду денежного кризиса (№ 26–70); абсолютное большинство (37 экз.) составляет пантикапейская деградированная медь типа «сатир/лук и стрела»¹⁹, в том числе и с клеймом «треножник»²⁰ (№ 63–66). Остальные монеты относятся в середине III в. до н.э.

Чеканка II в. до н.э. представлена медной мелочью Пантикапея (26 экз.; № 71–96) и Фанагории (15 экз.; № 97–112) в пропорции 1,6:1. Все это – обычные типы, не требующие комментариев. Отметим только скудность набора пантикапейских типов, среди которых доминирует самый массовый – «голова Аполлона/горит»²¹ (17 экз.); остальные представлены одним-двумя экземплярами: «голова быка/плуг

¹⁰ Ту же ситуацию демонстрируют монетные комплексы, например, из поселений Береговой 4, Вышестеблиевская 3 и Чекупс-2. Абрамзон и др. 2016; 2021; 2023.

¹¹ Для штампера л.с. ср. <https://bosporan-kingdom.com/000-1011/19.html>.

¹² Шереметьев 2020/1, 77.

¹³ SNG B M I 869–875, 877.

¹⁴ SNG B M I 883–885.

¹⁵ SNG B M I 887–888.

¹⁶ SNG B M I 898.

¹⁷ SNG B M I 890–893.

¹⁸ SNG B M I 894–896, 898.

¹⁹ SNG B M I 901–905.

²⁰ Анохин 1986, № 139.

²¹ SNG B M I 920.

и колос»²², «голова Аполлона/дельфин»²³, «голова сатира/шапки Диоскуров»²⁴, «голова Афины/прора»²⁵. Чекан Фанагории представлен двумя номиналами: массовым типом «голова сатира/лук и стрела»²⁶ и редким – «голова Диониса/виноградная гроздь»²⁷ (№ 111–112).

Позднейшие монеты в выборке принадлежат митридатовской эпохе – пара пантикапейских халков с треножником и звездой²⁸, выпускавшиеся на рубеже II–I вв., скорее всего после 95 г. до н.э. (№ 95–96).

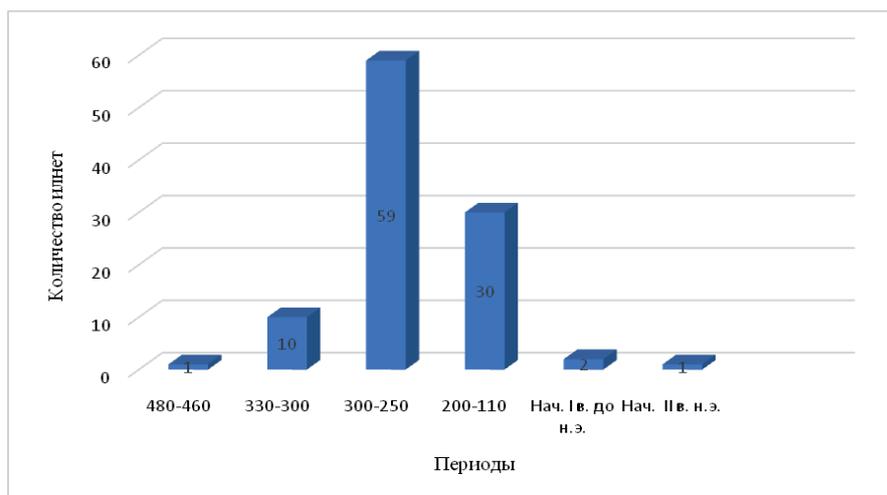

Рис. 2. Хронологическое и количественное распределение монет из поселения у ст. Старотитаровская, 0,6 км.

Fig. 2. Chronological and quantitative distribution of coins from the settlement near Starotitarovskaya, 0,6 km

Новейшие археологические исследования на Таманском полуострове фиксируют угасание интенсивности жизнедеятельности в конце II – первой четверти I в. до н.э. и даже прекращение существования целого ряда поселений²⁹. В окрестностях Старотитаровской в I в. н.э. прекратили существование поселения Старотитаровская 7 (Паромов 195)³⁰, Старотитаровская 9 (Паромов 197), Старотитаровская 12 (Паромов 200), Старотитаровская 14 (Паромов 202), Старотитаровская 16 (Паромов 204), Старотитаровская 18 (Паромов 206)³¹, Старотитаровская 19 (Па-

²² Анохин 1986, № 165.

²³ SNG BM I 909.

²⁴ SNG BM I 926.

²⁵ SNG BM I 927.

²⁶ SNG BM I 990–994.

²⁷ Ср. Анохин 1986, № 177.

²⁸ SNG BM I 941–944.

²⁹ Подробно см.: Абрамзон, Завойкин, Сударев 2016, 18–20.

³⁰ Возродилось в VIII–XI вв.

³¹ Погибло в конце II в. до н.э.

ромов 207)³². В жизни других наступил перерыв: Старотитаровская 1 (Паромов 189), Старотитаровская 3 (Паромов 191), Старотитаровская 5 (Паромов 193), Старотитаровская 8 (Паромов 196). Входя в данный круг памятников, той участи не избежало и поселение у западной окраины ст. Старотитаровская, прекратившее существование в самом начале I в. до н.э., о чем свидетельствует публикуемый нумизматический материал.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон, М.Г., Баринов, Д.Г., Колесников, А.Б. 2023: Монеты и раскопок античного поселения Чекупс-2. *ПИФК* 3, 197–217.
- Абрамзон, М.Г., Карпов, Д.А., Колесников, А.Б. 2021: Монеты из раскопок античного поселения Вышестеблиевская 3 в 2017–2018 гг. В сб.: В.Н. Зинько, Е.А. Зинько (ред.), *XXII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Новые открытия, новые проекты. Материалы международной конференции*. Симферополь–Керчь, 10–17.
- Абрамзон, М.Г., Завойкин А.А., Сударев Н.И. 2016: Монеты из раскопок античного поселения «Береговой 4» (1987, 1988, 1999–2002 гг.). *ДБ* 20, 11–34.
- Анохин, В.А. 1986: *Монетное дело Боспора*. Киев.
- Березина, Н.Я., Абрамова, А.Н., Зиганшин, Р.Х., Иванов, А.В. 2023: Новые случаи скальпирования из могильников Предкавказья и Северного Кавказа в эпоху раннего железного века. *Археология Евразийских степей* 6, 283–296.
- Паромов, Я.М. *Археологическая карта Таманского полуострова*. (Депон. в ИНИОН РАН. № 47103 от 01.10.1992 г.). М.
- Шевченко, Н.Ф. 2023: *Отчет по результатам исследований (наблюдение) на территории выявленных объектов археологического наследия «Поселение», 0,6 км к западу от западной окраины ст. Старотитаровской, «Поселение», 6,2 км к западу-северо-западу от кладбища ст. Старотитаровской, в зоне реконструкции автомобильной дороги А290 Новороссийск – Керчь на участке км 73 – км 100 (1 этап) автомобильная дорога М-25 Новороссийск – Керчь (на Симферополь), подъезды к морским портам Кавказ и Тамань в Темрюкском районе Краснодарского края*. Т. 1. Краснодар.
- Шелов, Д.Б. 1956: *Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э.* М.
- Шереметьев, А.Г. 2020: *Отчет о раскопках Поселения в 0,6 км к западу от западной окраины станицы Старотитаровская Темрюкского района Краснодарского края в 2019 году*. Т. I–VI. Саратов. Архив ИА РАН. № 64283–64288.

REFERENCES

- Abramzon, M.G., Karpov, D.A., Kolesnikov, A.B. 2021: Monety iz raskopok antichnogo poseleniya Vyshesteblievskaya 3 v 2017–2018 gg. [Coins from the excavations at the ancient settlement of Vyshesteblievskaya 3 in 2017–2018]. In: V.N. Zinko, E.A. Zinko (eds.), *Bospor Kimmerijskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Novye otkrytiya, novye proekty. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii* [The Cimmerian Bosphorus and Barbarian World in the Period of Antiquity and the Middle Ages. New Discoveries, New Projects. Materials of the International Conference] (XXII Bosporskie chteniya [Bosporan Readings]). Simferopol–Kerch, 10–17.
- Abramzon, M.G., Barinov, D.G., Kolesnikov, A.B. 2023: Monety iz raskopok antichnogo poseleniya Chekups-2 (2018–2019 gg.) [Coins from 2018–2019 Excavations at the Settle-

³² Возродилось в IV–IX вв.

- ment of Chekups 2 (The Krasnodar Territory)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 3, 197–217.
- Abramzon, M.G., Zavoykin, A.A., Sudarev, N.I. 2016: Monety iz raskopok antichnogo poseleniya “Beregovoy 4” (1987, 1988, 1999–2002 gg.) [Coins from excavations of the ancient settlement of Beregovoy 4 in 1987–1988 and 1999–2002]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 20, 11–34.
- Anokhin, V.A. 1986: *Monetnoe delo Bospora* [Coinage of the Bosporus]. Kiev.
- Berezina, N.Ya., Abramova, A.N., Ziganshin, R.Kh., Ivanov, A.V. 2023: *Novye sluchai skal'pirovaniya iz mogil'nikov Predkavkaz'ya i Severnogo Kavkaza v epokhu rannego zheleznogo veka* [New cases of scalping from the burial grounds of the Pre-Caucasus and the North Caucasus in the Early Iron Age]. *Arkheologiya Evraziyskikh stepey* [Archaeology of the Eurasian Steppes] 6, 283–296.
- Paromov, Ya.M. 1992: *Arkheologicheskaya karta Tamanskogo poluostrova* [Archaeological Map of the Taman Peninsula]. Moscow.
- Shelov, D.B. 1956: *Monetnoe delo Bospora VI–II vv. do n.e.* [Coinage of the Bosporus 6th–2nd centuries BC]. Moscow.
- Sheremetyev, A.G. 2020: *Otchet o raskopkakh Poseleniya v 0,6 km k zapadu ot zapadnoy okrainy stanitsy Starotitarovskaya Temryukского rayona Krasnodarskogo kraya v 2019 godu* [Report on the excavations at the Settlement 0.6 km west of the western outskirts of the village of Starotitarovskaya, Temryuk district, Krasnodar Territory, in 2019]. Vol. I–VI. Saratov. Archive of the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences. No. 64283–64288.
- Shevchenko, N.F. 2023: *Otchet po rezul'tatam issledovaniy (nablyudeniye) na territorii vyyavlennykh ob'ektov arkheologicheskogo naslediya “Poselenie”, 0,6 km k zapadu ot zapadnoy okrainy st. Starotitarovskoy, “Poselenie”, 6.2 km k zapadu-severo-zapadu ot kladbishcha st. Starotitarovskoy, v zone rekonstruktsiy avtomobil'noy dorogi A290 Novorossiysk – Kerch' na uchastke km 73 – km 100 (1etap) avtomobil'naya doroga M-25 Novorossiysk – Kerch' (na Simferopol'), pod'ezdy k morskim portam Kavkaz i Taman' v Temryuiskom rayone Krasnodarskogo kraya* [Report on the results of research (observation) on the territory of the identified objects of archaeological heritage “Settlement”, 0.6 km west of the western outskirts of the stanitsa of Starotitarovskaya, “Settlement”, 6.2 km west-northwest of the cemetery of the stanitsa Starotitarovskaya, in the reconstruction zone of the A290 Novorossiysk – Kerch highway on the section km 73 - km 100 (1st stage) M-25 Novorossiysk – Kerch highway (to Simferopol), approaches to the seaports of Kavkaz and Taman in the Temryuk district of the Krasnodar Territory]. Vol. 1. Krasnodar.

Рис. 3. Монеты из раскопок поселения у ст. Старотитаровская, 0,6 км
Fig. 3. Excavation coins from the settlement near Starotitarovskaya, 0,6 km

Рис. 4. Монеты из раскопок поселения у ст. Старотитаровская, 0,6 км
Fig. 4. Excavation coins from the settlement near Starotitarovskaya, 0,6 km

СПИСОК МОНЕТ ИЗ РАСКОПОК «ПОСЕЛЕНИЯ» (2019–2022 гг.)³³

№ п/п	№ по описи	Определение	Тип	Датировка	Литература	Диаметр, мм	Вес, г	Место находки
1	279.8-1	Пантикапей	голова льва/две точки	480–460 гг. до н.э.	Анохин 1986, 14	8	0.50	Кв. И-41, об. 279
2	50	Пантикапей	сатир/протома грифона	330–315 гг. до н.э.	Анохин 1986, 111	19	6.08	Подъемные сборы, оп. пмб
3	338	Пантикапей	сатир/протома грифона	330–315 гг. до н.э.	Анохин 1986, 111	18	4.51	Кв. О-41-62, отвал
4	303	Пантикапей	сатир/протома Пегаса	330–315 гг. до н.э.	Анохин 1986, 112	17	3.08	Кв. С-91, пл. 2
5	К-79.3-1	Пантикапей	сатир/протома Пегаса	330–315 гг. до н.э.	Анохин 1986, 112	15	2.10	Кв. К-79, пл. 1
6	277	Пантикапей	сатир/лук в горите	330–315 гг. до н.э.	Анохин 1986, 113	15	1.46	Кв. Р-62, пл. 1
7	342	Пантикапей	сатир/лук в горите	330–315 гг. до н.э.	Анохин 1986, 113	13	1.34	Кв. Л-103-108, отвал
8	126	Пантикапей	сатир/протома быка	330–315 гг. до н.э.	Анохин 1986, 114	10	1.08	Кв. Ж-38, пл. 4, оп. 38-4/4
9	133	Пантикапей	сатир/лев, остр	315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	20	4.40	Об. 9, оп. 9/17
10	53	Пантикапей	сатир/лев, остр	315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	20	6.18	Кв. УФ-89-90, об. 111
11	247	Пантикапей	сатир/лев, остр	315–300 гг. до н.э.	Анохин 1986, 125	20	6.28	Кв. К-106, пл. 2
12	106	Пантикапей	сатир/лев, остр, с клеймами	Нач. III в. до н.э.	Анохин 1986, 130	19	5.50	Кв. Е-84, пл. 2, оп. 84-2/2
13	117	Пантикапей	сатир/лев, остр, с клеймами	Нач. III в. до н.э.	Анохин 1986, 130	21	7.77	Об. 39, оп. 39/8
14	3-49.9-1	Пантикапей	сатир/лев, остр, с клеймами	Нач. III в. до н.э.	Анохин 1986, 130	20	3.40	Кв. 3-49
15	3-75.10-1	Пантикапей	сатир/лев, остр, с клеймами	Нач. III в. до н.э.	Анохин 1986, 130	20	2.90	Кв. 3-75, пл. 2
16	310.46-1	Пантикапей	сатир/лук и стрела, перечекан	Нач. III в. до н.э.	Шелов 1956, 67	21	5.70	Кв. ИК-76-77, об. 310
17	116	Пантикапей	сатир/голова быка в $\frac{3}{4}$	300–290 гг. до н.э.	Анохин 1986, 132	17	4.68	Об. 39, оп. 39/7
18	118	Пантикапей	сатир/голова быка в $\frac{3}{4}$	300–290 гг. до н.э.	Анохин 1986, 132	17	3.98	Об. 39, оп. 39/9
19	335	Пантикапей	сатир/голова быка в $\frac{3}{4}$	300–290 гг. до н.э.	Анохин 1986, 132	16	4.71	Подъемные сборы
20	283	Пантикапей	сатир/голова быка в $\frac{3}{4}$	300–290 гг. до н.э.	Анохин 1986, 132	17	4.33	Кв. Р-91, пл. 3
21	К-52.4-1	Пантикапей	сатир/голова быка в $\frac{3}{4}$	300–290 гг. до н.э.	Анохин 1986, 132	15	3.40	Кв. К-49
22	109	Пантикапей	сатир/лук и стрела	300–275 гг. до н.э.	Анохин 1986, 133	20	3.95	Кв. Е-86, пл. 2, оп. 86-2/1
23	285	Пантикапей	сатир/лук и стрела	300–275 гг. до н.э.	Анохин 1986, 133	19	5.21	Кв. Р-91, пл. 3
24	112	Пантикапей	сатир/лук и стрела	300–275 гг. до н.э.	Анохин 1986, 133	17	3.15	Кв. Е-121, пл. 3, оп. 121-3/1
25	К-74.9-1	Пантикапей	сатир/лук и стрела	300–275 гг. до н.э.	Анохин 1986, 133	20	5.80	Кв. К-74, пл. 3
26	120	Пантикапей	сатир/лук и стрела, детрад.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1901–905	16	2.48	Об. 54, оп. 54/15
27	9	Пантикапей	сатир/лук и стрела, детрад.	275–250 гг. до н.э.	SNG BM 1901–905	17	4.64	Кв. Т-70-71, об. 93

³³ Порядковым номерам каталога соответствуют номера монет в таблицах.

28	10	Пантикапей	сапир/лук и стрела, детрад.	275-250 гг. до н.э.	SNG BM 1901-905	16	3.02	Кв. Т-70-71, об.93
29	333	Пантикапей	сапир/лук и стрела, детрад.	275-250 гг. до н.э.	SNG BM 1901-905	14	1.88	Подъемные сборы
30	161	Пантикапей	сапир/лук и стрела, детрад.	275-250 гг. до н.э.	SNG BM 1901-905	18	3.73	Кв. К-110, кв. об. 196
31	3-28,9-1	Пантикапей	сапир/лук и стрела, детрад.	275-250 гг. до н.э.	SNG BM 1901-905	18	3.10	Кв. 3-89, об. 328
32	287	Пантикапей	сапир/лук и стрела, детрад.	275-250 гг. до н.э.	SNG BM 1901-905	17	4.13	Кв. Р-92, пл. 3
33	54	Пантикапей	сапир/лук и стрела, детрад.	275-250 гг. до н.э.	SNG BM 1901-905	17	2.54	Кв. УФ-89-90, об. 111
34	3-71,8-1	Пантикапей	сапир/лук и стрела, детрад.	275-250 гг. до н.э.	SNG BM 1901-905	15	3.40	Кв. 3-71, пл. 2
35	334	Пантикапей	сапир/лук и стрела, детрад.	275-250 гг. до н.э.	SNG BM 1901-905	15	1.89	Подъемные сборы
36	48	Пантикапей	сапир/лук и стрела, детрад.	275-250 гг. до н.э.	SNG BM 1901-905	11	1.11	Подъемные сборы, оп. пм4
37	103	Пантикапей	сапир/лук и стрела, детрад.	275-250 гг. до н.э.	SNG BM 1901-905	12	1.27	Кв. Е-4, пл. 2, оп. 4-2/1
38	246	Пантикапей	сапир/лук и стрела, детрад.	275-250 гг. до н.э.	SNG BM 1901-905	14	1.53	Кв. К-106, пл. 3
39	202	Пантикапей	сапир/лук и стрела, детрад.	275-250 гг. до н.э.	SNG BM 1901-905	15	2.47	Кв. Л-107-108, об. 219
40	205	Пантикапей	сапир/лук и стрела, детрад.	275-250 гг. до н.э.	SNG BM 1901-905	14	1.22	Кв. С-100, об. 220
41	319	Пантикапей	сапир/лук и стрела, детрад.	275-250 гг. до н.э.	SNG BM 1901-905	13	1.30	Кв. Т-104, пл. 2
42	216	Пантикапей	сапир/лук и стрела, детрад.	275-250 гг. до н.э.	SNG BM 1901-905	14	1.80	Кв. ОП-108-109, об. 228
43	219	Пантикапей	сапир/лук и стрела, детрад.	275-250 гг. до н.э.	SNG BM 1901-905	14	0.95	Кв. ОП-106-107, об. 235
44	321	Пантикапей	сапир/лук и стрела, детрад.	275-250 гг. до н.э.	SNG BM 1901-905	12	1.40	Кв. Т-104, пл. 1
45	131	Пантикапей	сапир/лук и стрела, детрад.	275-250 гг. до н.э.	SNG BM 1901-905	10	1.49	Кв. Ж-65, пл. 2, оп. 65-2/3
46	И-32,1-1	Пантикапей	сапир/лук и стрела, детрад.	275-250 гг. до н.э.	SNG BM 1901-905	12	1.10	Кв. И-32
47	105	Пантикапей	сапир/лук и стрела, детрад.	275-250 гг. до н.э.	SNG BM 1901-905	11	0.67	Кв. Е-53, пл. 1, оп. 53-1/1
48	113	Пантикапей	сапир/лук и стрела, детрад.	275-250 гг. до н.э.	SNG BM 1901-905	14	1.36	Кв. Е-124, пл. 2, оп. 124-2/1
49	123	Пантикапей	сапир/лук и стрела, детрад.	275-250 гг. до н.э.	SNG BM 1901-905	15	1.30	Кв. Ж-14, пл. 2, оп. 14-2/1
50	130	Пантикапей	сапир/лук и стрела, детрад.	275-250 гг. до н.э.	SNG BM 1901-905	12	1.33	Кв. Ж-65, пл. 2, оп. 65-2/2
51	132	Пантикапей	сапир/лук и стрела, детрад.	275-250 гг. до н.э.	SNG BM 1901-905	13	1.30	Кв. Ж-77, пл. 4, оп. 77-4/1
52	135	Пантикапей	сапир/лук и стрела, детрад.	275-250 гг. до н.э.	SNG BM 1901-905	14	1.46	Кв. Ж-95, пл. 2, оп. 95-2/1
53	327	Пантикапей	сапир/лук и стрела, детрад.	275-250 гг. до н.э.	SNG BM 1901-905	11	2.28	Кв. У-90, пл. 2
54	294	Пантикапей	сапир/лук и стрела, детрад.	275-250 гг. до н.э.	SNG BM 1901-905	14	2.01	Кв. С-46, пл. 1
55	282	Пантикапей	сапир/лук и стрела, детрад.	275-250 гг. до н.э.	SNG BM 1901-905	17	2.28	Кв. Р-91, пл. 3
56	340	Пантикапей	сапир/лук и стрела, детрад.	275-250 гг. до н.э.	SNG BM 1901-905	15	1.93	Кв. К-108, пл. 1, отвал
57	252	Пантикапей	сапир/лук и стрела, детрад., перечеканка	275-250 гг. до н.э.	SNG BM 1901-905	15	1.67	Кв. Л-104, пл. 2
58	169	Пантикапей	сапир/лук и стрела, детрад.	275-250 гг. до н.э.	SNG BM 1901-905	14	1.83	Кв. К-110, об. 200

59	192	Пантикапей	сапир/лук и стрела, детрад.	275-250 гг. до н.э.	SNG BM I 901-905	14	1.76	Кв. У-100, об. 215
60	193	Пантикапей	сапир/лук и стрела, детрад.	275-250 гг. до н.э.	SNG BM I 901-905	14	2.22	Кв. У-100, об. 215
61	248	Пантикапей	сапир/лук и стрела, детрад.	275-250 гг. до н.э.	SNG BM I 901-905	13	2.09	Кв. К-106, пл. 2
62	326.10-1	Пантикапей	сапир/лук и стрела, детрад.	275-250 гг. до н.э.	SNG BM I 901-905	15	2.20	Кв. И-85-86, об. 326
63	125	Пантикапей	То же, клеймо «греножник»	Ок. 250 г. до н.э.	Анохин 1986, 139	14	1.70	Кв. Ж-17, пл. 2, оп. 17-2/1
64	328	Пантикапей	То же, клеймо «греножник»	Ок. 250 г. до н.э.	Анохин 1986, 139	14	1.30	Кв. У-91, пл. 2
65	339	Пантикапей	То же, клеймо «греножник»	Ок. 250 г. до н.э.	Анохин 1986, 139	15	1.72	Кв. К-103-108, пл. 1, отвал
66	К-57.2-1	Пантикапей	То же, клеймо «греножник»	Ок. 250 г. до н.э.	Анохин 1986, 139	14	1.90	Кв. К-57, пл. 2
67	170	Пантикапей	Аполлон/греножник, перече- чеканка	Ок. 250 г. до н.э.	SNG BM I 908	16	1.55	Кв. К-110, об. 200
68	320	Пантикапей	Аполлон/греножник, перече- чеканка	Ок. 250 г. до н.э.	SNG BM I 908	18	3.38	Кв. Т-104, пл. 2
69	42	Пантикапей	сапир/лук и стрела	Ок. 250 г. до н.э.	Анохин 1986, 145	15	2.0	Кв. Е-118, пл. 1, оп. 118-1/3
70	55	Пантикапей	сапир/лук и стрела	Ок. 250 г. до н.э.	Шелов 1956, 73	14	1.10	Кв. УФ-89-90, об. 111
71	265	Пантикапей	голова быка/пflug и колос	200-175 гг. до н.э.	Анохин 1986, 165	12	1.75	Кв. П-54, пл. 2
72	101	Пантикапей	Аполлон/горит	175-120 гг. до н.э.	Анохин 1986, 169	11	1.58	Кв. 3-90, пл. 2, оп. 90-2/1
73	102	Пантикапей	Аполлон/горит	175-120 гг. до н.э.	Анохин 1986, 169	11	1.59	Об. 3, оп. 3/6
74	107	Пантикапей	Аполлон/горит	175-120 гг. до н.э.	Анохин 1986, 169	10	1.38	Об. 54, оп. 54/13
75	111	Пантикапей	Аполлон/горит	175-120 гг. до н.э.	Анохин 1986, 169	11	2.08	Кв. Е-121, пл. 1, оп. 121-1/2
76	115	Пантикапей	Аполлон/горит	175-120 гг. до н.э.	Анохин 1986, 169	11	1.95	Кв. Е-124, пл. 2, оп. 124-2/3
77	124	Пантикапей	Аполлон/горит	175-120 гг. до н.э.	Анохин 1986, 169	12	1.85	Кв. Ж-14, пл. 2, оп. 14-2/2
78	136	Пантикапей	Аполлон/горит, перечекалка	175-120 гг. до н.э.	Анохин 1986, 169	11	1.86	Об. 8, оп. 8/15
79	137	Пантикапей	Аполлон/горит	175-120 гг. до н.э.	Анохин 1986, 169	11	2.24	Об. 8, оп. 8/16
80	326	Пантикапей	Аполлон/горит	175-120 гг. до н.э.	Анохин 1986, 169	11	1.56	Кв. У-84, пл. 3
81	332	Пантикапей	Аполлон/горит, перечекалка	175-120 гг. до н.э.	Анохин 1986, 169	11	1.97	Подъемные сборки
82	52	Пантикапей	Аполлон/горит	175-120 гг. до н.э.	Анохин 1986, 169	11	1.99	Кв. УФ-89-90, об. 111
83	291	Пантикапей	Аполлон/горит	175-120 гг. до н.э.	Анохин 1986, 169	11	1.70	Кв. Р-93, пл. 3
84	184	Пантикапей	Аполлон/горит	175-120 гг. до н.э.	Анохин 1986, 169	12	2.55	Кв. У-102, об. 213
85	203	Пантикапей	Аполлон/горит	175-120 гг. до н.э.	Анохин 1986, 169	12	1.82	Кв. Л-107-108, об. 219
86	И-44.1-1	Пантикапей	Аполлон/горит	175-120 гг. до н.э.	Анохин 1986, 169	11	1.50	Кв. И-44
87	И-72.5-1	Пантикапей	Аполлон/горит	175-120 гг. до н.э.	Анохин 1986, 169	13	3.10	Кв. И-72, пл. 1
88	К-75.3-1	Пантикапей	Аполлон/горит	175-120 гг. до н.э.	Анохин 1986, 169	12	1.10	Кв. К-75, пл. 1

89	122	Пантикапей	Аполлон/дельфин	175–150 гг. до н.э.	Анохин 1986, 140	11	2.40	Подъемные сборы, оп. пм7
90	199	Пантикапей	Аполлон/дельфин	175–150 гг. до н.э.	Анохин 1986, 140	12	1.42	Кв. П-109-110, об. 217
91	128	Пантикапей	сатир/шапки Диоскуров, перечеканка	120–110 гг. до н.э.	Анохин 1986, 176	10	2.01	Кв. Ж-64, пл. 2, оп. 64-2/1
92	129	Пантикапей	сатир/шапки Диоскуров	120–110 гг. до н.э.	Анохин 1986, 176	14	3.15	Кв. Ж-65, пл. 2, оп. 65-2/1
93	100	Пантикапей	Афина/прора	110 г. до н.э.	Анохин 1986, 183	12	1.83	Кв. 3-87, пл. 2, оп. 87-2/1
94	119	Пантикапей	Афина/прора	110 г. до н.э.	Анохин 1986, 183	11	0.72	Об. 39, оп. 39/10
95	110	Пантикапей	треножник/звезда	Нач. I в. до н.э.	Анохин 1986, 203	12	1.52	Кв. Е-111, пл. 2, оп. 111-2/1
96	322	Пантикапей	треножник/звезда, перечекан	Нач. I в. до н.э.	Анохин 1986, 203	12	1.33	Кв. У-72, пл. 1
97	47	Фанагория	сатир/лук и стрела	200–110 гг. до н.э.	Анохин 1986, 147	14	3.24	Подъемные сборы, оп. пм3
98	49	Фанагория	сатир/лук и стрела	200–110 гг. до н.э.	Анохин 1986, 147	13	1.69	Подъемные сборы, оп. пм5
99	85	Фанагория	сатир/лук и стрела	200–110 гг. до н.э.	Анохин 1986, 147	13	1.37	Об. 49, оп. 49/4
100	108	Фанагория	сатир/лук и стрела	200–110 гг. до н.э.	Анохин 1986, 147	13	1.84	Об. 54, оп. 54/14
101	114	Фанагория	сатир/лук и стрела	200–110 гг. до н.э.	Анохин 1986, 147	12	2.75	Кв. Е-124, пл. 2, оп. 124-2/2
102	134	Фанагория	сатир/лук и стрела	200–110 гг. до н.э.	Анохин 1986, 147	12	2.74	Кв. Ж-92, пл. 3, оп. 92-3/1
103	138	Фанагория	сатир/лук и стрела	200–110 гг. до н.э.	Анохин 1986, 147	12	1.72	Об. 8, оп. 8/17
104	324	Фанагория	сатир/лук и стрела	200–110 гг. до н.э.	Анохин 1986, 147	12	2.34	Кв. У-80, пл. 3
105	123	Фанагория	сатир/лук и стрела	200–110 гг. до н.э.	Анохин 1986, 147	13	1.89	Кв. ТУ-84-88, об. 165
106	191	Фанагория	сатир/лук и стрела, перече- канка на <i>Анохин</i> 146	200–110 гг. до н.э.	Анохин 1986, 147	12	1.43	Кв. У-100, об. 215
107	168	Фанагория	сатир/лук и стрела	200–110 гг. до н.э.	Анохин 1986, 147	12	1.82	Кв. К-110, об. 200
108	179	Фанагория	сатир/лук и стрела	200–110 гг. до н.э.	Анохин 1986, 147	12	2.00	Кв. П-110, РС-109-110, об. 208, жилище?
109	329	Фанагория	сатир/лук и стрела	200–110 гг. до н.э.	Анохин 1986, 147	12	0.76	Кв. Ф-94, пл. 2
110	197a	Фанагория	сатир/лук и стрела	200–110 гг. до н.э.	Анохин 1986, 147	12	1.38	Кв. У-100, об. 215
111	201	Фанагория	Дионис/виноградная гроздь	200–150 гг. до н.э.	Анохин 1986, 177	12	1.35	Кв. Л-107-108, об. 219
112	3-80.1-1	Фанагория	Дионис/виноградная гроздь, перечеканка на <i>Анохин</i> 169	200–150 гг. до н.э.	Анохин 1986, 177	12	1.90	Кв. 3-80, пл. 1
113	104	Савромаг I	Бюст царя/венок, МН?	108/109– 115/116 гг.	Фролова 1997/1, XLVI, 11–16	25	10.2	Кв. Е-35, пл. 2, оп. 35-2/1

EXCAVATION COINS FROM THE ANCIENT SETTLEMENT NEAR
THE STANITSA OF STAROTITAROVSKAYA

Mikhail G. Abramzon¹, Andrey B. Kolesnikov²

^{1,2} *Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;*

¹ *Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia*

¹ *E-mail: abramzon-m@mail.ru* ² *E-mail: abkolesnikov60@mail.ru*

The paper discusses 113 coins retrieved during the 2019–2022 archaeological excavations at the ancient site of “Settlement”, located 0.6 km west of the western outskirts of the village of Starotitarovskaya (Temryuk district of the Krasnodar Territory) in. The coins constitute a reliable numismatic profile of the region, and also reflect the various periods of tension in the life of the settlement. Generally, the numismatic material from “Settlement” covers the timespan from the 5th century BC to the turn of the 2nd/1st centuries BC. The greatest intensity of life, judging by the numismatic material, falls on the last third of the 4th to the mid-3rd century BC. 70 coins have come down from this time. Then the decline lasted in the second half of the 3rd to the 2nd and 1st centuries BC: no coins came from the second half of the 3rd century BC, while 40 coins are dated to 2nd century BC. Two coins date from the reign of Mithridates VI. Thus, numismatic materials clarify the phases of the functioning of the settlement at the station. Starotitarovskaya, life on which apparently ceased at the very beginning of the 1st century BC.

Keywords: Cimmerian Bosphorus, Taman peninsula, “Settlement” site near Starotitarovskaya, excavation coins, currency

ПУБЛИКАЦИИ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2024), 159–197
© The Author(s) 2024

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2024), 159–197
©Автор(ы) 2024

DOI: 10.18503/1992-0431-2024-2-84-159–197

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ. IV. НЕСКОЛЬКО НОВЫХ ГРАФФИТИ БЕРЕЗАНИ, ОЛЬВИИ, ЕЕ ХОРЫ. V. РЕВИЗИЯ НЕКОТОРЫХ ИЗДАНИЙ ГРАФФИТИ БЕРЕЗАНИ, ОЛЬВИИ, ЕЕ ХОРЫ. VI. НАПРАСНАЯ КРИТИКА ОЛЬВИЙСКОЙ ЭПИСТОЛОГРАФИИ. VII. МАРГИТ И ЕГО ПОЭМА

В.П. Яйленко

Независимый исследователь, Москва, Россия

E-mail: valeryjailenko@gmail.com

ORCID: 0000-0002-9844-6259

В заметке IV публикуется несколько новых граффити Березани, Ольвии, ее хоры, в особенности можно отметить самодельные амулеты. В заметке V дана ревизия некоторых изданий граффити тех же центров, в том числе недавних статей автора. Заметка VI уделена давно известной надписи III в. до н.э. на свинцовой пластинке, которую одни ученые считали наговором, другие, в том числе автор, частным письмом. В последнее время активно развивал первую точку зрения А.В. Белоусов, автор настоящих заметок подробно опровергает его аргументацию и развивает доказательства, что это письмо, связанное с перипетиями некоего судебного разбирательства. Филологическая заметка VII уделена загадочному поэту архаической эпохи Маргиту и его одноименной поэме, пародирующей гомеровский эпос. На основании свидетельства Платона автор отвергает бытовавшее с IV в. до н. э. до поздней античности мнение о глупце Маргите и приходит к выводу, что Маргит «глупец» – это псевдоним, который пародирует распространенные эпитеты Гомера «мудрый», «мудрый поэт».

Ключевые слова: Березань, Ольвия, хора, новые граффити, ревизия, частное письмо, Маргит

Данные об авторе. Валерий Петрович Яйленко – доктор исторических наук, профессор, независимый исследователь.

Заметки IV–V¹ извлечены из большой моей работы «Ревизия граффити Боспора, Херсонеса, Ольвии, Березани из публикаций Э.Р. Штерна, И.И. Толстого, ГЛБО, сводов ГАХ, ГОП и др.», существующей в электронном виде². Основные разделы ее, уделенные граффити Ольвии да Березани, опубликованы³, но и данными «Заметками» материал еще не исчерпан. Заметка VI извлечена из другой большой моей работы «Датирование, текстология, интерпретация греческих надписей Северного Причерноморья IV–I вв. до н.э., преимущественно наговоров и писем», тоже существующей в электронном виде⁴. Заметка VII о поэме «Маргит» и ее авторе написана в продолжение разговора о них в статье об ольвийском граффито VI в. с гимном Гилее⁵.

IV. ПАМЯТИ ДРУЗЕЙ: НЕСКОЛЬКО НОВЫХ ГРАФФИТИ БЕРЕЗАНИ, ОЛЬВИИ, ЕЕ ХОРЫ

1. Самодельные амулеты из Ольвии и с Березани

1 (рис. 1, прорись А.Н. Анфертьева). Мой старинный питерский друг Саша Анфертьев нашел в 1970 г. на берегу Нижнего города Ольвии (поблизости от раскопанного Л. Славиным колодца), метрах в пяти от воды, стенку чернолакового закрытого сосуда IV в. с граффито. Черепок аккуратно обколот, справа от надписи на нем округлое отверстие для бечевки, т.е. это самодельный амулет. Есть на краях и две зазубрины (указаны на рисунке стрелками). Так как они на разных концах черепка, то также предназначались для бечевки (как и на нижеследующем амулете № 3). Ретроградные N и K указывают на чтение справа налево: ←NIKI, т.е. $\nu\acute{\iota}\kappa\acute{\iota}$ «побеждай, одолевай» (ретроградное написание представлено и на следующем амулете № 2). По форме $\nu\acute{\iota}\kappa\acute{\iota}$ – императив ионийского глагола $\nu\acute{\iota}\kappa\acute{\epsilon}\omega$ (= аттич. $\nu\acute{\iota}\kappa\acute{\alpha}\omega$ «побеждать, преодолевать») со слиянием ϵ в $\acute{\iota}$; оно аттическое⁶, но представлено и в ионийском языке Березани (письмо Ахиллодора ок. 500 г.⁷). Остальные буквы прочесть ретроградно (IOZ) нельзя, так как это не дает смысла, а при нормальном чтении слева направо это буквы ZOI = $\zeta\omicron\iota$ < $\zeta\acute{\omicron}\eta$ «жизнь», с переходом η в ι , который известен с позднего эллинистического времени, когда проходил процесс утраты долготы гласными (немало примеров такого перехода в ольвийских заклятиях). В целом $\nu\acute{\iota}\kappa\acute{\iota}$ $\zeta\omicron\iota$ означает «побеждай, жизнь!» – вполне подходящий для амулета смысл. На амулетах встречаются глаголы хортативного

¹ Продолжение. Эпиграфические заметки I–III опубликованы в *БИ* 39 (2019). В них рассмотрены следующие темы: I. О публикации надписей Артезиана. II. Текстология и просодика ольвийского гимна VI в. до н. э. к Гилее. III. В защиту вотива IOSPE I² 188 из ОАМ (Яйленко 2019, 117–209). Далее все даты до нашей эры. Номера надписи и рисунка идентичны.

² Яйленко 2022а, 1–112. Ее любезно разместил на веб-сайте «Античный мир и археология» СГУ С.Ю. Монахов, которому я весьма благодарен.

³ Яйленко 2022а, 447–495.

⁴ Яйленко 2020а, раздел VII. Я благодарен калифорнийской «Academia.edu», разместившей у себя «Датирование», также Е.С. Данилову, который любезно поместил его на веб-сайте «@bosporankingdom» ЯрГУ.

⁵ Яйленко 2019, 164–165.

⁶ Thumb, Scherer 1959, 308.

⁷ Яйленко 2017, 213.

смысла (например, на архаическом скарабее $\mu\bar{\epsilon}\ \mu\epsilon\ \acute{\alpha}\nu\omicron\iota\gamma\epsilon$ «не открывай меня!»⁸), в том числе ольвийско-березанских: $\nu\acute{o}\sigma\epsilon\iota$ «болеи!»⁹, $\theta\eta\zeta$ «сделай, дай»¹⁰, также глаголы констатирующего смысла, например: $\Delta\iota\omicron\nu[\acute{\upsilon}]\sigma\omega[\iota]$ $\pi\alpha\rho\alpha\kappa\lambda\epsilon\iota\tau[\alpha\iota]$ «Дионисом отвращается»¹¹. Удостоверяет выявленный смысл надписи начертанное ниже изображение дерева (обычно это «елочка»), семантика которого «жизнь» («древо жизни»). По форме N с равновеликими гастами и K, усы которого не касаются столба, письмо амулета позднеэллинистического времени. Черепок хранился у А.Н. Анфертьева, куда делся после его ранней смерти, мне неизвестно.

2 (рис. 2, 2а, прориси автора). Чернолаковая чашка не позднее II в. до н.э. с двумя граффити, раскопки Ольвии 1940 г., участок И, яма Д, глубина 2,2–4,7 м. Хранится в Историческом музее Украины (г. Киев), инв. О/40-373; Б7-428. На дне снаружи (рис. 2а) буквы $\Lambda\gamma$ в лигатуре – сокращение имени владельца чашки, по четкому письму не позже III в.; над ним более поздней формы буква Λ (потому что левая боковина продолжена за пересечением с правой), правее O и ниже в колонку курсивное $\text{O}\lambda\beta$, писанное справа налево (как и на предыдущем амулете № 1) – мужское или женское личное имя изготовителя амулета $\text{O}\lambda\beta(\iota\alpha\nu\acute{o}\varsigma)$ / $\text{O}\lambda\beta(\iota\alpha)$ / $\text{O}\lambda\beta(\iota\alpha\nu\eta)$. Таким образом, владельческая надпись $\Lambda\Gamma$ сделана не позднее IV–III вв., тогда как амулет сделан из черепка вторичного употребления, ибо письмо его не ранее I в. Что это амулет, показывает начертанное на внутренней поверхности черепка (рис. 2) имя египетского бога Хнума – $\text{X}\nu\omega\mu$. Обычные варианты написания данного теонима – $\text{X}\nu\omega\mu\iota\varsigma$, $\text{X}\nu\omega\mu\beta\iota\varsigma$, $\text{X}\nu\omega\mu\phi\iota\varsigma$, $\text{K}\nu\eta\phi$, но на амулетах встречаются и экзотические самодельные формы вроде $\text{X}\theta\nu\omega\phi\iota$ (на Эрмитажном экземпляре)¹². Такова и форма $\text{X}\nu\omega\mu$, причем последняя буква положена в магических целях набор (M-supinum); магией же обусловлено и упомянутое написание $\text{O}\lambda\beta$ справа налево. Для времени изготовления амулета показательны формы ню и омеги теонима – они вряд ли древнее I в. до н.э.¹³ Хнум в египетской религии бог-творец, покровитель разливов Нила, владыка Элефантины¹⁴, сын его Хек – покровитель магии. В греко-египетской религии Хнум стал синкретическим божеством: с ним соединилось почитание греческого Агатодаймона; для нас небезынтересно, что культ Агатодаймона хорошо известен в Ольвии¹⁵. Одна из основных функций Хнума – предсказание судьбы; вероятно, этой причиной могло быть обусловлено изготовление ольвийского амулета. Все это выказывает знакомство его автора с греко-египетскими амулетами. Имя Хнума – Хнубиса представлено и на греко-египетском амулете из Феодосии¹⁶.

3 (рис. 3, наш набросок с фото Б. В. Фармаковского). Б.В. Фармаковский опубликовал фото найденного им в 1925 г. в Ольвии амулета с именем $\text{P}\alpha\rho\mu\acute{\epsilon}\nu\omega\nu$ ¹⁷. По письму III в. На противоположных краях черепка сделаны зазубрины для бе-

⁸ Boardman 1968, № 176.

⁹ Яйленко 1980б, 84, № 83.

¹⁰ Яйленко 1982, 295–296, № 138.

¹¹ Яйленко 1980б, 85, № 85.

¹² Неверов 1979, 101, № 34.

¹³ Ср. Garthausen 1913, Taf. 1, Kol. 7.

¹⁴ Солкин 2005, 404–405.

¹⁵ Толстой 1953, № 12, 14.

¹⁶ Кибальчич 1910, 54, № 335, 337.

¹⁷ Фармаковский 1926, 178.

чевки (как и на амулете № 1, см. выше). По А.С. Коцевалову, хранился в музее г. Николаева¹⁸, но мы его там не видели, вероятно, пропал, как и многие другие граффити этого музея.

4 (рис. 4, прорись автора). ОАМ, инв. 73000/29. Березань, раскопки 1960 г., раскоп 3¹⁹. Фрагмент стенки расписного ионийского открытого сосуда, обработан в виде кружка с отверстием посередине, т.е. это амулет. Нагромождение знаков, необычных для амулетов; лишь справа вверху можно предположительно опознать денежную сумму \neq = 2 с четвертью обولا. Если это так, то амулет не целостный, как обычно, но имеет отношение к деньгам, что уникально.

2. Еще три новых граффити Березани, Ольвии, ее хоры от старинных друзей

5 (рис. 5, прорись В.М. Отрешко). Незабвенной памяти старинный друг Валерий Отрешко прислал мне в 1980-х гг. прорисовку граффито на черепке с Козырки. Видимо, читается $\acute{\alpha}\mu\alpha\sigma\acute{\upsilon}\kappa\epsilon\iota\omicron\varsigma$ – некий продукт, произведенный из чего-то «вместе со смоквой». Ср. $\acute{\alpha}\mu\acute{\alpha}\sigma\kappa\omicron\nu$ – плодовое дерево, цветущее в одно время со смоквой (LSJ, s.v.). Того же плана и той же конструкции наше слово * $\acute{\alpha}\mu\alpha\sigma\acute{\upsilon}\kappa\epsilon\iota\omicron\varsigma$ – это гапакс, составленный из $\acute{\alpha}\mu\alpha$ «вместе с» и прилагательного $\sigma\acute{\upsilon}\kappa\epsilon\iota\omicron\varsigma$ «относящийся к смокве», донныне не встреченный мужской род к зафиксированной словарями форме среднего рода $\sigma\acute{\upsilon}\kappa\epsilon\iota\omicron\nu$. Последняя дана в латинско-греческом словаре эквивалентом слова $\sigma\acute{\upsilon}\kappa\iota\nu\omicron\nu$ (LSJ, s. v.). Плутарх (Mor. 2. 752b) упоминает $\pi\acute{\omicron}\mu\alpha$ $\sigma\acute{\upsilon}\kappa\iota\nu\omicron\nu$ «напиток из смоквы», и можно думать, что наш * $\acute{\alpha}\mu\alpha\sigma\acute{\upsilon}\kappa\epsilon\iota\omicron\varsigma$ включал наряду со ($\acute{\alpha}\mu\alpha$ -!) смоквой еще какой-то ингредиент напитка. Например, поэт П в. Никандр пишет в медико-гастрономической поэме «Alexipharmaca» о напитке из смеси сока смоквы и меда (vv. 347–349).

6 (рис. 6, прорись В.В. Рубана). И другой незабвенный старинный друг Володя Рубан прислал мне прорись граффито на обломке горловины амфоры V–IV вв., найденной в 1978 г. в Ольвии (участок АГД, хранится в Парутинском заповеднике). Надпись процарапана на амфоре, положенной набок: E|< . Видимо, это стоимость в полтора обола: |< = обол, пол-обола; буква E – название товара: $\acute{\epsilon}\lambda\alpha\iota\omicron\nu$ «оливковое масло». Такое сокращение $\acute{\epsilon}\lambda\alpha\iota\omicron\nu$ есть на обломке фасосской амфоры из ГИМ'а²⁰. Среди граффити афинской Агоры есть подобные на амфоре III в. и кувшине I в. – $\acute{\epsilon}\lambda\alpha\iota\omicron\nu$ ²¹.

7 (рис. 7, прорись автора). ОАМ, инв. 73293. Березань, раскопки незабвенного В.В. Лапина 1960 г. (полевой № Б-60/483). На внешней стороне сероглиняного открытого сосуда сокращение имени владельца в лигатуре: $\acute{\Lambda}\rho\chi$. Впрочем, не исключено и другое раскрытие лигатуры: $\acute{\Lambda}\upsilon\chi$, – в фондах Исторического музея Украины

¹⁸ Яйленко 1980б, 187.

¹⁹ В ходе раскопок В.В. Лапина на Березани в 1960–1980 гг. было найдено множество граффити, основная часть вошла в мою книгу по греческой колонизации 1982 г., еще часть в статьи (Яйленко 1987, 147–152; 2023, 87–113). Еще немало их остается у меня неизданными, хотя давно обработаны; статью с еще одной частью их планирую представить в 2024 г. в ПИФК. Почти все свои граффити В.В. Лапин передавал в Музей природоведения г. Киева (теперь влит в Институт археологии НАН Украины). В первый год раскопок он еще не определился с местом хранения своих вещей, поэтому небольшая часть оказалась в ОАМ.

²⁰ Блаватский 1957, 32–33.

²¹ Lang 1976, 74–75, № 4, 18.

(г. Киев) есть донце чернолакового килика IV в. из Ольвии с именем владелицы Αὐχίς. Оно зарегистрировано и в словаре ближневосточных имен Ф. Прайзике²². Высота альфы 24 мм. Письмо эллинистического времени.

V. РЕВИЗИЯ НЕКОТОРЫХ ИЗДАНИЙ ГРАФФИТИ БЕРЕЗАНИ, ОЛЬВИИ, ЕЕ ХОРЫ

1. Ревизия граффити Березани и Ольвии, изданных Э.Р. Штерном²³

а) Ольвия

8*. Штерн, 1901, 18–19, № 1: на чернолаковом килике превосходной работы и сохранности: Ἰστιαῖος Ἀφροδίτῃ οἶνον «Гистией < преподносит > Афродите вино». Был ли в Ольвии храм Афродиты, неизвестно, надпись понятна в том случае, если в святилище Афродита почиталась с другим божеством. [Штерн скорее угадал, нежели проницательно предвидел будущее открытие на западном темене Ольвии совместного святилища Гермеса и Афродиты, и тут было выделено уже в VI в. отдельное малое помещение одной Афродиты²⁴, так что надпись Гистиея не предполагает обязательного почитания богини в совместном святилище. Штерн не дал даты килика, но его замечание, что он превосходной работы, указывает на VI–IV вв. Об этом говорит также ионийская форма имени посвятителя Ἰστιαῖος (аттич. и койне Ἔστιαῖος). В регионе (LGPN IV, p. 128) самая ранняя фиксация формы Ἔστιαῖος 378 г. (Византий), в остальном это популярное имя эллинистического времени, отчасти и римского. Такая же картина в Ионии (LGPN VA, 172). Этот же узус и в Ольвии: форма Ἔστιαῖος встречается в письме Анонима последней трети или конца III в.²⁵ и Каталоге граждан IOSPE I² 201 того же времени²⁶. А ионийская форма Ἰστιαῖος встречается в Ионии главным образом в IV в. (LGPN VA, 233), в ареале LGPN IV (p. 179), в том числе в Ольвии, IV в. тоже представлен. Авторы LGPN IV (p. 179) под вопросом отнесли надпись Штерна к V–IV вв.]

9*–13*. Штерн, 1901 с. 23, № 12–16. Говоря о надписях Διονύσου на малоазийских чашах III–II вв., Штерн отметил застольное предназначение и чаш, и других надписей, сделанных до обжига, в подтверждение привел 5 образцов (у него это № 12–16), в основном из собрания херсонского коллекционера Фогеля, основу которого, как мы знаем, составляли ольвийские вещи. № 12, из ОАМ: φιλίας (sc. εἰμί) «я достойные дружбы». № 13, из коллекции Фогеля: φιλία «дружба»; № 14, у Фогеля: φίλοις «друзьям». Мы относим эти граффити к надписям койноний – разного рода сообществ с совместными трапезами-сисситиями²⁷. № 15, у Фогеля: Ἀφροδίτῃς (sc. εἰμί) «я принадлежу Афродите» (посвящения этой богине более ча-

²² Preisigke 1922, 67.

²³ Штерн 1901, 1–32. Тут Э.Р. Штерн не дал прорисей граффити, нет их и в ОАМ, так что ниже следующие № 8–16 остаются без иллюстраций, помечаем их звездочкой. Сначала излагаем мнение Штерна, затем в квадратных скобках даем свой комментарий.

²⁴ Русяева 2010, 72.

²⁵ О дате см. Яйленко 2020а, № 47.

²⁶ О дате см. Яйленко 2017, 483.

²⁷ См. о них: Яйленко 2022а, № 222–224.

сты на Березани, где с V в. функционировал ее храм²⁸). № 16, из собрания Фогеля: δῶρον «дар, подарок».

14*. Штерн, 1901, с. 23–24, № 17: маленький красноглиняный стаканчик, найден в Ольвии (коллекция Фогеля). По тулову посредством выступающих белых точек сделана до обжига надпись: ΕΡΜΗΣ. [Станным образом Штерн сосредоточился на том, что это второй пример посвящения в именительном падеже, первый – его надпись № 2 Ἄρτεμις²⁹. Это несопоставимые надписи, ибо исполнены в разной технике и наполнены разным смыслом. Надпись с именем Артемиды граффито, вероятно, с приношением богине: Ἄρτεμι, σῶ(σ)τί «Артемиде, это тебе принадлежит». Надпись же с именем Гермеса представляет собой раскрашенную штамповку, сделанную до обжига, сосуды с нею предназначены для погребального обряда³⁰].

15*. Штерн, 1901, с. 24, № 18: на дне ясно процарапаны буквы ΔΙ, далее видны следы другого вертикального штриха, по всей вероятности, тоже иоты, так что можно читать Δί «Зевсу». [На доньях сосудов в 95 случаях из 100 размещались имена и сокращения имен, в том числе теофорных, владельцев, так что это обычное сокращение теофорного имени владельца: Δι.]

16*. Штерн, 1901, с. 24–25, № 20: чернолаковый килик IV в. из собрания Фогеля, найден в Ольвии. На внешней стороне верхнего края весьма красиво вырезано имя Εὐπραξίς, ионийская форма к Εὔπραξις. [По Штерну, это имя владельца чаши. Однако имена владельцев, как сказано, размещались на доньях сосудов и только изредка встречаются на стенке или венчике, причем это обычно посвященные в храм сосуды: начертав только свое имя, посвяtitель хотел указать лишь, от кого поступил сей дар в святилище³¹. И данный случай со столь красиво начертанным женским именем Εὐπραξίς как раз может свидетельствовать в пользу такой интерпретации].

В статье 1897 г. Э.Р. Штерн опубликовал граффити из Феодосии и Херсонеса, но затесались и три ольвийские – его № 45, 46, 105³².

17 (рис. 17, прорись Э.Р. Штерна). Штерн, 1897, № 45: чернолаковый килик из Ольвии хорошей работы и сохранности, по краю вырезано Μῆτρο(υ), род. падеж личного имени Μῆτρος. [Воспроизводим прорись Штерна (1897, таб. II, № 45). Если понимать надпись так, то отметим графему ῶ = ου, которая указывает, что это граффито не позднее первой трети IV в. Однако в таком случае получается крайне редкий случай помещения мужского имени владельца на венчике чаши (это не может быть теоним, ибо все ольвийские посвящения Матери сделаны в род. падеже – Μῆτρος, даже амулеты несут его³³. Аналогичное владельческое граффито IV или III вв. есть в Николаевском музее, и оно, как положено владельческим надписям, размещено на круглом основании чернолакового сосуда; мы предполагали возможность чтения род. падежа мужского имени Μῆτροβ, как у Штерна, или женско-

²⁸ См. Яйленко 2022в, № 71, 75, 82а, б, 92.

²⁹ См. о ней: Яйленко 2022в, № 126.

³⁰ Яйленко 2006, 386.

³¹ Яйленко 2018, 487–490.

³² Штерн 1897, 181, № 45–46; 192, № 105. Граффити № 45–46 рассмотрим тут, о граффито № 105 (это цифровая запись) см.: Яйленко 2022в, № 144.

³³ Русяева 2010, табл. 20; 30, № 1, 2.

го Μῆτροῦ с утерей долготы конечной гласной³⁴. Но имя Μῆτρος редкое, известно в Смирне, Афинах³⁵, напротив, женское Μῆτροῦ хорошо представлено в Ионии эллинистического времени (LGPN VA, p. 316, ср. и vol. IV, p. 236), также в Ольвии – некая Метро посвятила в V в. килик Афродите Сирийской³⁶. Это обстоятельство, пожалуй, решает вопрос в пользу чтения на киликах ОАМ и Николаевского музея женского имени Μῆτροῦ. Датировка обоих граффити в таком случае – не ранее III в. до н.э., когда омега стала спорадически замещаться омикроном вследствие общего процесса утраты гласными долготы³⁷].

18 (рис. 18, прорись Э. Р. Штерна; 18а, прорись Е.Г. Кагарова). Штерн, 1897, № 46: на черном канфаре с высокой ножкой ΠΥΘΟΥΣ, т. е. Πύθους, род. падеж имени Πύθης. [Штерн приложил прорись (таб. II, № 46), воспроизводим ее. Во время раскопок на Березани он нашел граффито с сокращением этого имени ΠΥΘ, причем над Υ тоже начертана полочка, так что это наверняка один и тот же владелец обоих сосудов III–II вв.³⁸ Тут черточка над Υ, скорее всего, свойство индивидуальной манеры письма Питеса³⁹. Судя по прориси, дата обеих надписей III–II вв.]

Возвращаемся к статье Э.Р. Штерна 1901 г., рассмотрим ее березанские граффити.

б) Березань

19 (рис. 19, прорись З.А. Билимович⁴⁰; 19а, прорись автора)⁴¹. Штерн, 1901, с. 21, № 5: дно чернолакового сосуда, найдено раскопками Г.Л. Скадовского: Ἀλατόρης (sc. εἰμί) «я собственность Апаторы» – это посвящение Афродите Апатуре. [Упомянул граффито и Б.В. Фармаковский⁴². Так же понял надпись И.И. Толстой, присоединилась к такой интерпретации и мы⁴³. Но сложилось и иное мнение, поскольку в Пантикапее IV в. известно личное имя Ἀλατοῦρη (КБН 159): по Л. Дюбуа и авторам LGPN IV, Ἀλατόρης надписи Скадовского может быть и личным именем⁴⁴. Теперь и мы отчасти поддержим это мнение ввиду общей картины места размещения березанских посвящений Афродите V–IV вв.: три на стенках и венчике, одно на дне⁴⁵, т.е. они преимущественно делались в соответствии с общим принципом размещения посвящений на открытых частях сосудов,

³⁴ Яйленко 1980б, 104, № 181.

³⁵ Pape, Bensele 1884, 919.

³⁶ Толстой 1953, № 25. Толстой предполагал также возможность чтения мужского имени Μῆτρον или Μῆτροῦναξ (на половине омеги надпись обломана). Ср. березанское граффито с посвящением Афиномаха этой же Афродите Сирийской (Яйленко 2022в, № 71).

³⁷ Stönert 1903, 19–20; Mayser 1923, 97–99.

³⁸ Яйленко 2022в, № 45в.

³⁹ Ср. граффито Яйленко 2022в, № 54в, где Υ может иметь цифровое значение

⁴⁰ Все прориси граффити в сборнике И.И. Толстого выполнила З.А. Билимович, они точны.

⁴¹ Как сказано, в статье 1901 г. Штерн не дал прорисей граффити. Однако оно хранится в Эрмитаже и есть рисунок в своде И.И. Толстого (Толстой 1953, № 78); воспроизводим его под № 19. Мы сделали свою прорись с подлинника, это рис. 19а. Согласно А.А. Передольской (она давала датировку в книге Толстого по керамическим показателям), это дно килика V в.

⁴² Archäologische Anzeiger 1904, 106.

⁴³ Яйленко 1980а, 89, № 15; тут мы привели сведения об условиях находки из дневника Скадовского.

⁴⁴ Dubois 1996, 124; LGPN IV, 33; Соловьев 2005, 139.

⁴⁵ Яйленко 1982, 288–289, № 91–94.

Рис. 1.
Fig. 1.

редко на дне⁴⁶. При этом, как правило, на доньях сосудов обычно размещаются имена владельцев в род. падеже, чему соответствует надпись Ἀλατῶρης «килик Апатуры». Обычно эти дамы гетеры⁴⁷].

20 (рис. 20, прорись автора с фото в «Альбоме» Г.Л. Скадовского). Штерн, 1901, с. 21–22, № 6: раскопки Скадовского, чернолаковая чаша с граффито ΕΡΗ ΕΙΜΙ ΤΟΡΜΕΩ, т.е. ἱερὴ εἰμί τοῦ Ἑρμῆω «я посвященная есмь (собственность) Гермеса». «Формы ἱερὴ и Ἑρμῆω ионические. Странным является красис члена с существительным, первая гласная которого имеет придыхание, и притом красис τοῦ Ἑρμῆω должен был быть правильно τουρμῆω, а не торμῆω. Но особенной грамотности от авторов подобных “graffiti” требовать нельзя»⁴⁸. [Экзерсис Штерна о красисе в данной надписи удивителен, ибо это та же графема ὀ = ου, о которой он только что писал под своим № 5 по поводу формы Ἀλατῶρης, со ссылкой на эпиграфический компендиум Т. Рейнака. К правильности красиса в этом граффито ср., к примеру, ольвийское граффито Тихона: Τύχων ὀκατοκλέδς = ὁ Ἐκατοκλέους «Тихон, сын Гекатокла»⁴⁹].

21 (рис. 21, прорись З.А. Билимович; 21а, 21 б, прориси автора). Штерн, 1901, с. 26, № 24: на дне чернолакового сосуда, найденного раскопками на Березани: ΔΙΝΙΣΙ, т.е. Δι<ο>νυσί[ου], sc. εἰμί «я собственность Дионисия»; пропущен ли омикрон случайно, или же существовала форма имени Δινύσιος наряду с Διονύσιος, решить трудно. Возможность существования такой формы в простонародье не исключается. [Как видно, Штерн усмотрел здесь личное имя Διονύσιος, что, на первый взгляд, правильно, поскольку граффито написано на дне. В Эрмитаже есть граффито, помещенное в сборнике И.И. Толстого под № 79, оно датировано V в. и указано, что происходит из раскопок Скадовского 1900 или 1901 г. Его чтение: ΔΙΝΥΣΟ, по его словам, тут определенно усматривается теоним Диониса. Толстой понял надпись в качестве «посвятительного дара в святилище Диониса» – «Δι(ο)νύσο(υ) «Диониса», подразумевается: «посвящено» Дионису (ἱερὸν Διονύσου)». Тут И.И. Толстой слегка перемудрил, ибо у «посвятительного дара» обычна формула с дативом – Διονύσῳ, у храмовой же маркировки иная формула – с род. падежом: (ἱερὸν) Διονύσου «(священная собственность) Диониса». В эрмитажной надписи определенно читается gen. ΔΙΝΥΣΟ, так что о посвятительной надписи речи нет, это храмовая маркировка: Δινύσῳ = Διονύσου «сосуд/собственность Диониса»⁵⁰. Мы сочли, что «Толстой ошибочно принял это же граффито, изданное Штерном, за другое». Но это вряд ли одна и та же надпись, ибо в эрмитажном граффито (я видел его) после Ν четко вырезано V, а последняя буква Ο, тогда как Штерн прочел ΔΙΝΙΣΙ, и омикрон трудно спутать с иотой. Интересно начертание в обеих надписях теонима без омикрона. Штерн поставил вопрос о народном произношении, Толстой уделил подобного рода случаям, в том числе и этому, специальную статью⁵¹. Объяснима и альтернатива υ – ι в обеих надписях примерами раннего итацизма из березанского же письма Ахиллодора рубежа VI–V вв.:

⁴⁶ На дне написано и ольвийское посвящение V в. Сирийской Афродите (Толстой 1953, 25), см. об этом интересном граффито (Крюгер 1962, 269–270; Alexandrescu Vianu 1997, 15f.).

⁴⁷ Яйленко 2020б, 476.

⁴⁸ См. об этом граффито Zqktyrj 1980а, № 14; Dubois 1996, 76.

⁴⁹ Яйленко 2022а, № 502–503.

⁵⁰ Яйленко 1980а, 89, № 17.

⁵¹ Толстой 1951, 374–378.

μολίβδιον вместо μολύβδιον, дат. падежи имени Ματασι стк. 7 при Ματα<τα>συ стк. 9⁵². Эта замена υ на ι представлена в дионисийском имени владельца, написанном на дне чернолакового сосуда IV–III в. из Нимфея (см. рис. 21б): Διονισι или Διονι ΔΔ (случайная находка А. Дмитриева в Нимфее, я срисовал надпись у него в Новороссийске). Есть примеры перехода υ > ι также в Аттике, в том числе в интересующем нас теониме, тоже с опущенным омикроном – Δίνισι⁵³.

22*. Штерн, 1901, с. 26, № 25: плоский чернолаковый килик, на краю очень небрежно нацарапано Δημαχομένο(υ), sc. εἰμί «я собственность Демахомена»; «за верность чтения я не ручаюсь». [В действительности тут читается имя Ленея⁵⁴].

2. Прочие издания

23 (рис. 23, прорись ЗООИД). ЗООИД, 1907, Т. 27, протокол 368 заседания, с. 60 (без подписи). В списке поступивших в ОАМ вещей упомянута случайная находка Е. Лебедевой на Березани в 1903 г., передана ею в ОАМ, приложена прорись. На обломке сосуда посвятельное граффито в три строки: Ἄντανδρος | Διονύσ[ω] | ἀνέθηκεν «Антандр посвятил Дионису». [На первый взгляд, письмо архаическое, VI в., на что указывает в числе прочего ранняя форма наклонного Ν с длинной левой боковиной и сильно укороченной правой. Однако в стк. 1 присутствует и позднейшая форма этой буквы с обеими одинаковыми боковыми гачками. Казалось бы, это можно отнести на счет индивидуальной манеры письма, но такую же картину дает и форма сигмы: с ранней разомкнутой формой стк. 2 соседствует в стк. 1 поздняя разновидность с горизонтальными усами. Это уже не авторская манера начертания, а указание на несколько позднее время, о чем свидетельствуют граффити Навкратиса: от VI в. их сотни, и ни одно не содержит сигму с обеими горизонтальными усами⁵⁵; есть лишь два таких примера, но оба от V в.⁵⁶ Посему в березанском граффито письмо раннего V в.⁵⁷ Отметим и декоративную прогнутость линий букв Τ, Ν стк. 1 и последнего Ν стк. 3. Вообще это свойство эллинистического письма, но допустимо и в классическое время как индивидуальный способ начертания. Интересен и dat. Διονύσοι, хотя на Березани V в. ожидалась бы ионийская форма Διονύσῳ⁵⁸. Написание омикрона вместо омеги в V в. свойственно аттическому, дорийскому и прочим алфавитам, в которых не было специальных знаков для долгих гласных. Однако ἀνέθηκεν с должной этой ставит все на свои места: это надпись ионийца, а в ионийском диалекте sporadически встречается написание омикрона вместо омеги, правда, примеры единичны⁵⁹. Иное дело Мирмекий, где в граффито V в. представлена эта же картина – [ε]ὐχῶλή «мольба» (ионийская форма εὐχῶλή). При редкости ионийских

⁵² Dubois 1996, 51; Яйленко 2017, 209–210.

⁵³ Kretschmer 1894, 119–120.

⁵⁴ Яйленко 2022б, 483–484 (с литературой).

⁵⁵ Naukratis 1886, Pl. XXI; 1888, Pl. XXII.

⁵⁶ Naukratis 1886, Pl. XXI, № 787; 1888, Pl. XXII, № 245. См. и общую таблицу форм букв: Naukratis 1888, Pl. XXIIIА.

⁵⁷ См. по этому вопросу: Яйленко 2020а, комм. к № 1, 2.

⁵⁸ В ЗООИД дополнена ионийская форма: Διονύσ[ω], но дополнение не соответствует прориси, где четко показано ΔΙΟΥΣΟΙ.

⁵⁹ Hoffmann 1898, 281.

надписей на Боспоре практически невероятно тут графическая передача омеги через \bar{o} при η . Поскольку на Тамани был основанный лесбосцами город Гермонасса и свидетельств эолийского диалекта уже немало, также при том, что патронимик Ἀθαφοῖο мирмекийской эпитафии IV в. КБН 871 мы признали эолийским по окончанию род. падежа $-\omega$, граффито $[\epsilon]\upsilon\chi\bar{o}\lambda\eta$ тоже написано по-эолийски⁶⁰.

3. Ревизия своих комментариев к некоторым граффити Березани, Ольвии, ее хоры

а) Новое березанское письмо VI в.

24 (рис. 24, фото: Чистов 2007). Д.Е. Чистов опубликовал маюскулы 4-х строчного граффито последней четверти VI в. на стенке милетской амфоры: TOIMAT | AP (?)MALL | XAITIAΛ/M | πιθέτω⁶¹. Все 4 строки сильно скошены справа книзу, это один из признаков архаического письма. Последняя буква стк. 1 – Φ; в VI–V вв. у нее употребительны формы Φ, Ϝ, Φ, встречаются и образцы с уменьшенным кружком и удлинённой ножкой, как в этой березанской надписи⁶². По черепку видно, что надпись обломана слева и справа, может быть утрачена и сверху; судя по возможному чтению текста, утраты скорее минимальны; последней строкой надпись заканчивалась. Читаем текст так: [-- | ? αὐ]τοῖ μ' ἀφαῖρεῖμ (?) (μ)άλ|α· αἰτιάυ | [έ]πιθέτω «(е. г. *хотят*) они меня лишить / устранить всячески; пусть он выдвинет обвинение». Это обрывок частного письма с изложением некоего конфликта его автора с каким-то другим человеком и его сторонниками, которые пытаются лишить чего-то автора или устранить от чего-то. В ольвийском письме Апатурия того же VI в. автор пишет корреспонденту, что лишился товара (τὰ χρήματα σισύλημαι) – его захватили Гераклид с поделщиками⁶³. Эта параллель к [? αὐ]τοῖ μ' ἀφαῖρεῖμ «они меня лишить» позволяет думать, что и в данном березанском письме автор ведет речь о попытке лишить его имущества группой людей во главе с неким его противником. По словам Апатурия, вопрос об отнятом у него товаре находится на решении у полисного буле, которое, стало быть, выполняло судебные функции, поскольку в Ольвии еще не было юридического законодательства, его и суда⁶⁴. В связи с этим видим в αἰτιάυ последней фразы рассматриваемого письма обвинительный смысл и понимаем αἰτιάυ | [έ]πιθέτω как «пусть он выдвинет обвинение» (перед буле). И в письме Апатурия и в березанском же письме Ахиллодора суть конфликта заключалась в архаическом праве захвата должника и его имущества заимодавцами и их людьми – συλῆν⁶⁵. В новом березанском письме похожая ситуация – здесь тоже упомянуты группа людей, захват и некий противник автора, так что скорее всего и тут речь шла о захвате имущества автора письма и его готовности решать вопрос в городском Совете (буле).

⁶⁰ Яйленко 2010, 186, 558.

⁶¹ Чистов 2007, 131–132, 147, табл. 16, 9. Обратив внимание на эту надпись, мы прочли [-- | ? αὐ]τοῖ μ' --αἰτιάυ | [έ]πιθέτω «(е. г. *хотят*) они меня лишить / устранить -- пусть он выдвинет обвинение», и сочли характерным для ранней Ольвии частным письмом (Яйленко 2022а, № 233). Тут расширяем текст и комментарий.

⁶² Naukratis 1886, Pl. XXI, № 729, 765, 798; 1888, Pl. XXIV, № 603, 604; XXXV, № 700.

⁶³ Яйленко 2017, 233–236.

⁶⁴ Яйленко 2017, 234–235.

⁶⁵ См. о нем: Яйленко 2017, 216–220, 234–235.

Несколько замечаний по текстологии. Первые буквы стк. 2 A¹, т. е. α, далее следует нагромождение тесно резаных букв: треугольное ρο без ножки (типа ►), удлиненная гаста эпсилон со средним язычком (|), буква Μ, что предположительно можно прочесть как инфинитив ἀφαίρε̃μ = ἀφαίρε̃ν «отнимать, лишать, избавлять». Написание дифтонга ει через ε̃ на разных позициях, в том числе в окончании инфинитива, обычно в надписях Ольвии VI–IV вв.⁶⁶ Конечное мю инфинитива ἀφαίρε̃μ обязано уподоблению следующему губному, в связи с чем понимаем последующие буквы ΑΛΑ как наречие (μ)άλλ|α «очень, весьма, всячески».

Обломок найден в слое пожара последней четверти VI в. на площади двора «Основного» раскопа В.В. Лапина, что датирует и надпись. Самое древнее березанское письмо относится к середине VI в.⁶⁷, по нашему мнению, возможна и первая половина сего столетия. Рассмотренное письмо последней четверти века второе по древности; следующее по времени письмо Апатурия позднего VI в. из Ольвии⁶⁸, четвертое по древности тоже березанское письмо

б) Килик Питеса

25 (рис. 25, фото И.А. Снытко). Березань. Ионийский килик с застольной надписью, найден Д.В. Чистовым, который опубликовал фото и прорись надписи, также изложил условия находки – в яме 238 дома третьей четверти VI в.⁶⁹ Этой дате соответствует и письмо граффито. Хранится в музее г. Николаев. Оно идет в круговую по венчику килика изнутри; это самое красивое по письму граффито Северного Причерноморья. Содержание надписи непростое, за его истолкование сразу взялись три эпиграфиста⁷⁰. Вполне разумеема начальная часть текста (Πύθεω εἰμὶ τὸ Περικλέος) и заключительная (ἔγρα(φ)ε δὲ μὲ Πύθης), сложна средняя, хотя понятно и ἄν μ' ἐκτίηι – ΧΕΧΑΡΩ ΔΕ ΜΟΝΟΜΑΚΩΣ ΑΝ Μ ΕΚΠΗΝΙ ΧΑΙ<Ε>ΡΗΣΕΙ. Основная проблема в трактовке слов ΜΟΝΟΜΑΚΩΣ и ΧΑΙ<Ε>ΡΗΣΕΙ, отчасти ΧΕΧΑΡΩ. Б. Браво усмотрел в первом наречии μονομάκως (к существительному μονόμαχος «единоборец»), которое указывает на застольное состязание в питье вина; во втором futurum того же глагола χαίρω «радоваться». Его чтение надписи приняли Н.А. Павличенко, Д.В. Чистов⁷¹:

Πυθέω εἰμὶ τὸ Περικλέος, χεχάρω δὲ μονομάκως. ἄν μ' ἐκτίηι, χαί{ε}ρήσει. ἔγρα(φ)ε δὲ μὲ Πυθῆς

«Я (килик) Пифея, сына Перикла. Пусть я смогу радоваться, устраивая состязание (в выпивке). Если кто меня выпьет до дна, тот будет (этому) рад. Писал же меня (то есть надпись) Пифей»⁷².

⁶⁶ Яйленко 2017, 104, прим. 197; 204, 210–211, 286, 288; 298, прим. 425; 336, 632.

⁶⁷ Chistov, Pavlichenko 2019, 259–277.

⁶⁸ Яйленко 2017, 233.

⁶⁹ Chistov 2019, 102–103.

⁷⁰ Bravo 2021, 15 (*non vidi*); Павличенко, Чистов 2020, 896–900; Яйленко 2020б, 483–485. По времени эти публикации стали доступны читателям в таком порядке: первой книга Б. Браво (на нее ссылаются Н.А. Павличенко и Д.В. Чистов), второй моя статья (осень 2020 г.), третьей – статья Н.А. Павличенко и Д.В. Чистова, так как электронный журнал МАИАСП за 2020 г. стал доступен лишь весной 2021 г. Тем не менее именно их статью следует считать первопубликацией, так как нашел надпись Д.В. Чистов.

⁷¹ Павличенко, Чистов 2020, 899.

⁷² Поскольку книга Б. Браво мне недоступна, цитирую по статье Н.А. Павличенко и Д.В. Чистова (Павличенко, Чистов 2020, 898).

Однако ключевой пункт чтения Бенедетто Браво – наречие *μονομάκως* образовано от существительного *μονόμαχος* – слаб тем, что такое наречие не зафиксировано, тем более с *-κως* вместо *-χως*. Полагаем, проще принять, что *ΜΟΝΟΜΑΚΩΣ* надписи – это *μονόμαχος* «единоборец» со свойственным ольвийским граффити гиперинионизмом, т. е. в данном случае меной омикрона на омегу⁷³. В *χεχάρω* все специалисты, в том числе мы, увидели *conj. aor. II redupl. κ χαίρω* (типа *κεχάροιτο* в *Od. II. 249*); начальное *χ* вместо нормативного *κ* – результат регрессивной ассимиляции *κ*, ср., к примеру, варианты перфекта *κεχείρικα* и *χεχείρικα* у Евстафия (*comm. Ad Hom. Πιadem, vol. 2, p. 744, l. 3; TLG*), *Χόλος* вместо *Κόλος* в ионийско-аттическом⁷⁴. Хотя понимание коллегами *ΧΑΙ<Ε>ΡΗΣΕΙ* в качестве формы будущего времени глагола *χαίρω* «радоваться» безупречно, нас смущает повтор его всего после двух смысловых слов *μονομάκως* и *ἐκτίη* (служебные *δέ, ἄν μ'* не в счет), это обедняет великолепную в целом по поэтическому языку (см. ниже) надпись Питеса. Поэтому читаем *χαί<ε>ρήσει = καὶ αἰ<ε>ρήσει*, вполне подходящее к контексту застольной надписи (*αἰρήσει* – fut. к *αἰρέω*) «и возьмет, победит, выиграет как приз»⁷⁵. Ввиду форм *χεχάρω* и *μονομάκως* Б. Браво справедливо писал о неразличении Питесом *κ* и *χ* (см. об этом далее), полагаем, отсюда и слияние им *καὶ αἰρήσει* в *χαίρήσει*.

Поскольку надпись представляет собой *object parlant*, т. е. ведется от имени кубка, именно он говорит *χεχάρω* «радуюсь», именно он «единоборец», т. е. сражающийся один на один с тем, кто пьет из него. Наш текст:

Πύθεω εἰμί τῷ Περικλέος· χεχάρω δὲ μονομάκως· ἄν μ' ἐκτίη, χαί<ε>ρήσει·
ἔγρα(φ)ε δὲ μὲ Πύθης

«я (кубок) Питеса Периклова; единоборец, я радуюсь: кто меня выпьет, тот и выиграет как приз; исписывал-то меня Питес».

Таким образом, основной смысл надписи состоит в состязании этого большого кубка и пьющего из него – ежели тот выпьет, получит кубок в качестве приза (или просто «победит»). Состязательный характер надписи очевиден – на него указывает обычное в застольных надписях выражение *ἄν μ' ἐκτίη* «если выпьет меня», при этом часто добавляется условие выпить залпом – *ἄμυσσίν*⁷⁶.

⁷³ Примеры гиперинионизмов в ольвийских надписях: Яйленко 2017, 33, 42, 312, 317, 472; Яйленко 2022а, № 470, 527, 528. Ранее я пытался решить проблему *ΜΟΝΟΜΑΚΩΣ* путем расчленения: *χεχάρω δὲ μ' ὄνομα κῶς ἄν μ' ἐκτίη* «радостно же мне имя (слава) того, кто меня как-либо выпьет» (Яйленко 2020б, 483). Однако Н.А. Павличенко справедливо указала на несовместимость 1 л. *χεχάρω* и *μ'*, в связи с чем уточняю здесь прочтение. И другое: она приняла мнение С.Р. Тохтасьева, что акцентуация ионийского имени должна быть *Πύθης, gen. Πυθέω*, но напрасно: тому осталось неизвестным, что формы *Πυθῆς, Πυθέω* и *Πύθης, Πύθεω* амбивалентно ионийские, к примеру, аналогично формам *Θάλης* и *Θαλῆς*, о чем писали еще В. Папе, Г. Бензелер, в частности, указав ионийский *gen. Πύθεω* у Фукидида (II. 29) [Pape, Benseleer 1279].

⁷⁴ Thumb, Scherer 1959, 308. Евстафий определенно пишет об ассимиляции и приводит другой пример: *λέφραδα – φέφραδα*.

⁷⁵ Излишний эпсилон в *αἰ<ε>ρήσει* можно счесть заминкой Питеса. Написав *ΧΑΙ*, т. е. *χαί* (= *καὶ αἰ*-), он впритык к *Ι* написал *Ε*, и это может быть понято так, что он вместо *αἰρέω* захотел написать ионийскую форму *αἰίρω* глагола *αἰίρω* «поднимать» («кубок»), но тут же оставил это намерение и продолжил писать fut. к *αἰρέω*, не убрав лишнее *ε* – *αἰ<ε>ρήσει*. Но см. ниже о другом возможном чтении.

⁷⁶ Яйленко 2020б, 473–474.

Стихотворный размер надписи – дактилический тетраметр типа Алкманова стиха (допускается замена дактиля спондеем)⁷⁷, но последняя стопа гиперкатаlecticкая, т. е. это не Алкманов 11-сложник, а 12-сложник; иначе говоря, 4 полных дактиля / спондея; но и у Алкмана присутствуют вариации в компоновке стоп дактилического стиха⁷⁸. Размер:

Πύθεω | εἰμί | τῷ Περικλέος, $- \hat{-} | - \sim >^{79}$ | $- - | - \sim |$
 χεχάρω | δὲ μονομάκως, ἄν | μ' ἐκλιῆι, $\sim \sim - | \sim \sim \sim$ | $- - | - - |$
 χαί<ε>ρήσει· ἔγραφε δὲ μὲ | Πύθης $- - | - - | \sim \sim \sim$ | $- -$ ⁸⁰

В надписи три формульных выражения. 1. Поссесивное: Πύθεω εἰμί τῷ Περικλέος, обозначающее принадлежность вещи, в данном случае чаши, конкретному владельцу – богу или частному лицу, тут Питесу. 2. Застольное: (ὄς) ἄν μ' ἐκλιῆι, оно обычно в поэтических застольных надписях, в том числе боспорских и ольвийских⁸¹. 3. Финальное: ἔγραφε δὲ μὲ + ποίη (здесь Πύθης), оно завершает тексты разного рода, например, и в другой березанской надписи середины VI в.⁸² Из 17–18 слов надписи 10 приходятся на формулы, и надо отдать должное дарованию Питеса: он хорошо увидел в них четырехдольники и искусно соединил в своем сколионе сразу три формулы, добавив к ним всего несколько собственных слов. В ряде случаев исследователи отмечали уже у древнейших лирических поэтов стройную конструкцию произведений: строфа (зачин, преамбула), антистрофа (развитие темы), эксод (финал). Такова конструкция и у Питеса: открывают и закрывают стих формулы, составляющие строфу и эксод, в антистрофе у него собственный текст + формула. Таким образом, каждая из трех частей произведения завершается формулой, этот прием вводит его в круг популярных технических наборов лирики своего времени (такой прием называется интертекстуальностью, у древних металепис). Употребление Питесом дактилического тетраметра обусловлено популярностью его после Алкмана, который развивал его и по времени был старше Питеса на 2–3 поколения (известные даты творческой жизни Алкмана 670–611 гг.)⁸³.

Возможно и несколько иное прочтение середины надписи с ΧΕΧΑΡΩ да ΧΑΙ<Ε>ΡΗΣΕΙ, и у него есть свои достоинства. ΧΕΧΑΡΩ вполне может быть понято как χῆ (= καὶ ἔ) χαρῶ «и я буду рад тому, кто ...»⁸⁴ это дает необходимое местоимение, указывающее того, кто будет пить из чаши, тогда как в данном

⁷⁷ Схема Алкманова стиха: $\sim \sim \sim | \sim \sim \sim | \sim \sim \sim | \sim \sim \sim$.

⁷⁸ Hanter 2006, 155–156.

⁷⁹ Писавший мог случайно пропустить имевшееся в виду односложное служебное μὲν, γέ, δή и пр.

⁸⁰ В Περικλέος первый эписила долгий по правилу зачета долготы или краткости в личных именах, насчитывающих 3 и более слога, в соответствии с размером стиха. В варианте с χαί ἔρησει (см. ниже) та же метрика, ибо χαί ἔ идут за 1 долгий слитный слог, т. е. $- \hat{-}$.

⁸¹ Яйленко 2020б, 445 (№ 3), 473–474 (№ 6, ба, 7).

⁸² Павличенко, Чистов 2020, 891. Яйленко 2020б, 485.

⁸³ В слове ἔγρα(φ)ε Питес вместо ранней ионийской формы Φ в виде кружка с вертикалью внутри (Ⓢ) написал тету – кружок с перекрестием внутри (⊗). Может быть, он намеревался дать тут аористную форму ἐγράφη (известна в милетской надписи V в.: Syll.³ № 57, стк. 5), но остановился на имперфекте, как и Дейнон в упомянутой надписи. Вообще-то, эту ошибку, как и недостачу краткого после εἰμί, вполне можно списать на застольный характер надписи, т. е. сделанной на подпитии. Налицо явная невнимательность, поскольку для краткого после εἰμί без труда, как сказано, можно было написать частицы μὲν, γέ, δή и пр. Небезынтересно, что и у Алкмана есть стих с γραφεῖν: ἐν γὰρ τοῦτοϛ -- γραφεῖν τὰ π-- Ἀλκμᾶνος (fr. 10, vv. 16–18 Bergk).

выше чтении вынужденно приходится ставить колон – $\chi\epsilon\chi\acute{\alpha}\rho\omega\ \delta\epsilon\ \mu\omicron\nu\omicron\mu\alpha\kappa\omega\varsigma\ \grave{\alpha}\nu\ \mu'\ \acute{\epsilon}\kappa\lambda\iota\eta\iota$, что не *comme il faut*⁸⁴. С учетом отмеченного неразличения Питесом κ и χ , $\chi\alpha\iota\langle E\rangle\rho\eta\sigma\epsilon\iota$ – это $\chi\alpha\iota$ (= $\kappa\alpha\iota$) $\acute{\epsilon}\rho\eta\sigma\epsilon\iota$ «и станет владеть», где fut. $\acute{\epsilon}\rho\eta\sigma\epsilon\iota$ (с гиперионийским η) – к $\acute{\epsilon}\rho\acute{\epsilon}\sigma\sigma\omega$ «грести, двигаться» и пр., но также «переходить в чье-либо пользование, становится чей-либо собственностью»⁸⁵. В таком ключе срединная часть надписи имеет вполне соответствующее состязательному смыслу надписи чтение: $\chi\acute{\epsilon}\ \chi\alpha\rho\acute{\omega}\ \grave{\alpha}\nu\ \mu'\ \acute{\epsilon}\kappa\lambda\iota\eta\iota\ \chi\alpha\iota\ \acute{\epsilon}\rho\eta\sigma\epsilon\iota$ «и я буду рад тому, кто меня выпьет и станет владеть». Несомненное его достоинство – сохранение написания подлинного $\chi\alpha\iota\epsilon\rho\eta\sigma\epsilon\iota$.

В таком прочтении текста дважды представлена аспирация союза $\kappa\alpha\iota$ – $\chi\acute{\epsilon}$ (= $\kappa\alpha\iota\ \acute{\epsilon}$) и $\chi\alpha\iota\ \acute{\epsilon}\rho\eta\sigma\epsilon\iota$ (= $\kappa\alpha\iota\ \acute{\epsilon}\rho\eta\sigma\epsilon\iota$); язык березанцев восточноионийский (малоазийской Ионии), он псилотический, поэтому $\kappa\alpha\iota$ вроде и не могло в нем аспирироваться. Но в островном ионийском псилосис не был абсолютным, и наличие в ранних надписях среди прочего аспирированного материала местоимения с придыханием – $h\omicron$ на Накосе⁸⁶ – дает некоторое основание усмотреть аспирацию и в наших $\chi\acute{\epsilon}$ = $\kappa\alpha\iota\ \acute{\epsilon}$ и $\chi\alpha\iota$ = $\kappa\alpha\iota$. В ольвийском гимне к Гилее того же времени, что и надпись Питеса, представлено наречие $\acute{\epsilon}\nu\theta\epsilon\acute{\upsilon}\theta\epsilon\nu$ с уникальной для ионии аспирацией, ибо ионийская норма – $\acute{\epsilon}\nu\theta\epsilon\acute{\upsilon}\tau\epsilon\nu$, аттич. $\acute{\epsilon}\nu\tau\epsilon\acute{\upsilon}\theta\epsilon\nu$ ⁸⁷, оно показывает несколько вольную трактовку псилосиса в смешанной ионийской среде Нижнего Побужья⁸⁸. Может быть, суть дела заключена, так сказать, в «хиатической» звукописи, которую явным образом, к примеру, проявил Софокл для подчеркивания патетики слов хора в «Аяксе» (ст. 649): $\chi\acute{\omega}\ \delta\epsilon\iota\nu\acute{o}\varsigma\ \acute{\omicron}\rho\kappa\omicron\varsigma,\ \chi\alpha\iota\ \rho\epsilon\rho\iota\sigma\kappa\epsilon\lambda\epsilon\iota\varsigma\ \phi\rho\acute{\epsilon}\nu\epsilon\varsigma$ «о ужасная клятва, упорные мысли!» На эту строку обратил внимание Стобей (Anth. I, 8, 23, l. 5), а мы отметим тут также тройное раскатистое ρ при β произносительно узких ϵ , словом, этот стих действительно отличается богатой звукописью. То же и в надписи Питеса: при трех придыхательных χ четыре раскатистых ρ и 12 скользящих узких ϵ , это тоже богатая звукопись.

Но есть и другая сторона в «хиатизме» надписи Питеса – его происхождение. В греческих надписях и литературных памятниках говорить о неразличении κ и χ не приходится – речь идет об их мене, и она редкая, причины разные. Так, в алфавитах Гортины, Феры VI в. не было специальной буквы для χ , поэтому для ее передачи употреблялась буква κ со знаком придыхания ($\kappa\acute{\alpha}$, фонетически kh)⁸⁹. В гомеровском языке встречается словообразовательный аблаут вроде имперфекта $\delta\acute{\epsilon}\kappa\tau\omicron$ от $\delta\acute{\epsilon}\chi\omicron\mu\alpha\iota$ (II. XV, 88), но причины неясны ввиду композитно-

⁸⁴ Это $\acute{\epsilon}$ – acc. sg. и pl. указательного местоимения всех родов. Глагол $\chi\alpha\rho\acute{\omega}$ «буду рад» – поздний аог. 2 conj. к $\chi\alpha\iota\rho\omega$ (LSJ, s. v.), но это не проблема: есть немало подобных случаев, когда зафиксированное в поздних источниках слово всплывает в новонайденном раннем памятнике. Тут сослагательное наклонение обозначает действие ожидаемое, потому близкое по значению к будущему времени (так наз. сослагательное футуральное, см. о нем: Нидерле 1880, 191).

⁸⁵ Так у Софокла (Philoct. 1135): $\rho\omicron\lambda\omicron\mu\eta\chi\acute{\alpha}\nu\omicron\upsilon\ \acute{\alpha}\nu\delta\rho\acute{o}\varsigma\ \acute{\epsilon}\rho\acute{\epsilon}\sigma\sigma\epsilon\iota$ (v. l. $\acute{\epsilon}\rho\acute{\epsilon}\sigma\sigma\eta$) «лукавец владеет тобой» – слова Филоктета о своем стрелковом луке (пер. Ф.А. Петровского), «ты во власти коварного мужа» (пер. Ф.Ф. Зелинского).

⁸⁶ Thumb, Scherer 1959, 266.

⁸⁷ Яйленко 2019, 180.

⁸⁸ О ее смешанности см. Яйленко 2017, 156–157.

⁸⁹ Thumb, Kiekers 1932, 176.

го характера эпического языка⁹⁰. Говоря об упомянутом березанском граффито Дейнона, мы отметили возможный его карийский генезис, через что находит объяснение написание им ϱόλιξ вместо нормативного ϱύλιξ, ибо в карийском языке имело место чередование υ – ο; также в карийском алфавите g обозначалось через C, есть в нем и формы i, близкие «горбатой» иоте Дейнона⁹¹. В граффито Питеса есть то же округлое начертание гаммы. В ионийском мире образцы гаммы такой формы имеются, но они редкие: единичные примеры известны лишь на Самосе да Евбее, а на западноионийских островах Итака, Кефалления ее единичные же образцы обязаны воздействию коринфского или ахейского алфавита⁹². Как видно, округлая гамма не ионийская, зато она широко распространена в дорийском да ахейском мире, в средней и северной Греции, также в Эолиде (см. Table of letters в конце книги Л. Джеффери). По этой причине, а также по ряду других показаний, граффито V в. поэтессы Симон из Фанагории мы сочли эолийским⁹³. В надписи Дейнона при карийском чередовании υ – ο, как сказано, округлая гамма – тоже показатель карийского его происхождения. Равным образом мы можем трактовать округлую гамму также надписи Питеса, а в таком ключе находит объяснение и его «хиатизм» – последовательное неразличение κ и χ. В карийском алфавите они различались, но нам важно то, что κ писалось как ψ, λ⁹⁴, тогда как в Ионии этим знаком обозначалось χ⁹⁵, так что именно малоазийскому ионийцу карийского генезиса (карийцы – туземное население Ионии) было бы свойственно неразличение κ и χ. Таким образом, вполне вероятно, что эта особенность надписи Питеса обусловлена его карийским происхождением. Генетический кариец и другой визитер на Березани того же VI в. – упомянутый Дейнон. Эти найденные в последнее время на Березани два граффито VI в. с округлой гаммой, да еще третье – поэтессы Симон в Фанагории, без преувеличений являют собою навал надписей с округлой гаммой по сравнению с единичными ее образцами в ионийских центрах остального греческого мира. И если граффито Симон ионийское по языку, но эолийское по алфавиту, то надписи Дейнона и Питеса по ряду показаний содержат карийские рудименты.

в) Посвящение Афиномандра

26 (рис. 26). В архиве ОАМ хранятся дневники раскопок Э.Р. Штерна, М.Ф. Болтенко и др. на Березани, они содержат богатый материал по граффити. В нашей публикации этих граффити под № 71 дано извлечение из дневника раскопок 1909 г., который вел М.Ф. Болтенко (с его листов 13–14)⁹⁶. Он пишет, что на 11 черепках килика со сценой дионисийского фиаса имеется граффито на ободке шейки, сохранились 33 буквы, и он эскизно воспроизвел его (рис. 26).

⁹⁰ Другой имперфект того же глагола ἐδέκομην у Геродота (III. 135) ни о чем не говорит, так как и критская дорическая форма с κ – δέκομαι (LSJ).

⁹¹ Яйленко 2020б, 486.

⁹² Jeffery 1969, 79, 230, 325.

⁹³ Яйленко 2020б, 452–454.

⁹⁴ Шеворошкин 1965, 183, 191, 196. Употреблялась также буква Κ, но это заимствование из греческого алфавита.

⁹⁵ Guarducci 1987, Allegato 2.

⁹⁶ Яйленко 2022в, № 71.

В соответствии с рисунком я принял прочтенное Болтенко имя Афиномах, а в буквах ΑΡΟΣ усмотрел патронимик посвятителя, текст: Ἀθηνόμα[χος ε. γ. Μάκ]αρος μὲ ἀνέθηκεν Ἀφροδίτῃ Συρίῃ «Афиномах, сын Макара, посвятил меня Афродите Сирийской». Эту публикацию я готовил в 2019–2020 гг., и тогда же данное граффито рассмотрела И. Полинская⁹⁷. Она обнаружила в ОАМ два его фрагмента с буквами ΑΘΗΝΟΜ и ΔΡΟΣΜΑΝΕ, которые подтвердили форму имени в этом граффито, давно усмотренную Ю.Г. Виноградовым: Ἀθηνόμα[ν]δρὸς μὲ ἀνέθηκεν Ἀφροδίτῃ Συρίῃ «Афиномандр посвятил меня Афродите Сирийской» [Dubois 1996, № 74]. По рисунку М.Ф. Болтенко я отнес граффито к IV в., но И. Полинская сочла, что это расписной скифос, близкий работам «мастера Тезея» ок. 500 г. К сожалению, она не поместила фотографии фрагментов из ОАМ, поэтому надежность ее датировки остается неподтвержденной. Уж вовсе сомнительна и ее датировка нового березанского граффито с владельческим именем Ἀθηνομάνδρῳ второй половиной VI в. на основании того, что найдено в котловане с заполнением этого времени. Но письмо этого изданного ею граффито – стопроцентно классическое регулярное письмо V в., в нем нет ни одной архаической черты. Повидимому, оба граффити принадлежат к V в., так что их Афиномандр один и тот же человек.

В связи с изложенным встает важный для меня вопрос о наличии в ОАМ граффити из раскопок Штерна. Как видно, Болтенко неточно сблизил два фрагмента – успешность прочтения Виноградова показывает, что расстояние между ними всего в одну букву. Он мог установить это лишь в том случае, если складывал оба фрагмента в ОАМ, т. е. он видел те же два фрагмента, о которых вела речь И. Полинская. В 1970-х гг. я работал с граффити ОАМ – боспорскими, ольвийскими и др., но березанских из раскопок Штерна среди них был всего десяток (плюс 2 на целых сосудах в витрине музея⁹⁸). Поэтому я обратился тогда к отчетам и описям Штерна и его сотрудников, которые хранились в архиве ОАМ, там оказался большой материал по граффити – 150, из них 23 издано, итого новых 127. Я списал их тогда, но лишь в 2019–2020 гг. руки дошли до них – написал большую статью «Данные архива Одесского археологического музея о граффити Березани и Ольвии»⁹⁹. Поскольку в коллекции ОАМ я их не видел, то считал утраченными – в разделе I § 24 высказал мнение, что они вывезены в 1944 г. П. Никореску в Румынию. Однако открывшееся мне теперь обстоятельство, что граффито Афиномандра присутствует в коллекции ОАМ, отчасти меняет картину: в 1970-х гг. мне попросту не показали березанские граффити Штерна, так как их ранее «застолбил» за собой Ю.Г. Виноградов. По этой же причине мне не показали тогда архивные отчеты и описи раскопок Б.В. Фармаковского в Ольвии, так что в целом из 225 обработанных мною граффити коллекции ОАМ 70 остались без локализации. Видимо, какую-то часть граффити из раскопок Штерна да Фармаковского увез в Румынию Никореску (так считали сотрудники ОАМ 1970-х гг. А.М. Тара-

⁹⁷ Полинская 2020, 201–202.

⁹⁸ Яйленко 2022в, № 196, 38, 41, 49–50, 54а, 54б, 55, 69г, 94 (в музее г. Николаев находится № 119). В витрине ОАМ экспонировались два сосуда с граффити, которые не раз издавал сам Штерн – μηδέ□

⁹⁹ Яйленко 2022в.

даш, Э.И. Диамант), а какая-то часть поныне хранится в ОАМ. А результат всей этой истории таков: Ю.Г. Виноградов и сам ничего не сделал, и мне не дал.

г) Граффито с Сиверсова Маяка

27 (рис. 27, фото: Снытко 2019). Граффито с Сиверсова Маяка I сделано на фрагменте синопской симы¹⁰⁰. По мнению издавшего надпись И.А. Снытко, «речь идет о какой-то коллективной причастности граждан сельской общины в месяце Посидеоне к общему достатку (?), а также упоминается имя (?) некоего Марона: ...τι κοινων... ...ποσιδεων... ...προδασινας... ...ΜΑΡΩΝ... ...υ (ι ?)υ... Возможно, слово «Марон», которое к тому же выделено в тексте надписи крупными литерами, является не именем собственным, а этниконом (демотиконом?) – названием поселка, общины или сельского дема, учитывая, что названия демов в классическом аттическом варианте обычно происходили от имен их основателей. Использование «лунарной» сигмы дает основание датировать документ временем не ранее последней четверти IV в. до н.э.»¹⁰¹. Однако каждая из 4 сохранившихся строк содержит личные имена, так что это список имен. В стк. 1 читаем имя Κρίνων, оно редкое¹⁰². Стк. 2: Ποσιδεών, от N сохранилась левая половина. В стк. 3 неизвестное имя Προδασινας (сигма двухчастная, буквально втиснута между альфой и краем черепка)¹⁰³. Стк. 4: Μάρων (от N сохранилась верхняя треть), имя весьма распространенное, в том числе мифологическое¹⁰⁴. В начале стк. 5 издатель увидел остатки букв υ (ι ?)υ, можно вместо Υ усматривать лунарную сигму, она вторая по счету; может принадлежать и пятому имени, и формуле проклятия (см. ниже). Над сохранившейся стк. 1 поверхность выщерблена, потому мог быть и предшествующий текст. Обратим внимание, что у имен стк. 2–4 одинаковое место старта, а Κρίνων написано с отступом от старта на одну букву. Издатель прочел в стк. 1 ...τι κοινων, и это τι выравнивает старт стк. 1 с общим местом старта. Но κοινων неточное чтение, ибо вторая буква не Ο, а Ρ – хорошо видна верхняя часть ножки, так же Ρ и в имени Μάρων: у обоих головка составлена из прямых линий. Наш текст: [? --] τι Κρίνων, Ποσιδεών, Προδασινας[ς], Μάρων, .C – «[? --] что Кринон, Посидеон, Продакинас, Марон --».

Аналогию этому списку имен составляют ольвийские наговоры¹⁰⁵. Их известно ныне два с половиной десятка¹⁰⁶, имеют два типа – список имен с фому-

¹⁰⁰ Ранее я по недосмотру считал, что надпись сделана на обломке каменной плиты, и понял сей список нескольких имен коллективной эпитафией (Яйленко 2022а, № 235). И.А. Снытко в письме любезно указал мне на эту ошибку, за что я ему благодарен, тут пересматриваю интерпретацию (надпись читаю по его фото).

¹⁰¹ Снытко 2019, 202.

¹⁰² Pape, Benseler 1884, 719.

¹⁰³ Чтение буквы после альфы проблемное: издатель увидел здесь пси, можно усмотреть и бету, условно вычитываем каппу.

¹⁰⁴ Pape, Benseler 1884, 868.

¹⁰⁵ Список имен может быть и перечнем членов фиаса, но для этого время еще не пришло, ибо надпись, как покажем далее, относится к первой четверти III в., а самый ранний в Северном Причерноморье акт фиаса – посвящение за царей КБН 75 II в. до н.э.

¹⁰⁶ Яйленко 2021, 308; 2023а: 155–157. И. Полинская насчитала определенно ольвийских 16, а в целом их может быть три десятка (Polinskaya 2021, 137).

лой проклятия¹⁰⁷ и один лишь список имен без формулы¹⁰⁸. Формулы краткие, в несколько слов; число имен проклинаемых лиц – от 4 до 11; по четыре в двух наговорах¹⁰⁹, пять в одном¹¹⁰. В граффито с Сиверсова маяка как минимум 4 имени. Скорее всего, их обладатели некоренные ольвиополиты, ибо ни одно имя не засвидетельствовано в Ольвии; по такому составу имен этому перечню близок наговор на свинцовой табличке, тоже происходящий с ольвийской хоры – среди 33 его имен превалируют греческие простонародные и негреческие¹¹¹. Но *τι* начала стк. 1 указывает, что исследуемый наговор содержал наряду с перечнем имен проклинаемых лиц также сопутствующий текст проклятия. Это *τι* при перечне имен – несомненный асс. neutr. неопределенного местоимения *τίς*, т.е. со значением «что». Понять общий контекст данного заклития помогают некоторые аналогии. Так, в наговоре II в. до н. э. из Ольвии вслед за перечнем 4 имен следует формула: ἄ(π)ρακτα οἴται πάντ[α] < ζ>, μαρτυρέοσιν ἄν «Эпайн, Миллион, Евмолп, Койран – всё у них считается бесполезным, когда станут свидетельствовать на суде»¹¹². Этому πάντ[α] «всё» вполне может соответствовать *τι* исследуемого наговора, так что смысл его формулы проклятия мог быть таким: все, что поименованные люди ни сделают, пусть будет бесполезным. Проклятие дел находим, к примеру, в наговоре III в. до н. э. из Пантикапея, в котором после перечня 4 имен следует: τοῦτων τὴν ἐργασίην οὐ ἄν γίνεσθαι κτλ. «не быть выработке у этих людей и да не получают они пользы от *своего* имущества и достатка ...»¹¹³ И в ряде аттических наговоров навлекается зло на производство товаров, на торговлю и прочую экономическую деятельность проклинаемых¹¹⁴. В таком ключе общий текст заклития с Сиверсова Маяка мог быть следующим: *τι* Κρίνων κτλ. е. g. οὐ ἄν ἐργάζωσιν / ποιῶσιν -- «что Кринон (и др.) ни выработают / сделают, пусть будет бесполезным».

Как сказано, И.А. Снытко датировал надпись «временем не ранее последней четверти IV в. до н. э.». Это осторожная формулировка и тем хороша, что дает *terminus post quem*, оставляя возможность и для чуть более позднего датирования, к чему мы склоняемся. Общий характер письма и формы букв эллинистические, но не IV в. К этому столетию можно отнести одно лишь *πι* с укороченной правой гаской, но такая форма широко свойственна также надписям III–II вв.¹¹⁵ Письмо в целом мало аккуратное, концы строк заваливаются книзу, буквы разного размера, писаны вразлет, не придерживаясь линейки. Отнесем, однако, это на счет почерка автора. Существенна для датировки декоративность письма: сигма лунарная, половина букв с мелкими украшениями – над дельтой и боковинами M, N «шпильки», боковины альфы стк. 4 продолжены за пересечением. Дату надписи поясняют формы омеги стк. 1 и 4: они полнотелые, их лапки на разных уровнях – левая чуть

¹⁰⁷ Белоусов 2020, № 5, 11, 13–19.

¹⁰⁸ Белоусов 2020, № 2–4, 6–10, 12.

¹⁰⁹ Белоусов 2020, № 4, 9.

¹¹⁰ Белоусов 2020, № 3. А наговоры с длинным списком имен (Белоусов 2020, № 12, 19; Яйленко 2023а, 135) составляют особую группу.

¹¹¹ Белоусов 2020, № 19; Яйленко 2020в, 24–29.

¹¹² Яйленко 2021, 299–300.

¹¹³ Яйленко 2005, 476.

¹¹⁴ Wunsch 1897, № 5, 30, 68 etc. Audollent 1904, № 52 etc. Dufault 2017, 13.

¹¹⁵ Яйленко 2020а, рис. 6, 8, 31, 32, 46, 47, 51а etc. Эта работа специально уделена датированию граффити эллинистического времени.

выше правой; тело стремится к прямоугольности, верхняя линия слегка округлая. Эти формы свойственны надписям III в.¹¹⁶ Особенно «вызывающая» форма капли имени Κρίων: во-первых, она заглавная – существенно выше остальных, во-вторых, усы ее примыкают к столбу не в одном месте, а порознь, на немалом расстоянии друг от друга, и оба залихватски изогнуты. Заглавное написание первой буквы личного имени до сих пор встречалось в надписях Северного Причерноморья с позднего эллинизма: так написано имя Βόλας на херсонесском амулете II–I вв. до н. э.¹¹⁷ и чаще в римское время¹¹⁸.

В письме от 25 октября 2023 г. И.А. Снытко пояснил мне, что «продатировал надпись концом 4 в. до н.э. на основании того, что вся синопская черепица в помещении, где найдена надпись, была с клеймами 1-й группы (с орлом на дельфине) астинома Гестиея при керамевсе Архептоле(ме) и Аристана при керамевсе Посидонии. Да и весь материал в помещении укладывался в рамки последней четверти 4 в. до н.э.». Итак, налицо несовпадение палеографии надписи, указывающей на III в. до н. э., и ее археологического контекста. В связи с этим отметим некоторое противоречие в приведенных суждениях издателя. В публикации амфорных клейм с Сиверсова маяка его соавтор Н. Ефремов отнес первую группу синопских клейм к 360–345 гг.¹¹⁹ На поселении найдены синопские клейма почти всех групп, кроме четвертой: II (345–305), III (305–285), V (265–220). Хотя две последние группы представлены единичными экземплярами, общий комплекс амфорных клейм разных центров (Гераклея, Фасос и др.) указывает, что поселение функционировало с 370-х гг. по первую треть III в.¹²⁰ При этом весьма показательно, что письмо амфорных клейм IV в. и своей раннеэллинистической правильностью и формами букв¹²¹ существенно отличается от письма рассматриваемого граффито; достаточно отметить, что ни один штемпель не дает лунарную сигму, только четырехчастную. Уже в силу одного этого граффито принадлежит к последней фазе жизни поселения – первой трети III в. Стало быть, нахождение его в помещении с материалом последней четверти IV в. обязано перемещению с более позднего слоя.

VI. НАПРАСНАЯ КРИТИКА ОЛЬВИЙСКОЙ ЭПИСТОЛОГРАФИИ

28 (рис. 28, прорись Н.Е. Макаренко; 28а, дипломатическая копия В.В. Шкорпила). Ольвийское письмо Анонима на свинцовой пластине. Издал В.В. Шкорпил как письмо к судье с предложением взятки¹²², понимание надписи в качестве письма поддержали В.В. Латышев, Т.Н. Книпович, автор сих строк; в 1915 г. Э. Диль высказал мнение, что это наговор, его поддержали Д. Джордан, Б. Браво,

¹¹⁶ Стк. 2 манумиссии из Гиркании времени Антиоха I (281–261) (Guarducci 1975, 277 = Яйленко 2020а, рис. 50). Письмо Анонима из Ольвии III в., стк. 9, 11, 12 (см. Яйленко 2020а, рис. 67; в комм. к № 47 см. подробней о такой форме омеги).

¹¹⁷ Соломоник 1978, табл. XXXI, рис. 1745. Интерпретация: Яйленко 2022г, № 164.

¹¹⁸ Яйленко 2022а, № 235, 366.

¹¹⁹ Efremow, Snytkó 2004, 12–18.

¹²⁰ Efremow, Snytkó 2004, 38.

¹²¹ Efremow, Snytkó 2004, 40–45.

¹²² Шкорпил 1908, 71–74.

Л. Дюбуа¹²³. Мы уделили надписи специальную заметку и дали свой текст, который показывает, что это письмо, отправленное неким не назвавшим себя по имени человеком (назовем его Анонимом) с предостережением некоему адресату о грозящем ему судебном разбирательстве, которое готовит группа названных по именам лиц¹²⁴. В интересах автора письма был захват этой группы адресатом, за что Аноним обещал вознаградить его удачным улаживанием судебного дела. Наш текст и перевод:

[ῶ]σπέρ σε ἡμεῖς οὐ γεινώσκομεν,
οὕτως Εὐπολῖς καὶ Διονύσιος,
Μακαρεὺς, Ἀριστοκράτης
καὶ Δημόπολις, [Κ]ομαῖος,
5 Ἡραγόρης ἐπὶ [?]δ]ινὸν πρᾶγμα παρα-
γεῖνονται κ[α]ὶ Λεπτίνας,
Ἐπικράτης, Ἑστιαῖος·
ἐπ' ὅ τι πρᾶγμα [π]αρ(α)γείνονται, ἐπ' ὅτι-
να μαρτυρίην ο[ὔ]τοι νόησαν,
10 ὧ[ς] δ]ὲ ἡμεῖς σε. [ῆ]ν δέ μοι αὐτοὺς
κατάσχης καὶ μοι λάβης, ἐπ' ᾧ δέ σε
τειμήσω καὶ σο[ὶ] ἄριστον δ[α]ΐφ-
ρον παρασκε[υῶ]

«как мы не признаем тебя виновным, так Евполис и Дионисий, Макарей, Аристократ и Демополис, Комей, Герагор содействуют ужасному (?) *судебному* делу, а также Лептин, Эпикрат, Гестией. Они содействуют какому-то делу, они поразмыслили о каком-то свидетельстве, так и мы *поразмыслили* о тебе. Если же ты мне их придержишь и схватишь, то я за это вознагражу тебя и умело устрою *все* наилучшим образом».

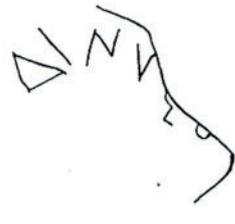
У сторонников понимания надписи в качестве наговора почти тот же греческий текст, но интерпретация иная; наиболее полно текст как наговор аккумулировал Б. Браво, его почти целиком повторил Л. Дюбуа¹²⁵. Для сравнения даем перевод надписи Л. Дюбуа: «De même que toi nous ne te connaissons pas, de même Eupolis et Dionysios, Makareus et Aristocrates et Démopolis, Kōmaios, Héragerès en sont arrivés à un acte terrible, ainsi que Leptinas, Epicratès, Hestiaios. (Nous savons) l'acte auquel ils en sont arrivés, le témoignage auquel ils ont pensé. De même que nous toi (nous ne te connaissons pas?). Si tu me les maintiens (sous terre) et me les saisis, moi je t'honorerai et te gratifierai d'un superbe cadeau (?).» А.В. Белоусов активно настаивает, что это наговор, чему уделил специальную заметку¹²⁶. Он воспроизвел текст Браво-Дюбуа, лишь в стк. 5 принял чтение Д. Джордана ἐπ' [όκο]ῖον, в стк. 11 наше чтение ἐπ' ᾧ δέ σε, в стк. 12–13 δ[ῶ]{ρ}ον Джордана. Его перевод: «Как мы тебя не знаем, так пусть Эвполид и Дионисий, Макарей, Аристократ и Демополид, Комей и Герагор, на какую бы тяжбу они ни приходили. А также Лептин, Эпикрат, Гестией на какую бы они тяжбу ни приходили, на какое бы свидетельство эти вот (люди) уже не задумали (прийти), как мы тебя (не знаем). А если ты для меня наложишь на них заклятие (κατάσχης) и схватишь (κ[ατα]λάβης), за то я тебя почту и тебе преподнесу наилучший дар».

¹²³ Белоусов 2017б; 2020, № 21, лит.; Яйленко 2017, 469, лит. Подлинник пропал, так что мы располагаем лишь прорисью Н.Е. Макаренко и дипломатической копией В.В. Шкорпила, которые прилагаем.

¹²⁴ Яйленко 1998, 122–129; 2017, 469–475.

¹²⁵ Bravo 1987, 189; Dubois 1996, № 109. Отметим отличия их текста от нашего: стк. 9 – νόησαν, 10 – ὧ[σπε]ρ (буквы Ρ ни на прориси, ни в копии нет, так что должно быть ὧ[σπερ]); стк. 11 – κ[ατα]λάβης ἐ<γ>ὼ δέ σε, стк. 11–12 – δ[ῶ](ρ)ον.

¹²⁶ Белоусов 2017а, 48–62; 2020, 114–126.

21

21a

21b

ΑΝΤΑΝΔΡΙΣ
ΔΙΟΝΥΣΟΙ
ΑΜΕΘΗΚΕΝ

23

24

ΓΟΙΜ
ΑΔΜ
ΔΙΤΙΑ
ΤΙΘΕΤΩ

ΑΘΗΝΟΜΑΧΟΣ. ΤΑΡΟΣΜΙΑΝ ΕΘΗΚΕΝ
ΑΦΡΟΔΙΤΗΛΥΡΗ

27

26

1. Ζ ΠΕΡΣΕΗΜΕΙΣΟΥΡΕΙΝΑΣΚΟΜΕ
ΗΟΥΤΩΣΕΥΠΟΙΚΑΙΔΙΟΝΥΣΙΟΣ
ΜΑΚΑΡΕΥΣΑΡΙΣΤΟΚΡΑΤΗΣ
ΚΑΔΗΜΟΠΟΛΙΣΤΑΜΑΙΟΣ
5 ΗΡΑΓΟΡΗΣΕΠΙΣΤΗΝΟΠΡΑΓΜΑΠΑΡΑ
ΓΕΙΝΟΝΤΑΙΚΑΙΛΕΡΤΙΝΑΣ
ΕΠΙΚΡΑΤΗΣΕΣΤΙΑΙΟΣ
ΕΠΟΤΙΠΡΑΓΜΑΡΕΙΝΟΝΤΑΙΕΠΟΤΙ
7 ΜΑΜΑΡΤΥΡΙΝΗΤΟΙΝΑΗΣΑΝ
10 Α ΕΗΜΕΙΣΣΕΒΝΔΕΜΟΙΑΝΤΟΣ
ΚΑΤΑΣΧΗΣΚΑΙΜΑΒΗΣΕΠΩΔΕΣΕ
ΤΕΙΜΗΣΑΚΑΙΕΑΡΙΣΤΟΝΔΑΙΩ
ΘΟΝΠΑΡΑΣΚΕΥΑΣ

28

Рис. 2.
Fig. 2.

Я 20 лет работаю с наговорами и представление уважаемых коллег о надписи как заклятии мне странно, ибо в каком еще наговоре автор обращается к адресату со словами «De même que toi nous ne te connaissons pas», при этом отмечая, что поименованные лица «sont arrivés à un acte terrible», а мы (кто?) «savons l'acte auquel ils en sont arrivés, le témoignage auquel ils ont pensé» (Белоусов: «Как мы тебя не знаем, так пусть Эвполид <и другие – В.Я.>, на какую бы тяжбу они ни приходили. А также Лептин, Эпикрат, Гестией на какую бы они тяжбу ни приходили, на какое бы свидетельство эти вот (люди) уже не задумали (прийти), как мы тебя (не знаем)»)? Это ведь чистой воды эпистолярный жанр! Б. Браво интерпретировал надпись как наговор на основании употребления в магических текстах глагола *κατέχω* (в сей ольвийской надписи *κατάσχης*), когда хотят, чтобы божество или демон сковал прокливаемого человека или часть его тела, или его деятельность; хотя *καταλαμβάνω* (*κ[ατα]λάβης* ольвийской надписи) не замечено в магических текстах, оно употребительно в источниках, когда ведется речь о насильственных действиях. Отсюда Б. Браво понял ольвийскую надпись как наговор и счел, что автор его обращается к погребенному мертвецу, которого просит о содействии в своем деле. В доказательство такой ситуации он привел беотийское заклятие подобного толка, сделав упор на том, что оно, как и ольвийская надпись, начинается словом *ῥσπερ*¹²⁷. Однако там за *ῥσπερ* следует обычный для заклятий текст, на что обратил внимание и Л. Дюбуа, который указал, что контекст ольвийского заклятия иной. Тем не менее это весьма шаткое сближение Б. Браво служит и ему, и А.В. Белоусову краеугольным камнем для безапелляционного суждения об ольвийской надписи как наговоре, хотя доказательная база такого ее понимания, как видно, минимальна. По этой причине не случайны натяжки интерпретации надписи и у моего старинного коллеги и корреспондента Бенедетто Браво, и у А.В. Белоусова. В переводе последнего три фразы, и мне достаточно процитировать их по отдельности, чтобы стала наглядной ущербность синтаксиса внутри каждой из них, также их бессвязность между собой. Первая: «Как мы тебя не знаем, так пусть Эвполид и Дионисий, Макарей, Аристократ и Демополид, Комей и Герагор, на какую бы тяжбу они ни приходили». Тут при подлежащем «мы» есть сказуемое («не знаем»), а при подлежащем с поименованными персонажами (Евполид и прочие) сказуемого нет, оно есть лишь в придаточном предложении («они приходили»); в результате Евполид и прочие повисают у Белоусова в воздухе, ничего не делая. Причина в ошибочном понимании *παράγεινται* в качестве конъюнктива – *παράγεινται* (об этом ниже). Столь же бессвязна и вторая фраза: «А также Лептин, Эпикрат, Гестией на какую бы они тяжбу ни приходили, на какое бы свидетельство эти вот (люди) уже не задумали (прийти), как мы тебя (не знаем)». Тут при поименованных лицах есть глагол («приходили ... задумали»), а придаточное предложение «как мы тебя (не знаем)» бессмысленно ввиду отсутствия хоть какой-то связи с предыдущим. Лишь последняя фраза содержит текст, отчасти подходящий для наговора: «А если ты для меня наложишь на них заклятие и схватишь, за то я тебя почту и тебе преподнесу наилучший дар». Однако она никак не связана своим содержанием с предшествующими действиями группы

¹²⁷ Bravo 1987, 191–202.

лиц – «мы не знаем», «приходили», снова «они приходили», «задумали (прийти)», опять «не знаем».

А.В. Белоусов и сам видит отсутствие смысловой связи между тремя предложениями своего перевода, поэтому сочиняет конструкцию, якобы соединяющую их в одно целое – текст де состоит из двух частей: 1) «магической формулы» в стк. 1–9 и 2) обещания награды адресату в стк. 10–13. Поскольку извлечь из стк. 1–9 хоть какой-нибудь магический смысл невозможно, он апеллирует к «повторению начальной формулы» первой части ὅσπερ ... οὕτως (стк. 1–2) во второй части в виде ὅ[σπερ] ἡμεῖς σε. Так его «магическая формула» первой части на деле оборачивается всего лишь грамматической наречной конструкцией с ὅσπερ¹²⁸. Более того, вину за искусственность своих построений А.В. Белоусов перекладывает на автора надписи: ему де свойственна «очевидно невысокая грамотность». Однако суть проблемы не в грамотности автора (она, кстати сказать, достаточная для сочинения непростого текста), а в насилии коллег над надписью, желающих превратить ее в наговор, хотя против этого свидетельствует одно лишь присутствие в ней глаголов множ. числа – γεινώσκομεν, παραγείνονται, νόησαν, тогда как заклитиям свойственны почти исключительно формы ед. числа: καταδέω, каторύττω, καταγράφω и пр. Частные письма тоже пишутся от одного лица к другому, но в них сообщается о разных делах и событиях, в которых задействованы другие люди, поэтому множественное число глаголов там обычно, достаточно ознакомиться, к примеру, с множеством писем, которые привел в своих жизнеописаниях философ Диоген Лаэртский. То же в письмах-граффити и папирусах. Например, в ольвийском письме Апатурия к Леанакту позднего VI в., в котором говорится о возврате захваченного товара, излагаются и слова захватчиков: [οἱ] γάρ φασιν : ὅ τι σὸν ἔχουσιν, ἀλόδω[σιν] τὸ : συλη[θέν σοι] «ибо они говорят: то, что у них есть твоего, вернут захваченное тебе»¹²⁹. Редко, но есть и письма, обращенные к коллективному адресату, как, например, ольвийское письмо навклерам, где отправитель предупреждает их: [ἐὰν] μὴ ἀλόδωτε [τὰ Μ]ενάνδρου ἔχόμενα «если же не отдадите то, чем владеет Менандр»¹³⁰.

Вся отмеченная бессвязность перевода А.В. Белоусова указывает, что греческий текст понят им неадекватно. Отсюда логично его признание, что это «необычное, не имеющее явных параллелей в Северном Причерноморье судебное заклитие». Уточним: не только в Северном Причерноморье, но и в наговорах других регионов греческого мира (например, привлеченное Браво беотийское заклитие, как сказано, содержит лишь вводное ὅσπερ, а по содержанию вовсе иное – обычное заклитие). Если же не чинить насилия над ольвийской надписью, приписы-

¹²⁸ Специалисты по магии выделяют эту формулу в магических текстах, в т.ч. в наговорах (напр. Blanco Cesteros 2018, 177), но это действительно лишь в случае с бесспорным наговором. Иначе говоря, она не может служить аргументом для атрибуции надписи как заклития, ибо в других текстах это обычная грамматическая конструкция, например, ὅσπερ ... οὕτως того же значения «как ... так» у Ксенофонта (Суг. VII, 5, 75). Поскольку ὅσπερ = ὅς пер, то это развитие самой обычной конструкции ὅς... ὅς, откуда и вариант ὅς ... ὅσπερ (примеры: LSJ, s. vv. ὅσπερ, ὅς). Дополнение Браво в начале стк. 10 ὅ[σπερ] невозможно, ибо, как сказано, Ρ нет на рисунках Макаренко и Шкорпила, так что Браво по факту дополнил после омеги 4 буквы; но в стк. 9 над этой лакуной всего 2 буквы! Далее, в копии Шкорпила после лакуны показано целое Ε, посему переправлять его на Ρ особым оснований нет. Учитывая все эти обстоятельства, мы и дали в начале стк. 10 чтение ὅ[ς δ] ἡμεῖς.

¹²⁹ Яйленко 2017, 233.

¹³⁰ Шебакин 1968, 299.

вая ей магический контекст, то как частное письмо по поводу некоего судебного разбирательства оно вполне гомогенно. Поскольку именно это я показал в своей заметке, А.В. Белоусову необходимо ее развенчать. Цитирую: «все понимание текста основывается у В.П. Яйленко на применении к глаголам (ὑεινώσκομεν и παραὑεινόνται) нечастых словарных значений («признавать вину», «содействовать») и слабо возможных грамматических интерпретаций (ὦ[ς δ]ὲ ἡμεῖς σε «так и мы *поразмыслили* о тебе»), что, конечно, не убеждает ни в надежности восстанавливаемого московским ученым текста ни, соответственно, в основательности всей его интерпретации». Уровень аргументации критика неудовлетворителен, как и логический прием *ipsum pro omni*: посредством 1–2 примеров отрицается все в целом. Для развенчания аргументов критика достаточно обращения к словарям. Он пеняет мне, что для ὑεινώσκομεν и παραὑεινόνται я принял «нечастое словарное значение». Но это верно лишь для ὑεινώσκομεν – «признавать вину», а с παραὑεινόνται картина прямо противоположная. Нормативный словарь LSJ (также И.Х. Дворецкого, А.Д. Вейсмана) дает у παραὑεινόνται значения: «I) to be beside, by or near; come to one's side, stand by, second; II) come to», так что принятое мной «содействовать» (to be beside, second) как раз в первых рядах семантики глагола, принятое же Белоусовым «приходить» – вторичное или третичное, из арьергарда. Что же до ὑεινώσκομεν «признавать вину», то не основные, побочные значения есть в любом тексте. Например, в рассматриваемой ольвийской надписи πρᾶγμα как «судебная тяжба», на чем настаивает А.В. Белоусов вслед за Д. Джорданом (они ломятся в открытую дверь, ибо это значение очевидно при μαρτυρίην стк. 9), находится где-то в конце десятка значений, оно даже прямо не упомянуто в словаре LSJ (тем более вовсе не значится в словаре Дворецкого). Ровно такая ситуация у адептов заклития с глаголом κατέχω, на котором почти единственно и основывается их интерпретация надписи: из трех десятков его значений лишь одно дано в LSJ применительно к наговорам – inhibit «удерживать, препятствовать». Но адепты и его понимают по-разному: «обездвиживать» (paralyses перевода Б. Браво), «удерживать *под землей*» (maintiens sous terre у Л. Дюбуа), «налагать заклитие» (А.В. Белоусов). При столь индивидуальной трактовке смысла κατέχω адептами наговора, в том числе самим Белоусовым, его претензия к моему нечастому словарному значению ὑεινώσκομεν неадекватна. Конечно, исследователь наговоров вправе выявлять те значения лексики, которые он видит и аргументирует, но лишь при бесспорной принадлежности надписи к этому типу документов, когда же за душой одно κατάσχησ οльвийской надписи, упомянутые изыски адептов наговора весьма субъективны. Напротив, при трактовке ее как письма κατέχω и λαμβάνω употреблены в основных значениях «держат, удерживать» и «брать, хватать».

Что до ὦ[ς δ]ὲ ἡμεῖς σε «так и мы *поразмыслили* о тебе», то критик не пояснил, что именно его не устраивает в моем переводе. Если он имел в виду подразумеваемое «*поразмыслили*», то отмечу, что прямо перед этим выражением стоит глагол νόησαν данного значения, относящийся к группе супостатов, но сразу вслед за ним меняется субъект действия – появляется группа сочувствующих адресату, поэтому во фразе ὦ[ς δ]ὲ ἡμεῖς σε, в которой нет глагола и после которой точка, подразумевается тот же глагол νόησαν. Иными словами, противники адресата «*поразмыслили*» о нем (οἱ[ῶ]τοι νόησαν), но и сторонники тоже: ὦ[ς δ]ὲ ἡμεῖς (sc. νόησαν) σε «так и мы *поразмыслили* о тебе». Поскольку все это очевидные вещи на уровне

словаря, то ясно: критик потому выдвинул столь надуманные аргументы против моего понимания надписи как письма, что, по существу, против него сказать ему нечего. Не случайно аналогии своей трактовке надписи как заклания он нашел в русских наговорах, не древнегреческих.

Того же уровня и два других его замечания, разъясним их. В конце стк. 12 и начале стк. 13 Н.Е. Макаренко ничего не разобрал¹³¹, но подкованный в чтении надписей В.В. Шкорпил показал в копии Δ.ΦΒΟΝ (В заляпано), в чем усмотрел δῶρον или скорее δίφρον. Первое невозможно, второе точнее, но явно упущена буква после дельты, потому я дал чтение δ[α]ίφρον, которое единственно соответствует всем показаниям копии Шкорпила¹³². Но это поэтическое прилагательное, и я обосновал его появление в надписи, во-первых, еще одним ее поэтизмом – формой νόησαν без приращения, во-вторых, присутствием поэтизмов в других ольвийских деловых надписях¹³³. Проникновению поэтизма δαίφρον в прозу мог способствовать его большой узус в литературе. А.В. Белоусова не устраивает и то, что этот асс. neutr. δαίφρον я понимаю вместе с соседним ἄριστον в наречном значении – «умело» и «наилучшим образом», ибо «аналогий Яйленко не привел». Отчасти замечание справедливо, поскольку обычно в наречном значении выступает pl. ἄριστα «наилучшим образом, отлично», поэтому даю разъяснение. Во-первых, письма пишутся народным языком, так что можно ожидать в том же значении и sg. ἄριστον, во-вторых, в самом литературном языке смысловая грань вин. падежа между прилагательным и наречием нетвердая. Например, выражение ἄριστον μὲν οὖν ἀλέγεσθαι у Диогена Лаэртского (I. 64), отграниченное в тексте запятыми, означает «лучше ведь отречься», т. е. имеет наречное значение, хотя можно видеть в ἄριστον и «лучшее». Таких примеров можно выудить из текстов с ἄριστον по TLG предостаточно. Взглянем и на все предложение в ольвийской надписи: [ῆ]ν δέ μοι αὐτοὺς κατάσχης καὶ μ[οι] λάβης, ἐπ' ᾧ δέ σε τεμήσω καὶ σο[ι] ἄριστον δ[α]ίφρον παρασκε[υῶ]. Соотнести тут ἄριστον δ[α]ίφρον как прилагательные с асс. местоимения σε невозможно, получится ерунда, и напротив, их наречный смысл вполне укладывается в контекст: «Если же ты мне их придержишь и схватишь, то я за это вознагражу тебя и **умело** устрою **все наилучшим образом**».

И последнее: А.В. Белоусов считает «очень сомнительным» мое утверждение, что «чрезвычайная популярность гомеровских поэм в Ольвии способствовала проникновению поэтизмов в разговорную речь ее жителей». Это очередная промашка критика, ибо я разъяснял, что в самой надписи форма νόησαν без приращения обязана как раз воздействию гомеровского языка – ср. Ilias. VIII. 91: νόησε, X. 501: νοήσατο, у Квинта Смирнского νόησαν (Posthom. I. 785). Омегу вме-

¹³¹ К нему никаких претензий быть не может, ибо по образованию и специальности он рисовальщик да археолог-русист; напротив, одна благодарность за фиксацию утраченного затем памятника.

¹³² Чтобы читать слово δῶρον, приходится игнорировать показанные Шкорпилем буквы |Φ, для чего оснований нет. Посему δ[ῶ]<ρ>ον Браво и Дюбуа, тем более несуразное δ[ῶ]{ρ}ρον Джордана, невозможны.

¹³³ Примеры из ольвийских надписей эллинистического и римского времени (Яйленко 2017, 521, 526, 622): ἐκνοία «необыкновенная» в декрете ИО 34; παραίτιος «сопричастный», ὑπαντίαω «встречать» в декрете ИОСРΕ I² 54 и греческих декретах вообще; Ἄρθος в строительной надписи ИО 75. В нижеследующем оракуле № 49 представлен гомеровский opt. perfecti с -αι- : ἀ(πο)θναίης.

сто омикрона в $\nu\acute{\omicron}\eta\sigma\alpha\nu$ можно бы считать гиперонизмом¹³⁴, но у эпика III в. до н. э. Риана, современника ольвийского отправителя письма, есть форма $\nu\acute{\omicron}\sigma\alpha\iota$, как у Геродота, так что $\nu\acute{\omicron}\eta\sigma\alpha\nu$ ольвиополита вдвойне эпическая форма (сюда следует зачислить также $\gamma\epsilon\iota\nu\acute{\omega}\sigma\kappa\omicron\mu\epsilon\nu$, тоже с омегой вместо омикрона, и $\tau\epsilon\iota\mu\acute{\eta}\sigma\omega$ с η вместо ϵ). Отмечу и не объяснимую иначе, нежели под влиянием гомеровских поэм, склонность ольвийских поэтов к употреблению в застольных надписях гекзаметра, мало свойственного поэзии такого рода¹³⁵. В Ольвии 10 таких застольных надписей (включая гомеровские цитаты, рецитации), и масштаб явления поясняет сравнение с Боспором, где таких только две¹³⁶.

Вывод из рассмотрения возражений А.В. Белоусова против моей интерпретации ольвийской надписи как частного письма прост: если нет серьезных аргументов, надо или согласиться с другим мнением, или промолчать. Чтобы выступать с деловой критикой или с резонными предложениями по интерпретации надписей, надо иметь соответствующие аргументы, с чем у него проблемы. Он видит в $\mu\alpha\rho\alpha\gamma\epsilon\iota\nu\omicron\nu\tau\alpha\iota$ стк. 5 и 8 сослагательное $\mu\alpha\rho\alpha\gamma\epsilon\iota\nu\omicron\nu\tau\alpha\iota$, предлагая усматривать передачу должной омеги через δ . Это весьма маловероятно, ибо в надписи употреблены 7 омег и нет ни одной другой передачи ω через δ , т. е. написание омеги устойчиво. Поэтому тут не сослагательное наклонение, а изъявительное, так что чтение им греческого текста стк. 5 и 8 да перевод «на какую бы тяжбу они ни приходили» ошибочны, в лучшем для него случае маловероятно¹³⁷. Но и это не все: по его словам, «смешение литер омеги и омикрон может указывать на постепенный процесс койнеизации местного диалекта». Однако суть такого явления (написание омикрона вместо омеги) отнюдь не в «смешении литер» – это фонетический процесс утраты долгими гласными долготы с III–II вв. до н. э. И тут А.В. Белоусов не замечает противоречия со своей же датировкой ольвийской надписи второй половиной IV – первой половиной III в. На папирусном письме, а оно самое точное зеркало новаций в языке эллинистической эпохи, написание o на месте ω представлено в III в. лишь единичными примерами и вполне развито во II в.¹³⁸ Таким образом, если А.В. Белоусов думает о «смешении литер», т. е. о графическом явлении (написание графемы δ вместо ω), то это свойство дорических алфавитов и аттического VI–V вв. (в Ольвии оно представлено надписью заезжего Ксанфа последней четверти VI в.¹³⁹). Но поскольку он датировал ольвийский «наговор» второй половиной IV – первой половиной III в., то, во-первых, это не «смешение

¹³⁴ Ср. аористы $\nu\acute{\omicron}\sigma\alpha\iota$, $\epsilon\nu\nu\acute{\omicron}\sigma\alpha\nu\tau\alpha$ у Геродота (I. 85, 86). Гиперонизмов в ольвийской эпиграфике вдоволь, см. ОХБ, 33, 42, 312, 317, 472. Можно читать вместе с Л. Дюбуа $\nu\acute{\omicron}\eta\sigma\alpha\nu$, но и в таком случае это поэтизм.

¹³⁵ Яйленко 2020б, 460–470, 480.

¹³⁶ Яйленко 2020б, 443, 445.

¹³⁷ Подобного рода история и в изданном им заклятии из Никония: при 6 омегах в именах он прочел в нарративной части $\acute{\alpha}\phi\acute{\omicron}\nu[\omicron\nu]\varsigma$ (Белоусов 2017б). На фото слово не видно, на прорисовке он показал его бледно, т. е. плохо видимым, все это вместе ставит под сомнение правомочность вычитывания омикрона. Напротив, если надпись короткая и 2–3 омеги, не больше, можно принять омикрон за δ или o (в зависимости от времени надписи), как в наговоре из ольвийской хоры (Белоусов 2020, № 11): при одной омеге в этой позднеэллинистической надписи (имя $\mu\upsilon\lambda\lambda\acute{\iota}\omicron\nu$) омикрон в глаголе $\mu\alpha\rho\tau\upsilon\rho\epsilon\omicron\sigma\tau\upsilon$ резонно принять за написание вместо $\mu\alpha\rho\tau\upsilon\rho\epsilon\omega\sigma\tau\upsilon$ вследствие шедшего с III–II вв. до н. э. процесса утраты гласными долготы (Яйленко 2021, 299–300).

¹³⁸ Crönert 1903, 19–20; Mayser 1923, 97–99. В надписях Ольвии: Яйленко 2020а, раздел XIV, 3–4.

¹³⁹ Яйленко 2017, 296–298.

литер», а, как сказано, результат фонетического процесса, во-вторых, речи о IV в. быть не может: самое раннее ольвийская надпись может относиться ко второй половине III в., подобно надписи на котиле из Ольвии Ἐλτινὸ καὶ Φαίδων с той же утратой омегой долготы: ω > ο¹⁴⁰.

Еще пара замечаний по тексту «наговора». А.В. Белоусов принял чтение Д. Джордана ἐλ' [όκο]ῖον в стк. 5, но на прориси и в копии после ЕП середины строки показана вертикаль, которая исключает чтение тут омикрона; также оба воспроизведения надписи согласно показывают после ЕП и разуры буквы INON, поэтому чтение Джордана безосновательно. Принял он и несуразное чтение Джордана δ[ῶ]{ρ}ρον в стк. 12–13, о котором уже сказано. Белоусову следовало бы внимательней знакомиться с прорисью и копией надписи. Обычно он проявляет хорошее знание литературы, но тут дал промашку, приписав первенство аттестации надписи как наговора Б. Браво: статья того 1987 г., а еще в 1915 г. таковой определил ее Э. Диль¹⁴¹ (хотя, конечно, справедливо, что обосновал идею Б. Браво).

Итак, рассматриваемая ольвийская надпись – частное письмо с изложением нередких в документах такого типа судебных дел; в Ольвии судебная ситуация представлена уже в древнейшем письме Апатурия Леанакту позднего VI в.: вопрос о спорном имуществе находится в ведении буле (см. выше № 24).

Обратимся теперь к дате письма Анонима. В.В. Шкорпил отнес надпись к I в. до н. э., но аргументы его (употребление лунарной сигмы наряду с четырехчастной, сужение дифтонга ει в ι), как справедливо отметил Б. Браво, некорректны¹⁴². Сам Браво как филолог, сославшись на свою некомпетентность в вопросах палеографии¹⁴³, по наличию двух ионизмов отнес ее к IV в., однако это также некорректно, ибо отдельные черты ионийского языка вполне проявлялись в надписях и III, и II вв. до н. э., а единичные ионизмы фигурируют и в надписях римского времени¹⁴⁴. А.В. Белоусов прошелся по формам букв с малозначащими для даты описаниями вроде «каппа с неравными усиками (нижняя корочка); мю с широко расставленными вертикалями, омикрон меньше остальных литер» и т. д. Описание мю забавно, ибо лишь в стк. 3, 9 у нее левая гаста вертикальная, в остальном они и все прочие мю состоят из наклонных линий. Более точна у него характеристика языка – смешение ионийских форм с эллинистическим койне, в результате упомянутая дата: вторая половина IV – первая половина III в. (в начале его статьи несколько иная дата: конец IV – III в.). Но на деле ни о каком IV в. речи быть не может, ибо это позднеэллинистическое письмо III–I вв., на эту же дату указывает и просопография документа¹⁴⁵. Как мы выяснили¹⁴⁶, в ольвийской лапидарной эпиграфике второй половины III – II вв. до н. э. утверждается курсивный стиль с

¹⁴⁰ Яйленко 2020а, № 9 и рис. 13.

¹⁴¹ Диль 1915, 48, 54.

¹⁴² Bravo 1987, 193.

¹⁴³ Так может писать только большой ученый, каков он и есть.

¹⁴⁴ Thumb, Scherer 1959, 249; Cauer, Schwyzer, 1960, № 738, 743, 796, 810 etc.; 698, 709, 751–9/10, 756g, 767g, 775 etc. В надписях Ольвии: Яйленко 2020а, раздел XIV, 5–6.

¹⁴⁵ Сразу отметим, что палеографическую картину дает только прорись Н.Е. Макаренко, у В.В. Шкорпила дипломатическая копия, призванная прежде всего указывать, какая именно в данном месте буква, и лишь попутно ее примерную форму.

¹⁴⁶ Яйленко 2020а, раздел V.

лунарными формами эпсилона, сигмы, омеги. При этом включающие их памятники сосуществуют с надписями лишь с одной лунарной сигмой, как в нашем письме, которые курсивными не являются. Размашистые и расширенные пропорции букв рассматриваемого послания находят параллели в надписях IOSPE I² 22 b, 76, 180, HO 174–176, которые укладываются во вторую половину III – ранний II в.¹⁴⁷ Весьма показательна для даты сего послания Анонима четырехчастная сигма, у которой стабильно примерно один тип, слегка меняющийся в деталях. Ее характерные черты – отклонение верхней половины вправо, основание горизонтальное и короткое, верхушка всегда задрана кверху, масштаб крупнее, обычно раза в два больше основания. Такая форма встречается в граффити III в.¹⁴⁸, в лапидарной эпиграфике она представлена в IOSPE I² 3 (Тира), 36, которые В.В. Латышев справедливо отнес соответственно к III и II–I вв.¹⁴⁹ Омега послания Анонима мелкая, аккуратная, двух форм: одна обычная, но с приподнятой правой лапкой (в начале стк. 10), а другая характерная – с прямоугольным тельцем, левая лапка выше правой (в стк. 9, 11, 12). Обычная форма идет в лапидарных надписях с последней четверти IV в. – HO 5, а с III в. обе формы могут употребляться вместе в одной надписи: например, в лапидарном вотиве Евника конца III – первой трети II в., в числе ольвийских граффити – в письме Зопириона с Козырки III в.¹⁵⁰ Вторая форма, как мы уже отмечали, встречается уже в граффити V–IV вв.¹⁵¹, но там ей свойственна определенность равновесного положения в строке, в письме Анонима же как бы подвешена к верхней планке строки и качается, а как раз неустойчивость положения в строке – одна из характерных черт позднеэллинистического письма. Обратим внимание и на стк. 1, где в слове $\zeta\epsilon\iota\nu\acute{o}\sigma\kappa\omicron\epsilon\upsilon\nu$ Н.Е. Макаренко показал МА, В.В. Шкорпил НА с косой линией между буквами. Это возможно лишь в том случае, если тут была написана W-образная позднеэллинистическая омега, представленная, например, в ольвийском вотиве музам III–II вв.¹⁵²

Итак, палеографически письмо Анонима датируется III–II вв., что не только находит подтверждение в его просопографии, но и получает уточнение. Из 10 его личных имен, как указал Б. Браво, 9 известны в Ольвии; нам же для датировки важно отметить, что 4 имеют соответствие в Каталоге ольвийских граждан IOSPE I² 201 последней трети или конца III в. (Дионисий, Аристократ, Эпикрат, Гестией)¹⁵³. Это достаточное число для идентификации тех и других, так что по этому просопографическому соответствию надпись датируется тем же временем, что и Каталог – последней третью или концом III в. Полагаем, предпочтительней конец III в., поскольку отмеченное выше написание $\zeta\epsilon\iota\nu\acute{o}\sigma\kappa\omicron\epsilon\upsilon\nu$ с омегой вместо должного омикрона, и $\tau\epsilon\iota\rho\acute{\eta}\sigma\omega$ с η вместо должного ϵ обязано утрате различия долгих и кратких в позднеэллинистическом языке.

Установив дату документа, теперь можем обратиться к любопытному обстоятельству – он найден Б.В. Фармаковским в могиле к северу от Зевсова кургана.

¹⁴⁷ Яйленко 2017, 414, 400, 472, 507, 540.

¹⁴⁸ Яйленко 2020а, рис. 33, 61 (надписи № 28, 40).

¹⁴⁹ На наш взгляд, эта надпись № 36 из собрания Куриса не ольвийская, но аттическая (Яйленко 2017, 636–637).

¹⁵⁰ Яйленко 2020а, № 36, 53, рис. 41, 74.

¹⁵¹ Толстой 1953, № 41, 43, 221, 239.

¹⁵² Яйленко 2020а, № 33, рис. 38.

¹⁵³ О дате: Яйленко 2017, 502–503.

Казалось бы, это важный довод в пользу аттестации его наговором, но археологическая реальность показывает, что это не так. Документ относится к III в. до н. э., а могильник датируется послегетским временем, причем он накрыл жилую территорию города эллинистического времени. Известно, что для совершения заклятия надо зарыть в любую могилу любой кусок свинца, с надписью или без нее. Наиболее забавный пример этого – свинцовые бирки от амфор с вином для Митридата Евпатора и Фарнака, которые найдены в могиле на Митридате на груди костяка¹⁵⁴. Еще пример: на некрополе Пантикапея в каменном склепе найдена свинцовая весовая гирия, переделанная в амулет¹⁵⁵. Целительный заговор на свинчатке (выше, № 376) тоже оказался в конечном счете на ольвийском кладбище¹⁵⁶. Таким образом, житель послегетской Ольвии нашел где-то на городище письмо эллинистической эпохи на свинцовой пластинке и употребил его, как свинчатку, в качестве заклятия, зарыв на кладбище своего времени.

VII. У ИСТОКОВ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ ПАРОДИИ: ПОЭМА «МАРГИТ» И ЕЕ АВТОР

В статье 2019 г. о замечательном пространным ольвийском гимне к Гилее и ее богам мы писали, что Маргит – автор поэмы «Маргит» и, может быть, «Батрахиомахии»¹⁵⁷. По расхожему мнению античности, воспринятому историками греческой литературы, герой поэмы Маргит, давший ей имя, – олицетворение глупца¹⁵⁸. Это прежде всего связано со значением его имени, произведенного от глагола *μαργαίνειν* «неистовствовать, бешено нападать», что, как пояснил Светоний (Hist. Gramm. VII. 32; TLG), «означает то же, что *μωραίνειν*», т. е. «быть глупым»; это же у Гесихия (s. n. *Μαργίτου*) и других авторов. Поэму приписывал Гомеру уже Архилох, этого мнения держались Платон и Аристотель, лишь некий источник Свида делает ее автором Пигрета из Галикарнасса, брата Артемисии¹⁵⁹. От поэмы сохранились лишь несколько фрагментов, но даже они наводят на мысль, что не все было так однозначно. Аристотель в Никомаховой этике (VI. 4. 7) цитирует 2 строки: «Боги не дали ему умения (*σοφόν*) ни землекопа, ни пахаря, ни какого-либо иного». Но ведь это не глупость, а непрактичность! Существенно иное мы узнаем о Маргите у Платона (Alcib. II. 147d): «Маргит знал

¹⁵⁴ Яйленко 2010, 212–213.

¹⁵⁵ Яйленко 2005, 469.

¹⁵⁶ Яйленко 2020в, 32 сл.

¹⁵⁷ Яйленко 2019, 164–165.

¹⁵⁸ К примеру: Christ 1890, 64.

¹⁵⁹ Christ 1890, 65; Соболевский 1946, 181. Раздел «Пародии на героический эпос» в этой «История греческой литературы» (с. 181–182), автором которого во введении указан С.П. Шестаков (с. 8), представляет собой перевод параграфов 44–45 упомянутого труда Вильгельма Христа. Том I академической «Истории греческой литературы» готовился в 1930-х гг., когда отношения между СССР и Германией на политическом уровне колебались, а на экономическом оставались стабильно взаимовыгодными (наши нефть, продовольствие и др. в обмен на немецкие станки, инженерные кадры и пр.), поэтому, вероятно, поначалу мыслилось включение переводных разделов из немецких книг, но в связи с войной указание на них стало невозможным, хотя сами тексты сохранены. В связи со сказанным обращает на себя внимание несуразность введения «От редакции», существо которого уделено вопросам марксистско-ленинского понимания литературного процесса и византийского (!) периода греческой литературы, но не обстоятельствам создания «Истории».

многое (πολλά ἐπίστασθαι), но все понимал плохо (κακῶς πάντα ἤλιστατο)», и тут же Платон уточняет смысл сказанного: «Маргит знал много дел (ἔργα), но знать все это было для него злом (κακόν)». Это уже иной аспект проблемы, причем философский – о соотношении знания и понимания, в целом ума (как у Гераклита: «многознание уму не научает», – fr. 40, пер. В. Нилендера). Как видно, поэма «Маргит» не лишена философской проблематики. Отметим и противоположность показаний Аристотеля и Платона: первый говорит, что у Маргита не было никакого практического умения, второй утверждает, что он «знал много дел». Поскольку это самые ранние упоминания о Маргите, можно заключить, что его оценка была с самого начала субъективной (это общий удел пародий и пародистов). Усвоив «многознание» свойством Маргита, отметим, что в Греции «многознающий» не мог не быть поэтом: например, Аристотель знал почти все и при этом писал стихи¹⁶⁰, таков и Платон. В связи с этим обратим внимание на свидетельство Светония (Hist. Gramm. VII. 32–33; TLG): Μαρῦίτης ... < ὃν ὁ ποιήσας τὸν ἐπιγραφοῦμενον Ὀμήρου Μαρῦίτην κτλ. > «Маргит ... < его тот, кто написал приписываемую Гомеру поэму «Маргит» >». Поскольку это пересказ текста Светония (потому он и заключен в угловые скобки), полагаем возможным допустить излишне вставленным ὃν, что делает Маргита автором соименной поэмы: «Маргит..., написавший приписываемую Гомеру поэму “Маргит”». Это пародия на эпос, составленная гекзаметром, а также пародирующим его ямбом, по существу, это сочинение примерно того же рода, что и самоирония ямбических же стихов Гиппонакта. Например, взрослый Маргит не знает, кто его мать и отец (Schol. ad Aeschinem in Ctes. 160), это явная пародия на троп гомеровских поэм с вопрошанием незнакомца: скажи, какого ты рода, кто твой отец и мать? Итак, пародийный характер поэмы несомненен.

Понятно, что Μαρῦίτης ввиду пейоративного значения («глупец» и пр.) не может быть личным именем автора пародии, это прозвище героя поэмы или ее создателя. Из кратких заметок Гесихия и других поздних авторов создается впечатление, что оно дано герою поэмы, и притом со стороны – читателями и критиками. Но, как мы видели, самые ранние свидетели Платон и Аристотель вели речь о человеке, именуемом Маргит, так что название его поэмы «Маргит» произведено от имени героя или автора. На наш взгляд, найти решение помогает параллель из истории французского рыцарского романа. Он возник в середине XII в., расцвет пришелся на вторую половину века, с 1160-х гг., его самый выдающийся автор – Кретьен де Труа (Chrétien de Troyes, ок. 1130–1191), именем которого литературоведы назвали и саму эпоху расцвета романа – «время Кретьена». Тогда же или в первой половине XIII в. появилась и пародия на рыцарские романы Кретьена де Труа – роман «Мул без узды» (“La mule sanz fraïn”), написанная ближе неизвестным поэтом, который скрылся под псевдонимом Пайен из Мезьера (Paiens de Maisieres). Замечено, что псевдоним построен от противного, как противоположность имени эпонима эпохи¹⁶¹: Chrétien означает «христианин» (из лат. Christianus), Paiens (старофранц. paien, ragien, совр. païen) – «язычник» (из лат. paganus); Кретьен происходит из древнего и многославного города Труа, пародист делает своей родиной глинобитный поселок¹⁶². Такая же ситуация, полагаем, и с

¹⁶⁰ Christ 1890, 400.

¹⁶¹ Михайлов 1976, 49, 51.

¹⁶² Шишмарев 1955, 158: maisiere «глинобитная стена».

Маргитом: это псевдоним автора пародии на эпос, который в противоположность Гомеру как светочу мудрости и поэзии (его эпитеты в древнегреческой литературе ὁ σοφός, ὁ σοφώτατος, ὁ πάντα σοφὸς ποιητής «мудрый», «мудрейший», «совершенно мудрый поэт»¹⁶³) назвал себя «Глупцом» и сделал себя героем своего иронического «эпоса». По замечанию Эдгара По (рассказ «Похищенное письмо»), «от поэта до дурака всего один шаг». Так и с Маргитом: псевдоним некоего поэта-пародиста со временем превратился в устойчивое обозначение глупца. А настоящее имя сего пародиста сокрыло от нас время, как и имена авторов шуточных загадок да речений архаического и классического времени, ставших пословицами¹⁶⁴. Таково и Ὀμηρος – не личное имя Гомер, но прозвище «Слепец»¹⁶⁵; личное его имя, по всей вероятности, Μελησιγενής¹⁶⁶.

ЛИТЕРАТУРА

- Белоусов, А.В. 2017а: К новому изданию ольвийского заклатья IGDOР 109. В сб.: Н.Н. Казанский (ред.), *Индоевропейское языкознание и классическая филология – XXI*. СПб., 48–62.
- Белоусов, А.В. 2017б: Новое греческое заклятие из Никония. *Аристей* 16, 55–64.
- Белоусов, А.В. 2020: *Корпус заклятий Понтийской Ольвии*. М.
- Блаватский, В.Д. 1957: Надпись на обломке фасосской амфоры. В сб.: *Нумизматический сборник* (Труды ГИМ 26). М., 32–33.
- Диль, Э. 1915: Ольвийская чаша с наговором. *ИАК* 58, 40–56.
- Кибальчич, Т.В. 1910: *Южно-русские геммы*. Берлин.
- Михайлов, А.Д. 1976: *Французский рыцарский роман*. М.
- Неверов, О.Я. 1979: Гностические геммы, перстни и амулеты юга СССР. *ВДИ* 1, 95–103.
- Нидерле, Г. 1880: *Синтаксис греческого языка*. М.
- Павличенко, Н.А., Чистов, Д.В. 2020: Килики Пифея и Дейнона из раскопок Березани и их археологический контекст. *МАИАСП* 12, 887–913.
- Полинская, И. 2020: Новое по ономастике Березани по данным граффити из раскопок 2010 года. В кн.: Д.В. Чистов и др. (ред.), *Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. Т. 3: Березанское поселение в исследованиях 2010–2014 годов*. СПб., 198–204.
- Русяева, А.С. 2010: *Граффити Ольвии Понтийской*. Симферополь.
- Снытко, И.А. 2019: Ольвийский полис на рубеже V и IV вв. в контексте проблем социально-демографического и административно-территориального деления. *ХСб* 20, 197–214.
- Соболевский, С.И. (ред.) 1946: *История греческой литературы*. Т. 1. М.
- Солкин, В.В. (ред.) 2005: *Древний Египет. Энциклопедия*. М.
- Соловьев, С.Л. (ред.) 2005: *Борисфен – Березань. Археологическая коллекция Эрмитажа*. Т. 1. СПб.
- Соломоник, Э.И. (ред.) 1978: *Граффити античного Херсонеса*. Киев.
- Толстой, И.И. 1951: Народное произношение в керамической эпиграфике Северного Причерноморья. *Известия Отделения литературы и языка АН СССР* X/4, 374–378.
- Толстой, И.И. 1953: *Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья*. Л.
- Фармаковский, Б.В. 1926: Раскопки в Ольвии в 1925 г. *СГАИМК* 1, 171–192.

¹⁶³ Pape, Benseler 1884, 1058.

¹⁶⁴ Soyter 1961, 34–37.

¹⁶⁵ Chantraine 1974, 797; лит. указания на источники: Pape, Benseler 1884, 1058.

¹⁶⁶ Christ 1890, 27; Соболевский 1946, 74.

- Чистов, Д.В. 2007: Новый комплекс с пожарищем второй половины VI в. до н. э. из раскопок на участке «О» античного поселения на о. Березань. В кн.: А.И. Айбабин (ред.), *Древности Северного Причерноморья в античное время*. Симферополь, 127–151.
- Шебакин, Н.В. 1968: К ольвийским государственным древностям. В кн.: В.Ф. Гайдукевич (ред.), *Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья*. Л., 296–299.
- Шеворошкин, В.В. 1965: *Исследования по дешифровке карийских надписей*. М.
- Шишмарев, В.Ф. 1955 (ред.). *Словарь старофранцузского языка*. М.–Л.
- Шкорпил, В.В. 1908: Три свинцовые пластинки с надписями из Ольвии. *ИАК* 27, 68–74.
- Штерн, Э.Р. 1897: «Graffiti» на античных южно-русских сосудах. *ЗООИД* 20, 163–203.
- Штерн, Э.Р. 1901: Новый эпиграфический материал, найденный на юге России. *ЗООИД* 23, 1–32.
- Яйленко, В.П. 1980а: Граффити Левки, Березани и Ольвии. *ВДИ* 2, 72–99.
- Яйленко, В.П. 1980б: Граффити Левки, Березани и Ольвии. *ВДИ* 3, 75–116.
- Яйленко, В.П. 1982: *Греческая колонизация Средиземноморья VII–III вв. до н. э. по данным эпиграфических источников*. М.
- Яйленко, В.П. 1987: Несколько греческих граффити и «сарматская» надпись с Березани. В кн.: Л.А. Гиндин (ред.), *Античная балканистика*. М., 1987, 147–154.
- Яйленко, В.П. 1998: Человек в античной Ольвии (очерк социальной истории). В кн.: Л.П. Маринович (ред.), *Человек и общество в античном мире*. М., 90–129.
- Яйленко, В.П. 2005: Магические надписи Боспора. *ДБ* 8, 459–508.
- Яйленко, В.П. 2006: Посвятительные граффити Пантикапея и округи. *ДБ* 9, 355–428.
- Яйленко, В.П. 2010: *Тысячелетний Боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н. э. – V в. н. э.* М.
- Яйленко, В.П. 2017: *История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса и Боспора VII в. до н. э. – VII в. н. э.* СПб.
- Яйленко, В.П. 2018: Историография и методика работы с древнегреческими граффити. *МАИАСК* 10, 479–516.
- Яйленко, В.П. 2019: Эпиграфические заметки. I. О публикации надписей Артезиана. II. Текстология и просодика ольвийского гимна VI в. до н. э. к Гилее. III. В защиту вотива IOSPE I² 188 из ОАМ. *БИ* 39, 117–209.
- Яйленко, В.П. 2020а: Датирование, текстология, интерпретация греческих надписей Северного Причерноморья IV–I вв. до н.э., преимущественно наговоров и писем. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.academia.edu/48906817>. Также сайт ЯрГУ: http://elar.uniyar.ac.ru/jspui/bitstream/123456789/3683/1/Yaylenko_Datirovanie.pdf. Также сайт: https://www.koob.ru/yajlenko_v_p/datirovanie_tekstologiya_interpretaciya.
- Яйленко, В.П. 2020б: Стихотворные граффити Боспора, Ольвии, Березани. *ДБ* 25, 441–510.
- Яйленко, В.П. 2020в: Заметки о текстологии и датировании новоизданных наговоров из эллинистической Ольвии. *ПИФК* 4, 24–40.
- Яйленко, В.П. 2021: Новая книга о наговорах Ольвии. *ПИФК* 4, 296–311.
- Яйленко, В.П. 2022а: Ревизия граффити Боспора, Херсонеса, Ольвии, Березани из публикаций Э.Р. Штерна, И.И. Толстого, ГЛБО, ГЛБО, ГОП и др. С. 1–112. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.sgu.ru/sites/default/files/textdocs-files/2022/08/17/yaylenko_2022_reviziya_na_sayt_sgu1.pdf.
- Яйленко, В.П. 2022б: Заметки к сводам ольвийских граффити. В кн.: А.П. Медведев (ред.), *«От Кавказа до Дуная». Северное Причерноморье в античную эпоху. Сборник научных трудов к 70-летию профессора С.Ю. Монахова*. Саратов, 447–495.
- Яйленко, В.П. 2022в: Данные архива Одесского археологического музея о граффити Березани и Ольвии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.sgu.ru/sites/default/files/textdocsfiles/2022/02/15/yaylenko_v.p._2022_arhiv_oam.pdf

- Яйленко, В.П. 2022г: Ревизия изданных граффити Херсонеса. *ХСб* 23, 223–245.
- Яйленко, В.П. 2023: Новые древнегреческие сакральные граффити и дипинти острова Березань. В кн.: Е.С. Данилов (ред.), *Сакральный мир островных сообществ бронзового и железного веков*. Ярославль, 87–113.
- Яйленко, В.П. 2023а: Текстология, палеография, историческая ретроспектива новоизданного позднеэллинистического наговора из Ольвии. *ПИФК* 3, 129–162.
- Audollent, A. 1904: *Defixionum tabellae quotquot innotuerunt*. Paris.
- Blanco Cesteros, M. 2018: El complejo mundo de la retórica mágica: una mirada más allá de la coacción. In: *Cuadernos de Filología Clásica. Estudios griegos e indoeuropeos* 28. Madrid, 171–193.
- Boardman, J. 1968: *Archaic Greek Gems*. Evanston.
- Bravo, B. 1987: Une tablette magique d'Olbia Pontique, les morts, les héros et les demons. In: M. Détienne et al. (éds.), *Poikilia. Études offertes à J. – P. Vernant* (Recherches d'histoire et des sciences sociales, 26). Paris, 185–218.
- Bravo, B. 2021: *Pontica Varia*. Athènes.
- Cauer, P., Schwyzler E. 1960: *Dialectorum Graecarum exempla epigraphica potiora*. Hildesheim.
- Chantraine, P. 1974: *Dictionnaire étymologique de la langue grecque*. T. 3. Paris.
- Chistov, D. 2019: Investigations on Berezan Island in 2014–2018 (Hermitage Museum Archaeological Expedition). *Hyperboreus* 25/1, 97–106.
- Chistov, D., Pavlichenko, N. 2019: Lead Letter from the Excavations of Area 'O-Western' at the Berezan Settlement in 2017. *Hyperboreus* 25/2, 259–277.
- Christ, W. 1890: *Geschichte der griechischen Litteratur*. München.
- Crönert, G. 1903: *Memoria Graeca Herculensis*. Lipsiae.
- Dubois, L. 1996: *Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont*. Genève.
- Dufault, O. 2017: Who Wrote Greek Curse Tablets? *Humanities Commons*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: hcommons.org/deposits.
- Efremow, N., Snytkó, I. 2004: Altgriechische Keramikstempel von den Ausgrabungen in der Wasserscheide Siversov Majak bei Olbia. *Münstersche Beiträge zu antiken Handelsgeschichte* XXIII/2, 1–46.
- Gardthausen, V. 1913: *Griechische Palaeographie*. Bd. 2. Leipzig.
- Guarducci, M. 1975: *Epigrafia greca*. T. 3. Roma.
- Guarducci, M. 1987: *L'epigrafia greca dalle origini al tardo impero*. Roma.
- Hoffmann, O. 1898: *Die Griechischen Dialekte*. Bd. 3. Göttingen.
- Hanter, R. 2006: *Theocritus and the archaeology of Greek poetry*. Cambridge.
- Jeffery, L.H. 1969: *The Local Scripts of Archaic Greece*. Oxford.
- Kretschmer, P. 1894: *Die griechischen Vasenschriften*. Gütersloh.
- Mayser, E. 1923: *Grammatik der griechischen Papyri aus der Ptolemäerzeit*. Berolini, Lipsiae.
- Pape, W., Benseler, G. E. 1884: *Wörterbuch der griechischen Eigennamen*. Braunschweig.
- Polinskaya, I. 2021: Inscribed Ceramic Bowls and Other Curses from Classical and Hellenistic Olbia. In: A. Faraone, I. Polinskaya (eds.), *Curses in Context III: Greek Curse Tablets of the Classical and Hellenistic Periods*. Athens, 135–204.
- Preisigke, F. 1922: *Namenbuch enthaltend alle griechischen, lateinischen ... Menschnennamen*. Heidelberg.
- Soyter, G. 1961: *Griechische Humor von Homers Zeiten bis Heute. Kulturgeschichtlich interessante Texte aus drei Jahrtausenden*. Berlin.
- Thumb, A., Kieckers, E. 1932: *Handbuch der griechischen Dialekte*. Bd. 1. Heidelberg.
- Thumb, A., Scherer, A. 1959: *Handbuch der griechischen Dialekte*. Bd. 2. Heidelberg.
- Wünsch, R. 1897. *Defixionum tabellae in Attica regionem repertae*. Berolini (Corpus inscriptionum Atticarum. Vol. III/3. Appendix).

REFERENCES

- Audollent, A. 1904: *Defixionum tabellae quotquot innotuerunt*. Paris.
- Belousov, A.V. 2017a: To the new edition of the Olbian curse inscription IGDOP 109. In: N.N. Kazanskiy (ed.), *Indoeuropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya-XXI [Indo-European linguistics and classical philology – XXI]*. Sankt Petersburg, 48–62.
- Belousov, A.V. 2017b: Novoe grecheskoe zaklyatie iz Nikonia [A new Greek curse inscription from Nikonion]. *Aristaeas* 16, 55–64.
- Belousov, A.V. 2020: *Korpus zakliatiy pontiyskoy Olvii [Corpus of the curse inscriptions from Olbia Pontica]*. Moscow.
- Blanco Cesteros, M. 2018: El complejo mundo de la retórica mágica: una mirada más allá de la coacción. In: *Cuadernos de Filología Clásica. Estudios griegos e indoeuropeos* 28. Madrid, 171–193.
- Blavatskiy, V.D. 1957: Nadpis' na oblomke fasosskoy amfory [Inscription on the Thasian amphora fragment]. In: *Numizmaticheskiy sbornik [Collected articles in Numismatics]*. Moscow, 32–33.
- Boardman, J. 1968: *Archaic Greek Gems*. Evanston.
- Bravo, B. 1987: Une tablette magique d'Olbia Pontique, les morts, les héros et les démons. In M. Détienne et autres (éds.), *Poikilia. Études offertes à J.-P. Vernant (Recherches d'histoire et des sciences sociales, 26)*. Paris, 185–218.
- Bravo, B. 2021: *Pontica Varia*. Athènes.
- Cauer, P., Schwyzer E. 1960: *Dialectorum Graecarum exempla epigraphica potiora*. Hildesheim.
- Chantraine, P. 1974: *Dictionnaire étymologique de la langue grecque*. T. 3. Paris.
- Chistov, D. V. 2007: Novyy kompleks s pozharischchem vtoroy poloviny VI veka [New complex with fire site of the second half of the 6th century BC]. In: A.I. Aybabin (ed.), *Drevnosti Severnogo Prichernomoriya [Antiquities of the ancient North Pontic region]*. Simferopol, 127–151.
- Chistov, D. 2019: Investigations on Berezan Island in 2014-2018 (Hermitage Museum Archaeological Expedition). *Hyperboreus* 25/1, 97–106.
- Chistov, D., Pavlichenko, N. 2019: Lead Letter from the Excavations of Area 'O-Western' at the Berezan Settlement in 2017. *Hyperboreus* 25/2, 259–277.
- Christ, W. 1890: *Geschichte der griechischen Litteratur*. München.
- Crönert, G. 1903: *Memoria Graeca Herculaneensis*. Lipsiae.
- Diehl, E. 1915: A bowl with the curse inscription from Olbia. In: *Izvestiya Imperatorskoy Arkheologicheskoy Komissii [Proceedings of the Imperial Archaeological Commission]* 58, 40–56.
- Dubois, L. 1996: *Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont*. Genève.
- Dufault, O. 2017: Who Wrote Greek Curse Tablets? *Humanities Commons*: hcommons.org/deposits.
- Efremow, N., Snytkó, I. 2004: Altgriechische Keramikstempel von den Ausgrabungen in der Wasserscheide Siversov Majak bei Olbia. *Münstersche Beiträge zu antiken Handelsgeschichte* XXIII/2, 1–46.
- Farmakovskiy, B.V. 1926: Raskopki v Olvii v 1925 godu [Excavations at Olbia in 1925]. *Soobshcheniya gosudarstvennoy Akademii istorii materialnoy kultury [Communications of the State Academy of Material Culture History]* 1, 171–192.
- Gardthausen, V. 1913: *Griechische Palaeographie*. Leipzig. Bd. 2.
- Guarducci, M. 1975: *Epigrafia greca*. T. 3. Roma.
- Guarducci, M. 1987: *L'epigrafia greca dalle origini al tardo impero*. Roma.
- Hoffmann, O. 1898: *Die Griechischen Dialekte*. Bd. 3. Göttingen.
- Hanter, R. 2006: *Theocritus and the Archaeology of Greek Poetry*. Cambridge.

- Jeffery, L. H. 1969: *The local scripts of archaic Greece*. Oxford.
- Kibalchich, T.V. 1910: *Yuzhnorusskie gemmy* [*Gems from the South Russia*]. Berlin.
- Kretschmer, P. 1894: *Die griechischen Vaseninschriften*. Gütersloh.
- Mayser, E. 1923: *Grammatik der griechischen Papyri aus der Ptolemäerzeit*. Berolini, Lipsiae.
- Mikhaylov, A.D. 1976: *Franzuzskiy rytsarskiy roman* [*A French tale of chivalry*]. Moscow.
- Neverov, O. Ya. 1979: Gnosticheskie gemmy, perstni i amulet yuga SSSR [The Gnostic gems, rings and amulets from the South regions of the USSR]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 95–103.
- Niederle, G. 1880: *Sintaxis grecheskogo yazyka* [*A Syntax of Greek language*]. Pt. 2. Moscow.
- Pape, W., Benseler, G. E. 1884: *Wörterbuch der griechischen Eigennamen*. Braunschweig.
- Pavlichenko, N.A., Chistov, D.V. 2020: Kiliki Pifeya i Deynona iz raskopok Beresani i ikh archeologicheskiiy context [The Pytheas' and Deinon's culices from the excavations at Beresan Island and their archeological context]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Severnogo Prichernomoriya* [*Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region*] 12, 887–913.
- Polinskaya, I. 2020: Novoe po onomastike Berezani po dannym graffiti iz raskopok 2010 goda [New data on Berezanian onomastics according graffiti from the 2010 excavations]. In D.V. Chistov et al. (eds.). *Materialy Berezanskoy (Nizhnebugskoy) antichnoy arkheologicheskoy ekspeditsii*. [*Materials of the Berezanian (Low Bug-river) archaeological expedition*]. Vol. 3. Sankt Petersburg, 198–204.
- Polinskaya, I. 2021: Inscribed ceramic bowls and other curses from classical and Hellenistic Olbia. In: A. Faraone, I. Polinskaya (eds.), *Curses in Context III: Greek Curse Tablets of the Classical and Hellenistic Periods*. Athens, 135–204.
- Preisigke, F. 1922: *Namenbuch enthaltend alle griechischen, lateinischen ... Menschnennamen*. Heidelberg.
- Rusyaeva, A.S. 2010: *Graffiti Ol'vii Pontiiskoy* [*The Graffiti of Olbia Pontica*]. Simferopol.
- Shebalin, N.V. 1968: K ol'viyskim gosudarstvennym drevnostyam [To the Olbian state antiquities]. In: V.F. Gaydukevich (ed.), *Antichnaya istoriya i kultura Sredizemnomorya i Prichernomorya* [*An ancient history and culture of the Mediterranean and Pontic areas*]. Leningrad, 296–299.
- Shevoroshkin, V.V. 1965: *Issledovaniya po deshifrovke kariyskikh nadpisey* [*Studies in decipherment of the Carian inscriptions*]. Moscow.
- Shkorpil, V.V. 1908: Tri svinzovye plastinki s nadpisyami iz Olvii [Three inscribed lead plaques from Olbia]. In: *Izvestiya Arkheologicheskoy Komissii* [*Proceedings of Archaeological Commission*]. Sankt Petersburg 27, 68–74.
- Slovar starofrantsuzskogo yazyka 1955 – V.F. Shishmarev (ed.). *Slovar starofrantsuzskogo yazyka* [*A lexicon of the Old French language*]. Moscow–Leningrad.
- Snytko, I.A. 2019: Olviyskiy polis na rubezhe V i IV vekov v kontexte problem sotsialno-demograficheskogo i administrativno-territorialnogo deleniya [Olbian polis near end of the 5th and beginning of the 4th century in context of the problems of social-demographic and administrative-territorial arrangement]. *Chersonesskiy sbornik* [*Chersonesus Collection*] 20, 197–214.
- Sobolevskiy, S.I. (eds.) 1946: *Istoria grecheskoy literatury* [*A History of Greek Literature*]. Vol. 1. Moscow–Leningrad.
- Solkin, V.V. 2005: *Drevniy Egipet* [*Ancient Egypt*]. Moscow.
- Solovyev, S.L. (ed.) 2005: *Borisfen – Berezan'*. *Arkheologicheskaya kolleksiya Ermitazha* [*Borysthenes – Berezan Island. Archaeological Collection in the Hermitage*]. Vol. 1. Saint Petersburg.
- Solomonik, E.I. (ed.). 1978: *Graffiti antichnogo Chersonesa* [*The graffiti of Ancient Chersonesus*]. Kiev.

- Soyter, G. 1961: *Griechische Humor von Homers Zeiten bis Heute. Kulturgeschichtlich interessante Texte aus drei Jahrtausenden*. Berlin.
- Stern, E. R. 1897: «Graffiti» na antichnykh yuzhno-russkikh sosudakh [«Graffiti» on ancient South-Russian vessels. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey* [Notes of the Odessa Society for History and Antiquities] 20, 163–203.
- Stern, E. R. 1901: Novyi epigraficheskiy material, naydennyi na yuge Rossii [New epigraphical material from the South Russia]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey* [Notes of the Odessa Society for History and Antiquities] 23, 1–32.
- Thumb, A., Kieckers, E. 1932: *Handbuch der griechischen Dialekte*. Bd. 1. Heidelberg.
- Thumb, A., Scherer, A. 1959: *Handbuch der griechischen Dialekte*. Bd. 2. Heidelberg.
- Tolstoy, I.I. 1951: Narodnoe proiznoshenie v keramicheskoy epigrafike Severnogo Prichernomoriya [Popular pronunciation according to data of ceramic epigraphy]. *Proceedings of the Literature and Linguistics Department of the Academy of Sciences of USSR X/4*, 374–378.
- Tolstoy, I.I. 1953: *Grecheskie graffiti drevnikh gorodov Severnogo Prichernomoriya* [Greek graffiti of the ancient cities of the North Black Sea Region]. Leningrad.
- Wünsch, R. 1897. *Defixionum tabellae in Attica regionem repertae*. Berolini (*Corpus inscriptionum Atticarum*. Vol. III, 3. Appendix).
- Yaylenko, V.P. 1980a: Graffiti Levki, Berezani i Ol’vii [Graffiti of Leucos, Olbia and Berezan]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 72–99.
- Yaylenko, V.P. 1980b: Graffiti Levki, Berezani i Ol’vii [Graffiti of Leucos, Olbia and Berezan]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 75–116.
- Yaylenko, V.P. 1982: *Grecheskaya kolonizatsiya VII–III vekov do nashey ery v epigraficheskikh istochnikakh* [A Greek colonization of the 7th–3rd centuries BC according to the epigraphical sources]. Moscow.
- Yaylenko, V.P. 1987: Neskolkо grecheskikh graffiti i “sarmatskaya” nadpis s Berezani [Some Greek graffiti and “Sarmatian” inscription from Berezan island]. In: L.A. Gindin (ed.), *Antichnaya balkanistika* [Ancient Balcanistics]. Moscow, 147–154.
- Yaylenko, V.P. 1998: Chelovek v antichnoy Olvii (ocherk sozialnoy istorii) [A man in ancient Olbia (essay in social history)]. In: L.P. Marinovich (ed.), *Chelovek i obshchestvo v antichnom mire* [A man and society in the Classical World]. Moscow, 91–130.
- Yaylenko, V.P. 2005: Magicheskie nadpisi Bospora [The magical inscriptions of the Bosporus]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 8, 459–508.
- Yaylenko, V.P. 2006: Posvyatitelnye graffiti Pantikapeya i okrugy [The dedicatory graffiti from Pantikapaion and its suburbs]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 9, 355–428.
- Yaylenko, V.P. 2010: *Tysyacheletniy Bosporskiy reikh. Istoriya i epigrafika Bospora VI veka do nashey ery – V veka nashey ery* [A Thousand-year Bosporan Reich. A History and Epigraphy of the Bosporus in the 6th c. BC – 5th c. AD]. Moscow.
- Yaylenko, V.P. 2017: *Istoriya i epigrafika Ol’vii, Chersonesa i Bospora VII veka do nashey ery – VI veka nashey ery* [A history and epigraphy of Olbia, Chersonesus and the Bosporus of the 7th c. BC – 6th c. AD]. Sankt Petersburg.
- Yaylenko, V.P. 2018: Istorioografiya i metodika raboty s drevnegrecheskimi graffiti [A historiography and methods of ancient Greek graffiti study]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma* [Proceedings in Archaeology and History of the Ancient and Medieval Crimea] 10, 479–516 (electronic resource).
- Yaylenko, V.P. 2019: Epigraficheskie zametki [The epigraphical notes]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporos studies] 39, 117–209.
- Yaylenko, V.P. 2020a: Datirovanie i interpretatsia nadpisei Severnogo Prichernomoria IV–I vekov do n.e. , preimuschestvenno nagovorov i pisem [Dating and interpretation of inscriptions from the North Pontic Region, mainly the curse tablets and private letters]: <https://www.academia.edu/48906817>. Also see the web-site of Yaroslavl State University: <http://elar.academia.edu/48906817>.

- uniyar.ac.ru/jspui/bitstream/123456789/3683/1/Yaylenko_Datirovanie.pdf. Also the web-site: https://www.koob.ru/yajlenko_v_p/datirovanie_tekstologiya_interpretaciya.
- Yaylenko, V.P. 2020b: Stikhotvornye graffiti Bospora, Olvii, Berezani [The versed graffiti from Bosporus, Olbia, Berezan]. *Drevnosti Bospora* [*Antiquities of the Bosporus*] 25, 441–510.
- Yaylenko, V.P. 2020c: Zametki o tekstologii i datirovanii novoizdannykh nagovorov iz ellinisticheskoy Ol’vii [The notes on text criticism and dating of the newly published curse inscriptions from Olbia]. *Problemy istorii, filologii, kul’tury* [*Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*] 4, 24–40.
- Yaylenko, V.P. 2021: Novaya kniga o nagovorakh Olvii [A new book on the curse inscriptions from Olbia Pontica]. *Problemy istorii, filologii, kul’tury* [*Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*] 4, 296–311.
- Yaylenko, V.P. 2022a: Reviziya graffiti Bospora, Chersonesa, Olvii, Berezani iz publikatsiy E.R. Shterna, I.I. Tolstogo, GLBO, svodov GAKh, GOP i dr. [Revision of the graffiti publications by E.R. Stern, I.I. Tolstoy, GLBO, corpuses GAKh, GOP etc. P. 1–112. Also see the web-site of Saratov State University: https://www.sgu.ru/sites/default/files/textdocsfiles/2022/08/17/yaylenko_2022_reviziya_na_sayt_sgu1.pdf.
- Yaylenko, V.P. 2022b: Zametki k svodam olviyskikh graffiti [Notes to the publications of the Olbian graffiti]. In: A.P. Medvedev (ed.), «*Ot Kavkaza do Dunaya*». *Severnoe Prichernomor’e v antichnuyu epokhu. Sbornik nauchnykh trudov k 70-letiyu professora S.Yu. Monakhova* [“From the Caucasus to the Danube”. Northern Black Sea region in Antiquity. Collection of papers for the 70th anniversary of Professor S.Yu. Monakhov]. Saratov, 447–495.
- Yaylenko, V.P. 2022c: Dannye arkhiva Odesskogo arkhologicheskogo muzeya o graffiti Berezani i Olvii [The data of archive of Odessa archeological museum on the graffiti from Berezan island and Olbia]. Web-site of Saratov State University: https://www.sgu.ru/sites/default/files/textdocsfiles/2022/02/15/yaylenko_v.p._2022_arhiv_oam.pdf
- Yaylenko, V.P. 2022d: Reviziya izdannykh graffiti Chersonesa [Revision of the published graffiti from Chersonesos]. *Chersonesskiy sbornik* [*Chersonesus Collection*] 23, 223–245.
- Yaylenko, V.P. 2023: Novye drevnegrecheskie sakralnye graffiti i dipinti ostrova Berezan [New ancient Greek sacral graffiti from Berezan island]. In: E.S. Danilov (ed.), *Sakralnyy mir ostrovnykh soobshchestv bronzovogo i zheleznogo vekov* [*The sacral world of the insular societies of the Bronze and Iron Ages*]. Yaroslavl, 87–113.
- Yaylenko, V.P. 2023a: Tekstologiya, paleografiya, istoricheskaya perspektiva novoizdannogo pozdneellinisticheskogo nagovora iz Olvii [Text criticism, paleography, historical perspective of the newly published late Hellenistic curse inscription from Olbia Pontica]. *Problemy istorii, filologii, kul’tury* [*Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*] 3, 129–162.

EPIGRAPHICAL NOTES. IV. SOME NEW GRAFFITI FROM BEREZAN ISLAND, OLBIA PONTICA AND ITS CHORA. V. REVISION OF SOME PUBLICATIONS OF GRAFFITI FROM BEREZAN ISLAND, OLBIA PONTICA AND ITS CHORA. VI. A DISRUPTIVE CRITICISM OF OLBIAN EPISTOLOGRAPHY. VII. MARGITES AND HIS POEM

Valeriy P. Yaylenko

Independent researcher, Moscow, Russia

E-mail: valeryjailenko@gmail.com

Note IV publishes several new graffiti of Berezan, Olbia and its chora, especially homemade amulets. Note V provides an overview of some publications on graffiti from the same centers, including recent articles by the author. Note VI is dedicated to a long-known inscription from the 3rd century BC on a lead plate, which some scholars considered slander, others, including the author, considered a private letter. Recently A.V. Belousov actively developed the first point of view. The author of these notes refutes Belousov's arguments in detail and provides evidence that this letter is connected with the vicissitudes of a certain process. Philological note VII is dedicated to the mysterious poet of the archaic era Margites and his poem of the same name, which parodies the Homeric epic. Based on the evidence of Plato, the author rejects what has been common since the 4th century BC until Late Antiquity, the opinion about the fool Margites comes to the conclusion that Margites "the fool" is a pseudonym that parodies the common epithets of Homer "wise", "wise poet".

Keywords: Berezan island, Olvia Pontica and its chora, graffiti, revision, private letter, Margites

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ ВОСТОКА

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2024), 198–218
© The Author(s) 2024

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2024), 198–218
© Автор(ы) 2024

DOI: 10.18503/1992-0431-2024-2-84-198–218

SUBSTITUTION RITES AND SCAPEGOAT RITES IN HITTITE-LUWIAN RITUALS

Valeriy A. Ivanov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

E-mail: v.v.a.ivanoff@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3164-1540

The Hittite-Luwian rituals of the Puriyanni and Kuwattalla traditions (CTH 758–763) contain substitution and scapegoat rites among the rich set of their ritual practices. The substitution rites represent a subset of purification rites and may involve animals or inanimate substitutes. Their terminology displays parallels with that of the substitution rites embedded in Hittite compositions, such as royal substitution rituals (CTH 419–421) or Prayer for Princess Gaššuliyawiya (CTH 380), but there are also important differences. While the scapegoat rites show affinities with the substitution rites, these two categories can be defined separately. The systematic research into both groups of rites was conducive to arriving at several new textual interpretations of Hittite-Luwian rituals. Thus, the damaged passage from the Kuwattalla tradition mentioning “the supreme substitutes” finds a parallel in the texts of the Hittite royal substitution ritual (CTH 421), where different kinds of substitutes are sent to the gods of the Netherworld and to the gods living in the skies respectively. Feeding the *nakkiu*-spirits during the ritual echoes the passage from the Luwian conjuration belonging to the Tauriša tradition. The interpretation of the adjective *šaknuwant(i)-*, describing the sacrificial animal presented to the Storm-God, should have a positive connotation, according to its parallels with the description of the substitution ritual in the Prayer for Princess Gaššuliyawiya.

Keywords: Anatolian religion, Hittite-Luwian rituals, Puriyanni tradition, Kuwattalla tradition, substitution rites, substitute, scapegoat

Данные об авторе. Валерий Алексеевич Иванов – аспирант кафедры истории Древнего мира исторического факультета МГУ.

 INTRODUCTION. HITTITE-LUWIAN RITUALS AMONG THE RELIGIOUS BELIEFS OF ANCIENT ANATOLIA¹

In the 2nd millennium BCE Luwians were one of the peoples who inhabited the territory of the Hittite Kingdom (Ḫatti). The traces of Luwian presence in Anatolia of the 2nd millennium BCE are Anatolian hieroglyphic texts and some passages in cuneiform tablets from the archives of Ḫattuša.

Multilingualism was a common feature of the Hittite kingdom. For example, archives of the Hittite capital contain texts in the Hittite, Akkadian, Sumerian, Hurrian, Palaic and Hattic languages.² The largest part of these texts focuses on religion.

Although the earliest cuneiform texts containing Luwian insertions are written in the Old Script³, the oldest Luwian ritual texts are preserved on Middle Script tablets. These ritual traditions were expanded and developed till the end of the 13th century BCE. In the Hittite-Luwian rituals the actions of participants were normally described on the Hittite language, but most of the incantations were recorded in Luwian.

Within the corpus of Hittite-Luwian texts the substitution rites are concentrated in the rituals booked in the catalog of Hittite texts (CTH) under numbers 758–763. They belong to Puriyanni and Kuwattalla traditions (CTH 758, CTH 759–762 respectively).⁴ Texts booked under CTH 763 contain rituals that can be related to either the Puriyanni or Kuwattalla tradition, although the majority of them probably belong to the latter.

All of these rituals have purification as their main purpose. The principal aim of the Kuwattalla tradition rituals is purifying the patient. In the texts of Puriyanni tradition it is a house that is to be purified, although some of its incantations still apply to the purification of a patient.

The rituals of the Kuwattalla tradition were performed by a practitioner carrying the title of the female attendant (^{MUNUS}SUḪUR.LÁ). In the course of the ritual, she utters incantations and prayers to the gods. Furthermore, she performs ritual actions such as preparation of offerings and utensils, making libations and destroying symbols of evil. The author of the original version of this ritual was a maid at the court of the king Arnuwanda I and his wife Ašmunikkal in the early 14th century BCE.⁵ Moreover, some colophons of these Hittite-Luwian rituals mention the Old Woman Šilalluḫi as well.⁶ Kuwattalla probably came to Ḫattuša from the Lower Land populated with the Luwians, while texts mentioning Šilalluḫi show Hurrian influence and that is why Šilalluḫi probably came from the land of Kizzuwatna, which was partially populated with the Hurrians.⁷ Kuwattalla's ritual was copied and adapted by the scribes of Ḫattuša over subsequent Hittite history and in the later phases of the development of

¹ I am thankful to Ilya Yakubovich (Marburg) who made available to me the edition of Hittite-Luwian rituals ahead of its official publication [Yakubovich, Mouton 2023a; 2023b], to my supervisor Boris Alexandrov (Moscow) for his helpful comments and to Gary Beckman (Michigan) for his kindly help with the stylistic features of the article. In any event, all the mistakes that are made in this article are mine.

² van den Hout 2020, 8; Yakubovich 2022, 3–43.

³ Melchert 2003, 212.

⁴ Since classification of texts in the online version of CTH is subject to change, this article usually references the texts through their autographic publications (e.g. KUB/KBo numbers).

⁵ Güterbock 1983, 159.

⁶ Starke 1985, 73–78.

⁷ Yakubovich, Mouton 2023b, 285–288.

this tradition the rites of Šilalluḫi were incorporated into it. The corpus of all these texts is called the Kuwattalla tradition.

Not so much is known about the practitioner of the Puriyanni tradition. All manuscripts contain a male determinative before the name of Puriyanni,⁸ while his status and occupation remain unknown.

In both traditions the “lord of the ritual” plays an important role. It is he who has to be purified from various kinds of impurities. Sometimes he also pronounces incantations and performs ritual actions.

As was mentioned above, Kuwattalla and Puriyanni traditions contain substitution rites. An aim of such a rite was replacing the patient with a less important item or creature for the patient not to be afflicted by the anger of gods or remaining free of impurity. Substitution rites also appear in other Anatolian texts of the 2nd millennium BCE, for example, in the Hittite rituals of royal substitution (CTH 419–421), prayer for Princess Gaššuliyawiya (CTH 380), ritual for Muršili’s aphasia (CTH 486), ritual of Puliša against a plague in the army (CTH 407), or ritual for the Great King Tutḫaliya (CTH 448). Although these compositions were written in Hittite, they contain traces of Luwian influence.⁹ Moreover, the rituals that developed under the impact of the Luwian milieu, for example, those of the Maštigga tradition (CTH 404, see section 5) include substitution rites as well. Similar practices could be found in texts from the land of Arzawa, which was inhabited by Luwic population groups. The above examples suggest a degree of correlation between Luwian elements and substitute rites in Hittite ritual texts.

This research will focus on the internal analysis of the substitution rites of the Kuwattalla and Puriyanni traditions. The following characteristics of the substitution rites will be described: the interpretation of the rites, their terminology, the fate and functions of the substitutes and the sequences of the rites. The scapegoat rites will be reviewed as well. Their terminology and ritual mechanisms will be described, as well as their differences from the substitution rites. In the course of this analysis some parallels and contrasts with the other ritual texts containing substitution and scapegoat rites will be discussed.

SUBSTITUTION RITE AS A RITUAL MECHANISM

It is important to give an exact definition of the substitution rite. For example, Kümmel supposed that if the misery of the patient is transferred upon the human, animal or object in the context of a substitution ritual, they are called substitutes.¹⁰ Gurney developed this theory and distinguished two kinds of rites: the first one with a ritual carrier and the second one with a substitute.¹¹ The main function of the ritual carrier is transferring the miasma that afflicts the patient. However, in the substitution rite the substitute is initially identified with the patient and only then bears both the miasma and the anger

⁸ KUB 7.14 i obv. 1, VSNF 12.50 iv 9'; KBo 29.1 iv 3'; KUB 35.57 i 1. Puriyanni appears once with the female determinative in a catalog entry KBo 31.6 iii 17'–18', but this is probably a secondary aberration.

⁹ For example, the term for a substitute that is used in the prayer for Princess Gaššuliyawiya (CTH 380) has both Hittite and Luwian forms (see below).

¹⁰ Kümmel 1967, 2.

¹¹ Gurney 1977, 52.

of gods on behalf of the patient. In many other Hittitological works the ritual carrier of the first type is called a scapegoat. Haas described substitution rituals as a mechanism of purification and stressed that the identification of the substitute with the ritual patron can have various forms.¹²

In the Hittite-Luwian traditions, substitution and scapegoat rites are included in the ritual structures as one of the numerous means of the patient's purification. All ritual actions that are used for cleansing the ritual patron are called "purification rites" in this paper. Thus, the substitution and scapegoat rites play an important but not exclusive role in the Hittite-Luwian rituals.

The substitution rite includes three steps, which I shall call sub-rites. First of all, the substitute must be verbally introduced as such, or its similarities with the ritual patron must be expressed through appropriate gestures.¹³ In the present paper this is called the sub-rite of establishing equivalence. It is the main component of the substitution rites in the rituals under discussion. The second step of a substitution rite is the transfer of impurity from the patient to his/her substitute. In this context, it does not matter whether a substitute is a living being, its replica or an inanimate item conventionally related to living beings.¹⁴ The third step is a disposal of the substitute, which can be destroyed or removed to distant places.

The first step of the substitution rites is always absent in the scapegoat rites. The scapegoat is not an equivalent of the patient, and strictly speaking does not even require the presence of a patient, since the scapegoat rite can be performed for the whole country, as is for example the case in the ritual of Uḫḫamuwa of Arzawa against plague (CTH 410)¹⁵ or more famously in the Hebrew Bible (Lev. 16:7–10). The transfer of impurity obviously constitutes a shared feature of the substitution and scapegoat rites. As for the disposal of a scapegoat, the use of this very term implies its expulsion as opposed to destruction.¹⁶

The substitution and scapegoat rites belong to the broad category of contagious rites. Frazer supposed that sympathetic magic rites could be divided into two kinds: homeopathic and contagious.¹⁷ Homeopathic magic works through the principle of imitation. Thus, the destruction of a clay figurine imitating an enemy soldier before the battle in hope that the real enemy would be damaged as a result is an example of homeopathic magic. Contagious magic works through the principle of contact. The

¹² Haas 1994, 895–896.

¹³ Haas 1994, 895–896; Goedegebuure 2002, 70–72.

¹⁴ An example of an inanimate substitute is a pot functioning as a substitute for the head.

¹⁵ In the course of this ritual the ram is introduced as a ritual carrier, which is used in the case of an epidemic, which affected the whole country (see HT 1 obv. ii 17–33). For the nuances of this ritual practice, combining the functions of a sacrifice and releasing a scapegoat, see Иванов 2023a, 252–253.

¹⁶ Cf. Gurney 1977, 52: "The function of the [scapegoat] is to be 'let go'; that of the [substitute] is to be offered in place of the patient to the numen who is thought to be attacking him. But the distinction between the two conceptions sometimes becomes blurred". A partially overlapping case are those substitution rites where the substitute is expelled and not destroyed at the end of the ritual. Usually these are the rites involving human substitutes. Based on such examples, Soysal (Soysal 2004, 103–104, n. 10, 11) noted that scapegoat rites and substitution rites contain intersections in Hittite texts, despite the near-complementary distribution between their terminologies. In contrast, in my definition of the substitution and scapegoat rites I strictly separate these two categories, focusing on the rite of establishing the equivalence. It is also easier for me to do it since the rites involving human substitutes do not occur in the Hittite-Luwian rituals.

¹⁷ Frazer 1925, 11–17.

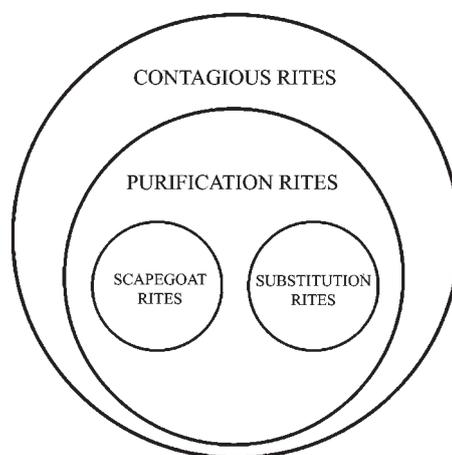

Fig. 1. Contagious rites, purification rites, substitution rites and scapegoat rites.

relationship between the items that were once tied in some way continues even after their contact has ended. For example, a contagious rite can be based on the idea that having someone's hair or fingernails gives control over this person to a ritual practitioner.¹⁸ Frazer also thought that both principles can frequently be combined in specific rites. The sub-rites of *comparing* the patient with his substitute and the *transfer* of the patient's impurity help to define the substitution rites as a special case of contagious magic.¹⁹

This application of contagious magic includes substitution and scapegoat rites but extends further, also including, for example, the purification rite involving the *taluppilump* and other rites of the same type (see Section 5); as well as the rites, which involved the magically attacking people through the subjects that somehow connected with them, for example their footprints.²⁰ While such rites normally imply contact between the patient and the purifying substance, which is subsequently destroyed, as long as the purification agent is not explicitly compared with the patient, it does not function as his substitute. Furthermore, the rites that involve establishing equivalence but do not target the ritual patron must likewise be excluded from the list of the substitution rites.²¹ The

¹⁸ Frazer's (Frazer 1925, 12) classification of rites underwent further developments in the later Hittitological literature. For example, Haas (Haas 1994, 878–879) follows a similar dichotomy in the classification of Hittite magic rituals, but adds the principle of antipathy to Frazer's principle of sympathy. The principle of sympathy implies the connection of objects on the ground of their likeness (e.g., a snake and a tie), while the principle of antipathy connects the opposite objects (e.g., a fertile seed and barren salt). One of the manifestations of sympathy is contiguity, which implies the connection between the adjacent objects, or the whole and its part (e.g., parts of a house and all the household, a house and its master, a human and his body parts). Torri (Torri 2003, 5) observes that Frazer's classification was not full, but it remains a base for all the terminology in the further study of comparative religion. She proposed another systematization (Torri 2003, 17) based on the hypothesis that analogical magic functions in the incantations through the principles of metaphor or metonymy.

¹⁹ Gurney 1977, 48, with reference to scapegoat rites. Bottéro 1992, 142.

²⁰ Frazer 1925, 44.

²¹ For example, the equivalence between a clay figurine and an enemy soldier, which was mentioned above, is not a part of a substitution rite.

hierarchical relationships between different rites addressed in this section are reflected in the figure below.

One of the most important attributes of the purification rites is a ritual carrier. In the cultures of the Ancient Near East, there was a widespread idea that impurity can never be destroyed inside the patient.²² This is why it was considered necessary to separate impurity from him or her, and only then it could be removed or destroyed. A ritual carrier is such an item or living being that takes the patient's impurities upon itself. Upon doing this, the ritual carrier becomes contaminated, so it must be destroyed together with the impurities or sent to a remote and uninhabited place.

The term ritual carrier is used as a hypernym for a substitute, which should be destroyed at the end of the rite, and a scapegoat, which should be expelled to a distant place.²³ Many objects could be turned into a ritual carrier. An animal ritual carrier could be used as a scapegoat, and in such a case it should carry impurity far away from the patient, or as a sacrificial animal, which should lead to its destruction. Moreover, a ritual carrier could be introduced like an alternative to the patient, which would make it a substitute, or it could be used for purifying larger entities like house or country.

Table 1.

Characteristic features of substitutes and scapegoats

Type of carrier	Focus on the patient	Equivalence with the patient	Animate	Human	Destruction	Expulsion
Scapegoat (<i>nakkušši</i>) in the Puriyanni tradition	-	-	+	-	-	+
Substitute (<i>tarpašša</i>) in the Puriyanni tradition	+	+	-	-	?	?
Scapegoat (<i>nakkušši</i>) in the Kuwattalla tradition	+	-	+	-	-	+
Substitute (<i>tarpašša</i>) in the Kuwattalla tradition	+	+	+ / -	-	+	-
Substitute (<i>tarpašša</i> / <i>tarpalli</i>) in the Hittite royal substitution rituals	+	+	+ / -	+ / -	-	+

TERMINOLOGY OF THE SUBSTITUTION RITES

As was mentioned above, the main feature of the substitution rite is the sub-rite of establishing equivalence. The identification of the substitute with the ritual patron could be held in three ways: through the use of the specific term, through the verbal description that marks their identity, or through the ritual action that fulfills the same goal. Moreover, the substitution rite must contain ritual gestures or incantations that belong to the sub-rites of transferring impurity or disposing of a substitute.

²² Ambos 2012, 92–93.

²³ This is the stance of (Mouton 2014, 558), although the performances without a patient are not addressed in detail in this paper.

An important feature of the substitution rites is its specific terminology. Although a substitution rite could be held without mentioning the substitute as such, the presence of such a term strictly indicates that we are dealing with a substitute. In Hittite-Luwian rituals the term *tarpašša-* is used for indicating a special kind of ritual carrier.

Tarpašša- is a Luwian noun, occasionally borrowed into Hittite. It was derived from the Luwian verb root *tarp-* with the meaning “to tread” and the assumed metaphoric meaning “to substitute” (cf. German *treten* “to tread” and *vertreten* “to substitute”²⁴). In the Hittite cuneiform sources it is used for indicating any substitute, whether a ritual tool, an animal, or even a human.

As was mentioned above, this term appears in the Hittite ritual texts containing substitution rites. Most frequently, however, it is replaced with its Hittitized synonym *tarpalli-*. Sometimes both terms appear in the same text, for example, the prayer for Princess Gaššuliyawiya.²⁵ The term *tarpalla-* is not to be confused with *tarpanalla-*, which means “rival” or “usurper”.²⁶ This additional derivative of the root *tarp-* appears in Hittite texts, which describe a political life of the kingdom, such as treaties with vassal states,²⁷ or in mythological contexts, for example, with reference to the divine opponents of the Storm-god in the Song of Ullikummi belonging to the Kumarbi-cycle.²⁸

The equivalence of Hittite *tarpalli-* and Luwian *tarpašša-* is supported by their appearance in similar ritual formulae. For example, an empty pot is called “*tarpašša-* of the head” in the texts of the Kuwattalla tradition.²⁹ A piglet that is used as a ritual carrier is called “*tarpašša-* of the body and the head”.³⁰ Hittite parallels could be found in the Maštigga tradition (CTH 404). For example, the Old Woman calls a black sheep “*tarpalli-* of the head and entire body”.³¹ Moreover, a pot is also called “*tarpalli-* of the head” (Hitt. SAG.DU *tarpalli-*) in a text attributed to Maštigga.³²

Some scholars identify a possible Luwian parallel to the use of the clay pot as a model of the head in a myth belonging to the Tauriša tradition.³³ The myth tells us that the gods did not invite the diseases of the head and the eyes to a feast organized by the Sun-god.³⁴ The diseases became angry, and then someone set up³⁵ the pot in lieu of the patient’s head. The Luwian verb *tarpīta*³⁶ occurring in the same passage was proposed as an indicator of the substitution ritual and translated as “substituted”.³⁷ Nevertheless, subsequent researchers rejected this proposal and supposed that the verb

²⁴ Yakubovich 2002, 204; Tischler 1993, 203–206.

²⁵ CTH 380, KBo 4.6 obv. 11', 29', rev. 14'.

²⁶ Tischler 2001, 169; Starke 1990, 233–234.

²⁷ Beckman 1999, 77–78.

²⁸ Güterbock 1951, 146–147; 1952, 26–29.

²⁹ Luw. ḫarmaḫaššiš tarpāššaš, KUB 35.71+ ii 3, KBo 29.63 r.col. ii 6', KUB 35.70 ii 23.

³⁰ Luw. waššinaššiš ḫarmaḫaššiš tarpaššaš, KUB 35.24+ obv. 15', KUB 35.43 iii 19'.

³¹ Hitt. SAG.ḪI.A-aš tueggaš ḫūmandāš tarpalliš (Miller 2004, 75).

³² Miller 2004, 101.

³³ CTH 764.1, KBo 43.223+ iii 17'–23'. The Hittite-Luwian compositions CTH 764–766 mentioning the Protective god of Tauriša, his father the Sun-god and his mother Kamrušepa can be considered together as the Tauriša tradition, on the grounds of their function, pantheon, linguistic features and formulaic repertoire (Mouton, Yakubovich 2021, 38–46).

³⁴ Steitler 2017, 387.

³⁵ Luw. [dū]wanda KBo 43.223+ iii 19' (Melchert 1988, 217).

³⁶ CTH 764.1, KBo 43.223+ iii 18'.

³⁷ Josephson 1979, 181–182.

in question expresses an action of the angry diseases and has a negative sense.³⁸ Despite this difference of opinion, the interpretation of this whole passage as a description of a substitution rite is maintained in the literature.³⁹ Nevertheless, the structural parallels with other texts of the Tauriša tradition suggest that this passage should describe the hostile acts caused by the offended character.⁴⁰ Therefore, the comparison of the head with a pot in the Tauriša tradition applies to the evil actions of the diseases (“turned his head into a pot” or something similar), not to a substitution rite.

One fragment belonging to the Kuwattalla tradition contains a fragmentary line that mentions *šarliaššinzi tarpāššānzi* (Luw.) “substitutes of the superiors”.⁴¹ The beginning and end of this sentence are lost in a lacuna, but the parallel to such a concept can be found in the Hittite royal substitution rituals, which mention two large groups of the gods: the Upper gods that live in heaven and the Lower gods that live in the Netherworld. During the Great Substitution Ritual (CTH 421), the substitutes presented to these kinds of gods are called “an upper living substitute” (Hitt. *šarazziš TI-anza PUḪ=ŠU*, KUB 17.14 rev. 16’) and “a lower substitute” (Hitt. *katterraš PUḪ=ŠU*, KUB 17.14 rev. 17’) respectively. The ritual of the Kuwattalla tradition that mentions “substitutes of the superiors” refers several times to the Luwian Storm-god Tarḫunt, who is invited to look at various substitutes. Since Tarḫunt is a heavenly god, it is likely that the substitute for the Upper gods is mentioned in the relevant context of the Kuwattalla tradition.

There is a passage in the same paragraph that lists additional actors.⁴² Unfortunately, it is broken, but it mentions a woman, an equal person (*annauliš*)⁴³ and a substitute (*tarpaššaš*). It could be translated as “whether she (is) a woman, (then) here she (is). Whether he (is) [a ..., (then) here he (is)]. Whether he (is) of equal rank, whether he (is) a substi[tute ...]”.⁴⁴ Thus, being an equal and being a substitute appear to be two mutually exclusive possibilities in the relevant passage.

This interpretation seems to contradict the evidence of Hittite texts. The substitute is designated with the term *ānt-* “equal” in one of the fragments of Zuwi’s ritual (CTH 412⁴⁵). This problem cannot be fully solved within the framework of the present research, but one can propose a hypothesis that the terms *ānt-* and *annawali-* were semantically different. The adjective *ānt-* could be used if something has changed its position to become equal with something else, while *annawali-* is used when two things are equal by their nature.⁴⁶

³⁸ Steitler 2017, 398.

³⁹ Steitler 2017, 399.

⁴⁰ The myths of the Tauriša tradition begin with a story about a collapse, and then a god explains to another what has gone wrong. The best-preserved part of the relevant story is a speech of the Protective god of Tauriša (KBo 43.223+ iii 1’–27’). He tells the Sun-god what has happened, repeating the beginning of the myth word by word. The end of the preserved fragment (KBo 43.223+ iii 26’–27’) describes the blazing sky with the same words that occur at the end of the mythological narrative (KBo 43.223+ iii 5’–6’). Therefore, the speech of the Protective god should also be devoted to the description of the disaster.

⁴¹ KUB 35.24+ rev. 3”.

⁴² KUB 35.24+ rev. 4”–5”.

⁴³ This Luwian word was borrowed into Hittite as *annawali* ‘equal’ (Yakubovich 2021, 237–238), which is used in diplomatic texts, such as treaties and royal correspondence (Puhvel 1984, 64–65).

⁴⁴ Yakubovich, Mouton 2023a, 213.

⁴⁵ Goedegebuure 2002, 70.

⁴⁶ Ivanov 2023b, 42–49.

The Luwian term for “substitute” is found in the Puriyanni tradition as well. For example, a wooden figurine is called “*tarpašša-* of the ritual patron” (EN SISKUR, *tarpāššaš*).⁴⁷ This figurine is mentioned twice in the texts of the Puriyanni tradition.⁴⁸ In the first context it is placed near a *huwaši*-stone and dressed in fine clothes. In the second context it is mentioned as someone who should pick up all the bewitched items and present them to the Storm-god of the Open Country.⁴⁹ Both contexts belong to the second columns of the respective tablets and therefore correspond to the adjacent parts of the ritual. At some point between KBo 22.137 and KUB 35.54, dough figurines are attached to the patient by means of ropes, which are subsequently cut off (see section 5). Thus, it is highly possible that a dough figurine is bound not to the ritual patron himself,⁵⁰ but to a substitute figurine that represents him. Thus, the ritual patron is not personally involved in the most dangerous rites of the Puriyanni tradition. The dough figurines, which represent the miasmas, are attached to his wooden substitute, and the same substitute replaces the ritual patron during the transfer of the contaminated utensils to the Storm-god.

The designation of the substitute in the Puriyanni tradition finds parallels in the Hittite rituals for the Sun-goddess of the Earth (CTH 448). One of them includes the parallel term “*tarpalli-* of the body of the ritual patron” (EN SISKUR *ŠA NI₂ TE tarpalli-*⁵¹), which is represented by a full-height statue of king Tudḫaiya. Others refer a person who is affected with the *tarpalli-*, e.g. “*tarpalli-* of the prince-priest” (*ŠA DUMU.SANGA tarpalli-*⁵²), “*tarpalli-* of the queen” (*ŠA MUNUS.LUGAL tarpalli-*⁵³), “*tarpalli-* of the king and the queen” (*ŠA LUGAL MUNUS.LUGAL-ia tarpalli-*⁵⁴).

According to the Hittite-Akkadian lexical list,⁵⁵ the term *tarpalli* has the Akkadian equivalent *DINĀNU*.⁵⁶ Another Akkadian equivalent for the substitute occurring in Hittite texts is *PŪHU*. It appears in the royal substitution rituals (CTH 421) and the ritual of Puliša against a plague in the army (CTH 407). It is also the source of the Hurrian ritual term *puḫugari* “substitute”, which is found in the ritual for Muršili’s aphasia.⁵⁷

After an object or animal is called *tarpašša-*, it acquires a special ritualistic sense. Alternatively, the same object or animal can be introduced by a special gesture, which has an equal value in the context of the ritual.

In the Hittite-Luwian ritual tradition there is only one description of the gesture used for the sub-rite of establishing equivalence. It is bestowing the patient’s clothes upon the substitute.⁵⁸ Thus, a wooden figurine, which is called “a substitute of the

⁴⁷ KUB 35.54 obv. ii 23’–26’, KUB 7.14 obv. ii 3’.

⁴⁸ KBo 22.137 obv. ii 4. The wooden figurine is mentioned in the lacuna in the relevant passage, but the restoration is borne out by its general sense.

⁴⁹ KUB 35.54 obv. ii 23’.

⁵⁰ KUB 35.54 obv. ii 23’–45’.

⁵¹ Contrary to what is conjectured in (Yakubovich, Mouton 2023a, 28).

⁵² Taracha 2000, 88–89.

⁵³ Taracha 2000, 84.

⁵⁴ Taracha 2000, 54.

⁵⁵ Taracha 2000, 73.

⁵⁶ CTH 303, KBo 1.42 rev. iv 28.

⁵⁷ Tischler 1993, 207.

⁵⁸ CTH 486, KBo 4.2 rev. iii 50–53, 56 ff. Tischler 1993, 640.

⁵⁹ As a parallel outside the Hittite-Luwian rituals, one can mention the king giving his clothes to his substitute during a royal substitution ritual (CTH 419, KUB 24.5+ 21’–22’) and a ritual against plague

ritual patron”,⁵⁹ is mentioned in Puriyanni’s ritual. In the next step of the ritual this figurine is dressed up in “fine clothes”, which belong to the patient.⁶⁰ It is an example of establishing the equivalence by making the substitute look like the ritual patron. Such gestures are rare in the available corpus, because the sub-rite of establishing equivalence may have been prototypically aligned with verbal expressions.

Ritual gestures directed at the substitute are supposed to reflect its functions and roles in the ritual. They could be divided into two types, according to the sub-rites where they are used, namely, gestures related to transferring impurity and disposing of the substitute. Moreover, different kind of substitutes can be accompanied by different kinds of ritual gestures in the course of the ritual.

Gestures of transferring impurity mark the second step of the substitution rite. It is important to stress that these gestures could appear in various purification rites, which is why their presence does not define the substitution rite, unlike gestures of establishing equivalence. Verbs denoting the transfer of impurity could appear in both Hittite and Luwian, because the description of the necessary actions is recorded in Hittite, but the incantations can repeat it in Luwian.

The frequent ritual gesture in the Hittite-Luwian traditions is waving the ritual carrier over the patient’s head or in another ritually important location. It is designated by the Hittite verb *wahnu-* “to turn”. A Luwian incantation normally accompanies this operation. Substitution rites containing this action appear in the Kuwattalla tradition.⁶¹ For example, the Old Woman waves an empty pot above the ritual patron⁶² and utters a Luwian incantation. Then the patient and the Old Woman stroke (?) this pot, turn it over and pronounce another Luwian incantation.⁶³ Unfortunately, the end of this rite is lost in a lacuna in both manuscripts, which is why it is impossible to determine the fate of the pot.

In the course of another rite the Old Woman waves a piglet above the ritual patron⁶⁴ after the incantation describing the transmission of the patient’s miasma to the piglet’s body parts. Other examples of waving a ritual carrier over the ritual patron cannot be considered as a part of the substitution rite, because there is no accompanying evidence for establishing the equivalence between the two.

Another ritual gesture that conveys the transmission of impurity to the substitute, is holding it toward the patient.⁶⁵ In the recently mentioned rite, before waving the substitute piglet above the ritual patron, the Old Woman holds it to the left, to the right, in front and behind the ritual patron. The Luwian incantation concerning the piglet mentions only two directions: “I have led it to his left/right”,⁶⁶ but the Hittite description of the same action, which appears in a parallel rite involving a sheep, mentions four directions: “to the right ... to the left ... in front ... behind”.⁶⁷

(CTH 407, KBo 15.1 obv. i 10–11).

⁵⁹ KUB 35.54 obv. ii 23’–26’; KUB 7.14(+) obv. ii 3’–5’.

⁶⁰ KBo 22.137+ obv. ii 4–8.

⁶¹ KBo 29.6(+) obv. ii 19; KBo 29.55+ obv. ii 26, rev. iii 33’.

⁶² Hitt. *šer arḫa wahnuzzi*.

⁶³ KBo 29.63 ii 1’–10’; KBo 29.6(+) obv. ii 18–23.

⁶⁴ KBo 29.55+ rev. iii 17’–19’, 32’–33’.

⁶⁵ Hitt. *anda epp-*.

⁶⁶ Luw. *ipalāti=du=(w)an/išarwilati=pa=du=(w)an ḫuinūwahḫa* KBo 29.55+ rev. iii 17’–23’; KUB 35.24+ obv. 17’–18’.

⁶⁷ Hitt. *ZAG-az ... GÜB-laz ... UZU GABA-az ... iškiyaz* KBo 29.55+ obv. ii 19–21.

The next ritual gesture associated with transmitting the impurity is spitting it out. The mode of spitting depends on the ritual carrier, namely whether it is a tool or animal, and what sort of animal it is. Spitting can be mentioned in both Hittite (*allap(p)ahly-*) and Luwian (*tappa-*). For example, during the rite of the substitute piglet, after waving it above the patient, the ritual patron spits on it from afar, while the Old Woman says that he spat his miasmas away.⁶⁸ Spitting from afar emphasizes that the ritual patron should not approach the piglet. In contrast, in a parallel context, during the transmission of impurity to a sheep a patient is expected to spit directly into its mouth⁶⁹.

A ritual phrase that underscores the contact between the patient and his/her substitute is one more important component of the substitution rite. Such incantations appear in the Kuwattalla tradition. For example, in the manuscripts of the Great Ritual,⁷⁰ different body parts of the patient are listed and compared with the corresponding limbs of the substitute pig. An incantation is pronounced, declaring that a patient doesn't overcome his impurities with his own body parts any longer. Then, it is declared that the substitute takes impurities to its limbs. Finally, it is proclaimed that the substitute fully decontaminates the patient.⁷¹ A similar incantation is contained in a small fragment mentioning the *tiššatwa*.⁷² This Luwian word refers to an inanimate model, which is used as a ritual carrier. Since other texts of the Kuwattalla tradition do not mention the *tiššatwa*-tool, it is impossible to be sure about other ritual gestures connected with it. Maštigga's ritual against domestic quarrels tells us more about the *tiššatwa*-tool. The Old Woman wraps a piece of tallow in the white and black wool and calls it *tiššatwa*. Then she holds it (Hitt. *ēpzi*) over the ritual patrons, pronounces the incantation for removal of the evil tongues from them and throws *tiššatwa* into the hearth.⁷³ The *tiššatwa* of the Kuwattalla tradition would have been prepared in the same way as in Maštigga's ritual, although the incantation pertaining to it is different.

Gestures of disposing of the substitute mark the end of the substitute rite. They describe the way of neutralizing the negative substances which were transferred to the substitute. For example, the pot that was contaminated with the miasmas of the ritual patron must be smashed (Hitt. *arḫa duwarni-*).⁷⁴ The piglet, which is an animal substitute, should be offered to the Warlike Storm-God, who is requested to look at it (Luw. *mamma-*).⁷⁵ Offering an animal to the deity should be accompanied with its slaughter, but texts of the Kuwattalla tradition do not at all mention animal dispatches. Slaughters of *tarpalli*-animals are, however, attested in parallel rites of the Maštigga

⁶⁸ KBo 29.55+ rev. iii 34'–37'; KUB 34.62+ obv. ii 15'–17'.

⁶⁹ KBo 51.220:1'–5'; KBo 29.55+ obv. ii 27–30.

⁷⁰ KUB 35.24+ obv. 5'–13'; KBo 29.55+ obv. ii 22–25, rev. iii 5'–15'.

⁷¹ KUB 35.24+ obv. 14'–16'; KBo 29.55+ iii 17'–19'.

⁷² KBo 29.22+ l.col. 3'–11'.

⁷³ Miller 2004, 66–68.

⁷⁴ KUB 35.71+ obv. ii 10–11.

⁷⁵ KUB 35.24+ obv. 1'–5''; KBo 29.55+ obv. ii 36–40. On the other side of the same tablet KBo 29.55+ one finds a rite involving a white sheep. The manipulations with it are the same as those involving a piglet. A white sheep is conjured to take over the patient's miasmas, it is turned around him, its limbs are matched with the patient's limbs, the patient spits on it. The end of this rite features the consecration of the white sheep to the Warlike Storm-god. It is therefore highly likely that this white sheep represents a substitute, although it is not named as such in the preserved part of the text. Note that the white sheep is called a substitute in the matching (although partly broken) context of the Maštigga ritual against domestic quarrels (Miller 2004, 74).

tradition.⁷⁶ This gesture is not a sacrifice in an ordinary sense, but an execution of the possible fate of the ritual patron without affecting him personally. The deity should accept the slaughtered substitute instead of the patient, not as an ordinary gift, but as a means to placate his anger.⁷⁷ Unfortunately, the final parts of other rites mentioning *tarpašša-* are lost. There is, however, a high probability that they were not much different, and the substitute was destroyed in some way.

Thus, the main peculiarity of the substitution rite consists in the designation of a substitute. The ritual gestures and incantations that mention *tarpašša-* could be divided into three groups, according to the sub-rites they belong to. The sub-rite of establishing equivalence contains expressions of connection between the patient and his/her substitute and/or a description of providing the substitute with some objects linked with a patient, for example, his clothes. A special group of terms describes the process of transferring impurity to the substitute and is expressed by verbs Hitt. *waḥnu-* “to turn”, Luw. *ḫuinū(wa)-* “to lead”, Hitt. *allap(p)ahḫ-* and Luw. *tappa-* “to spit”. The sub-rite of disposing of a substitute is a sacrifice of a special kind, which causes the deity to stop attacking the ritual patron and to focus on accepting his/her substitute and destroying the miasmas by which this animal or object was contaminated. These terms and gestures indicating the type of *tarpašša-*, the purpose of its use, and its final fate represent necessary conditions for referring to a particular part of the ritual as a substitution rite.

TERMINOLOGY OF *NAKKUŠŠI-* RITES

The substitution rites, which frequently feature the term *tarpašša-*, should be distinguished from ritual practices where the term *nakkušši-* is used. The Hittite noun *nakkušši-* is translated as “scapegoat, carrier (to remove evils)”⁷⁸. There was a previous discussion whether the word *nakkušši-* came from Luwian or Hurrian,⁷⁹ but the recent studies proved that this noun is derived from the Hurrian verb *nakk-* “to let go, release”.⁸⁰ The appearance of *nakkušši-* in a text strictly implies the performance of a scapegoat rite, which is called *nakkuššahit-* in Luwian.⁸¹ This form contains the Luwian abstract suffix *-ahit-*,⁸² so it could be literally translated as “status of a scapegoat”,⁸³ while the

⁷⁶ Miller 2004, 73–76.

⁷⁷ See (Kümmel 1967, 4). For the development of this practice in Mesopotamia see the parallels mentioned in (Furlani 1932, 215–216, 282–285). The first example mentioned in the latter paper is the ritual Utukkū Lemnūtu. A piglet and a goat function there as substitutes (Akk. *pūḫī*) and are slaughtered. The demon utukku should take their souls instead of the patient’s one. This is the same kind of contagious magic that we trace in the Kuwattalla tradition. The second example is a part of the treaty between Aššur-nērārī V and Mati’-ilu of Arpad. The ram is slaughtered, and a statement is made that the same would happen to Mati’-ilu if he breaks his oath. Thus, it is an example of homeopathic magic based on the same rite. The same function of the substitutes in the ritual Utukkū Lemnūtu is described in (Geller 2016, 10). The substitute should neutralize the actions of the demons and ghosts that are aimed at the humans.

⁷⁸ CHD (L–N), 376–377.

⁷⁹ Puhvel 2007, 52–58. Kloekhorst 2008, 594.

⁸⁰ Melchert 2014, 225. For the parallel use of the Hurr. verb *nakk-* and Hitt. *parā tarḫu-* ‘release’ see [Neu 1990: 226–227]. For the connection between *nakk-* and *nakkušši-* see [Richter 2012: 261–262].

⁸¹ KUB 35.57 obv. i 6; KBo 29.3+ obv. i 9; KUB 35.16(+) rev. iv 5’; KBo 9.141 rev. iv 18’; KUB 35.15 rev. iii(!) 4; KUB 35.65 obv. ii 12’, 19’.

⁸² Starke 1990, 168; Kloekhorst 2008, 594.

⁸³ Hoffner, Melchert 2008, 54.

meaning “scapegoat rite” follows from the context.⁸⁴ Another derivative of *nakkušši-* is a Luwian denominative verb *nakkušša(i)-* “to perform a scapegoat rite”,⁸⁵ which is used in the same incantations.⁸⁶ There are also parallel forms in Hittite, namely the noun *nakkušatar* “status of a scapegoat, scapegoat rite” and the verbs *nakkuššiya(e)-* “to be a scapegoat” and *nakkuššešš-* “to become a scapegoat”.⁸⁷

Thus, *nakkušši-* is a type of ritual carrier that should transport the miasmas far away from the place of pollution.⁸⁸ In the Hittite-Luwian ritual tradition a goat⁸⁹ as well as a sheep⁹⁰ could function as *nakkušši-* animals. As was shown above, only a piglet is called *tarpašša-* in the Kuwattalla tradition, thus, the kinds of animals used in these two ritual practices may constitute one more difference between them.

There is little about the initial part of the scapegoat rite in Hittite-Luwian rituals. A fragmentary descriptive part of one rite belonging to the Kuwattalla tradition apparently refers to the patient calling the animal *nakkušši-*.⁹¹ This ritual gesture gives a new role of a ritual carrier to the animal under discussion.

The only sub-rite of impurity transfer that is attested in connection with a *nakkušši-* is embedded in a description of arranging a sacrifice for evil spirits. The Old Woman holds (Hitt. *katta ēpzi*) the soft bread, which was placed on three stones, above the head of a scapegoat. Thereupon she pronounces the incantation mentioning a scapegoat rite. Then she crumbles bread, libates beer and utters another incantation, directed at the violent spirits (Luw. *hūwalyanzi*), with a request to eat and drink.⁹² Thus, the miasmas are probably transferred from the scapegoat to the bread, which is later designated as food for the evil spirits, in other words, impurity is given over to the creatures with negative functions. Furthermore, it is possible that this ritual action finds a parallel in a conjuration from Hittite-Luwian texts belonging to the Tauriša tradition, which mentions giving various substances to those associated with them.⁹³ Since a *nakkušši-* animal should be given to the Old Woman, it should previously be purified from the miasmas of the patient, and this explains the rite of contaminating the bread.

The sub-rite of contaminating the bread with impurity of the ritual carrier appears in other rites of the Kuwattalla tradition as well. For example, the Old Woman holds the bread above the head of a white sheep that was contaminated with the patient’s miasmas.⁹⁴ Other ritual gestures directed at the white sheep match those directed at the substitute animal, although the sheep is never directly called a substitute in the

⁸⁴ For example, see KBo 9.141 rev. iv 14’–18’: “For a while we [have been performing] conjurations (on account of) judgments, curses, (and) [perjuries, past] (or) present, [of the dead (or) the living]. Now, [we] perform[ed] the scapegoat rite. [May (those) be affected b]y the scapegoat rite!” (Yakubovich, Mouton 2023a, 260–261).

⁸⁵ On the stem of this verb see (Sasseville 2020, 194–195) and (Melchert, Yakubovich 2022, 16).

⁸⁶ KUB 35.16(+) obv. i 21”, rev. iv 4’; CTH 761.2.4 KBo 9.141 rev. iv 17’; KUB 35.15 rev. iii 4.

⁸⁷ CHD (L–N), 375, 377.

⁸⁸ van Brock 1959, 129–130.

⁸⁹ For example, KUB 35.57 obv. i 6: 1 MÁŠ.GAL *šallaš nakušah[iti]*.

⁹⁰ For example, KBo 10.42 rev. iv 4’: UDU MÁŠ.GAL *nakuššit*.

⁹¹ KUB 32.124 obv. i 1’–7’.

⁹² KUB 35.16(+) rev. iv 1’–15’, KBo 9.141 rev. iv 8’–22’, KUB 35.15 obv. ii(!) 7’–rev. iii(!) 13.

⁹³ KBo 13.260 obv. iii 24–34.

⁹⁴ KBo 29.55+ obv. ii 34–35; KUB 35.44 obv. 1’–5’.

KUB 35.44 obv. 3’ contains a preverb “down” (Hitt. *katta*) in a fragmentary context, while KBo 29.55+ obv. ii 34 features “up” (Hitt. *šer*), which implies a contrast between these two parallel versions (Yakubovich, Mouton 2023a, 294).

preserved part of the text (see above n. 15). I suppose that during this sub-rite the miasmas are transferred from the ritual carrier to the bread, because the animal is to be subsequently consecrated to the Storm-God and thus should be clean. Moreover, such a sub-rite appears as a part of the *ikkunawar*-sacrifice. The Old Woman performs it before consecrating a sheep to the Sun-God.⁹⁵ There are no descriptions of any further manipulations with the bread in either of these cases. Since it became a receptacle for miasmas it is likely that it should be destroyed or thrown away.

The purity of the ritual carriers that are dedicated to the gods is also mentioned in Hittite texts. A good example of it can be found in the text of Prayer to Lelwani for the recovery of Gaššuliyawiya (CTH 380), which dwells on the advantages of the ritual carriers devoted to the goddess of the Netherworld.⁹⁶ First of all, a woman is involved in the ritual as a substitute and designated once by the Luwian term *tarpašša*.⁹⁷ This woman is compared to Gaššuliyawiya and it is stated that this substitute is excellent, pure, radiant, pale, and endowed with everything.⁹⁸ All the animals that act as substitutes in this rite are described as “fattened” and “dressed up in festive garments”.⁹⁹ Thus, the substitute should be attractive to the god in any case.¹⁰⁰

In the rituals of the Kuwattalla tradition the ritual carriers are contaminated with the impurity of the ritual patron. Naturally, in such a state they could not be offered to the gods.¹⁰¹ Therefore, before being consecrated, the ritual carrier goes itself through a purification rite: as argued above, it releases its miasmas into the bread. This bears on the interpretation of the Luwian word *šaknuwant(i)-*, which characterizes the sacrificial animal during the invocation to the Warlike Storm-god.¹⁰² Judging by its Hittite equivalents, it can be translated as either “defiled”¹⁰³ or “fatty”, although in the latter case it rather a Hittite loanword than a cognate.¹⁰⁴ The purification of the ritual carrier with the bread before its consecration indicates, together with the parallels from other texts, that the meaning of the Luwian adjective *šaknuwant(i)-* should have positive connotations.

Despite the fact that *nakkušši-* takes the patient’s miasmas upon himself, there are no examples of ritual gestures for establishing the equivalence between the *nakkušši-* animal and the patient. This is hardly due to the bad preservation of the texts. *Nakkušši-* is not an equivalent for the ritual patron,¹⁰⁵ but merely the container for impurities, functioning similarly, for example, to a *taluppi*-lump.

Other texts of the Hittite-Luwian traditions imply that the *nakkušši-* animal should not be killed during the ritual. It is led away, and then the Old Woman takes it for herself alive.¹⁰⁶ Thus, in a metaphoric sense, the ritual carrier takes the miasmas from the ritual

⁹⁵ KUB 9.6+ rev. iv 13’–21’.

⁹⁶ Singer 2002, 70–73.

⁹⁷ KBo 4.6 obv. 11’.

⁹⁸ KBo 4.6 obv. 12’–14’.

⁹⁹ KBo 4.6 obv. 12’–14’.

¹⁰⁰ Goedegebuure 2002, 70–72.

¹⁰¹ The god himself could be contaminated with impurity. See (Puértolas Rubio 2023, 372).

¹⁰² This invocation appears four times in the texts of the Kuwattalla tradition. In KUB 35.24+ rev. 1” and KUB 35.44 obv. 6’–7’ these words are spoken about an unknown animal, in KUB 35.21 rev. 11’ they may refer to a puppy, and in KBo 29.55+ obv. ii 36–37 the animal in question is a white sheep.

¹⁰³ The negative connotations are proposed for this term in (Hutter 2019, 343).

¹⁰⁴ Yakubovich, Mouton 2023a, 214–215.

¹⁰⁵ Gurney 1977, 52.

¹⁰⁶ KBo 9.141 rev. iv 19’; KUB 35.15 rev. iii 6; KBo 10.42 rev. iv 5’.

patron, and then transfers it to the bread for the evil spirits. Then the purified scapegoat is used as a payment for the Old Woman. The last transfer represents a unique parallel between the Kuwattalla and Maštigga traditions.¹⁰⁷

In conclusion to the discussion of the *nakkušši*-animal in Hittite-Luwian rituals, a brief description of scapegoat rites in other ancient cultures should be presented. Such rites are attested in the Bible (Lev. 16), cuneiform¹⁰⁸ and Aramaic¹⁰⁹ texts from Syria, compositions from the archives of Ḫattuša attributed to different parts of Anatolia, and Classical sources related to Ionia. Thus, it was a widespread ritual practice, which is why different opinions exist about its origin and development. One hypothesis suggests that it came to the Hittite kingdom from northern Syria via Kizzuwatna.¹¹⁰ There is a variation of this hypothesis, claiming that the scapegoat rite first appeared in Syria, and then the Syrian tradition became the basis for the most complicated ritual practices of western Anatolia.¹¹¹ The second hypothesis advocates the invention of the scapegoat rites in the Luwian milieu of southern or south-western Anatolia, without any Hurrian or north-Syrian influence.¹¹² There is a refined version of this hypothesis, according to which southern Anatolia was under the cultural influence of the Hurrians already in the Old Hittite period.¹¹³ And the third opinion proposes that there were two disconnected traditions. Their centers were situated in Syria (including the land of Kizzuwatna) and western Anatolia respectively.¹¹⁴ It is impossible to give preference to one of these theories within the framework of the present research, but the discussion above shows that the development of the *nakkušši*-rites had its own direction and was detached from the evolution of substitution rites in Ancient Anatolia.

The ritual practices referring to the *nakkušši*-animal cannot be added to the corpus of the substitution rites. The terms *nakkušši*- and *tarpašša*- are strictly independent from one another in Hittite-Luwian rituals. They mark different rites, which probably developed in distinct traditions, despite the fact that they could be used in the same rituals and serve similar purposes.

THE PLACE OF SUBSTITUTION RITES IN HITTITE-LUWIAN RITUALS

This section is dedicated to the structure of the Hittite-Luwian rituals and the role of the substitution rites in these performances.¹¹⁵ Moreover, since rituals are constructed for a particular goal, it is important to understand how the substitution rites contribute to such goals.

The Hittite-Luwian rituals are designed against impurity that oppresses the ritual patron. The emergence of impurity in a human body could be the result of the patient's own

¹⁰⁷ In the texts of the Maštigga tradition the *nakkušši*-animals are also given to the Old Woman as a payment for the performance of the ritual (Miller 2004, 92–93).

¹⁰⁸ See ARET XI 1 i 19 – ii 7 and ARET XI 2 i 7 – 21 (Zatelli 1998, 254–255).

¹⁰⁹ See the inscription of king Barrākib for king Panamuwa II (Tropper 1993, 129–130).

¹¹⁰ Kümmel 1967, 192–193. Gurney 1977, 51.

¹¹¹ Haas 2003, 134–138.

¹¹² Miller 2004, 466–467.

¹¹³ Taracha 2000, 212.

¹¹⁴ Melchert 2003, 235–236; Mouton 2014, 573–576.

¹¹⁵ The structure of the Kuwattalla tradition can be reconstructed on the basis of its partial parallelism with the Mastigga tradition, although their possible differences should be taken into consideration.

actions¹¹⁶ or the bewitchment caused by the sorcerer,¹¹⁷ who can be either a human or an evil spirit. Thus, the rituals against impurity should have two basic goals: to purify the patient and to destroy the cause of his/her pollution. The Hittite-Luwian traditions include both kinds of rites, while their positions in the ritual structure may be culturally-specific.

Besides the substitution rites, the Hittite-Luwian rituals contain a wide range of purification rites. The remaining purification rites use different types of ritual carriers, such as the *taluppi*-lump, which appears in both Puriyanni and Kuwattalla traditions, the *tiššatwa*-tool and a pot with vegetable soup, which are used only in the rituals of the Kuwattalla tradition. The *nakkušši*-rites are used in both traditions and also belong to the purification rites. Various rites connected with water are included in the range of the purification rites as well.¹¹⁸

Different types of rites were used for destroying the patient's enemy, who caused his bewitchment. The sorcerer's actions could harm the patient in two ways: either by causing his impurity and depriving him of the support of his gods, or by provoking his illness.¹¹⁹ The potential enemies are mentioned many times in the curse formulae of the Puriyanni and Kuwattalla traditions, while their rites avail themselves of various figurines to represent them. These can be either anthropomorphic sculptures or clay models of hands and tongues, which reflect two kinds of the bewitchment, one accomplished with spells and the other with gestures. As was previously argued, the homeopathic magic is used in Frazer's view for attacking the enemy,¹²⁰ and this point is supported by the data of the Hittite-Luwian rituals.

Puriyanni's ritual of purifying the house features a rite of cutting off figurines. Two ritual gestures are associated with it. First, a figurine is waved above the patient's head and then the rope that connects it is cut in hope that the negative substances will be separated from the ritual patron and his deities in the same way.¹²¹ There are two possible interpretations of the functions of these dough figurines: they represent either ritual carriers for the patient's miasmas¹²² or the evil *nakkiu*-spirits.¹²³ In the first case we are dealing with just another purification rite, but the second interpretation makes it a homeopathic rite for attacking the evil spirits, which harm the ritual patron. What follows is the withdrawal of the negative things from the house by means of a scapegoat, and then the purification of the house and the patient with water.

The rites for the destruction of the patient's enemy appear in the Kuwattalla tradition as well. Thus, the Old Woman holds two dough figurines before the Sun-God and asks him to protect the ritual patron from his enemy, whether it is a human being or an evil spirit.¹²⁴ The tablet on which this rite is described contains an incipit paragraph in its

¹¹⁶ Yakubovich, Mouton 2023b, 310–312.

¹¹⁷ Mouton 2010, 515.

¹¹⁸ See, for example, the rites of sprinkling the patient and his house with salt water, which appear in the Puriyanni tradition (KUB 35.54 rev. iii 12–16).

¹¹⁹ Mouton 2010: 519.

¹²⁰ See section 2.

¹²¹ Waving a dough figurine above the patient's head is mentioned in KUB 35.54 obv. 6'–7'; KUB 35.55 rev. iii 3'–4'. The rope that is used to attach the dough figurine occurs in KBo 22.137+ ii 10; IBoT 3.96+ obv. ii 8; KBo 39.181(+) obv. ii 7'–14'.

¹²² Yakubovich, Mouton 2023a, 28.

¹²³ Yakubovich, Mouton 2023a, 34–35.

¹²⁴ KBo 29.3+ obv. ii 15–29.

beginning. Thus, it is the first tablet of the series, which is why we can propose that this rite was placed toward the beginning of the Old Woman's ritual actions.

In a later version of the Kuwattalla tradition, the Old Woman takes copper nails and nails with them the liver and heart of a sacrificial animal. Then she states that they represent models of the enemy's liver and heart. So, the enemy is stricken back with this spell and cannot harm the ritual patron any longer.¹²⁵

A partly similar rite of nailing down the *nakkiu*-spirits is also included in the Kuwattalla tradition.¹²⁶ It is a homeopathic rite, which is directed not at the unspecified enemy, unlike the previous one, but at the otherwise known evil spirits. The Old Woman takes twenty nails of bronze, twenty nails of some other material and thirty pegs of wood. She nails down the *nakkiu*-spirits with those implements and pronounces a Luwian incantation mentioning the Sun-God.

In addition, nailing down (Hitt. *katta tarmāi*-) negative substances is mentioned twice in the Maštigga tradition.¹²⁷ In the first rite the Old Woman nails down seven clay tongues, which symbolize the evil speech. Then she utters a Luwian incantation and places them into the hearth.¹²⁸ Another rite of pegging is located at the end of the same Maštigga ritual. The Old Woman pounds seven copper pegs into the earth and pronounces a Luwian incantation, which orders the mouths and tongues to be pegged. In both cases the rites of pegging down the evil substances are followed by purification rites.

On the whole, a number of rites found in the archives of the Hittite capital are directed against the bewitchment of the patient. Although they belong to a variety of religious traditions, their aims are broadly similar. During the purification the patient should be freed from the bewitchment, but before this happens, he should strike back at the enemy, not letting him or her repeat the attack. This is why a ritual practitioner should ideally use both contagious and homeopathic rites in the course of the same ritual.

For example, the Arzawa ritual of Āllī (CTH 402) begins with constructing clay models representing the sorcerer or sorceress that harmed the patient. The Old Woman should transfer the bewitchment of the ritual patron back to the sorcerers.¹²⁹ On the fourth day of the ritual the practitioner purifies the patient with the *taluppi*-object made of pistachios and soap (§29). Despite the fact that the bulk of Āllī's ritual is devoted to transmitting the impurity back to the sorcerers, it includes a rite that purifies the ritual patron at the very end.

The ritual against Ziplantawiya (CTH 443), who is accused of bewitching her brother king Tudḫaliya I, contains incantations, which proclaim that "the evil tongues" initially made to harm Tudḫaliya should now hold Ziplantawiya.¹³⁰ This rite is directed at the appeasement of the annoyed gods and proclaiming well-being for Tudḫaliya, his wife Nikkalmati and their descendants.¹³¹ Although it does not mention the purification rites in its preserved part, the rites for striking back at Ziplantawia are followed there by the rites for entrusting well-being to the royal family.

¹²⁵ KUB 35.81(+) rev. iv 3'-11'.

¹²⁶ KUB 35.13+ r.col. 1'-21'.

¹²⁷ Yakubovich, Mouton 2023a, 87.

¹²⁸ Miller 2004, 72.

¹²⁹ Collins 2022, 33-37.

¹³⁰ Kassian 2000, 24-33, 36-41, 58-61, 66-67, 72-73.

¹³¹ Kassian 2000, 35, 43-47, 60-63, 64-65.

Summing up, the homeopathic rites for destroying the enemy or negative substances affecting the patient are presumably located in the beginning part of the Puriyanni tradition. They are mentioned twice in the beginning and in the end of various versions of the Kuwattalla tradition. The structure of the rites attributed to Kuwattalla is not as clear as that of the Puriyanni tradition, but the comparison with the Maštigga tradition helps to reconstruct a sequence where the homeopathic rites are followed by the purification rites. Thus, one can conclude that purification from contagious substances typically follows striking back at the causes of impurity in the Hittite-Luwian rituals. At the same time, the purification rite(s) could be repeated two or more times in course of the same ritual. In a such way, the Hittite-Luwian rituals represented complicated structures, which involved both homeopathic and contagious principles of magic. The substitution rites belonged to their building blocks.

6. CONCLUSION

The following conclusions were drawn during this investigation of the substitution rites in the Hittite-Luwian rituals. The substitution rite belongs to a broad category of the contagious rites and consists of three sub-rites: establishing the equivalence, transferring impurity, expelling the substitute. The substitute is designated by the Luwian term *tarpašša-*.

Both animals acting as ritual carriers and clay pots can be called *tarpašša-* in the Hittite-Luwian rituals. A wooden figurine functions as a substitute for the ritual patron in the Puriyanni tradition and is endowed with a more important role in the ritual than was previously supposed.

The Kuwattalla tradition displays parallels with the Hittite compositions featuring substitution rites. Thus, the term *tarpašša-* denotes a substitute in the Prayer to Lelwani for the Recovery of Gaššuliyawiya (CTH 380). Two kinds of substitutes are mentioned in the texts of the royal substitution ritual (CTH 421): the upper substitute for the gods above and the lower substitute for the gods of the Netherworld. In the broken context of one rite of the Kuwattalla tradition the substitute has a definition “of the supreme”, which implies that it is a Luwian term for the substitute for the upper gods. At the same time, the Luwian term “equal” is used in the same paragraph as the opposite of a substitute, whereas the parallel passages from the Hittite texts mention equality between the patient and the substitute.

The scapegoat rites featuring a *nakkušši-*animal, which can be a sheep or a goat, do not belong to the substitution rites, but use partly similar practices. Their analysis has shown that the impurities of the patient, which contaminated the *nakkušši-*animal, are further transferred to the bread that should be fed to the evil spirits in the Kuwattalla tradition. The feeding of the *nakkiu-*spirits with the impure bread echoes the conjuration from the Tauriša tradition that describes different spirits consuming substances that represent them. After the transfer of the impurity to the bread an animal can be consecrated to a god or given to the ritual practitioner as a payment. At this point, the ritual carrier is freed from the patient’s miasmas and thus no longer dangerous. Therefore, the adjective *šaknuwant(i)-*, which describes the sacrificial animal, must have positive connotations and reflect the dignity of the offering.

In the structure of the Puriyanni and Kuwattalla traditions, the substitution rites are grouped together with other purification rites, which normally follow the homeopathic rites. Although the substitution rites play a more modest role in the Hittite-Luwian rituals than in the Hittite royal substitution rituals, they are still important for purifying the ritual patron from the miasmas.

REFERENCES

- Ambos, C. 2012: Purifying the King by Means of Prisoners, Fish, a Goose, and a Duck. Some Remarks on the Mesopotamian Notions of Purity. In: P. Rösch and U. Simon (eds.), *How Purity Is Made*. Wiesbaden, 89–103.
- Beckman, G. 1999: *Hittite Diplomatic Texts*. Atlanta.
- Bottéro, J. 1992: *Mesopotamia. Writing, Reasoning, and the God*. Chicago–London.
- Collins, B.J. 2022: Orion in Hittite? In: S. De Martino et al. (eds.), *Orizzonti d'oriente tra Mediterraneo e Asia Centrale. Studi in ricordo di Sebastiano Tusa* (Eothen 25). Rome, 31–44.
- Frazer, J.G. 1925: *The Golden Bough. A Study in Magic and Religion*. Abridged version. New York.
- Furlani, G. 1932: *Il sacrificio nella religione dei semiti di Babilonia e Assiria*. Rome.
- Geller, M.J. 2016: *Healing Magic and Evil Demons. Canonical Udug-hul Incantations. With the Assistance of Ludék Vacín* (Die babylonisch-assyrische Medizin in Texten und Untersuchungen 8). Boston–Berlin.
- Goedegebuure, P.M. 2002: KBo 17.17+: Remarks on an Old Hittite Royal Substitution Ritual. *Journal of Ancient Near Eastern Religions* 2, 61–73.
- Gurney, O.R. 1977: *Some aspects of Hittite religion. Schweich Lectures of the British Academy 1976*. Oxford.
- Güterbock, H.G., Hoffner, H.A. 1980: *The Hittite dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago*. Vol. L–N. Fasc. 1: *la- to ma-*, (CHD 3/1). Chicago.
- Güterbock, H.G. 1951: The Song of Ullikummi. Revised Text of the Hittite Version of a Hurrian Myth. *JCS* 5, 135–161.
- Güterbock, H.G. 1952: The Song of Ullikummi. Revised Text of the Hittite Version of a Hurrian Myth (Continued). *JCS* 6, 8–42.
- Güterbock, H.G. 1983: A Hurro-Hittite Hymn to Ishtar. *Journal of the American Oriental Society* 103/1, 155–164.
- Haas, V. 1994: *Geschichte der hethitischen Religion* (HdO 15). Leiden–New York–Köln.
- Haas, V. 2003: Betrachtungen zur Traditionsgeschichte hethitischer Rituale am Beispiel des “Sündenbock”-Motivs. In G. Beckman et al. (eds.), *Hittite Studies in Honor of Harry A. Hoffner Jr. on the Occasion of His 65th Birthday*. Winona Lake, IN, 131–141.
- Hoffner, H.A., Melchert, H.C. 2008: *A Grammar of the Hittite Language*. Pt. 1: *Reference Grammar*. Winona Lake, IN.
- Hutter, M. 2019: The Luwian Rituals of Kuwattalla: thoughts on their re-arrangement. In: A. Süel (ed.). *IX. Uluslararası Hititoloji Kongresi Bildirileri, Çorum 08–14 Eylül 2014 – Acts of the IXth International Congress of Hittitology, Çorum, September 08–14, 2014*. Çorum, 335–358.
- Ivanov, V.A. 2023a: Proishozhdenie rituala Pulisy (CTH 407) [Origin of the Ritual of Puliša (CTH 407)]. *Vostok/Oriens* 4, 246–264.
- Иванов, В.А. 2023а: Происхождение ритуала Пулисы (CTH 407). *Восток/Oriens* 4, 246–264.
- Ivanov, V.A. 2023b: Hittite *ānt-* and related lexemes. *Vostok (Oriens)* 6, 42–51.
- Josephson, F. 1979: Anatolien tarpa/i-, etc. In: *Florilegium anatolicum. Mélanges offerts à Emmanuel Laroche*. Paris, 177–184.
- Kassian, A.S. 2000: *Two Middle Hittite Rituals Mentioning ^fZiplantawija, Sister of the Hittite King ^mTuthalija II/I*. Moscow.

- Kloekhorst, A. 2008: *Etymological Dictionary of the Hittite Inherited Lexicon*. Leiden.
- Kümmel, H.M. 1967: *Ersatzrituale für den hethitischen König* (StBoT 3). Wiesbaden.
- Melchert, H.C., Yakubovich, I. 2022: New Luwian verbal endings of the first person plural. *Incontri Linguistici* 45, 9–25.
- Melchert, H.C. 1988: Luwian Lexical Notes. *Historische Sprachforschung* 101, 211–243.
- Melchert, H.C. 2003: *The Luwians* (HdO I/68). Leiden–Boston.
- Melchert, H.C. 2014: Hittite nakku(wa)- ‘(spirits of) the dead’. In: H.C. Melchert et al. (eds.). *Munus amicitiae – Norbert Oettinger a collegis et amicis dicatum*. Ann Arbor–New York, 219–227.
- Miller, J.L. 2004: *Studies in the Origins, Development and Interpretation of the Kizzuwatna Rituals* (StBoT 46). Wiesbaden.
- Mouton, A. 2010: Hittite Witchcraft. In A. Süel (Ed.). *7 Hit Congr VII. Uluslararası Hititoloji Kongresi Bildirileri, Çorum 25–31 Ağustos 2008 – Acts of the VIIth International Congress of Hittitology, Çorum, August 25–31, 2008*. Ankara, 515–528.
- Mouton, A. 2014: Rituels de ‘boucs émissaires’ en Anatolie hittite. In: P. Mouton, A., Yakubovich I. 2021: Where did one speak luwili? Geographic and linguistic diversity of Luwian cuneiform texts. *Journal of Language Relationship* 19/1-2, 25–53.
- Neu E. 1990: Zum hurritischen Verbum. *Orientalia*, 59, 2. *Gedenkschrift Einar von Schuler (28.10.1930 – 15.2.1990)*, 223–233.
- Puértolas Rubio, L. 2023: Deities and Impurity in the Puriyanni and Kuwattalla traditions. In I. Yakubovich, A. Mouton (eds.). *Luwili. Hittite-Luwian ritual texts attributed to Puriyanni, Kuwattalla and Šilalluḫi (CTH 758–763)*. Vol. II: *Discussion and glossary. With a contribution by Laura Puértolas Rubio* (StBoT 72). Wiesbaden, 364–386.
- Puhvel, J. 1984: *Hittite Etymological Dictionary*. Vol. 1: *Words beginning with A*. Berlin–New York–Amsterdam.
- Puhvel, J. 2007: *Hittite Etymological Dictionary*. Vol. 7: *Words beginning with N*. Berlin–New York.
- Richter, T. 2012: *Bibliographisches Glossar des Hurritischen*. Wiesbaden.
- Sasseville, D. 2020: *Anatolian Verbal Stem Formation. Luwian, Lycian and Lydian* (BSIEL 21). Leiden–Boston.
- Singer, I. 2002: *Hittite prayers* (WAW 11). Atlanta.
- Soysal, O. 2004: On Hittite (LÚ) Ānt- “(The) Equal (one) > Rival” Again. *Journal of Ancient Near Eastern Religions* 4, 99–105.
- Starke, F. 1985: *Die keilschrift-luwischen Texte in Umschrift* (StBoT 30). Wiesbaden.
- Starke, F. 1990: *Untersuchungen zur Stammbildung des keilschrift-luwischen Nomens* (StBoT 31). Wiesbaden.
- Steitler, C.W. 2017: *The Solar Deities of Bronze Age Anatolia. Studies in Texts of the Early Hittite Kingdom* (StBoT 62). Wiesbaden.
- Taracha (ed.). *Proceedings of the 8th International Congress of Hittitology, September 5–9, 2011*. Warsaw, 558–587.
- Taracha, P. 2000: *Ersetzen und Entsühnen. Das mittelhethitische Ersatzritual für den Großkönig Tuthalija (CTH *488.4) und verwandte Texte* (CHANE 5). Leiden–Boston–Köln.
- Tischler, J. 1993: *Hethitisches Etymologisches Glossar*. Teil 3, T,D/2 (IBS 20). Innsbruck.
- Tischler, J. 2001: *Hethitisches Handwörterbuch: mit dem Wortschatz der Nachbarsprachen* (IBS 102). Innsbruck.
- Torri, G. 2003: *La similitudine nella magia analogica ittita* (StudAs 2).
- Tropper, J. 1993: *Die Inscripten von Zincirli*. Münster.
- van Brock, N. 1959: Substitution rituelle. *Revue Hittite et Asiatique* 65, 117–139.
- van den Hout, Th. 2020: *A History of Hittite Literacy. Writing and Reading in Late Bronze-Age Anatolia (1650–1200 BC)*. Cambridge.

- Yakubovich, I., Mouton, A. 2023a: *Luwili. Hittite-Luwian ritual texts attributed to Puriyanni, Kuwattalla and Šilalluḫi (CTH 758–763)*. Vol. I: *Edition and commentary*. In cooperation with Laura Puértolas Rubio (StBoT 72). Wiesbaden.
- Yakubovich, I., Mouton, A. 2023b: *Luwili. Hittite-Luwian ritual texts attributed to Puriyanni, Kuwattalla and Šilalluḫi (CTH 758–763)*. Vol. II: *discussion and glossary*. With a contribution by Laura Puértolas Rubio (StBoT 72). Wiesbaden.
- Yakubovich, I. 2002: *Nugae Luvicae*. In: V. Shevoroshkin, P. Sidwell (eds.), *Anatolian Languages*. Canberra, 189–209.
- Yakubovich, I. 2021: *The Anatolian Connections of the Greek God Enyalios*. In: M. Bianconi (ed.), *Linguistic and Cultural Interactions between Greece and Anatolia. In Search of the Golden Fleece*. Leiden–Boston, 233–245.
- Yakubovich, I. 2022: *Peoples and Languages*. In: S. de Martino (ed.), *Handbook Hittite Empire. Power Structures (Empires through the Ages in Global Perspective 1)*. Oldenbourg, 3–44.
- Zatelli, L. 1998: *The Origin of the Biblical Scapegoat Ritual: The Evidence of Two Eblaitic Texts*. *Vetus Testamentum* 48, 254–263.

ПОДМЕННЫЕ ОБРЯДЫ И ОБРЯДЫ КОЗЛА ОТПУЩЕНИЯ В ХЕТТО-ЛУВИЙСКИХ РИТУАЛАХ

В.А. Иванов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: v.v.a.ivanoff@yandex.ru

Записанные клинописью на глиняных табличках хетто-лувийские ритуалы, принадлежащие к традициям Пурияни и Куватталлы (СТН 758–763), названным по именам их авторов, состоят из множества более мелких обрядов, в число которых входят также подменные обряды и обряды козла отпущения. Подменные обряды заключались в перемещении нечистоты с заказчика ритуала на животное или неодушевленную фигурку (заместителя) с последующим его уничтожением. Терминология хетто-лувийских подменных обрядов имеет параллели с хеттскими царскими подменными ритуалами (СТН 419–421) и молитвой за царевну Гассулиявию (СТН 380). Обряды козлов отпущения имеют сходства с подменными обрядами, но эти две категории нужно рассматривать отдельно. Представленный в исследовании систематический анализ обрядов обоих видов позволил прийти к новым интерпретациям хетто-лувийских ритуалов. Так, плохо сохранившийся пассаж из традиции Куватталлы, упоминающий «верхних заместителей», можно объяснить с помощью параллели из хеттского царского подменного ритуала (СТН 421), где разные виды заместителей (живые и неодушевленные) предназначены для разных групп богов: небесных божеств и богов Подземного мира. Упомянутый в хетто-лувийских ритуалах обряд кормления духов *nakkiu-* отражён в тексте лувийского заговора, принадлежащего к текстам так называемой традиции города Таурисы (СТН 764–766). Также на основе параллели с Молитвой за царевну Гассулиявию (СТН 380) автор приходит к выводу, что прилагательное *šakniwant(i)-*, которым в ритуалах Куватталлы описывается посвящаемое богу Грозы животное, должно описывать положительные характеристики жертвы.

Ключевые слова: анатолийские религии, хетто-лувийские ритуалы, традиция Пурияни, традиция Куватталлы, подменные обряды, заместители, козёл отпущения

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2024), 219–237
© The Author(s) 2024

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2024), 219–237
©Автор(ы) 2024

DOI: 10.18503/1992-0431-2024-2-84-219–237

ЗАБОТА О СВЯЩЕННЫХ ЖИВОТНЫХ В ПРОПАГАНДЕ ПТОЛЕМЕЕВ

М.С. Апенко

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия;
Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия*

E-mail: mikhap97@live.com

ORCID: 0000-0002-5344-4938

Культы священных животных оказываются важным элементом древнеегипетской религии Позднего времени. Особенно важным это почитание оказывается в эпоху Птолемеев, когда цари начинают регулярно сообщать о своей заботе об основных священных животных. В статье рассматриваются эти сообщения с целью определить, какие именно формы принимала забота о священных животных. Так, очевидно, что цари регулярно посещали культовых животных, участвовали в их интронизации, оплачивали их захоронения и заботились о храмах, где эти животные жили и почитались. Кроме того, в статье поднимается вопрос о причинах того, почему цари династии Птолемеев так активно использовали этот сюжет. Как представляется, причины этого оказываются двойственными. С одной стороны, в Египте Позднего времени, в особенности после его завоевания Ахеменидами, получают распространение различные сюжеты о кощунстве того или иного чужеземного царя по отношению к священным животным. Так, сообщается, что они всячески вредят им, убивают их, в некоторых случаях даже поедают. Таким образом, Птолемеи, которые не только не вредят, но даже помогают священным животным, противопоставляются этим чужеземным правителям прошлого и тем самым подтверждают свой легитимный статус в глазах египетского жречества. С другой стороны, важными оказываются представления о культе животных самих правителей династии Птолемеев и правящей греко-македонской элиты. Поскольку они могли познакомиться с этим культом и по античной традиции, в частности, по трудам Геродота, для них его важность могла быть понятна даже без учета интересов египетского населения.

Ключевые слова: Древний Египет, эллинизм, Птолемеи, священные животные, Апис, египетское жречество

Данные об авторе. Михаил Сергеевич Апенко – аспирант кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, младший научный сотрудник ИВИ РАН.

Культы священных животных являлись важным элементом религиозной жизни Египта. На египетском языке эти животные назывались *ꜥwt ntr* (Wb. I. 170. 15–16), что точнее будет перевести как «божественные животные» или «божественный скот». Такой перевод может лучше объяснить то, как эти животные воспринимались в действительности: они были воплощением сущности (силы «ба») определенного божества на земле¹. Первые свидетельства таких культов мы находим еще в раннединастический период², но по-настоящему популярными они становятся только в Позднее время, причем, особенно уже в эпоху Птолемеев³.

В Египте почитались различные священные животные⁴, но самыми важными из них были быки Апис, Мневис, Бухис и баран Банебджд. Цари Позднего времени всячески поддерживали эти культы, оплачивали похороны священных животных⁵. Между тем до Птолемеев мотив царской заботы об этих животных, видимо, не являлся существенным в государственной пропаганде: о благодеяниях царей в отношении культов священных животных никогда специально не сообщается. Напротив, для правителей династии Птолемеев забота о священных животных является важным мотивом, который регулярно встречается в самых разных пропагандистских текстах⁶.

Если быть более точным, то постоянным элементом пропаганды этот мотив становится в правление Птолемея II. Так, сразу в двух царских надписях того времени, Пифомской⁷ и Мендесской⁸, мы находим сообщения о царской заботе по отношению к священным животным. В дальнейшем этот аспект пропаганды появляется в текстах вплоть до правления Птолемея V включительно. В частности, он регулярно фигурирует в так называемых декретах синодов египетского жречества, особых собраниях, на которых обсуждались вопросы династического культа династии Птолемеев⁹: Александрийском (243 г. до н.э.)¹⁰, Канопском (238 г. до н.э.)¹¹, Рафийском (217 г. до н.э.) и Розеттском (196 г. до н.э.)¹².

ПРИМЕРЫ ЗАБОТЫ О СВЯЩЕННЫХ ЖИВОТНЫХ В ИСТОЧНИКАХ

Текстом, наиболее четко показывающим царскую заботу о культовых животных, является Мендесская стела. Эта царская надпись описывает деяния царя по

¹ Kessler 1989, 12–15.

² Kessler 2003, 37.

³ Kessler 1989, 1–2.

⁴ На сегодняшний день известно около 120 мест, где почитались различные священные животные (Kessler 1989, 18–29).

⁵ Devauchelle 1994.

⁶ Конечно, нельзя отрицать вероятность того, что источники более раннего периода просто не сохранились (Quack 2008, 286). Но даже с учетом такого замечания пропаганда Птолемеев кажется гораздо более яркой.

⁷ Издания надписи: Brugsch 1894, 74–87; Thiers 2007.

⁸ Издания надписи: Roeder 1959, 168–188; De Meulenaere, MacKay 1976, 173–177.

⁹ Huß 1991.

¹⁰ El-Masry et al. 2012.

¹¹ Pfeiffer 2004.

¹² Gladić 2015.

отношению к Мендесскому ному и его божеству, священному барану Банебджеду, в течение значительной части правления Птолемея II (ок. 279–264 гг. до н.э.). Согласно тексту надписи, царь в начале своего правления прибыл в Мендес, чтобы посетить Банебджеда, причем посетил его раньше остальных животных (Urk. II. 37.4–5: *shn hm.f b3 nh m sp tpy n shn.f wt ntr dr h.f hr nst it.f* – «посетил величество его барана живого прежде посещения им /других/ священных животных со времени вступления его на трон отца его»). Отрывок показывает, что царь, видимо, посещал священных животных в разных культовых центрах, но в Мендесской надписи они не названы. Обычно в текстах официальной пропаганды упоминают имена только двух других священных животных – быков Аписа и Мневиса (подробнее см. ниже).

Помимо посещения священного животного, царь также проверяет ход реконструкционных работ в храме божества, так называемом «доме барана» (Urk. II. 38. 4–16). Эти работы оказались необходимы после разрушения города персами во время второго персидского владычества¹³. Об этом же сообщено и в самой надписи: в храме Банебджеда делаются реконструкции, «как приказал величество его для изгнания плохого, сделанного ему чужеземцами мятежными» (Urk. II. 37. 7–8: *wd.n hm.f r izw zhw ir h3swt bdsw r.f*). В 21-й год правления Птолемея II (264 г. до н.э.) этот храм был восстановлен, в честь чего устраивают специальный праздник, на котором присутствует сын царя (Urk. II. 46.3–47.5).

В последнем интересующем нас фрагменте текста сообщается о нахождении нового священного барана и о его интронизации. Сначала царь получает сообщение о том, что в специальном месте был обнаружен новый претендент на звание барана Банебджеда, по случаю чего проводится собрание представителей жречества, чтобы определить, действительно ли это он (Urk. II. 48.4–13: *iw r dd n hm.f imi b3 nh pr m shi imntt nw ddt bt gm.tw.fm sp tpy iw.f hr sšmt r s'h sw hm.k hr nst.f imi ii (rm)t pr-nhw r m33.f h.n h3b.n hm.f r gsw-pr nw šm'w mhw...* – «Пришли, чтобы сказать Его Величеству: “Дай ба живому выйти из полей западных Дждет, месте, где впервые нашли его. Он – в месте Сешемет/Сенебед, чтобы ты возвел его на трон его. Дай прохождение людей из Дома жизни, чтобы они увидели его”. Тогда Его Величество послал в храмы Верхнего и Нижнего Египта...»). После того, как жрецы обнаруживают, что это действительно священный баран Мендеса (Urk. II. 48. 14–15: *ir m-ht m33 sw rmt pr-nhw si3.sn izbw.f r hbt* – «затем увидели его люди домов жизни, узнали они образ его из книг»), происходит его интронизация и прибытие в новый храм, отстроенный до этого царем (Urk. II. 50. 9–10: *iw s'h b3 m npt hr nst.f ir hb mk m pr.f* – «вот будет возведен баран в анэпэт (Мендес) на трон его, будет сделан праздник защиты в доме его»).

Сведения других источников оказываются не столь подробны. В Пифомской стеле, еще одной царской надписи времени Птолемея II, которая описывает взаимодействие царя уже с Пифомским номом (279–264 гг. до н.э.), сообщается о посещении царем нескольких священных быков (Urk. II. 103. 6: *m-ht nn dsr.n.f Hp Wr-mr k3 s3b* – «затем почтил он Аписа, Мневиса и быка пестрого»)¹⁴. Во время

¹³ Redford 2010, 179–187.

¹⁴ В тексте надписи сообщается о трех быках: Аписе, Мневисе и еще одном, определить которого невозможно. В. Шпигельберг считал, что здесь имеется в виду бык Бухис (Spiegelberg 1904, 46–47). Этой же точки зрения придерживается в работе, посвященной Бухисам, и Л. Голдбруннер

посещения этих животных он вводит каждого из них в храм, т.е. утверждает их в качестве священных (Urk. II. 103.7–8; *ir.n.f shn.sn r-nfr r s^ck.sn r iwnn.sn m m3wt* – «сделал он посещение их превосходно, чтобы ввести их в святилища их вновь»). В тексте сообщается, что подобное не совершалось ранее ни одним другим царем Египта (Urk. II. 103. 11). Сложно сказать, что именно здесь имеется в виду. Возможно, таким образом автор стелы хотел показать, что Птолемей II совершает что-то нестандартное для египетской традиции, но уверенно это утверждать нельзя. Возможно, это не более чем формула, которая должна была представить царя в положительном свете.

В трех синодальных декретах египетского жречества, датированных временем Птолемея III и Птолемея V, забота о священных животных показана схожим образом. Так, упоминаются только Апис и Мневис, которым предоставляются различные блага. В Александрийском декрете 243 г. до н.э. сообщается, что Птолемей III позаботился об Аписе, Мневисе и других священных животных (АД, стр. 10: *ir.n hm.f 3hw wrw n Hp Mr-wr hn^c wt ntr(t) nb(t) hwi m t3-mri* – «сделал величество его много полезного для Аписа, Мневиса вместе с другими священными животными, почитаемыми в Египте»), предоставил все необходимое для них, а также провел интронизацию каждого из них (АД, стр.11: *it.n hm.f shn im.sn r h^c hr nst.sn m gsw-prw.sn* – «пришел величество его в посещении к ним, чтобы возвести /их/ на трон их»). В Канопском декрете 238 г. до н.э. сведения переданы еще более кратко: сообщается, что Птолемей III с супругой совершили много полезного для Аписа, Мневиса и других священных животных, что «делают они вещи великие, затраты многочисленные для /того, чтобы/ позаботиться о них» (Urk. II. 128. 8 *di.sn ht wrw spd knw r irt mhrw.sn*; греческий текст передает ту же мысль: OGIS.56. 9–10). В Розеттском декрете 196 г. до н.э. сообщается, что Птолемей V совершил много полезного для священных животных (Urk. II. 185.2–186.5; OGIS. 90. 30–34): так, он дает все необходимое для бальзамирования их тел (Urk. II. 185.6 *rdi.n.f ht nb(t) d^cr.sn r bs dt.sn wr.tw dsr.tw* – «дал он вещь всякую, которую ищут они для захоронения тел их великого и священного»; OGIS. 90. 32 *tá τ' εἰς τὰς ταφὰς αὐτῶν καθήκοντα διδοὺς δαψιλῶς καὶ ἐνδόξως* – «давал все необходимое для их захоронения щедро и славно»), оплачивает содержание их храмов и празднеств (Urk. II. 185. 7–8 [*rdi.n.f nbw*] *hd w3hy(t) wrw hn^c ht nb(t) mi-^cs(3).sn r hwt-shn nty Hp-^cnh* – «дал он золота, серебра, зерна много вместе с вещью всякой подобно множеству ее для дома визитов живого Аписа»; OGIS. 90. 32: *δίδου<...> καὶ τὰ τελεσκόμενα εἰς τὰ ἴδια ἱερὰ μετὰ θυσιῶν καὶ πανηγύρεων καὶ τῶν ἄλλων τῶν νομι[ζομένων]* – «давал <...> и расходы в святилище личное с жертвоприношениями, праздниками и другими обычаями»). Кроме того, особенно отмечается, что царь позаботился о храме Аписа, в котором были проведены реконструкционные работы (Urk. II. 186. 4–5 *shkr.in hm.f m k3t mnht n m3 nfrwy.s m sš m3^c sh^c.n.f Hp-^cnh r.s* – «украсил величество его прекрасной работой [храм Аписа – М. А.] – поистине прекрасна она – сделал он появление Аписа живого там [в храме – М.А.]»; OGIS. 90. 33–34: *τὸ Ἀπειῶν ἔργοις πολυτελέσι κατεσκευάσεν χορηγήσας εἰς αὐτὸ χρυσίον<υ> τε κ[αὶ ἀργυρί]ου καὶ λίθων πολυτελῶν πλῆθος οὐκ ὀλίγον* – «украсил Апейон [храм Аписа – М.А.] дорогими

(Goldbrunner 2004, 140–141). Кр. Тьер обращает внимание на тот факт, что в Птолемеевских декретах Бухис ни разу не упоминает и считает, что правильнее будет понимать это как бык пестрый (Thiers 2007, 76).

работами, потратив золота своего, серебра и камней много»). Во фрагменте не сообщается о посещении царем священных животных, но это связано с особыми обстоятельствами¹⁵, а не с изменением политики. Между тем из текста Мемфисского декрета 185 г. до н.э., известного также как декрет Филенсис I (Urk. II. 198–214)¹⁶, нам точно известно, что Птолемей V был на интронизации Аписа в 185 г. до н.э., во время которой он и провел синод египетского жречества (Urk. II. 201. 5–6: *ii m itrtu Šmꜥw Mḥw r 'Inb-ḥd r shn Ḥp ꜥnh* – «пришли из святилищ Верхнего и Нижнего Египта в Мемфис, чтобы встретить Аписа живого»).

Несколько особняком стоит упоминание священных животных в тексте декрета Рафии 217 г. до н.э. (CPI.144). Сам текст посвящен 4-й Сирийской войне (219–217 гг. до н.э.), и в нем сообщается о победе Птолемея IV Филопатора над Антиохом III. Исходя из этого, текст почти всей надписи посвящен преимущественно действиям царя в Палестине. Между тем и в этом источнике есть сведения, которые, как считают некоторые переводчики декрета Рафии, могут быть посвящены культовым животным и заботе о них. Так, вероятнее всего, царь возвращает мумии погибших священных животных и привозит раненых животных для лечения в Египет (CPI. 144, демотический текст, стк. 20–21). Сложно сказать, откуда в Палестине могли оказаться раненые животные: Х-И. Тиссен предполагает, что это могли быть священные животные египтян, живших в Палестине¹⁷. Мумии священных животных, в свою очередь, могли быть вывезены персами, известными кощунствами по отношению к египетской религии. Так, сообщая о завоевании Египта Артаксерком III, Диодор Сицилийский говорит, что этот царь вывез из Египта священные книги (Diod. XVI. 51.2). Кроме того, многочисленны сведения и о вывозе изображений божеств. Так, мы знаем, что это было совершено во время завоевания Египта ассирийцами (671 г. до н.э.)¹⁸. Скорее всего, тем же занимались и персы, хотя прямых сведений источники все же не дают¹⁹. Поэтому вполне вероятно, что среди прочих объектов могли быть вывезены и мумии некоторых из священных животных, которые возвратил царь.

Таким образом, создается картина активной заботы царей о священных животных. Каждый правитель помогает содержать их, приезжает на их интронизацию, помогает в работах по обновлению помещений, где те живут. Однако возникает вопрос: насколько эти сведения соответствуют реальной деятельности царей?

РЕАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЦАРЕЙ ПО ОТНОШЕНИЮ К СВЯЩЕННЫМ ЖИВОТНЫМ

Прежде всего, начнем с наиболее значимого вопроса: посещали ли цари священных животных? В текстах достаточно регулярно сообщается об этом, а си-

¹⁵ Думается, сыграло роль, например, то, что Птолемею V на момент коронации было только 14 лет и он был слишком молод для специальных поездок по стране.

¹⁶ Recklinghausen 2018, 111–177.

¹⁷ Thissen 1966, 59.

¹⁸ Winnicki 1994: 157. Существует два разных сообщения, повествующих о вывозе статуй ассирийским царем Ассархаддоном. Первое было оставлено на стеле в Сирии (Luckenbill 1927, § 584–595), а второе засвидетельствовано в хронике, записанной в 22-й год правления Дария I (Grayson 1975, 85–86).

¹⁹ Подробнее о возможности вывоза персами статуй см. Winnicki 1994.

под 185 г. до н.э., описанный в декрете Филенсиса I, был и вовсе приурочен к интронизации Аписа, на которой присутствовал и сам царь. Текст Мендесской надписи сообщает сразу о нескольких датированных случаях посещения царем священного животного Мендеса. Однако этот же текст описывает и еще одну возможную ситуацию. Так, однажды царь не приезжает сам, а отправляет своего сына посетить священного барана²⁰ (Urk. II. 46.3–47.5). Скорее всего, подобный эпизод говорит о более регулярной практике, когда царь вместо себя посылает кого-то, представляющего царскую власть, если не может или не хочет прибыть сам. Сложно сказать, всех ли священных животных действительно посещал царь. Тексты регулярно сообщают только об Аписе и Мневисе, т.е. о самых важных животных, но очень скупо говорят о других.

Более интересным представляется вопрос о том, каким образом царь поддерживал культы священных животных. Тексты сообщают о едва ли не полном финансировании их захоронений и мумификации. Реальная ситуация, по всей видимости, была не столь однозначна. Так, Диодор Сицилийский передает, что Птолемей Сотер (в тот момент еще сатрап, ок. конца 320–х гг. до н.э.²¹) оплатил часть стоимости захоронения одного из Аписов (Diod. I. 84.4). Это сообщение показывает, что у жрецов были свои собственные средства на захоронение священного животного, но, если их было недостаточно, царь или, как в данном случае, тот, кто берет на себя его функции (т.е. сатрап Птолемей), мог оплатить часть необходимой суммы. Подобное же мы встречаем и в письме жреца Афродиты, отправленного диойкету²² Птолемея II, где жрец просит определенное количество мирры, необходимое для проведения мумификации некоей Хесис²³ (P. L. Vat. 20. 50). Неизвестно, было ли предоставлено нужное количество мирры, но факт обращения к царю и его приближенным говорит о том, что такие ситуации были и что помощь царя была вполне ожидаемой.

Еще одной мерой поддержки культов священных животных являлись разного рода строительные работы в их храмах. Самое крупное описание этого сохранилось в тексте Мендесской стелы, где сообщается, что царь сам приказал провести эти работы и следил за ходом их выполнения. Археологические раскопки в Мендесе подтверждают это, хотя данных и не столь много, как можно было бы ожидать. Уверенно ко времени Птолемея II в районе храма в Мендесе могут быть отнесены лишь несколько объектов, хотя в целом очевидно, что Птолемеи проводили значительные работы в Мендесе в III в. до н.э.²⁴

В Мемфисе мы тоже находим некоторые следы строительной деятельности в святилищах священных животных. При Птолемее II производились работы в

²⁰ Кто имеется в виду под этим Птолемеем-«сыном», не вполне понятно (Huß 1998, 229–250). Отметим лишь, что для нас важно, скорее, то, что он является официальным представителем династии Птолемеев, нежели его сыном или наследником престола.

²¹ Ладынин 2018, 35–55. Автор считает, что предложенные в историографии датировки этого события временем царствования уже Птолемея I (Thompson 1988, 114) некорректны.

²² Диойкет – глава государственной фискальной администрации Египта Птолемеев (часто в англоязычной литературе его еще называют «министром финансов»): Manning 2019, 107; 109.

²³ Как считает Томпсон, Хесис – это священная корова Хатхор из Афродитополиса (Thompson 1988, 115).

²⁴ Redford 2010, 188–210.

склепе одного из Аписов²⁵, при Птолемее V – в доме Аписа, о чем сообщается в Розеттском декрете (Urk. II. 186. 4–5; OGIS. 90. 33–34). Показательно, что при этом же царе был построен проход от Бубастейона (храма богини Бастет) к храму Анубиса в Саккаре, а также обновлен и сам храм Анубиса²⁶. Строительные работы при Птолемее V велись целым циклом, что делает гораздо более вероятным участие в них царя. Возможно, в иных случаях царь мог не очень активно участвовать в работах и помогал так же, как и в случае с оплатой похорон священного животного: если была необходима некоторая помощь, царь мог ее предоставить.

Стоит обратить внимание и на другие сведения, которые могут потенциально говорить об активном взаимодействии царей династии Птолемеев с культом священных животных. Так, у некоторых мумий священных соколов в районе Саккара имелись маски с лицом Птолемея II²⁷. Концептуально такое изображение должно было показывать присутствие в царе бога Хора²⁸. Подобного рода маски именно царей для более ранних правителей неизвестны, т.е. это могло быть особенностью или правителей династии Птолемеев, или даже уникальным явлением времени самого Птолемея II. Стоит, правда, оговорить, что идея нахождения Хора была выражена уже в эпоху XXX династии, когда был создан культ так называемых «соколов-Нектанебов»²⁹. Специфические черты этого культа – особые скульптуры, изображавшие бога Хора в обличье сокола и царя Нектанеба II, которого этот сокол защищал³⁰. Хотя в этом культе оказывается выражена примерно та же идея, что и в масках Птолемея II, но, представляется, что особые маски – новация именно времени Птолемея II.

Обратим внимание, что со временем самым важным священным животным окончательно становится бык Апис. Процесс этот был постепенным и, видимо, связан с ростом влияния мемфисского жречества. Мемфис и так был одним из важнейших городов Птолемеевского Египта³¹, но с правления Птолемея III его значение стало возрастать. Так, начиная с господства этого царя в традиционную царскую титулатуру, а вернее, в состав одного из входящих в нее имен, так называемого «золотого имени»³², помещается эпитет с именем мемфисского бога Птаха-Татенена (*nb-ḥbw-sd-mi-Pth-n3-tnn* – «владыка Хеб-Седов, подобно Птаху-Татенену»³³). Рост влияния Мемфиса заметен, если посмотреть, где проводились синоды египетского жречества: если в правление Птолемея III это Александрия и Каноп (пригород Александрии), то при его преемниках синоды созываются почти всегда в Мемфисе (исключением является только синод, описанный в декрете Филенсиса II 186 г. до н.э., который прошел в Александрии³⁴). По всей видимости,

²⁵ Thompson 1988, 117.

²⁶ Arnold 1998, 180.

²⁷ Всего найдено пять таких масок, относящихся ко времени Птолемея II. Хранятся они в ГМИИ им. А.С. Пушкина: Ладынин 2023, 164–184.

²⁸ Ладынин 2023, 179–180.

²⁹ Meulenaere 1960, Gorre 2009; Ладынин 2009, 3–26; 2016, 164.

³⁰ Ладынин 2009, 3.

³¹ Thompson 1988, 4.

³² Подробнее об этом элементе египетской титулатуры см.: Берлев, 1979; Beckerath 1999, 17–20.

³³ Beckerath, 1999, 234–235. См., например, титулатуру Птолемея III, АД 1–2: *wr-pḥty ir-3ḥt nb-ḥbw-sd-mi-Pth-n3-tnn ity-mi R^c* – «Великий силой, делающий великолепное, владыка хеб-седов подобный Птаху-Татенену, правитель подобный Ра».

³⁴ Recklinghausen 2018, 29–110.

эта роль Мемфиса и его жречества и стала причиной все большего роста значения Аписа в пропаганде Птолемеев.

Особенно ярко этот рост становится заметным начиная с правления Птолемея VI. В это время в царских титулатурах появляются регулярные упоминания быка Аписа³⁵ (например, в Хоровом имени Птолемея VI: *tni-m-ht htr-Ḥp-ḥnh-ḥr-mshnt.sn* – «превосходный в утробе, близнец Аписа живого в месте их рождения»³⁶). Кроме того, цари династии Птолемеев начинают регулярно ездить в Мемфис, по всей видимости, во дворец при местном Серапеуме³⁷. Эти сведения показывают, что практика апелляции к культу Аписа продолжает сохраняться и во II в. до н.э., когда основной тип источников, в котором сюжет заботы о священных животных имел значение, декреты синодов, больше не появляются³⁸.

Возникает вопрос, почему цари династии Птолемеев так активно используют этот мотив в своей пропаганде? Ведь цари и раньше проявляли заботу по отношению к священным животным³⁹, но специально не сообщали об этом в памятниках. Этой особенности пропаганды царей династии Птолемеев можно найти несколько объяснений.

ПРИЧИНЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СЮЖЕТА ЗАБОТЫ О СВЯЩЕННЫХ ЖИВОТНЫХ В ПРОПАГАНДЕ ПТОЛЕМЕЕВ

Прежде всего, надо отметить общее для всех мотивов, используемых в пропаганде Птолемеев, обстоятельство. Представители династии Птолемеев в глазах египетского населения и жречества были сакральными царями Египта (*nsw-bity* – царь Верхнего и Нижнего Египта). Это значило, что они находились в особых отношениях с божествами и посредством ритуалов, направленных к божествам, должны были поддерживать состояние гармоничного миропорядка (*maat*)⁴⁰. Между тем они также были продолжателями македонской монархической традиции, в рамках которой осуществляли власть над греко-македонским населением Египта, а также над жителями других регионов эллинистического мира, оказавшихся в сфере влияния государства Птолемеев⁴¹. Поскольку опорой власти Птолемеев было именно греческое население, им важнее было сохранить свой образ эллинистических монархов, из-за чего они избегали реальных контактов с египетской культовой жизнью, во всяком случае, с регулярным участием в совершении обрядов, что могло быть негативно воспринято в греческой среде. Это могло быть воспринято как «варваризация» династии Птолемеев и стать особенно опасным для режима при систематическом исполнении Птолемеями египетских ритуалов. Поэтому вплоть до правления Птолемея V цари династии Птолемеев не проходили египетского ритуала коронации⁴² и в принципе не участвовали в культовых действиях в египетских храмах. Таким образом, в глазах местного населения, а

³⁵ Kessler 1989, 80; Beckerath, 1999, 238–244.

³⁶ Kessler 1989, 80; Beckerath, 1999, 238–239.

³⁷ Hölbl 2001, 184.

³⁸ Gorre, Veisse 2020, 129.

³⁹ Так Нектанеб I проводил строительные работы в храме Аписа в Мемфисе (Arnold 1999, 109).

⁴⁰ Демидчик 2005, 22–23; 29; Blöbaum 2006, 31; Ладынин 2016, 266.

⁴¹ Ладынин 2016, 265–266.

⁴² Barta 1980, 33–53; Burstein 1991, 140–141.

особенно египетского жречества, сакральность этих царей была в какой-то мере ущербной⁴³.

В начале правления Птолемея III, во время III Сирийской войны (246–241 гг. до н.э.), в Египте происходит первое значительное восстание (245 г. до н.э.)⁴⁴. Одной из его предпосылок стали низкие разливы Нила в середине 240-х гг. до н.э., что было особенно важно, поскольку одним из результатов деятельности царя-ритуалиста как раз и было благоприятное протекание природных процессов, включая постоянный и благополучный разлив Нила. В таком случае отсутствие разлива или его недостаточность показывали, что царь не соответствует своей роли настоящего сакрального правителя⁴⁵. Эта идея могла стать лозунгом мятежа 245 г. до н.э.⁴⁶ В конце III в. до н.э. Птолемеи столкнулись с крупным восстанием на юге Египта⁴⁷. Это восстание оказалось столь успешным, что его лидеры даже провозгласили себя фараонами⁴⁸. Думается, что именно поэтому Птолемей V и был наконец коронован, чтобы продемонстрировать, что именно он является легитимным сакральным царем Египта.

Даже в моменты, когда выступления египтян были маловероятны, перед царями дома Птолемеев стояла задача показать, что они являются настоящими легитимными правителями страны, соответствующими представлениям ее исконных жителей, и заботятся о функционировании египетской религиозной жизни. Для этого были использованы те мотивы пропаганды, которые не предполагали прямого вовлечения царя в совершение ритуалов, видимо, одним из них и стал мотив заботы о священных животных.

Почему же цари династии Птолемеев выбрали именно этот мотив? Возможно, все дело в популярности культов священных животных в самом Египте⁴⁹. В таком случае цари династии Птолемеев апеллировали к ним, поскольку это было понятно египтянам и важно для них.

На наш взгляд, этого было бы недостаточно, чтобы цари начали посещать и проводить интронизации священных животных. Ведь если их задачей было показать свое отношение к египетской традиции, особо не погружаясь в нее, то подобное, весьма активное внедрение хотя и в специфическую, но значимую сферу египетской религии кажется крайне противоречивым. Греки могли бы воспринять это как уже упомянутую нами «варваризацию», что могло заметно повредить образу царя в их глазах.

В таком случае можно найти и другое объяснение: этот мотив был понятен не только египтянам, но и самим грекам и македонянам, имевшим собственные представления о египетской религии и действовавшим исходя из них. Обратим внимание на еще один популярный в пропаганде Птолемеев мотив – возвращение из Азии культовых изображений египетских богов, увезенных в свое время «в плен»

⁴³ Rössler-Köhler 1991, 280–336; Ладынин 2016, 295; Апенко, 2023, 117.

⁴⁴ Huß 1978, 151–156.

⁴⁵ Демидчик, 2005, с. 44–49.

⁴⁶ Ладынин 2016, 295.

⁴⁷ McGing 1997, 278–283.

⁴⁸ McGing 1997, 285–289; Holbl 2001, 153–159.

⁴⁹ Quack 2008, 286.

персами и вновь обретенных во время военных действий на азиатских землях⁵⁰. Этот мотив представлял царя, с одной стороны, благочестивым по отношению к божествам, чьи статуи он возвращал в Египет, а с другой – успешным полководцем, который оказывался способным добыть эти статуи в ходе войны.

Заметим, однако, что, хотя захват и увоз статуй богов и культовых предметов покоренных народов, призванный лишить их контакта со своими богами и переключить этот контакт на завоевателя, был типичной практикой в Передней Азии, для египетской традиции эта практика и обосновывавшие ее представления не были характерны⁵¹. В египетском иероглифическом тексте «Стелы Бентреш», относящемся к IV или III в. до н.э. (KRI II. 284–287), показано, что божество, если оно захочет, может беспрепятственно покинуть свою статую, что делало ее похищение или захват бессмысленными⁵². В надписи сообщается о том, как Рамсес II посылает статую бога Хонсу, чтобы исцелить дочь правителя одной азиатской страны. Когда ее царь решает оставить статую у себя, он видит во сне, как бог собирается покинуть ее. После этого царь возвращает статую обратно в Египет⁵³.

Таким образом, сама идея важности возвращения статуй божеств должна была исходить не столько от египетского населения, сколько от греко-македонской элиты и их собственных представлений. Для греков это была бы достойной и содержащей мотив реванша добычей. Справедливости ради отметим, что практика именно вывоза статуй чужих богов для греков и македонян, в общем-то, тоже не была характерной. Первый и едва ли не единственный значимый пример ее использования в ходе ведшихся ими войн описан в «Стеле Сатрапа»⁵⁴ – иероглифическом тексте 311 г. до н.э., когда Птолемей, сын Лага, был еще сатрапом Египта при формальном царствовании Александра, сына Александра Великого и Роксаны. В тексте надписи сообщается о кампании Птолемея I против «рубежа Ир-Мер-а» (предположительно Кирены⁵⁵; Urk. II. 15.11–15). По итогам этой кампании Птолемей I увел в Египет часть населения этого региона, а также ее «бога» (или «богов») в наказание за некий нанесенный Египту урон (Urk. II. 13–15: *in.f mš^c.s(n) m Bꜣw ḥmwt ḥn^c ntr(w?).sn m-isw ir.sn r Bꜣkt* – «увел (букв. «принес») он народ их в качестве мужчин /и/ женщин вместе с богом (богами?) их в качестве возмездия за /то, что/ сделали они против Египта»). В данном случае мы видим, что сатрап Птолемей забирает статую божества у мятежного народа, следуя ближневосточной традиции. Таким образом, в глазах Птолемея эта практика имела определенное значение.

Кроме того, хотя греки и македоняне не вывозили статуи и культовую утварь сами, они были хорошо знакомы с этой практикой от персов. Так, при подавлении Ионийского восстания в 494 г. до н.э. персы вывезли статую Аполлона из местно-

⁵⁰ Подробнее о мотиве возвращения статуй богов см.: Winnicki 1994, 149–190; Ладынин 2007, 273–287.

⁵¹ Дандамаев, Луконин 1980, 343.

⁵² Ладынин 2014, 159–161.

⁵³ Ладынин 2014, 161.

⁵⁴ Издания: Schäfer 2011; Ладынин 2022.

⁵⁵ В историографии нет единого мнения о том, что именно понимать под страной «рубежа Ир-Мер-а», но мы принимаем позицию И.А. Ладынина, который считает, что сами события имеют отношение к подавлению восстания в Кирене 313–312 гг. до н.э. (подробнее см. Ладынин 2022, 82–84; 148–159).

го храма (Hdt. VI. 19), а в 480 г. до н.э. ими из Афин были вывезены статуи Гармония и Аристокитона (Arrian, anab III. 7–8; Plin. NH XXXIV. 69–70), которые хотя и не были богами, но почитались в Афинах как борцы за свободу⁵⁶. Эти статуи были так важны, что вскоре создали их новые копии (Thuc. VI. 3–59). Можно предположить, что у части правящей элиты Египта Птолемеев то положение, в котором оказались египетские храмы, вызывало понимание и сочувствие, что отразилось в любви к этому сюжету царями династии Птолемеев⁵⁷. Отметим, что это не было главной причиной популярности данного сюжета. На наш взгляд, важнее было то, что возвращение статуй богов было удачным способом проявить благочестие к египетским храмам, не участвуя в ритуалах и не подрывая свой авторитет перед македонянами и греками, однако возможность понять этот сюжет и самими греками делало его более простым для использования. Может быть, нечто схожее мы найдем и в заботе о священных животных.

Так, о важной роли священных животных еще в V в. до н.э. подробно писал Геродот. Во II книге он сообщает о разных видах культовых животных и о том, как они почитаются египтянами (Hdt. II. 65–76). Но, что еще более важно, уже в третьей книге, передаются обстоятельства убийства Камбисом быка Аписа. Геродот говорит, что после завоевания Египта Камбисом египтяне обнаружили нового быка и начали праздновать его нахождение, поскольку они считали его своим богом (Hdt. III. 27). Камбис, узнав об этом, потребовал к себе этого Аписа, а затем убил его (Hdt. II. 28–29). Последствием кощунства становится безумие Камбиса (Hdt. III. 30–37) и его смерть, притом смертельной оказалась рана, нанесенная в то же место, куда Камбис ранил Аписа (Hdt. III. 64).

Достаточно подробно о священных животных, по всей видимости, писал и Гекатей Абдерский, который ок. 320–310 гг. до н.э. создал свой труд по истории Египта⁵⁸. Сам труд до нас не дошел, но есть достаточные основания считать, что он был основным для «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского⁵⁹. В труде Диодора значительное место уделено египетским культам животных (Diod. I. 83–90) и даже особенно отмечается, что сатрап Птолемей следит за ними, оплачивая захоронение Аписа (Diod. I. 84.4). Если мы предполагаем, что Диодор здесь повторяет Гекатея, получается, что последний специально останавливается на описании священных животных. Более того, если учесть, что Гекатей находился в окружении сатрапа Птолемея⁶⁰ и старался описать царя в лучшем свете, такое упоминание священных животных могло быть особенно важным. Рассказ об их культах мог объяснить грекам в Египте значимость этих культов для египтян и то, почему сам Птолемей уделяет им внимание.

Возвращаясь к тексту Геродота, отметим, что мотив кощунств чужеземных правителей по отношению к священным животным исходит из египетской традиции. По другим источникам мы отчетливо видим, что существовал целый ряд схожих сюжетов, которые описывали кощунственное поведение по отношению к

⁵⁶ Winnicki, 153.

⁵⁷ Так могло быть, по крайней мере, на этапе возникновения этого мотива в пропаганде Птолемеев. Думается, что с течением времени он перерос в некую традицию, которой каждый правящий царь должен был, по возможности, следовать.

⁵⁸ Murray 1970, 143–144; Stern, Murray 1973, 159–168; Priestley 2014, 2.

⁵⁹ Подробнее об аргументах по этому поводу см. Ладынин 2017, 221, 222, прим. 1.

⁶⁰ Ладынин 2017, 221.

египетской религии именно через убийство священных животных. Так, у Манефона при описании установления власти над Египтом потомками гиксосов в союзе с египетскими прокаженными мы находим сообщения о том, что священных животных поедали, а храмы, где животные обитали, превращали в кухни (FGrHist 60. F.10= Joseph. Ap. 1. 249)⁶¹.

К числу тех же сюжетов необходимо отнести и сюжет о кощунствах Артаксеркса III⁶². Этот сюжет оказывается для нас особенно значимым, поскольку передает египетские представления, но в том числе и на греческую аудиторию. Кроме того, есть основания полагать, что он был создан в период сатрапии Птолемея⁶³. Сюжет этот сохранился в нескольких основных версиях: в первой царь убивает быка Аписа (Plut. De Is. et Os. 31, Ael. V.H. VI. 8, Suida, s.v. *κακοῖς ἐλισσορέων κακά*), во второй Артаксеркс приносит Аписа в жертву ослу (т.е. Сету)⁶⁴ (Ael. V.H. IV. 8; ср. Ibid. De nat. anim. X. 28), в третьей царь съедает Аписа и священное животное Мендеса, за что оказывается съеден сам (Suida, s.v. *Ἀλιδεῖς; Ἰσχυος*, Ael. V.H. VI. 8; Suida, s.v. *λαβαῖς*)⁶⁵. Из этих сюжетов наиболее интересным оказывается третий, так как в нем наиболее ярко отражен то же принцип, что и в тексте Геродота. У Геродота Камбис умирает от раны в то же место, куда он сам ранил Аписа, а Артаксеркс оказывается съеден евнухом персидского царя Багоя (как передает словарь «Суда»), или же тот отдает тело царя на съедение кошкам – священным животным Египта (Ael. V.H. VI. 8) за то, что сам съел священных животных.

Ко времени Птолемея Сатрапа относится и другой сюжет о кощунствах, на этот раз относящийся к Клеомену из Навкратиса. Сюжет сохранился в трактате «Экономика», который приписывался Аристотелю⁶⁶. Клеомен из Навкратиса был фактическим наместником Египта при Александре Македонском и запомнился в истории как человек, сделавший много несправедливого Египту (Arr. Anab. VII. 23. 6). В «Экономике» перечисляются разные финансовые ухищрения этого наместника, цель которых – получить больше денег с египетских храмов⁶⁷. Среди различных сообщений выделяется следующее: когда Клеомен переплывал через ном, где божеством является крокодил, один из крокодилов схватил раба Клеомена. После этого Клеомен объявляет охоту на крокодилов и отступает от своего желания, когда жрецы откупаются от него ([Arist.] Oec. II. 33b). Очевидно, что эти крокодилы были священными животными и задуманное наместником дело оказывается таким же кощунственным, что и убийства животных Камбисом или Артаксерком III.

Можно предположить, что у традиции описания негативного образа царя, вредящего священным животным, есть общий источник – так называемая «Книга победы Хора над Сетом», которая была сформирована в IV в. до н.э.⁶⁸. В этом тексте описывается мифологический эпизод борьбы Хора с Сетом – повторное вторжение после завершения тяжбы между Хором и Сетом и изгнания послед-

⁶¹ Dillery 2004: 395–396.

⁶² Schwartz 1949, 68–71; Ладынин 2019, 12–13.

⁶³ Ладынин 2019.

⁶⁴ Velde 1967, 26.

⁶⁵ Ладынин 2013, 31; 2019, 6.

⁶⁶ Ладынин, 2013.

⁶⁷ Ладынин 2013, 20–21.

⁶⁸ Gozzoli 2006, 219; Altmann 2010; Ладынин 2013, 31.

него из Египта, его вторжение в страну. При этом Сет совершает множественные святотатства: он поедает священного барана в храме Амона (Urk. VI. 23. 1–2), набрасывает лассо на Аписа (Urk. VI. 23. 15–16). Как считает И.А. Ладынин, первоосновой для «Книги победы Хора над Сетом» могло послужить некое повествование, описывавшее вторжение святотатства Камбиса при его вторжении в Египет⁶⁹.

Таким образом, складывается следующая картина. Мотив кощунственного отношения к священным животным становится особенно актуальным в IV в. до н.э., накануне завоевания Египта Александром, когда создается «Книга победы Хора над Сетом». Затем, при сатрапе Птолемее, этот мотив используется для того, чтобы создать негативный образ предыдущих правителей: Артаксеркса III и Клеомена из Навкратиса. Этот негативный образ должен был контрастировать с презентацией сатрапа Птолемея: он оплачивает похороны Аписа и, следовательно, заботится о священных животных Египта. Между тем мотив, предназначенный в первую очередь для египетского населения, получил распространение и в греческой среде, чтобы объяснить интерес царя к культам священных животных. Таким образом, можно было избежать обвинений в «варваризации» правящего режима. Кроме того, очень удачным для популярности этого мотива было то, что ритуалы интронизации священного животного были хотя и достаточно регулярными, но не систематическими. Царь посещал священных животных, но непонятно, насколько он действительно участвовал в самих ритуалах. Поэтому Птолемеи в дальнейшем и начинают активно использовать этот мотив. Забота о животных показывала египтянам, что цари были примером хороших чужеземных правителей, при этом она была понятна греческому населению и правящей элите, которые также знали о значении этих животных и отрицательных последствиях отсутствия заботы по отношению к ним.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в эпоху Птолемеев забота о священных животных становится значимой частью пропаганды легитимности правящего монарха. Эта пропаганда не ограничивалась только заявлением, но отражала реальную деятельность царей династии Птолемеев. Они начинают регулярно посещать священных животных, участвуют в их интронизации, заботятся о храмах особенно значимых культовых животных и выделяют средства на их захоронения. Причины такого явления оказываются, на наш взгляд, двойственными. С одной стороны, цари династии Птолемеев имели возможность сравнивать себя с негативными образами чужеземных правителей прошлого для того, чтобы показать себя в лучшем свете. С другой стороны, греко-македонское население страны и, возможно, сами цари династии Птолемеев могли считать благое поведение касательно священных животных необходимым условием нормальных отношений с египетским населением и примером уважения к египетской культуре.

⁶⁹ Ладынин 2013, 32.

ЛИТЕРАТУРА

- Апенко, М.С. 2023: Манефон Севеннитский и его место в египетской жреческой корпорации. *ПИФК* 1, 108–123
- Берлев, О.Д. 1979: «Золотое имя» египетского царя. В сб.: И.С. Кацнельсон (отв. ред.), *Ж.Ф. Шампольон и дешифровка египетских иероглифов*. М., 41–59.
- Демидчик, А.Е. 2005: *Безымянная пирамида. Государственная доктрина древнеегипетской Гераклеопольской монархии*. СПб.
- Дандамаев, М.А., Луконин, В.Г. 1980: *Культура и экономика древнего Ирана*. М.
- Ладынин, И.А. 2007: 3-я Сирийская война и захват Птолемеем III в Азии культовых предметов в сведениях книги Даниила и Порфирия Тирского. *Antiquitas aeterna* 2, 273–287.
- Ладынин, И.А. 2009: «Соколы-Нектанебы»: Скульптурные изображения Нектанеба II перед богом Хором и их концепция. *ВДИ* 4, 3–26.
- Ладынин, И.А. 2013: Сведения Псевдо-Аристотелевой «Экономики» о Клеомене из Накратиса и топосы древнеегипетской пропаганды. *ВДИ* 2, 18–40.
- Ладынин, И.А. 2014: От вместилищ богов к магическим помощникам: рецепция переднеазиатского представления о культовых изображениях в позднем и греко-римском Египте. *Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки* 156 (3), 158–168.
- Ладынин, И.А. 2016: Династический культ и эпонимное жречество Птолемеев. В кн.: С.Ю. Сапрыкин, И.А. Ладынин (ред.), «*Боги среди людей*»: культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире. М., 265–312.
- Ладынин, И.А. 2017: «*Снова правит Египет!*» Начало эллинистического времени в концепциях и конструктах позднеегипетских историографии и пропаганды. СПб.
- Ладынин, И. А. 2018: Жизнь и смерть одного Аписа: от второго персидского владычества до сатрапии Птолемея В сб.: С.Ю. Сапрыкин (ред.), *Древний Восток и античный мир*. Вып. 9. М., 35–55.
- Ладынин, И. А. 2019: Античная традиция о кощунствах Артаксеркса III против священных животных и вопрос о ее датировке. В сб.: И.А. Ладынин (ред.), *Восток, Европа, Америка в древности*. Вып. 4. *Сборник научных трудов Сергеевских чтений на кафедре истории древнего мира исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*. М.–СПб., 5–18.
- Ладынин, И.А. 2022: *Птолемей, сын Лага, и жрецы Буто. «Стела сатрапа» (Египетский музей, Каир, 22182): Иероглифический текст, перевод и комментарий*. М.–СПб.
- Ладынин, И.А. 2023: Маски священных соколов с изображением царя из египетского собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина. *ВДИ* 1, 164–184.
- Altmann, V. 2010: *Die Kultfrevl des Seth: Die Gefährdung der göttlichen Ordnung in zwei Vernichtungsritualen der ägyptischen Spätzeit (Urk. VI)* (Studien zur spätägyptischen Religion, 1). Wiesbaden.
- Arnold, D. 1999: *Temples of the last Pharaohs*. New York–Oxford.
- Barta, W. 1980: Thronbesteigung und Kronungsfeier als unterschiedliche Zeugnisse königlicher Herrschaftsübernahme. *Studien zur altägyptischen Kultur* 8, 33–53.
- Blöbaum, A.I. 2006: “*Denn ich bin ein König, der Maat liebt*”: *Herrscherlegitimation im spätzeitlichen Ägypten*. Aachen.
- Brugsch, H. 1894: Die Pithomstele. *Zeitschrift für ägyptische Sprache and Altertumskunde* 32, 74–87.
- Burstein, S.M. 1991: Pharaoh Alexander: A Scholarly Myth. *Ancient Society* 22, 139–145.
- Devauchelle, D. 1994: Les steles du Sérapéum de Memphis conservées au Musée du Louvre. *Acta Demotica: Acts of the Fifth International Conference for Demotists (Pisa, 4th–8th September 1993)*. Pise, 95–114.

- De Meulenaere, H., MacKay, P. 1976: *Mendes II*. Wärmster.
- Dillery, J. 2004: Cambyses and the Egyptian Chaosbeschreibung Tradition. *Classical Quarterly* 55, 387–406.
- El-Masry, Y., Altenmuller, H., Thissen, H.J. 2012: *Das Synodaldekret von Alexandria aus dem Jahre 243 v. Chr.* Hamburg.
- Gladić, D.A. 2015: *Das Dekret von Memphis. Kommentar und Auswertung*. Ph.D. Diss. Trier. [<https://ubt.opus.hbz-nrw.de/frontdoor/index/index/year/2018/docId/829>]
- Gorre, G., Veisse, A. 2020: Birth and disappearance of the priestly synods in the time of the Ptolemies. In: G. Gorre, St. Wackenier (eds.), *Quand la fortune du royaume ne dépend pas de la vertu du prince: Un renforcement de la monarchie lagide de Ptolémée VI à Ptolémée X (169–88 av. J.–C.)*. Leuven, 113–140.
- Gozzoli, R. 2006: *The Writing of History in Ancient Egypt during the First Millennium B.C. (ca. 1070–180)*. Trends and Perspectives (Golden House Publications, Egyptology, 5). London.
- Grayson, A. K. 1975: *Assyrian and Babylonian Chronicles*. Locust Valley–New York.
- Hölbl, G. A 2001: *History of the Ptolemaic Empire*. London–New York.
- Huß, W. 1978: Eine Revolte der Ägypter in der Zeit der 3. Syrischen Krieg. *Aegyptus* 58, 151–156.
- Huß, W. 1991: Die in ptolemaischen Zeit verfaßten Synodal-Dekreten der ägyptischen Priester. *ZPE* 88, 189–208.
- Huß, W. 1998: Ptolemaios der Sohn. *ZPE* 121, 229–250.
- Kessler, D. 1989: *Die heiligen Tiere und der König*. Wiesbaden.
- Kessler, D. 2003: Tierische Missverständnisse: Grundsätzliches zu Fragen des Tierkultes. In: M. Fitzenreiter (Hrsg.), *Tierkulte im pharaonischen Ägypten und im Kulturvergleich*. Berlin.
- Luckenbill, D.D. 1927: *Ancient Records of Assyria and Babylonia*. Vol. II. Chicago.
- Manning, J.G. 2019: The Ptolemaic Governmental Branches and the Role of Temples and Elite Groups. In: K. Vandorpe (ed.), *A Companion to Greco-Roman and Late Antique Egypt*. Hoboken, 103–118.
- McGing, B.C. 1997: Revolt Egyptian Style. Internal Opposition to Ptolemaic Rule. *Archiv für Papyrusforschung und verwandte Gebiete* 43, 274–314.
- Murray, O. 1970: Hecataeus of Abdera and the Pharaonic Kingship. *Journal of Egyptian Archaeology* 56, 141–171.
- Murray, O. 1972: Herodotus and Hellenistic Culture. *Classical Quarterly* 22, 200–213.
- Pfeiffer, St. 2004: *Das Dekret von Kanopos (238 v. Chr.)*. Kommentar und historische Auswertung (APF, Beiheft 18). München; Leipzig.
- Priesley, J. 2014: *Herodotus and Hellenistic Culture: Literary Studies in the Reception of the Histories*. Oxford.
- Quack, J.F. 2008: Innovations in ancient Garb? Hieroglyphic texts from the time of Ptolemy Philadelphus. In: P. McKechnie, Ph. Guillaume (eds), *Ptolemy II Philadelphus and his World*. Boston–Leiden.
- Recklinghausen, D. von 2018: *Die Philensis-dekrete: Untersuchungen Über Zwei Synodaldekrete Aus Der Zeit Ptolemaios' V. Und Ihre Geschichtliche Und Religiöse Bedeutung* (Ägyptologische Abhandlungen, 73). Wiesbaden.
- Redford, D.B. 2010: *City of Ram-God. The Story of Ancient Mendes*. Princeton.
- Roeder, G. 1959: *Die Ägyptische Gotterwelt*. Zurich.
- Rössler-Köhler, U. 1991: *Individuelle Haltungen zum ägyptischen Königtum der Spätzeit: Private Quellen und ihre Königswertung im Spannungsfeld zwischen Erwartung und Erfahrung*. (Göttinger Orientforschungen. IV. Reihe: Ägypten, 21). Wiesbaden.
- Schäfer, D. 2011: *Makedonische Pharaonen und hieroglyphische Stelen: Historische Untersuchungen zur Satrapenstele und verwandten Denkmälern*. Leuven.

- Schwartz, J. 1949: Les conquérants perses et la littérature égyptienne. *Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale* 48, 65–80.
- Spiegelberg, W. 1904: Varia. *Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes: pour servir de bulletin à la Mission Française du Caire* 26, 41–52.
- Stern, M., Murray, O. 1973: Hecataeus of Abdera and Theophrastus on Jews and Egyptians. *Journal of Egyptian Archaeology* 59, 159–168.
- Thiers, Chr. 2007: *Ptolémée Philadelphie et les prêtres d'Atoum de Tjékou. Nouvelle édition commentée de la "stele de Pithom" (CG 22183)*. Montpellier.
- Thompson, D. 1988. *Memphis under the Ptolemies*. Princeton.
- Velde, H. te 1967: *Seth, God of Confusion: A Study of His Role in Egyptian Mythology and Religion* (Probleme der Ägyptologie, 6). Leiden.
- Winnicki, J.K. 1994: Carrying Off and Bringing Home the Statues of the Gods: On the Aspect of the Religious Policy of the Ptolemies Towards the Egyptians. *Journal of Juristic Papyrology* 24, 149–190.

REFERENCES

- Altmann, V. 2010: *Die Kultfrevel des Seth: Die Gefährdung der göttlichen Ordnung in zwei Vernichtungsritualen der ägyptischen Spätzeit (Urk. VI)* (Studien zur spätägyptischen Religion, 1). Wiesbaden.
- Apenko, M.S. 2023: Mesto Manefona Sevensnitskogo v egipetskoy zhrecheskoy korporatsii [Manetho of Sebennytos and His Role in the Egyptian Priesthood]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]* 1, 108–123
- Arnold, D. 1999: *Temples of the last Pharaohs*. New York–Oxford.
- Barta, W. 1980: Thronbesteigung und Kronungsfeier als unterschiedliche Zeugnisse königlicher Herrschaftsübernahme. *Studien zur altägyptischen Kultur* 8, 33–53.
- Berlev, O.D. 1979: «Zolotoe imya» egipetskogo tsarya [“The Golden Name” of Egyptian King]. In: I.S. Katsnelson (ed.), *Zh.F. Shampol'on i deshifrovka egipetskikh ieroglifov [J.-Fr. Champollion and the Decipherment of the Egyptian Hieroglyphs]*. Moscow, 41–59.
- Blöbaum, A.I. 2006: “Denn ich bin ein König, der Maat liebt”: Herrscherlegitimation im spätzeitlichen Ägypten. Aachen.
- Brugsch, H. 1894: Die Pithomstele. *Zeitschrift für ägyptische Sprache and Altertumskunde* 32, 74–87.
- Burstein, S.M. 1991: Pharaoh Alexander: A Scholarly Myth. *Ancient Society* 22, 139–145.
- Dandamaev, M.A., Lukonin, V.G. 1980: *Kul'tura i ekonomika drevnego Irana [Culture and Economy of Ancient Iran]*. Moscow.
- De Meulenaere, H., MacKay, P. 1976: *Mendes II*. Wärmster.
- Demidchik, A.E. 2005: *Besymyannaya piramida. Gosudarstvennaya doktrina drevneeyegipetskoy monarkhii [A Nameless Pyramid: The State Doctrine of the Ancient Egyptian Heracleopolitan Monarchy]*. Saint Petersburg.
- Devauchelle, D. 1994: Les steles du Sérapéum de Memphis conservées au Musée du Louvre. *Acta Demotica: Acts of the Fifth International Conference for Demotists (Pisa, 4th–8th September 1993)*. Pise, 95–114.
- Dillery, J. 2004: Cambyses and the Egyptian Chaosbeschreibung Tradition. *Classical Quarterly* 55, 387–406.
- El-Masry, Y., Altenmuller, H., Thissen, H.J. 2012: *Das Synodaldekret von Alexandria aus dem Jahre 243 v. Chr.* Hamburg.
- Gladić, D.A. 2015: *Das Dekret von Memphis. Kommentar und Auswertung*. Ph.D. Diss. Trier. [<https://ubt.opus.hbz-nrw.de/frontdoor/index/index/year/2018/docId/829>]
- Gorre, G., Veisse, A. 2020: Birth and disappearance of the priestly synods in the time of the Ptolemies. In: G. Gorre, St. Wackenier (eds.), *Quand la fortune du royaume ne dépend pas*

- de la vertu du prince: Un renforcement de la monarchie lagide de Ptolémée VI à Ptolémée X (169–88 av. J.–C.)*. Leuven, 113–140.
- Gozzoli, R. 2006: *The Writing of History in Ancient Egypt during the First Millennium B.C. (ca. 1070–180)*. Trends and Perspectives (Golden House Publications, Egyptology, 5). London.
- Grayson, A. K. 1975: *Assyrian and Babylonian Chronicles*. Locust Valley–New York.
- Hölbl, G. A 2001: *History of the Ptolemaic Empire*. London–New York.
- Huß, W. 1978: Eine Revolte der Ägypter in der Zeit der 3. Syrischen Krieg. *Aegyptus* 58, 151–156.
- Huß, W. 1991: Die in ptolemaischen Zeit verfaßten Synodal-Dekreten der ägyptischen Priester. *ZPE* 88, 189–208.
- Huß, W. 1998: Ptolemaios der Sohn. *ZPE* 121, 229–250.
- Kessler, D. 1989: *Die heiligen Tiere und der König*. Wiesbaden.
- Kessler, D. 2003: Tierische Missverständnisse: Grundsätzliches zu Fragen des Tierkultes. In: M. Fitzenreiter (Hrsg.), *Tierkulte im pharaonischen Ägypten und im Kulturvergleich*. Berlin.
- Ladynin, I.A. 2017: “*Snova pravit Egipet!*” *Nachalo ellinisticheskogo vremeni v kontseptsiyakh i konstruktakh pozdneegipetskikh istoriografii i propagandy* [“*Egypt Rules Again!*” *The Start of the Hellenistic Period in the Concepts and Constructs of Late Egyptian Historiography and Propaganda*]. Saint Petersburg.
- Ladynin, I.A. 2007: 3–ya Siriyskaya voyna i zakhvat Ptolemeem III v Azii kul’tovykh predmetov v svedeniyakh knigi Daniila i Porfiriya Tirskego [The Third Syrian War and the capture of sacred objects in Asia by Ptolemy III as represented in the Book of Daniel and by Porphyry of Tyros]. *Antiquitas aeterna* 2, 273–287.
- Ladynin, I.A. 2009: “Sokoly-Nektaneby”. Skulpturnye izobrazheniya Nektaneba II pered bogom Khorom i ikh kontseptsiya [“Nectanebos-the-Falcons”: sculpture images of Nectanebo II before the god Horus and their concept]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 4, 3–26.
- Ladynin, I.A. 2013: Svedeniya Psevdo-Aristotelevoy «*Ekonomiki*» o Kleomene iz Navkratisa i toposy drevneegipetskoj propagandy [Cleomenes of Naucratis in Pseudo-Aristoteles’ *Oeconomica* and the Topoi of Ancient Egyptian Propaganda]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 2, 18–40.
- Ladynin, I.A. 2014: Ot vmestilishch bogov k magicheskim pomoshchnikam: retseptsiya pered-neaziatskogo predstavleniya o kul’tovykh izobrazheniyakh v pozdnem i greko-rimskom Egipte [From the Receptacles of Gods to the Magical Aides: The Reception of the Near Eastern Attitude towards Cult Images in Late and Greco-Roman Egypt]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki [Proceedings of the Kazan University. Humanities Series]* 156 (3), 158–168.
- Ladynin, I.A. 2016: Dinasticheskiy kul’t i eponimnoe zhrechestvo Ptolemeev [The dynastic cult and the eponymous priesthood of the Ptolemies]. In: S.Yu. Saprykin, I.A. Ladynin (eds.), “*Bogi sredi ludey*”: *kul’t praviteley v ellinisticheskoy, postellinisticheskoy i rimskoy mire* [“*Gods among Men*”: *The Rulers’ Cult in the Hellenistic, Post-Hellenistic and Roman World*]. Moscow, 265–312.
- Ladynin, I.A. 2018: Zhizn’ i smert’ odnogo Apisa: ot vtorogo persidskogo vladychestva do satrapii Ptolemeya [Live and Death of an Apis Bull: From the Second Persian Domination to Ptolemy’s Satrapy]. In: S.Yu. Saprykin (ed.), *Drevniy Vostok i antichnyy mir [Ancient Orient and the Classical World]* 9. Moscow, 35–55.
- Ladynin, I.A. 2019: Antichnaya traditsiya o koshchunstvakh Artakserksa III protiv svyashchennykh zhiivotnykh i vopros o ee datirovke [The classical tradition about the sacrilege of Artaxerxes III against the ancient Egyptians sacred animals: the problem of dating]. In: I.A. Ladynin (ed.), *Vostok, Evropa, Amerika v drevnosti*. Vyp. 4. *Sbornik nauchnykh trudov Sergeevskikh chteniy na kafedre istorii drevnego mira istoricheskogo fakul’teta MGU imeni*

- M.V. Lomonosova. [Orient, Europe, America in Antiquity. Iss. 4. Proceedings of the XXI Sergeyev Readings, Department of Ancient History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University]. Moscow, Saint-Petersburg, 5–18.
- Ladynin, I.A. 2022: Ptolemey, syn Laga, i zhretsy Buto. “Stela satrapa” (Egipetskiy muzey, Kair, 22182): Ieroglificheskiy tekst, perevod i kommentariy [Ptolemy, Son of Lagus, and the Priests of Buto. The Satrap Stela (Egyptian Museum, Cairo, 22182): Hieroglyphic Text, Translation and Commentary]. Moscow–Saint Petersburg.
- Ladynin, I.A. 2023: Maski svyashchennykh sokolov s izobrazheniem tsarya iz egipetskogo sobraniya GMII im. A.S. Pushkina [The Masks of Sacred Falcons with the Image of a King in the Egyptian Collection of the A.S. Pushkin Museum of Fine Arts]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 164–184.
- Lucienbill, D.D. 1927: *Ancient Records of Assyria and Babylonia*. Vol. II. Chicago.
- Manning, J.G. 2019: The Ptolemaic Governmental Branches and the Role of Temples and Elite Groups. In: K. Vandorpe (ed.), *A Companion to Greco-Roman and Late Antique Egypt*. Hoboken, 103–118.
- McGing, B.C. 1997: Revolt Egyptian Style. Internal Opposition to Ptolemaic Rule. *Archiv für Papyrusforschung und verwandte Gebiete* 43, 274–314.
- Murray, O. 1970: Hecataeus of Abdera and the Pharaonic Kingship. *Journal of Egyptian Archaeology* 56, 141–171.
- Murray, O. 1972: Herodotus and Hellenistic Culture. *Classical Quarterly* 22, 200–213.
- Pfeiffer, St. 2004: *Das Dekret von Kanopos (238 v. Chr.). Kommentar und historische Auswertung* (APF, Beiheft 18). München; Leipzig.
- Priesley, J. 2014: *Herodotus and Hellenistic Culture: Literary Studies in the Reception of the Histories*. Oxford.
- Quack, J.F. 2008: Innovations in ancient Egypt? Hieroglyphic texts from the time of Ptolemy Philadelphus. In: P. McKechnie, Ph. Guillaume (eds), *Ptolemy II Philadelphus and his World*. Boston–Leiden.
- Recklinghausen, D. von 2018: *Die Philensis-dekrete: Untersuchungen Über Zwei Synodaldekrete Aus Der Zeit Ptolemaios’ V. Und Ihre Geschichtliche Und Religiöse Bedeutung* (Ägyptologische Abhandlungen, 73). Wiesbaden.
- Redford, D.B. 2010: *City of Ram-God. The Story of Ancient Mendes*. Princeton.
- Roeder, G. 1959: *Die Agyptische Gotterwelt*. Zurich.
- Rössler-Köhler, U. 1991: *Individuelle Haltungen zum ägyptischen Königtum der Spätzeit: Private Quellen und ihre Königswertung im Spannungsfeld zwischen Erwartung und Erfahrung*. (Göttinger Orientforschungen. IV. Reihe: Ägypten, 21). Wiesbaden.
- Schäfer, D. 2011: *Makedonische Pharaonen und hieroglyphische Stelen: Historische Untersuchungen zur Satrapenstele und verwandten Denkmälern*. Leuven.
- Schwartz, J. 1949: Les conquérants perses et la littérature égyptienne. *Bulletin de l’Institut français d’archéologie orientale* 48, 65–80.
- Spiegelberg, W. 1904: Varia. *Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l’archéologie égyptiennes et assyriennes: pour servir de bulletin à la Mission Française du Caire* 26, 41–52.
- Stern, M., Murray, O. 1973: Hecataeus of Abdera and Theophrastus on Jews and Egyptians. *Journal of Egyptian Archaeology* 59, 159–168.
- Thiers, Chr. 2007: *Ptolémée Philadelphie et les prêtres d’Atoum de Tjékou. Nouvelle édition commentée de la “stèle de Pithom” (CG 22183)*. Montpellier.
- Thompson, D. 1988. *Memphis under the Ptolemies*. Princeton.
- Velde, H. te 1967: *Seth, God of Confusion: A Study of His Role in Egyptian Mythology and Religion* (Probleme der Ägyptologie, 6). Leiden.
- Winnicki, J.K. 1994: Carrying Off and Bringing Home the Statues of the Gods: On the Aspect of the Religious Policy of the Ptolemies Towards the Egyptians. *Journal of Juristic Papyrology* 24, 149–190.

CARING FOR SACRED ANIMALS IN PTOLEMAIC PROPAGANDA

Mikhail S. Apenko

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
Institute of World History of the Russian Academy of Science, Moscow, Russia*

E-mail: mikhap97@live.com

The worship of the sacred animals became an important aspect of Egyptian culture in the Late Period and especially during the Ptolemaic rule. For the first time the idea of care about the sacred animals was widely used for purposes of propaganda. This article examines these propaganda messages to understand in which ways the kings showed their care about the sacred animals. It seems that the kings often visited the sacred animals, enthroned the new ones and paid for their burials and temples. That begs the question why Ptolemies used this aspect of propaganda so frequently. Reasons for it are twofold. On the one hand, in the Late Egypt and especially in the time of Persian rule over it, it became quite popular to spread the stories of sacrileges done by Persian rulers. It often involved mutilation of the sacred animals, their killing and eating. Ptolemies who did not commit such atrocities but just the other way round cared about the animals and treated them well could be favorably compared with foreign rulers of old and thus could be viewed as legitimate rulers of Egypt. On the other hand, this aspect of propaganda could be well understood by Ptolemies' Greek subjects and by the members of the dynasty themselves. It is well known that Herodotus in his works described in detail the importance of the sacred animals for Egypt.

Keywords: Ancient Egypt, Hellenism, Ptolemies, sacred animals, Apis, Egyptian clergy

ПРИЛОЖЕНИЕ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2024), 238–261
© The Author(s) 2024

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2024), 238–261
© Автор(ы) 2024

DOI: 10.18503/1992-0431-2024-2-84-238–261

L. ANNAEUS SENECA
SUASORIA VI

Л. АННЕЙ СЕНЕКА СТАРШИЙ
VI СВАЗОРИЯ

(Латинский текст, заметка о тексте и перевод с латинского Г.Л. Криволапова,
вступительная статья и комментарий Е.В. Снедковой)

Часть 2¹

[12] Alteram partem pauci declamauerunt; †nemo (praene)†² ausus est Ciceronem ad deprecandum Antonium hortari; bene de Ciceronis animo iudicauerunt. GEMINVS VARIVS declamauit³ alteram quoque partem et ait: spero me Ciceroni meo persuasurum, ut uelit uiuere. quod grandia loquitur et dicit: 'mors nec immatura consulari nec misera sapienti', non mouet me; †idiotam petit†⁴. ego belle mores hominis noui: faciet⁵, rogabit. nam quod ad seruitutem pertinet, non recusabit; iam collum tritum habet. et Pompeius illum et Caesar subiecerunt⁶. ueteranum mancipium uidetis. et complura alia dixit scurrilia, ut illi mos erat.

[13] diuisit sic, ut diceret non turpiter rogaturum, non frustra rogaturum. in priore parte illud posuit, non esse turpe ciuem uictorem rogari a uicto. hic, quam multi rogassent C. Caesarem, hic et Ligarium. deinde, ne iniquum quidem esse Ciceronem satisfacere, qui prior illum proscripsisset. †qui

¹ Часть I – см. ПИФК 1 (2024). Латинский текст, заметка о тексте и перевод подготовлены Г.Л. Криволаповым, вступительная статья и комментарий – Е.В. Снедковой.

² (praene) post nemo add. Gertz, quem sequ. Wb.¹ (II, 572) et Feddern (417 f.), nemo a et cett., (fere) ante nemo add. Håk. (361) – locus confusus

³ (de)clamauit B²r et recc., clamauit a

⁴ idiotam petit con. Burs. (31) praeunte Schult. ((nec enim) idiotam petit uel potius idiotam petat), quem sequ. Feddern (419 f.), idiotam (ideo tam B) perit a, (ne) ideo uitam petat con. Schult., ideo tamen (non) peribit con. Kiessl. (40), idiotam gerit con. Müll. (564), quem sequ. Born. (II, 335 f.) Edward (26, 69) Wb.¹ (II, 572–575) Zan. (168 f.), idiotam (iam) geret con. Gertz, idiotam deceperit con. Walter (240) fort. recte, ideo iam perit? con. Håk. (361) praeunte Morgensterno ((nec) ideo iam perit), ideo tamen supererit con. Vsener – locus grauiter corruptus, necdum sanatus

⁵ faciet AV (cf. Contr. exc. IV.8) et recc., ficiet B, (satis) ante faciet add. Gertz

⁶ subiecerunt BV et recc. (cf. Liv. XXVIII.21.9 = subicere), subierunt A, subiegerunt con. Novák et Vsener, subegerunt con. Müll. (564), quem sequ. Håk. (361)

*litem incohasset*⁷, ab eo⁸ semper nasci⁹ satisfactionem, †ac data rogari¹⁰. deinde, non pro uita illum sed pro re publica rogaturum: satis illum sibi uixisse, rei publicae parum. in sequenti parte dixit exorari solere inimicos: ipsum exoratum¹¹ a¹² Vatinio Gabinioque reis¹³ adfuisse¹⁴. facilius exorari Antonium posse, †cui contentio¹⁵ esset, †ne quis (e) tribus¹⁶ hanc tam speciosam clementiae occasionem praeriperet¹⁷. fortasse ei¹⁸ irasci Antonium, qui ne¹⁹ tanti quidem illum²⁰ putasset, quem²¹ rogaret. [14] fuga quam periculosa esset, cum descripsisset, adiecit: quocumque peruenisset, seruiendum illi esse: ferendam esse aut Cassii uiolentiam aut Bruti superbiam aut Pompei stultitiam.

Quoniam in hanc²² suasoriam²³ incidimus, non alienum puto indicare, quomodo quisque se ex historicis aduersus memoriam Ciceronis gesserit. nam, *quin*²⁴ Cicero nec tam timidus fuerit, ut rogaret Antonium, nec tam stultus, ut exorari posse *eum*²⁵ speraret, nemo dubitat excepto Asinio Pollione, qui infestissimus²⁶ famae Ciceronis permansit. et is etiam occasionem scholasticis alterius suasoriae dedit. solent enim scholastici declamitare²⁷: deliberat Cicero, an salutem promittente²⁸

⁷ qui *litem incohasset coni. Burs. (32), quem sequ. Håk. (361) et Feddern (422 f.) fort. recte*, quietem (-tum **V**, qui et eum **B**²) iudicasset **a**, qui et hostem iudicasset *coni. Otto*, qui aequum iudicasset *coni. ed. Schott.*, qui et aequum iudicasset *coni. Schult.*, an qui hostem iudicasset (*coni. Gron., quem sequ. Kiessl. (40) et Müll. (565), cf. Cic. Phil. III.6 et XIII.39?*) – locus grauius corruptus, necdum sanatus

⁸ ab eo **a** et *recc.*, ab reo *coni. Schult.*, a reo *coni. Vsener et Gertz, quos sequ. Müll. (565)*

⁹ semper nasci **a** et *recc.*, expectari *coni. Vsener*, semper (qui laesisset) *coni. Novák*

¹⁰ ac data rogari *coni. Burs. (32), quem sequ. Feddern (423) fort. recte (cf. § 2)*, ac dacto rogari **A** et *Kiessl. (40)*, ac dato rogari **BV**, audacter rogaret *coni. Traube, quem sequ. Müll. (565)*, audacter roganti uel rogantibus *anon.*, satis dato rogari *coni. Vsener*, (eum) aequo pacto rogare *coni. Wagner*, ac laesum rogari *coni. ed. Schott.*, ac pacem rogari *coni. Gertz*, (et uictorem) a uicto rogari *coni. Linde*, eo pacto (posse) rogari *dubit. Müll. (565)*, directo rogari *coni. Thomas*, ac (ueniam tempore) dato rogari *dubit. Novák*, a capto rogari *coni. Sh. Bailey 1993 (51)*, an a coacto rogari (*coni. Håk. (361) cf. § 7?*) – locus grauius corruptus, necdum sanatus

¹¹ exoratum **V**² et *recc.*, exortatum (ehor- **V**) **a**

¹² a **a** et *recc.*, *del. Müll. (565)*

¹³ Gabinioque reis *coni. Gertz, quem sequ. recc.*, gaio quoque uerri (uerra **A**) **a** atque *Burs. (32) et Kiessl. (40)*, Gabinio *coni. ed. Schott., del. Wb.¹ (574)*

¹⁴ adfuisse **a** et *recc.*, ad(futurum) fuisse *coni. Schult.*

¹⁵ cui contentio *coni. Phillimore (Edward 140), quem sequ. Feddern (424 f.) fort. recte (cf. Cic. Fam. I.9.19)*, qui cum tertio (-ius **B**²**V** et *Kiessl.*) **a** et *recc.*, qui uel cum delendum cens. *Schult.*, Illuir pro tertio scripsit *ed. Schott.*, [qui] cum Illuir *coni. Watt 1984 (104) praeuinitibus ed. Schott. et Schult.*, (curaturus esset) post tertius esset *suppl. Burs. (32) – locum lacunosum suspicor*

¹⁶ ne quis (e) tribus *coni. Faber, quem sequ. Müll. (565) et Feddern (425)*, ne quis tribus **a**, ne quis (ex) tribus *coni. Burs. (32), quem sequ. Håk. (361) cf. Contr. IX.5.4*, ne quis (sibi) (e) tribus *coni. Phillimore (Edward 140)*, reliquis III (uiris) *coni. Kiessl. (40) – locus confusus*

¹⁷ praeriperet **AB** et *recc.*, praeteriret **V**

¹⁸ fortasse ei *coni. C.F.W. Müll., quem sequ. recc. (quia Cicero hinc actor est)*, fortasset **AB**, fortasse **V**, fortasse et **B**² atque *Burs. (32) et Håk. (362)*

¹⁹ qui ne **B**²**V** atque *Müll. (565) et Feddern (425) fort. recte*, qui **A**, quin **B**, quia ne *coni. Jahn, quem sequ. recc.*, quod ne *coni. Gron.*

²⁰ illum **V**² et *recc.*, ullum **a**

²¹ quem **BV** et *recc.*, quam **A**

²² hanc **V** et *recc.*, hac **AB**

²³ suasoriam **AV** et *recc.*, suasoria **B**

²⁴ quin *coni. Gron., quem sequ. recc.*, que **a**

²⁵ posse eum *coni. Kiessl. (41), quem sequ. Müll. (566) et Feddern (427) fort. recte*, possem **AB**, posse **A**²**B**²**V** atque *Burs. (32) et Håk. (362) cf. Contr. IX.4.11*

²⁶ qui infestissimus **V** et *recc.*, quin festissimus (-isi **A**) **AB**

²⁷ declamitare *coni. Burs. (32), quem sequ. recc. (cf. Suas. IV.4)*, declamatores **a**, declamatores (ponere) **D**, declamare *coni. Novák*

²⁸ promittente **B**²**V** et *recc.*, promittentem **AB**

Antonio orationes suas comburat. [15] haec²⁹ inepte ficta cuilibet uideri potest. Pollio uult illam³⁰ ueram uideri³¹; ita enim dixit³² in ea oratione, quam pro Lamia edidit³³.

ASINI POLLIONIS³⁴. Itaque numquam per Ciceronem mora³⁵ fuit, quin eiuraret³⁶ suas esse³⁷, quas³⁸ cupidissime effuderat orationes in Antonium; multiplicesque numero et accuratius³⁹ scriptas illis⁴⁰ contrarias edere ac uel⁴¹ ipse palam pro contione recitare pollicebatur⁴².

Ceteraque⁴³ his alia sordidiora multo, ut [tibi]⁴⁴ facile liqueret hoc totum adeo falsum esse, ut ne ipse quidem Pollio in historiis suis ponere ausus sit. huic certe⁴⁵ actioni eius pro Lamia qui interfuerunt, negant eum haec dixisse – nec enim mentiri sub triumuirorum conscientia sustinebat – sed postea composuisse.

[16] Nolo autem uos, iuuenes mei, contristari, quod a declamatoribus ad historicos transeo. satisfaciam uobis, et⁴⁶ fortasse efficiam, ut his sententiis lectis⁴⁷ solidis⁴⁸ et uerum habentibus⁴⁹ recedatis⁵⁰. †et quia⁵¹ hoc, si tamen⁵², recta uia†⁵³ consequi non potero, decipere uos cogar⁵⁴ uelut salutarem daturus pueris potionem †sumpti poculi†⁵⁵.

²⁹ haec (sc. suasoria) **B²V** et recc., hoc **AB**

³⁰ illam **V** (corr. ex ullam **B** uel **B²**) et recc., ullari **A**

³¹ uideri **B²r** et recc., uidere **a**

³² dixit **a** et recc., dicit con. *Schult.*

³³ edidit con. *Schult.*, quem sequ. recc. (propter sensum, qui a Seneca in § 15 traditur), dedit **a** atque *Burs.* (32) et *Feddern* (428 f.)

³⁴ Asini Pollionis **a** et recc. (coll. §§ 16 et 17), del. *C.F.W. Müll.*

³⁵ per Ciceronem mora con. *Burs.* (32), quem sequ. recc. (cf. *Cat. Agr.* 148.1; *Liv.* XLIV.37.4 = mora est per aliquem), perficere nemora (nec mora **V**) **a**

³⁶ eiuraret **B²V** et recc., eiura **A**, eiurares **B**

³⁷ suas esse **a** et recc., del. *Gron.*, quem sequ. *Håk.* (362), suas [esse] con. *Müll.* (566), suas istas con. *Schult.*, submitte con. *Gertz*

³⁸ quas **B²V** et recc., quis **AB**

³⁹ accuratius **B²r** et recc., accusatius **a**

⁴⁰ illis **V** et recc., illas **AB**

⁴¹ uel ed. *Rom.*, quam sequ. recc., uelut **a**

⁴² pollicebatur **a** et recc. (cf. *Caes. BGall.* IV.21.5), polliceretur con. *Gertz*

⁴³ ceteraque **a** atque *Burs.* (32) et *Feddern* (430), adieceratque con. *C.F.W. Müll.*, quem sequ. *zett.*, atque con. *Gertz*

⁴⁴ ut [tibi] con. *Brakman* (14), quod ego cum *Paulina* acc., ut tibi **a** atque *Burs.* (32 f.) et *Feddern* (430), ut ibi con. *Müll.* (566), quem sequ. *Håk.* (362), ut cuilibet con. *C.F.W. Müll.*, ut || cuilibet con. *Kiessl.* (41), unde con. *Gertz*

⁴⁵ huic certe **a** et recc., ceterum huic con. *Gertz*

⁴⁶ et **a** et recc., sed con. *Gertz*

⁴⁷ lectis **a** et recc., inlecti dubit. *Gertz*

⁴⁸ solidis **a** et recc., solida con. *Håk.* (362)

⁴⁹ habentibus **B²V** et recc., habenti **AB**, habentia con. *Håk.* (362), agentibus con. *Madu.*

⁵⁰ recedatis **a** atque *Burs.* (33) et *Feddern* (432) fort. recte cf. § 27, recipiatis con. *Håk.* (362), accedatis con. *Gertz*, (a scholasticis) recedatis con. *Burs.* (teste *Müll.* 566), quem sequ. *Müll.* (566) et *Kiessl.* (41), (robur a scholasticis) recedatis con. *Castiglioni* (124), (a uanis et falsis) recedatis con. *Schenkl*

⁵¹ et quia **a** atque *Håk.* (362) et *Feddern* (433) fort. recte, sed quia uel aequiores uel ex uia dubit. *Burs.* (33), quem sequ. (sed quia) *Müll.* (567) et *Kiessl.* (41), et quidem con. *Sh. Bailey* 1969 (321)

⁵² si tamen **D** atque *Burs.* (33) et *Feddern* (433) fort. recte, sitam **a**, propositum con. *Burs.* (teste *Müll.* 567), quem sequ. *Müll.* (567) *Born.* (II, 338) *Zan.* (170), del. *Brakman* (14) *Wb.*¹ (II, 578) *Wb.*² (31), statim con. *Håk.* (362), si cupiam con. *Watt* 1984 (104), si iam con. *Kiessl.* (41), si eam con. *Gertz*

⁵³ recta (-tam **A**) uia **a** et recc., [sitam] sua uia con. *Vsener*

⁵⁴ cogar **a** et recc., cogor dubit. *Gertz*

⁵⁵ sumpti (samti **A**, sumti **B**) poculi (populi **AB**) **a** et *Feddern* (433 f.) fort. recte (cf. *Suet. Domit.* 21.1 et *Cic. Verr.* II.5.28), absinthiati poculi con. ed. *Heru.* et ed. *Rom.*, quas sequ. *Burs.* (33) et *Kiessl.* (42), sum(ma) parte poculi con. *Schult.*, quem sequ. *Håk.* (363), sumpto poculo uel sumptis poculis con. *Burkard*, sumite pocula con. *Müll.* (567), quem sequ. *Born.* (II, 338) et *Wb.*¹ (II, 578), suauitate poculi con. *Vsener*, sumitote con. *Mommsen*, (melle) ungit poculum con. *Gertz* – locus grauiter corruptus, necdum sanatus

*Liuius*⁵⁶ adeo retractationis⁵⁷ consilium habuisse Ciceronem non dicit, ut neget tempus habuisse; ita enim ait:

[17] *T. LIVI*⁵⁸. Marcus⁵⁹ Cicero sub aduentum⁶⁰ triumuirorum urbe cesserat pro certo habens, id quod erat, non magis Antonio se eripi⁶¹ quam Caesari Cassium et Brutum posse. primo in Tusculanum⁶² fugerat⁶³; inde transuersis itineribus in Formianum ut ab Caieta nauem conscensurus proficiscitur. unde aliquotiens in altum prouectum cum modo uenti aduersi retulissent⁶⁴, modo ipse iactationem nauis caeco uolente fluctu pati non posset, taedium tandem eum et fugae et uitae cepit regressusque ad superiorem uillam, quae paulo plus mille passibus a mari abest⁶⁵, 'moriar' inquit 'in patria saepe seruata'. satis constat seruos fortiter fideliterque paratos fuisse ad dimicandum; ipsum deponi lecticam et quietos⁶⁶ pati quod fors⁶⁷ iniqua cogeret iussisse. prominenti ex lectica praebentique immotam⁶⁸ ceruicem⁶⁹ caput praecisum est. nec⁷⁰ satis stolidae crudelitati militum fuit: manus quoque scripsisse aliquid⁷¹ in Antonium exprobrantes praeciderunt. ita relatum caput ad Antonium iussuque eius inter duas manus in rostris positum, ubi ille consul, ubi saepe consularis, ubi eo ipso anno aduersus Antonium quanta nulla umquam humana uoce⁷² cum admiratione eloquentiae⁷³ auditus fuerat. uix attollentes⁷⁴ lacrimis oculos homines⁷⁵ intueri trucidata⁷⁶ membra cuius⁷⁷ poterant.

[18] Bassus Aufidius et ipse nihil de animo Ciceronis dubitauit, quin fortiter se morti non praebuerit tantum, sed obtulerit:

AVFIDI BASSI. Cicero paulum remoto uelo postquam armatos uidit, 'ego uero consisto' ait; 'accede, ueterane, et, si hoc saltem⁷⁸ potes recte facere, incide ceruicem'. trementi deinde dubitantique 'quid, si⁷⁹ ad me' inquit 'primum uenissetis?'

[19] Cremutius Cordus et ipse ait Ciceronem⁸⁰, cum cogitasset⁸¹, utrumne Brutum an Cassium an Sex. Pompeium peteret, omnia⁸² illi⁸³ displicuisse praeter mortem.

⁵⁶ *Liuius coni. ed. Rom., quam sequ. Burs. (33) et Feddern (434) uide §§ 18 f. (exempla Aufidi Bassi et Cremuti Cordi), huius a, (T.) ante Liuius suppl. Vsener Mommsen Gertz et cett.*

⁵⁷ retractationis *coni. ed. Schott., quam sequ. rec. (cf. Cic. Phil. XIV.38), detractio A, detractationis B, detrectationis V*

⁵⁸ *T. Liui coni. Burs. (33) coll. §§ 21 et 22, quem sequ. rec., L. Liui AB, L. Liuii V, del. C.F.W. Müll. et Otto*

⁵⁹ Marcus *a et rec., M. ug (teste Feddern 134) atque Müll. (567) et Håk. (363)*

⁶⁰ aduentum *AB et rec., aduentu V*

⁶¹ se eripi *r et Håk. (363), [se] om. a atque Burs. (33) et Feddern (435), (se) post magis transp. Kiessl. (42), (se) post eripi ponunt ug (teste Håk. 363) et Müll. (567)*

⁶² Tusculanum *V² et rec., tuscula non a*

⁶³ fugerat *B² et rec., fuerunt a, fugit V² et Burs. (33)*

⁶⁴ retulissent *a et rec., rettulissent ug (teste Feddern 134) atque Müll. (567) et Håk. (363)*

⁶⁵ post abest lac. *indic. Lucarini (145)*

⁶⁶ quietos *r et rec., quias AB, quia V, quiduis dubit. Burs. (33), aequis animis coni. C.F.W. Müll.*

⁶⁷ fors *a et rec. (cf. Liv. V.20.9), sors r atque Müll. (567) et Kiessl. (42)*

⁶⁸ immotam *V² et rec., immota a*

⁶⁹ ceruicem *ABV² et rec., ceruice B²V*

⁷⁰ {id} post nec suppl. *Müll. (567), {hoc} post nec suppl. Gertz*

⁷¹ aliquid *a et rec., del. Schaefer*

⁷² uoce ego *coni., uox a et rec.*

⁷³ eloquentiae *V et rec., eloquentia AB, del. Konitzer*

⁷⁴ {madentes} post attollentes suppl. *Håk. (363) cf. Liv. XLIV.38.9, {prae} post attollentes suppl. Gron., quem sequ. Kiessl. (43) et Sh. Bailey 1993 (51) cf. ThLL X.2.378.57*

⁷⁵ homines *a et rec., humentes coni. C.F.W. Müll., quem sequ. Müll. (568)*

⁷⁶ trucidata *a atque Burs. (34) et Feddern (439) cf. Liv. V.45.3, trucidati coni. Haase, quem sequ. Kiessl. (43) et Håk. (363), truncata coni. Müll. (568), detruncata coni. Gertz*

⁷⁷ cuius *a et rec., ciuis coni. C.F.W. Müll., eius ug (teste Müll. 568), {tanti} ante cuius add. Hertz*

⁷⁸ saltem *V ('sic fort. scribendum' Håk. 363 putat), saltim AB et rec.*

⁷⁹ quid si *a et rec., quid? quasi coni. Jahn*

⁸⁰ Ciceronem *a et rec., Ciceroni coni. Burs. (34)*

⁸¹ cum cogitasset *a et rec., secum cogitasse coni. C.F.W. Müll., quem sequ. Müll. (568) et Kiessl. (43)*

⁸² {sed} ante omnia suppl. *C.F.W. Müll., {set} ante omnia suppl. Kiessl. (43)*

⁸³ illi *BV et rec., illa A et Burs. (34)*

CREMVTI CORDI. Quibus uisis⁸⁴ laetus Antonius, cum peractam proscriptionem suam dixisset esse (quippe non satiatus modo caedendis ciuibus sed differtus⁸⁵ quoque⁸⁶), super⁸⁷ rostra exponit⁸⁸. itaque, quo saepius ille⁸⁹ ingenti circumfusus turba processerat, quae⁹⁰ paulo ante coluerat piis contionibus⁹¹, <in> quibus⁹² multorum capita seruauerat, tum⁹³ per artus suos latus⁹⁴ aliter ac solitus erat a ciuibus suis conspectus est, praependenti⁹⁵ capiti⁹⁶ orique eius inspersa⁹⁷ sanie, breui ante princeps senatus Romanique nominis titulus, tum pretium interfectoris sui⁹⁸. praecipue tamen soluit pectora omnium in lacrimas gemitusque uisa ad caput⁹⁹ eius deligata¹⁰⁰ manus dextera, diuinae eloquentiae ministra. ceterorumque caedes priuatos luctus excitauerunt, illa una communem.

[20] BRVTTEDEI NIGRI¹⁰¹. Elapsus interim altera parte uillae Cicero lectica per agros ferebatur. sed ut uidit appropinquare notum sibi militem, Popillium nomine, memor defensum a se laetiore uultu aspexit. at ille uictoribus¹⁰² id ipsum imputaturus occupat facinus¹⁰³ caputque decisum nihil in ultimo fine uitae facientis, quod alterutram in partem posset notari, Antonio portat oblitus se paulo ante defensum ab illo.

et hic uoluit positi in rostris capitis miserabilem faciem describere, sed magnitudine¹⁰⁴ rei obrutus est:

[21] BRVTTEDEI NIGRI¹⁰⁵. Vt uero iussu Antonii inter duas manus positum in rostris caput conspectum est, quo totiens auditum erat loco, dato¹⁰⁶ gemitu¹⁰⁷ et fletu maximae¹⁰⁸ uiri¹⁰⁹ inferiae¹¹⁰,

- ⁸⁴ uisis **r** et *recc.*, luisis **a**
⁸⁵ differtus **B** et *recc.*, difertis **A**, defectus **V**
⁸⁶ quoque *coni. ed. Heru., quam sequ. recc.*, quod **A**, quodque **B**, quotque **V**
⁸⁷ super *coni. Haase*, sit (sint **V**) per **a**, iussit per *coni. Burs. (34) – locus corruptus*
⁸⁸ exponit **a** et *recc.*, exponi *coni. Burs. (34)*
⁸⁹ saepius ille **a** et *recc.*, saepissime *coni. Kiessl. (43)*, saepissime ille *dubit. Schenkl*, saepe uir ille *coni. Gertz*, (iterum ac) saepius ille *dubit. Müll. (568)*
⁹⁰ quae (*sc. rostra*) **a** et *recc.*, quam *coni. Wb.¹ (II, 580) Wb.² (39)*
⁹¹ coluerat piis contionibus (conationibus **AB**) **a** et *recc.*, caluerat piis contionibus *coni. Håk. (364)*, (aures) praebuerat piis orationibus *dubit. Müll. (568)*, coluerat plenis contionibus *dubit. Gertz*, coluerat praeclaris contionibus *coni. Ribbeck*
⁹² (in) ante quibus *suppl. Schult. (ego acc.)*, (sub) ante quibus *suppl. Gertz*
⁹³ (eo) ante tum *suppl. Gertz, quem sequ. Müll. (568)*, (ibi) tum *dubit. Håk.*
⁹⁴ suos latus **a** atque *Burs. (34) et Feddern (443)*, suos allatus **B²**, suos laceratus **V²** et *Kiessl. (43)*, sublatus *coni. Gertz, quem sequ. Müll. (568) et Håk. (364)*, suos (sub)latus *dubit. Håk. (364)*, suos (di)latus *coni. Lucarini (145)*, singulos laceratus *coni. C.F.W. Müll.*
⁹⁵ praependenti *coni. Burs. (34)*, quem *sequ. recc.*, praetendenti **a**, praetenta *coni. Schult.*, praecanenti *coni. Haase*
⁹⁶ capiti **a** et *recc.*, capillo *coni. Gertz, quem sequ. Håk. (364)*
⁹⁷ inspersa *coni. Haase, quem sequ. recc.*, inspona **AB**, impensa **V**
⁹⁸ sui **a** et *recc.*, serui *coni. Kiessl. (43)*
⁹⁹ caput **V** et *recc.*, cat **AB**
¹⁰⁰ deligata **r** et *recc.*, delicata **a**
¹⁰¹ Brutedi Nigri *edd.*, brotedi nigri (nicri **AB**) **a**
¹⁰² uictoribus **BV** et *recc.*, (uicto) uictoribus *a.c. A*
¹⁰³ facinus **BV** et *recc.*, facinus **A**
¹⁰⁴ magnitudine **BV** et *recc.*, magnitudines **A**
¹⁰⁵ Brutedi Nigri *ug (teste Fedderno 136) et recc. (cf. §§ 16–19)*, brotedi Nigri **a**, *del. C.F.W. Müll. et Morgenstern, quos sequ. Müll. (569) et Håk. (364)*
¹⁰⁶ dato **a** et *Feddern (447)*, datae *coni. Faber, quem sequ. recc.*, claro *coni. Gron. – hinc et ultra ego lectionem codd. Feddernique acc. (dato gemitu et fletu maximae uiri inferiae), qui in hac sententia (inferiae – sc. fuerunt aut sim.) fort. recte ellipsem indic.*
¹⁰⁷ gemitu **a** et *recc.*, (multo) ante gemitu *add. Walter (240)*
¹⁰⁸ maximae **a** et *recc.*, maximo *coni. Faber et Gron., quos sequ. Müll. (569) et Håk. (364)*, (manibus) post maximae *add. Walter (240)*
¹⁰⁹ uiri **a** et *recc.*, uiro *coni. Faber, quem sequ. Otto Müll. (569) Håk. (364)*, piis *coni. Gron.*
¹¹⁰ inferiae **a** et *recc. (inferiae [sc. fuerunt aut sim.]), inferias coni. Gron.*

nec, ut solet, *uitam*¹¹¹ depositi in rostris corporis¹¹² contio audiuit¹¹³, sed ipsa narravit: nulla non pars fori aliquo¹¹⁴ actionis inclutae¹¹⁵ signata uestigio erat, nemo non aliquod eius in se meritum fatebatur. hoc certe publicum beneficium palam erat illam miserrimi temporis seruitutem a *Catilina*¹¹⁶ dilatam in Antonium.

Quotiens magni alicuius (*uiri*)¹¹⁷ mors ab historicis narrata est, totiens fere¹¹⁸ consummatio totius uitae et quasi funebris laudatio redditur. hoc, semel aut iterum a *Thucydide*¹¹⁹ factum, item¹²⁰ in paucissimis personis usurpatum a *Sallustio*, *T.*¹²¹ *Liuius* benignus¹²² omnibus magnis uiris praestitit¹²³. sequentes historici multo id effusius fecerunt. Ciceroni hoc, ut Graeco uerbo utar, ἐπιτάφιον¹²⁴ *Liuius* reddit:

[22] *T. LIVI*¹²⁵. Vixit tres et sexaginta annos, ut, si uis afuisset, ne immatura quidem mors uideri possit. ingenium¹²⁶ et operibus et praemiis operarum¹²⁷ felix, ipse fortunae diu prosperae. et¹²⁸ in longo tenore felicitatis magnis interim ictus uulneribus, exilio, ruina partium¹²⁹, pro quibus steterat, filiae¹³⁰ morte¹³¹, exitu tam tristi atque acerbo, omnium aduersorum nihil, ut uiro dignum erat¹³², tulit praeter mortem, quae¹³³ uere aestimanti minus indigna uideri potuit, quod a uictore inimico (*nihil*)¹³⁴ crudelius passus erat, quam quod eiusdem fortunae compos uicto¹³⁵ fecisset. si quis tamen uirtutibus uitia pensarit¹³⁶, uir magnus ac memorabilis fuit, et in cuius laudes exsequendas¹³⁷ *Cicerone* laudatore opus fuerit.

Vt est natura candidissimus omnium magnorum ingeniorum aestimator¹³⁸ *T. Liuius*, plenissimum *Ciceroni* testimonium reddidit.

¹¹¹ uitam conī. *Schult.*, quem sequ. recē., ita **α**, rite conī. *Gron.*, laudes conī. *Gertz*

¹¹² ⟨laudes⟩ post corporis suppl. *Faber*

¹¹³ audiuit **B²V** et recē., aut diuidit **AB**

¹¹⁴ aliquo **B²V²** et recē., aliquae **α**

¹¹⁵ inclutae **B** et recē., indute **A**, inclitae **B²V**

¹¹⁶ a *Catilina* conī. *Rebling* (8–10), quem sequ. recē., ac alienam **α**, ac lanienam conī. *Gron.*, quem sequ. *Burs.* (35)

¹¹⁷ ⟨uiri⟩ post alicuius suppl. *Gron.*, quem sequ. recē. praeter *Feddernum* (449)

¹¹⁸ fere **B²V** et recē., ferre **AB**

¹¹⁹ a *Thucydide* conī. ed. *Heru.*, quam sequ. recē., adhuc hydide **AB**, adhuc itidem **V**

¹²⁰ item **α** et recē., idem conī. *Sander*

¹²¹ *T. τ* et recē., l. **AB**, L. **V**

¹²² benignus **α** et recē., benignius **D²** atque *Burs.* (35) et *Kiessl.* (44)

¹²³ praestitit conī. ed. *Frob.*, quam sequ. recē., praestitisse **α**

¹²⁴ ἐπιτάφιον **B²V** et recē., ei ΠΙΤΑΦΙΟΝ **A**, et ΠΙΤΑΦΙΟΝ **B**

¹²⁵ *T. Liui* **α** et recē. (cf. §§ 21 et 23), del. *C.F.W. Müll.* et *Otto*

¹²⁶ ⟨eius⟩ post ingenium suppl. *Gertz*

¹²⁷ operarum **α** et *Feddern* (451) cf. *Cic. Mur.* 21, operum **r** et recē.

¹²⁸ et **α** et recē. (cf. *Suas.* I.16), at conī. *Håk.* (365), sed conī. *Gertz*, quem sequ. *Müll.* (570), fort. delendum cens. *Müll.* (570)

¹²⁹ partium **V²** et recē., partitum **α**

¹³⁰ filiae **D²** et recē., filii **α**

¹³¹ morte **α** et recē., amatae conī. *Gertz*, quem sequ. *Håk.* (365), del. *Madu.* et *Kiessl.* (45), ⟨uitae⟩ ante morte add. *Mewes*, ⟨denique⟩ ante morte add. *Schenkl*, morte ⟨suo⟩ dubit. *Müll.* (570), qui quoque lac. post morte indic.

¹³² ut uiro dignum erat **α** et recē. (cf. § 24), quod uiro dignum esset conī. *Frank* (325 f.)

¹³³ quae **D²** et recē., quam **α**

¹³⁴ nihil suppl. *Lipsius*, qui nil scripsit (quem sequ. recē.)

¹³⁵ compos uicto conī. *Mommsen* et *Rebling*, quos sequ. recē., composito **α**, composite **B²**, compos ipse conī. *Lipsius*, compos ita conī. ed. *Schott.*, compos item conī. *Schult.*, conpoti item conī. *Haase*, conpoti conī. *Burs.* (35), compos in eo conī. *Madu.*, compos illo conī. *Otto*, compos ipso conī. *Gertz*, conpoti ipse conī. *Linde*

¹³⁶ pensarit **V²** et recē., pensaret **α** atque *Kiessl.* (45) et *Feddern* (455), pensauit conī. *Gron.*

¹³⁷ exsequendas conī. *Gron.*, quem sequ. recē. (cf. *ThLL* V.2.1854.21–38), sequendas **α**

¹³⁸ aestimator p.c. **V** et recē., aestimatur **α**

[23] Cordi Cremuti non est¹³⁹ operae etiam¹⁴⁰ referre¹⁴¹ redditam Ciceroni laudationem; nihil enim ipso¹⁴² Cicerone dignum est, ac ne hoc quidem, quod paene¹⁴³ maxime tolerabile est:

CREMVTI CORDI¹⁴⁴. Proprias enim simultates deponendas interdum putabat, publicas †numquam ui decernendas†¹⁴⁵. cuius non solum magnitudine uirtutum¹⁴⁶ sed multitudine¹⁴⁷ quoque conspiciendus.

AVFIDI BASSI. Sic M. Cicero decessit, uir natus ad rei publicae salutem, quae diu defensa et administrata in senectute demum e manibus eius elabatur¹⁴⁸ uno¹⁴⁹ ipsius uitio laesa¹⁵⁰, quod nihil in salutem eius aliud illi, quam si caruisset Antonio, placuit. uixit sexaginta et tres annos ita, ut semper aut peteret alterum aut inuicem peteretur, nullamque rem rarius¹⁵¹ quam diem illum, quo¹⁵² nullius interesset ipsum mori, uidit.

[24] Pollio quoque Asinius, qui Verrem, Ciceronis reum, fortissime morientem tradidit, Ciceronis mortem solus ex omnibus maligne narrat, testimonium tamen quamuis inuitus plenum ei reddit¹⁵³:

ASINI POLLIONIS¹⁵⁴. Huius ergo uiri tot tantisque operibus mansuris¹⁵⁵ in omne aeuum praedicare de ingenio atque industria superua(cuum est)¹⁵⁶. natura autem atque fortuna pariter obsecuta est. ei quidem¹⁵⁷ facies decora ad senectutem prosperaque permansit ualetudo¹⁵⁸. tunc¹⁵⁹ pax diutina, cuius instructus erat artibus, contigit. namque¹⁶⁰ [a] prisca seueritate iudicis exacta¹⁶¹ maxima¹⁶² noxiorum multitudo prouenit, quos obstrictos patrocinio incolumes plerosque habebat.

¹³⁹ est **V** et *recc.*, esto **AB**

¹⁴⁰ etiam **a** atque *Burs.* (35) et *Feddern* (455), pretium *coni.* *Kiessl.* (45) et *C.F.W. Müll.*, quos sequi. *Müll.* (571) et *Håk.* (365)

¹⁴¹ referre *coni.* ed. *Schott.*, quam sequi. *recc.*, deferre **a**

¹⁴² ipso **r** et *Feddern* (455 f.) fort. recte, ipsea **a**, ipso ac *coni.* *Burs.* (36), quem sequi. *Kiessl.* (45), in ea *coni.* *Gertz*, quem sequi. *Müll.* (571) et *Håk.* (365), in ipsa *coni.* ed. *Schott.*

¹⁴³ paene **a** et *recc.*, per se dubit. *C.F.W. Müll.*, paene ante nihil *transp.* *Müll.* (571)

¹⁴⁴ Cremuti Cordi **a** et *recc.* (cf. §§ 15, 17, 22), del. *C.F.W. Müll.*, quem sequi. *Müll.* (571)

¹⁴⁵ numquam ui decernendas *coni.* *Bücheler*; quem sequi. *Müll.* (571) et *Feddern* (456 f.) cf. *ThLL* V.1.139.65–140.10, numquam uides credendam **a**, numquam auide exercendas *coni.* *Gertz*, quem sequi. *Håk.* (365), numquam ui deserendas *coni.* et nunquam uides credendam dubit. *Burs.* (36), numquam [ui] deserendas *coni.* *Kiessl.* (45), numquam laudes ei reddam *coni.* *Thomas*, an numquam uiribus credendas? – locus corruptus, necdum sanatus

¹⁴⁶ uirtutum *coni.* ed. *Frob.*, quam sequi. *recc.*, uirtutem **a**

¹⁴⁷ multitudine **V** et *recc.*, multitudinem **AB**

¹⁴⁸ elabatur *ug* (teste *Fedderno* 137) et *recc.*, habitu **a**, labitur **r**, abit *coni.* *Håk.* (365)

¹⁴⁹ uno *coni.* *Müll.* (571), quem sequi. *Håk.* (365) et *Feddern* (457), non **a** atque *Burs.* (36) et *Kiessl.* (45), hoc *coni.* *Gertz*

¹⁵⁰ laesa **a** et *recc.*, nisi *coni.* *Gron.*, quem sequi. *Burs.* (36), laesa (sed) *coni.* *Schult.*, quem sequi. *Kiessl.* (45)

¹⁵¹ rarius **a** et *recc.*, amarius *coni.* *Lucarini* (145)

¹⁵² quo **r** et *recc.*, quod **a**

¹⁵³ reddit **BV** et *recc.*, redidit **A**, reddidit *coni.* *Kiessl.* (46), quem sequi. *Müll.* (571) et *Wb.*¹ (II, 586)

¹⁵⁴ Asini Pollionis **a** et *recc.* (cf. § 23), del. *C.F.W. Müll.*

¹⁵⁵ mansuris **a** et *recc.*, mansuri *coni.* *Burs.* (36), quem sequi. *Håk.* (366)

¹⁵⁶ superuacuum est *coni.* ed. *Schott.*, quam sequi. *recc.*, superba **a**, superuacaneum *coni.* *Haase*

¹⁵⁷ quidem **a** et *Feddern* (459 f.), (si) quidem **D** et *cett.*, (cui) quidem *coni.* *Burs.* (36), (et) quidem *coni.* *Gron.*

¹⁵⁸ ualetudo **B** et *recc.*, ualitudo **AB²V** et *Feddern* (459)

¹⁵⁹ tunc **a** atque *Håk.* (366) et *Feddern* (460), tum *ug* (teste *Fedderno* 137) et *cett.*

¹⁶⁰ namque **a** et *recc.*, (per) eamque *coni.* *Schult.*, in qua *coni.* *Gertz*

¹⁶¹ [a] prisca seueritate iudicis exacta *coni.* *Håk.* (366), quem sequi. *Feddern* (460 f.), a prisca seueritate iudicis exacti **a**, [a] prisca seueritate (e) iudicis exacta dubit. *Kiessl.* (46), a prisca seueritate iudicis declinatis uel inclinatis *coni.* *Sh. Bailey* 1969 (321), ad priscam seueritatem iudicis exactis *coni.* *Gron.*, quem sequi. *Burs.* (36) et *Müll.* (571)

¹⁶² maxima *coni.* *Gron.*, quem sequi. *recc.*, maximorum **a**

iam felicissima consulatus ei sors petendi¹⁶³ et gerendi (magna munera¹⁶⁴ deum!) consilio (suo)¹⁶⁵ industriae¹⁶⁶. utinam moderatius secundas res et fortius aduersas ferre potuisset! namque utraeque cum uenerant¹⁶⁷ ei, mutari eas non posse rebatur. inde sunt inuidiae¹⁶⁸ tempestates coortae graues in eum¹⁶⁹, certiorque inimicis adgrediendi fiducia. maiores¹⁷⁰ enim simultates appetebat animo quam gerebat. sed quando mortalium nulli uirtus perfecta contigit, qua maior pars uitae atque ingenii stetit, ea iudicandum de homine est. atque ego ne miserandi quidem exitus eum fuisse iudicarem, nisi ipse tam miseram mortem putasset¹⁷¹.

[25] Adfirmare uobis possum nihil¹⁷² esse in historiis eius hoc, quem retuli¹⁷³, loco disertius, ut mihi tunc non laudasse Ciceronem sed certasse cum Cicerone uideatur. nec hoc deterrendi causa dico, ne historias eius legere concupiscatis; concupiscite et poenas Ciceroni¹⁷⁴ dabit.

Nemo tamen ex tot disertissimis uiris melius Ciceronis mortem deplorauit¹⁷⁵ quam Seuerus Cornelius:

[26] CORNELI SEVERI

oraeque magnanimum spirantia paene¹⁷⁶ uirorum
in rostris iacere¹⁷⁷ suis. sed enim abstulit omnis,
tamquam sola foret, rapti¹⁷⁸ Ciceronis imago.
tunc redeunt animis ingentia¹⁷⁹ consulis acta
iurataeque manus deprensaque foedera noxae
patriciumque nefas extinctum¹⁸⁰; poena¹⁸¹ Cethegi
deiectusque redit uotis Catilina nefandis.
quid fauor aut coetus¹⁸², pleni quid honoribus anni
profuerant¹⁸³, sacris et uita¹⁸⁴ quid artibus acta¹⁸⁵?
abstulit una dies aevi¹⁸⁶ decus, ictaque luctu

¹⁶³ (et) ante petendi suppl. van der Vliet (40)

¹⁶⁴ magna munera **a** et recc., magno munere con. Ribbeck, qui magno munere deum post felicissima transp., magno munere con. Müll. (572), quem sequ. Håk. (366), magna munere con. Edward

¹⁶⁵ (suo) post consilio suppl. Sh. Bailey 1969 (321), quem sequ. Håk. (366), ego acc.

¹⁶⁶ industriae **a** et recc., industriae (magna munera deum) transp. Eussner, industriae (aequauit uel pensauit) van der Vliet (40)

¹⁶⁷ uenerant **a** atque Burs. (36) et Feddern (462) cf. Sall. Iug. 4.4 et Cic. Phil. III.35, euenerant con. C.F.W. Müll., quem sequ. cett.

¹⁶⁸ sunt inuidiae **a** et recc., secutae inuidiae (et) con. Mommsen

¹⁶⁹ graues in eum con. ed. Heru., quam sequ. recc., graues in eo **a**, grauissimae eo con. Kiessl. (46)

¹⁷⁰ maiores **a** et Feddern (463), qui maiores fort. recte cum simultates iungit, maiore **τ** et cett.

¹⁷¹ putasset (putassed Burs. 37 – errore typogr., ut uid.) **B²V** et recc., putas sed **AB**

¹⁷² nihil **B²V** et recc., nisi **AB**

¹⁷³ retuli **a** et recc., rettuli ug (teste Fedderno 138) atque Müll. (572) et Håk. (366)

¹⁷⁴ Ciceroni **a** et recc., certe non con. Håk. (366)

¹⁷⁵ deplorauit **V** et recc., depluit **AB**, defleuit con. Burs. (37)

¹⁷⁶ paene **a** et recc., saepe con. Burmann

¹⁷⁷ iacere **V** et recc., iacueres **AB**

¹⁷⁸ rapti **a** et recc., carpti con. Gron.

¹⁷⁹ ingentia **V** et recc., ingenia **AB**

¹⁸⁰ extinctum con. Gron., quem sequ. recc. (cf. Cic. Catil. III.15 et Pis. 5), est tunc **a**, etiam tum con.

Scaliger, exectum con. Baehrens, detectum con. Jacobs., extincti con. Håk. (367)

¹⁸¹ poena **a** et recc., (et) poena **D**, (ut) poena con. Scaliger

¹⁸² aut coetus **a** et recc., aut cultus con. Barth, adsuetus con. Heinsius

¹⁸³ profuerant **a** et recc. (propter abstulit infra), profuerunt **D** atque ug (teste Müll. 573) Burs. (37)

¹⁸⁴ et uita **a** atque Burs. (37) et Feddern (470), exulta con. Kiessl. (47), quem sequ. Müll. (573) et

Håk. (367), exacta con. ed. Schott., deuota con. Gertz, et uota con. Baehrens, deuincta con. Thomas

¹⁸⁵ acta **D²** atque Burs. (37) et Feddern (470), aetas **a** et cett.

¹⁸⁶ aevi **a** et recc., urbis con. Heinsius

conticuit Latiae¹⁸⁷ tristis facundia linguae.
 unica sollicitis quondam tutela salusque,
 egregium¹⁸⁸ semper patriae caput, ille senatus
 uindex, ille¹⁸⁹ fori, legum ritusque¹⁹⁰ togaeque,
 publica uox saeuis¹⁹¹ aeternum obmutuit armis.
 informes¹⁹² uoltus sparsamque cruore nefando
 canitiem¹⁹³ sacrasque manus operumque ministras
 tantorum pedibus cuius¹⁹⁴ proiecta superbis
 proculcauit ouans nec lubrica fata deosque
 respexit. nullo luet hoc Antonius aeuo.
 hoc nec in¹⁹⁵ Emathio¹⁹⁶ mitis¹⁹⁷ uictoria Perse
 nec tibi¹⁹⁸, dire¹⁹⁹ Syphax²⁰⁰, non²⁰¹ fecit (in)²⁰² hoste Philippo²⁰³,
 inque triumphato ludibria cuncta²⁰⁴ Iugurtha²⁰⁵
 afuerant²⁰⁶, nostraeque cadens ferus Hannibal irae²⁰⁷
 membra tamen Stygias tulit inuiolata sub umbras.

[27] Non fraudabo²⁰⁸ municipem²⁰⁹ nostrum bono uersu, ex quo hic multo melior Seueri
 Cornelii processit:

conticuit Latiae tristis facundia linguae.

SEXTILIVS ENA fuit homo ingeniosus magis quam eruditus, inaequalis poeta et plane²¹⁰
 quibusdam locis talis, quales esse Cicero Cordubenses poetas²¹¹ ait, (pingue)²¹² quiddam²¹³ sonantis
 atque peregrinum. is hanc ipsam proscriptionem recitaturus in domo Messalae Coruini Pollionem
 Asinium aduocauerat²¹⁴ et in principio hunc uersum non sine assensu recitauit:

- ¹⁸⁷ Latiae **B²r** et *recc.*, lati et **AB**, latae **V**
¹⁸⁸ egregium **V** et *recc.*, etgeium **AB**, et gratum **B²**
¹⁸⁹ ille **a** et *recc.*, illa *coni.* *Burs.* (*teste Müll.* 573)
¹⁹⁰ ritusque **a** et *recc.*, iurisque *coni.* *Heinsius, quem sequ. Håk.* (367), iurumque *coni.* *Lindenbrog*
¹⁹¹ saeuis *coni.* *Scaliger, quem sequ. recc.*, euus **AB**, eius **V**
¹⁹² informes **V** et *recc.*, in fores **AB**
¹⁹³ canitiem *ug* (*teste Fedderno 139*) et *recc.*, caniciem **B²V**, ganiciem **AB**
¹⁹⁴ cuius **V** et *recc.* (*cf. § 17*), uices **AB**, auis **D**, uictor *ug* (*teste Müll.* 573) et *Burs.* (37)
¹⁹⁵ nec in **a** et *recc.*, non *coni.* *Gertz*
¹⁹⁶ Emathio **r** et *recc.*, hematio **a**
¹⁹⁷ mitis **B** et *recc.*, mittis **AV**, tristis *coni.* *Baehrens*
¹⁹⁸ tibi *coni.* *Baehrens* (*ego acc.*), te **a** et *recc.*
¹⁹⁹ dire **V** et *recc.*, dires **AB**
²⁰⁰ Syphax **V²** et *recc.*, sypax **a**
²⁰¹ non **a** et *recc.*, nec *coni.* *Baehrens*
²⁰² (in) *post* fecit *add. ed. Ven., quam sequ. recc.*, fecit **a**, fecerat *coni.* *Kiessl.* (48)
²⁰³ hoste Philippo (filippo **AB**) **a** et *recc.*, false Philippe *coni.* *Baehrens*, Pseudophilippo *coni.* *Gertz*
²⁰⁴ cuncta **a** et *recc.*, tanta *coni.* *Schele*, iuncta *coni.* *Baehrens*
²⁰⁵ Iugurtha **D** et *recc.*, iugurta **a**
²⁰⁶ afuerant *coni.* *Kiessl.* (48), *quem sequ. Feddern* (478), afuerat **a**, afuerunt *coni.* *Heinsius et Burs.*
 (38), *quos sequ. Müll.* (573) et *Håk.* (367)
²⁰⁷ Hannibal irae **V** et *recc.*, annibalire **AB**, Annibal irae *coni.* *Burs.* (38) et *Müll.* (573)
²⁰⁸ fraudabo **B²** et *recc.*, raudabo **AB**, laudabo **V**
²⁰⁹ municipem **V²** et *recc.*, municem **a**
²¹⁰ plane **B²** et *recc.*, plenae (-ne **B**) **AB**, pene **V**
²¹¹ Cordubenses poetas **V** et *recc.*, corduenses poeta **AB**
²¹² pingue *suppl. ed. Frob., quam sequ. recc.*
²¹³ quiddam **V²** et *recc.*, quidam **a**
²¹⁴ aduocauerat **V²** et *recc.*, aduocauerant **a**

Deflendus²¹⁵ Cicero est Latiaeque silentia linguae.

Pollio Asinius non aequo animo tulit et ait: ‘Messala, tu, quid tibi liberum sit in domo tua, uideris; ego istum auditurus non sum, cui mutus uideor’; atque ita consurrexit.

Enae²¹⁶ interfuisse²¹⁷ recitationi Seuerum²¹⁸ [quod]²¹⁹ Cornelium scio, cui non aequae displicuisse hunc uersum quam Pollioni apparet, quod meliorem quidem sed non dissimilem illi et ipse composuit.

Si hic desiero²²⁰, scio futurum, ut uos illo loco desinat is legere, quo ego a scholasticis recessi; ergo, ut librum uelitis usque ad umbilicum reuoluere, adiciam suasoriam proxima²²¹ similem.

[12] Немногие декламировали противоположную точку зрения. Никто не отважился побуждать Цицерона молить Антония о пощаде. Они правильно оценили дух Цицерона. Варий Гемин декламировал также и обратное и сказал следующее: «Я надеюсь убедить моего Цицерона, чтобы он захотел жить. То, что он выставляет как нечто важное и говорит – «смерть для консулара не может быть преждевременной, для мудрого человека – несчастной»²²², – меня не волнует; это он обращается к несведущему человеку. Я превосходно знаю нравы этого человека: он делает это, он попросит пощады. Что же касается рабства, то он не откажется от него. Он уже стер себе шею под ярмом рабства. И Помпей, и Цезарь подчинили его себе²²³. Вы видите перед собой старого раба». И он произнес многие другие шутки, что было в его обыкновении.

²¹⁵ deflendus **r et rec.**, deflendus **AB**, deficiendus **V**

²¹⁶ Enae con. Gertz, quem sequ. rec. (uide supra), ne **a**, ei con. Kiessl. (48), et con. Burs. (38)

²¹⁷ interfuisse con. Burs. (38), quem sequ. cett., interfuisset **a**

²¹⁸ Seuerum con. Jahn, quem sequ. rec. (coll. Suas. II.12 et §§ 25–27), eorum **a**

²¹⁹ quod **a**, ego del., quoque con. Burs. (38), quem sequ. rec.

²²⁰ (scribere) post desiero suppl. Bonnet (141) cf. Suas. I.1

²²¹ suasoriam proxima^a et rec. (cf. § 14), suasoriam proxime uel suasoriae proximam con. Warmington (apud Wb.¹ II 592 Ann. 1)

²²² Ср. Cic. Catil. IV. 3, Phil. II. 119. Этот аргумент также приводит Марцелл Эзернин в контроверсии об убийце Цицерона Попиллии (Contr. VII. 2. 10).

²²³ Интерпретации этого аргумента расходятся. Ш. Феддерн приводит мнение У. Эдварда, считавшего, что порабощение Цицерона Помпеем и Цезарем заключалось в их нежелании помочь оратору, когда он был вынужден отправиться в изгнание по инициативе Клодия (см. ПИФК 1 (2024) 316, прим. 186). Сам Ш. Феддерн находит эту версию маловероятной, считая, что порабощение означало бы именно вмешательство Помпея и Цезаря (а не наоборот). На наш взгляд, с этим стоит согласиться, так как в случае оказания Цицерону поддержки Цезарем он действительно оказался бы в зависимость от него положении, так как необходимость удалиться в изгнание, согласно источникам, привела его в полнейшее отчаяние (Plut. Cic. 30–31; App. BCiv. II. 15). По сообщению Плутарха, после избрания Клодия народным трибуном Цицерон решил войти в доверие к Цезарю, хотя тот и не был ему другом, а, напротив, даже внушал подозрения – еще со времен заговора Катилины (ὁὐδὲ τοῦτον ὁλοδοῦς ὁ Κικέρων, καίτερος οὐκ ὄντα φίλον, ἀλλ’ ὁλοπτον ἐκ τῶν περὶ Κατιλίαν). Цицерон предложил сопроводить его в Галлию в качестве легата и получил согласие, однако впоследствии отказался (Cic. Att. II. 18. 3; Plut. Cic. 30). Что же касается Помпея, то тот, по справедливому замечанию того же Плутарха, сам был за многое обязан Цицерону, однако решил не вмешиваться, несмотря на просьбы Цицерона о поддержке (Cic. Plut. 31). Примечательно для настоящей свазории, что в письме Аттику летом 59 г. до н.э. Цицерон писал следующее: «Нас одолевают со всех сторон, и мы уже не отказываемся быть рабами, но боимся смерти и изгнания, как большего зла, хотя они гораздо меньше» (Att. II. 18. 1; пер. В.О. Горенштейна). По мнению Ш. Феддерна, Гемин скорее намекает на более ранние речи, в которых Цицерон говорил от имени Помпея и Цезаря (прежде всего, «Речь о Манилиевом законе, или о предоставлении империя Гнею Помпею» (Cic. Manil.), 66 г. до н.э.). «Однако Помпей, – предполагает Ш. Феддерн, – возможно, также упоминается из-за его влияния на Цицерона в спорах с Ватинием и Габинием (см. прим. 226). Кроме того, Помпей и Цезарь, вероятно, также упомянуты как два предводителя в гражданской войне: после того, как Цицерон встал на сторону Помпея в гражданской войне, он был прощен Цезарем. Благодарность Цицерона Цезарю очевидна в некоторых панегирических отрывках из так называемых «цезарианских» речей Цицерона» (Pro Marcello, Pro Ligario [обе 46 г. до н.э.], Pro rege Deiotaro [45 до н.э.]). Feddern 2013, 420.

[13] Он разделил свазорию так, что сказал следующее: мольба для Цицерона не будет постыдной, она не будет напрасной. В первой части он поместил ту мысль, что нет ничего постыдного в том, что побежденный просит пощады у победившего гражданина. Здесь он привел в пример тех многих, что просили пощады у Г. Цезаря, здесь же упомянул и Лигария²²⁴. Далее он сказал, что не является несправедливым, чтобы Цицерон, который первым объявил Антония вне закона, принес извинения. Со стороны того, кто начинает ссору, всегда и приносятся извинения, а также ожидаются дары. После этого он сказал, что Цицерон будет просить не за свою жизнь, а за Республику: для себя самого он прожил достаточно, для Республики же – слишком мало²²⁵. В следующей части он сказал, что враги обычно смягчаются: сам Цицерон, смягченный Ватинием и Габинием, защищал их на суде²²⁶.

Он сказал, что смягчить Антония будет проще, ведь он стремился к тому, чтобы никакой из трех [триумвиров] не отнял бы у него этой столь великолепной возможности для помилования. Он произнес, что Антоний гневается на Цицерона, пожалуй, из-за того, что тот не считал его [человеком] достойным, чтобы просить его о пощаде.

[14] После того как Варий Гемин описал опасности бегства, он добавил следующее: куда бы Цицерон ни прибыл, ему везде придется служить. Ему придется сносить или жестокость Кассия, или высокомерие Брута, или глупость Помпея²²⁷.

²²⁴ Политика Цезаря в годы гражданской войны получила в историографии название «*clementia Caesaris*» – политика милосердия, которая заключалась в благосклонном отношении Цезаря к своим побежденным врагам. Подробнее см. Angel, 2007. В качестве одного из примеров милосердия Цезаря Варий Гемин вспоминает случай Квинта Лигария, выступившего в гражданской войне на стороне Помпея. После поражения помпейцев при Тапсе Цезарь отправился в Узину, а оттуда – в Гадрумет, где Лигарий и Гай Консидий-сын были во главе гарнизона. Цезарь помиловал их обоих (BAfr. 89; там же см. и о некоторых других помилованных Цезарем), однако к тем, кто продолжил сражаться против битвы при Фарсале, у него было более суровое отношение (Cic. Fam. VI. 13. 3). В 46 г. до н.э. Лигария, обвиненного в государственной измене, успешно защищал перед Цезарем Цицерон (Cic. Lig.; Plut. Cic. 39). Впоследствии Лигарий стал участником заговора против Цезаря. В число помилованных Цезарем входил и сам Цицерон (о встрече Цицерона и Цезаря в Брундиции в 47 до н.э. см. Plut. Cic. 39; о даровании прощения Цицерону ср. также Suas. VII. 1).

²²⁵ Ср. высказывание Цестия Пия в § 4 и мысль Тита Ливия в § 22.

²²⁶ *Публий Ватиний* – консул 47 г. до н.э., народный трибун 59 г. до н.э. Ватиний и Цицерон были давними врагами, вероятно, ещё со времён претуры Цицерона в 66 г. до н.э. (Plut. Cic. 9). Впоследствии оратор неоднократно критиковал деятельность Ватиния на разных государственных должностях. В 56 г. до н.э. Цицерон, защищая Публия Сестия, также выступил с рядом обвинений в сторону Ватиния, проходившего свидетелем обвинения по этому делу (Cic. Vatin.; Sest. 114, 132–135). Однако уже в следующем году Цицерон, по настоянию Помпея, примирился с Ватинием и защищал его в суде в 54 г. до н.э., когда тот был обвинен в нарушении Лициниева закона на преторских выборах годом ранее (Cic. Fam. I. 9. 19; V. 9. 1). Переписка Цицерона с Ватинием середины 40-х гг. до н.э. свидетельствует о значительно переменившихся отношениях бывших врагов (Cic. Fam. V. 11; V. 10b). *Авл Габиний* – консул 58 г. до н.э., народный трибун 67 г. до н.э. Вместе с Луцием Пизоном, своим коллегой по консульству, поддержал Клодия в деле об изгнании Цицерона. Оба консула отказывались доложить о деле Цицерона сенату, отвергали все прошения за оратора и впоследствии издали эдикт о запрете носить по нему траур (ср. Cic. Post Red. in Sen. 10–12, 16, 31; Sest. 24–26, 32–33). Габиний также выслал всадника Л. Элия Ламию, близкого друга Цицерона, вставшего на его защиту (Fam. XI. 16. 2 и Fam. XII. 29. 1). Однако в 54 г. до н.э., когда Габиний был обвинён в оскорблении величия римского народа, Цицерон не возглавил обвинение против него, не желая расстроить отношения с Помпеем и вызвать на себя всеобщую ненависть (Cic. Q. fr. III. 4. 1–3; 5. 5; 7. 1), и даже защищал его в деле о вымогательстве в провинции, однако безуспешно (Rab. Post. 8–12; 19–21; 30–35; 38). Оба этих примера приводит Валерий Максим в четвертой книге «Достопамятных деяний и изречений», в разделе, посвященном людям, сменившим вражду на союз (Val. Max. IV. 2. 4). Также об этом упоминает Квинтилиан (Quint. Inst. XI. 1. 73).

²²⁷ *Жестокость Кассия и высокомерие Брута*. Начиная свое повествование о Бруте, Плутарх с первых же строк сравнивает его с Кассием, говоря, что «даже враги, ненавидевшие его (Брута – Е. С.) за убийство Цезаря, всё, что было в заговоре возвышенного и благородного, относили на счет Брута, а всё подлое и низкое приписывали Кассию, родичу и другу Брута, но человеку не столь прямому и чистому духом» (Plut. Brut. 1; пер. С.П. Маркиша). Нередко делает это в своей биографии Брута

Поскольку мы обращаемся к этой свазории, я считаю уместным указать, каким образом каждый из историков повел себя по отношению к памяти о Цицероне²²⁸. В самом деле, в том, что Цицерон и не был достаточно труслив, чтобы просить Антония о пощаде, и не был достаточно глуп, чтобы надеяться, что он сможет умиловить Антония, никто не сомневается за исключением Азиния Поллиона²²⁹, который оставался чрезвычайно враждебным по отно-

и сам Плутарх: К. Темпест приводит более 10 фрагментов, в которых Кассий оттеняет добродетели Брута. *Tempest* 2017, 185, n. 30. Непосредственно о жестоком нраве Кассия может свидетельствовать оценка Кассия как «сурового в своем гневе» (ὀργῆ δὲ τραχὺν) и «властвующим скорее внушаемым страхом» (φόβῳ μᾶλλον ἄρχοντα) – опять же в сравнении с Брутом, который был «неподвластен гневу» (πρὸς λάσαν ὀργὴν ... ἀπαθής; *Plut. Brut.* 29. 1–2). О том, что Брута было лучше иметь среди друзей, а Кассия – бояться как врага, пишет Велей Патеркул (*Brutum amicum habere malles, inimicum magis timeres Cassium*; *Vell. II.* 72). Так же их сравнивает и Аппиан (*App. BCiv. IV.* 123), относя к Бруту эпитеты ἐλεεικῆς (благожелательный) и φιλόφρων (приветливый), а к Кассию – ἀσθηρὸς (суровый) и ἀρχικός (царственный). У Тацита Брут назван единственным оратором эпохи Поздней республики, которому не были свойственны ни злоба, ни зависть (*non malignitate nec invidia*; *Tac. Dial.* 25). Таким образом, если мысль о жестокости Кассия находит некоторые подтверждения в источниках, то высокомерие Брута не было описано античными авторами, которые, напротив, видели его наделенными многочисленными добродетелями. Однако и Кассий в одном из писем Цицерону (январь 45 г. до н.э.) показывает себя человеком чуждым жестокости: «Я надеюсь, – пишет Кассий, – что люди поймут, насколько всем ненавистна жестокость и насколько любимы всеми честность и снисходительность» (*spero enim homines intellecturos, quanto sit omnibus odio crudelitas et quanto amori probitas et clementia*; *Cic. Fam. XV.* 19. 2). *Глупость Помпея*. Речь, несомненно, идет не о Помпее Великом, а о его сыне Сексте: когда Варий Гемин говорил в пользу того, что Цицерон не должен просить пощады у Антония, он «предлагал» оратору бежать – или к Марку Бруту, или к Гаю Кассию, или к Сексту Помпею (§ 11). Также о том, что Цицерон размышлял о бегстве к Бруту, Кассию или Сексту Помпею, говорится у Кремуция Корда (§ 19). Ср. описание Секста у Валлея Патеркула: «не искусен в науках, варвар по своей речи» (*studiis rudis, sermone barbarus*; *Vell. II.* 73. 1). О глупости Помпея писал Кассий в упомянутом письме Цицерону, где речь идет о другом сыне Помпея Великого – Гнее (*scis, Cn. quam sit fatuus*; *Cic. Fam. XV.* 19. 2). Это письмо цитирует Сенека в первой свазории, также используя выражение *stultitia Cn. Pompei* (*Suas. I.* 5). Однако маловероятно, что Гемин, сам говоривший до этого о Сексте, перепутал бы его в этой свазории с его старшим братом, как считает У. Эдвард. *Feddern* 2013, 426.

²²⁸ Несмотря на то что свазории считаются «историческими» декламациями, некоторые контрверсии в сборнике Сенеки также основываются на историческом материале (*Contr. IV.* 2, *VI.* 5, *VII.* 2, *VIII.* 2, *IX.* 1, *IX.* 2). При этом вопрос достоверности дел и событий, обсуждаемых декламаторами, затрагивается Сенекой в «Контрверсиях» лишь однажды и – что примечательно – именно в контрверсии, посвященной убийце Цицерона Попиллию («Цицерон защитил в суде Попиллия, обвиняемого в отцеубийстве. Он был оправдан. Посланный Антонием, он убил Цицерона, внесенного в проскрипционные списки, и принес Антонию его голову и руку. [Попиллий] обвиняется в неверности», *Contr. VII.* 2). Сенека отмечает, что лишь у немногих историков (в шестой свазории – только у Бруттедия Нигера, § 20) говорится о том, что убийцей Цицерона был Попиллий, а сами эти историки сообщают, что Цицерон защищал Попиллия в гражданском процессе, однако декламирующим эту контрверсию больше нравилась идея о том, что Попиллий был обвинен в отцеубийстве (*Contr. VII.* 2. 8). По мнению Е. Бараз, Сенека не случайно впервые сталкивает декламацию с историческим жанром именно в этой контрверсии, подготавливая таким образом дискуссию в заключительной части шестой свазории. Исследовательница считает: в этом историографическом отступлении Сенека хотел показать, что основной целью исторических сочинений является поиск истины, в то время как декламации неизбежно основываются на вымысле. Поэтому в таких важных вопросах, как гибель Цицерона, следует обращаться к сочинениям историков, а не к речам декламаторов. *Baraz* 2020, 34–36. Ср. ту же мысль: *van Mal-Maedes* 2020, 330. Также см. вступительную статью (с.).

²²⁹ *Гай Азиний Поллион* (ок. 75 г. до н.э.–4 г. н.э.) – видный римский политический деятель, полководец, оратор и писатель. Консул 40 г. до н. э. Сенека неоднократно слышал Поллиона как молодого, так и в пожилом возрасте (*audiui autem illum et uiridem et postea iam senem*; *Contr. IV.* *praef.* 3) и высоко оценивал талант Поллиона как оратора: именно ему посвящено предисловие к четвертой книге «Контрверсий» (*Contr. IV.* *praef.*). В шестой свазории, однако, Сенека критикует Поллиона за то, как он вспоминал о Цицероне в своих сочинениях. По мнению К. Пипера, Сенека специально ак-

шению к репутации Цицерона, и даже дал риторам повод для второй свазории. Ведь риторы имеют обыкновение декламировать по этому поводу следующее: «Цицерон размышляет о том, не счесть ли ему свои речи, притом что Антоний обещает ему за это сохранение жизни»²³⁰.

[15] Эта свазория может каждому показаться нелепо сочиненной. Поллион же хочет, чтобы она казалась истинной. Ведь так он сказал в той речи, которую опубликовал в защиту Ламии²³¹.

Азиний Поллион: «Итак, Цицерон никогда не останавливался перед тем, чтобы отказаться от авторства своих речей против Антония, которые он обрушивал на него с большой страстью; и он обещал издать противоположные им речи, многочисленные и тщательнее написанные, и даже открыто прочитать их вслух на собрании»²³². [Поллион высказал] и прочее, гораздо грязнее этого, так что тебе, безусловно, очевидно, что все это до такой степени является ложью, что даже сам Поллион не отважился включить это в свои исторические труды²³³. Те, кто, конечно, присутствовал во время этого его действия в защиту Ламии, отрицают, что он сказал это, – ведь не осмелился же он лгать на глазах у осведомленных обо всем триумвирах – но сочинил впоследствии²³⁴.

[16] Я же не желаю, чтобы вы, мои юные друзья, были опечалены из-за того, что я перехожу от риторов к историкам. Я пойду вам навстречу и, возможно, сделаю так, что вы, прочтя эти основательные и соответствующие истине суждения, вернетесь к [риторам]. И если, одна-

центрирует внимание на фрагментах из работ Поллиона, содержащих негативную оценку Цицерона с тем, чтобы на их примере показать, как не следует воспроизводить память о великих людях прошлого, чтобы они не оставались в забвении, противопоставляя методы Поллиона методам других историков. Подробнее см. Pieter 2019 (также для исчерпывающей библиографии о роли Сенеки в конструировании памяти о Цицероне). Дошедшие до наших дней письма Поллиона к Цицерону показывают, что Азиний высоко ценил дружбу оратора («Что ты принял моего близкого в число своих, мне приятнее, чем ты думаешь. Но я завидую ему, что он гуляет и шутит с тобой. Ты спросишь, сколь высоко я ценю это. Если когда-нибудь можно будет жить в спокойствии, ты испытаешь это: ведь я не отоюду от тебя ни на шаг»; Cic. Fam. X. 31. 6, пер. В.О. Горенштейна). Сын оратора, Азиний Галл (Сенека также называет его выдающимся оратором (*mangus orator*), однако говорит, что близость к великому отцу затмила его талант, нежели способствовала ему; Contr. IV. praef. 4), сравнивая в своих сочинениях красноречие Поллиона и Цицерона, отдавал пальму первенства своему отцу (Plin. Epist. VII. 4; Quint. Inst. XII. 1. 22; Suet. Claud. 41; Gell. XVII. 1. 1). В ответ на эти книги принцепс Клавдий написал сочинение «В защиту Цицерона против книг Азиния Галла» (*Ciceronis defensionem aduersus Asini Galli libros*; Suet. Claud. 41).

²³⁰ Эту свазорию в своем сборнике Сенека помещает следующей, и она же является последней (Suas. VII).

²³¹ Речь Поллиона в защиту Луция Элия Ламии известна только по этой свазории Сенеки. По мнению Э.Д. Пирс, Поллион произнес эту речь в 43 или в самом начале 42 гг. до н. э., так как этот процесс должен был иметь место после смерти Цицерона и до того, как Поллион получил назначение в Цизальпинскую Галлию. Pieter 1922, 28. Ламия был близким другом Цицерона (см. прим. 226).

²³² Сведения о том, что Цицерон хотел издать противоположные филиппикам речи, отсутствуют в каких-либо других источниках.

²³³ «Римская история» Поллиона составляла 17 книг. Описание событий Поллион предположительно начал с 60 г. до н. э. и довел, по разным оценкам, до 44, 43, 42 или 40 гг. до н. э. Современные исследователи соглашаются в том, что исторический труд Поллиона использовали Плутарх и Аппиан (Drummond 2013, 440). Несколько раз на него ссылаются Светоний (Suet. Iul. 29; 55; 56), на третью книгу – Валерий Максим (Val. Max. VIII. 13). Подробнее см. Drummond 2013; testimonia, fragmenta и комментарии во втором и третьем томах «Фрагментов римских историков» под ред. Т. Корнелла (Cornell 2013).

²³⁴ Редактирование произнесенных речей после публикации было привычной практикой римских ораторов. О том, что свои речи редактировал и сам Цицерон, мы узнаем в первую очередь из его переписки с Аттиком. Известно, что катилинарии (как и некоторые другие речи, которые Цицерон называет консульскими) оратор отправил Аттику лишь спустя 3 года после их произнесения (Cic. Att. II. 1. 3). Несколько писем с упоминанием речи в защиту Лигария также содержат свидетельства о том, что Цицерон редактировал свои речи, в том числе и после их публикации (Cic. Att. XIII. 12. 2; 19. 2; 20. 2; 44. 3).

ко, я не смогу достичь этой цели напрямик²³⁵, мне придется ввести вас в заблуждение, словно намереваясь дать детям подслащенный целебный напиток²³⁶. Ливий до такой степени далек от утверждения, что Цицерон намеревался переписать [свои Филиппики], что отрицает, что Цицерон имел для этого достаточно времени. Ведь Ливий говорит по этому поводу следующее²³⁷.

[17] «Марк Цицерон покинул город до прибытия триумвиров²³⁸, будучи уверенным, как это было на самом деле, что он не сможет спастись от Антония с большей вероятностью, чем Кассий и Брут смогли спастись от Цезаря. Сначала он бежал в свое Тускуланское имение²³⁹, оттуда направился окольными путями к Формианскому, намереваясь сесть на корабль в Кайете²⁴⁰. Когда Цицерон несколько раз выходил оттуда в открытое море, то встречные ветра относили его обратно, то он сам больше не мог переносить качку корабля, вызванную волнением на море²⁴¹. Тогда над ним в конце концов возымело отвращение и к бегству, и к жизни, и он, возвратившись на свою предыдущую виллу, которая отстоит от моря немногим более мили, произнес следующее: «Пусть я умру на своей Родине, которую я так часто спасал»²⁴².

Хорошо известно, что его рабы были готовы сражаться за него с отвагой и верностью, но Цицерон сам приказал, чтобы носилки были поставлены на землю и рабы его спокойно выдер-

²³⁵ То есть сделать так, чтобы сыновья Сенеки, к которым он обращается в этом фрагменте, процитированные им далее фрагменты из сочинений историков.

²³⁶ Сенека использует образ знания как лекарства из произведения Лукреция Кара «О природе вещей» (I в. до н.э.) – дидактической поэмы, в которой поэт хотел изложить учение Эпикура: «Ведь коль ребенку врачи противной вкусом полыни // Выпить дадут, то всегда предварительно сладкою влагой // Желтого меда кругом они мажут края у сосуда; // И, соблазненные губ ощущеньем, тогда легковерно // Малые дети до дна выпивают полынную горечь. // Но не становятся жертвой обмана они, а, напротив, // Способом этим опять обретают здоровье и силы. // Так поступаю и я» (Lucr. I. 936–943; пер. Ф.А. Петровского). Как замечает Е. Бараз, «пропорции» в «рецепте» Сенеки отличаются от предлагаемых своему читателю Лукрецием: у последнего «мед» поэзии сочетается с «лекарством» философии примерно в равном соотношении, в то время как большинство труда Сенеки составляет «мед» декламации. Baraz 2020, p. 36.

²³⁷ Приводимый Сенекой фрагмент наиболее вероятно относится к СХХ книге «Истории Рима от основания города» Тита Ливия, в которой говорится в том числе о проскрипциях второго триумвирата. Содержание этой книги известно лишь по периферии (Liv. Per. СХХ).

²³⁸ Речь идет о возвращении Октавиана, Антония и Лепида в Рим в конце ноября 43 г. до н.э. после заключения близ Боннии соглашения о создании второго триумвирата.

²³⁹ Тускуланское имение Цицерона располагалось в древнем городе Лация Тускуле (недалеко от совр. Фраскати), находящегося в 24–25 км на северо-запад от Рима и связанного с ним латинской дорогой (Plin. NH. III. 64; Strab. V. 3. 12), в этом имении Цицерон написал свои знаменитые «Тускуланские беседы», философский трактат об этике в пяти книгах (Tusc. I–V).

²⁴⁰ Формианское имение Цицерона располагалось в прибрежном городе Лация Формиях (совр. Формия), находящегося на Аппиевой дороге к юго-западу от Рима. Кайета (совр. Гаэта) была портом Формий и отстояла от города на 4 км (Plin. NH. III. 59; Strab. V. 3. 6).

²⁴¹ Наиболее подробно бегство Цицерона из Рима описывает Плутарх (Plut. Cic. 47). Сообщения греческого историка во многом совпадают с приведенным фрагментом «Истории» Ливия, однако расходятся в некоторых деталях. Согласно Плутарху, Цицерон уже был в своем Тускуланском имении вместе со своим братом Квинтом, когда они узнали о внесении их имен в проскрипционные списки и решили бежать. Братья планировали добраться до Астуры, приморского имения Марка Туллия, а оттуда отправиться в Македонию к Бруту. Однако Квинт повернул обратно, чтобы записаться всем необходимым в дорогу, и через несколько дней был убит, выданный своими рабами. Марк Туллий же доставил в Астуру, откуда он поплыл до Цирцей, но высадился, желая отправиться в Рим. Повернув в Астуру и высадившись там, Цицерон снова размышлял о возвращении, но передумал и, наконец, велел рабам доставить его в Кайету. В связи с убийством Цицерона Кайету также упоминал Валерий Максим (Val. Max. I. 4. 6. испр. Mai; V. 3. 4). Аппиан, не описывая подробно перемещения Цицерона, также говорит о бегстве на лодке, но сообщает, что Цицерон решил высадиться у своей виллы близ Капуи (App. BCiv. IV. 19).

²⁴² Прежде всего имеется в виду консульство Цицерона в 63 г. до н.э., когда он предотвратил заговор Катилины (см. ПИФК 1 (2024) 322, прим. 221). Цицерон неоднократно говорил о себе как о спасителе родины, вспоминая о своем консульстве и ссылаясь, как правило, на мнения со стороны: ср. Att. I. 14. 3; IX. 10. 3; Dom. 72; Phil. II. 12.

жали бы любой удар враждебной судьбы. Когда он высунулся из носилок и подставил неподвижную шею, солдаты отсекали ему голову. Но и это не удовлетворило бессмысленную жестокость солдат: они отрезали также ему руки, понося их за то, что те написали что-то против Антония²⁴³.

Итак, голова Цицерона была отнесена Антонию и по его же приказу выставлена между двумя руками на ростральной трибуне²⁴⁴, где Цицерона [в должности] консула, где часто его уже бывшего консуляром, где в том же самом году его, произносящего речи против Антония, слушали с таким восхищением перед его красноречием, как никогда не слушали ни один человеческий голос. Люди, подняв полные слез глаза, едва ли могли взирать на растерзанные части тела их согражданина».

[18] Ауфидий Басс²⁴⁵ и сам не усомнился в решимости Цицерона, который не только храбро покорился смерти, но и обрек себя на смерть.

Ауфидий Басс. После того как Цицерон увидел вооруженных людей, он слегка приоткрыл штормку [носилки] и [сказал] следующее: «Право же я останавливаюсь: подойди, ветеран, и, если ты можешь сделать это по крайней мере как следует, перережь шею». Затем дрожащему и колеблющемуся [солдату] он [добавил]: «Что было бы, если бы вы пришли ко мне первому?»

[19] Кремуций Корд²⁴⁶ и сам говорит, что Цицерон, когда он размышлял, не отправиться ли ему к Бруту, или Кассию, или Сексту Помпею, ничего кроме смерти его не устраивало²⁴⁷.

Кремуций Корд. Антоний, обрадовавшись от увиденных головы и рук Цицерона и сказав, что его проскрипции теперь доведены до конца²⁴⁸, ибо он не только насытился кровью своих соотечественников, но и пресытился ею, выставил их на ростральной трибуне. И вот в том месте, в которое он часто приходил в окружении огромной толпы и которое незадолго до этого он освящал своими благочестивыми речами на собраниях, коими он сохранил головы многих, тот,

²⁴³ Большинство авторов сообщают о том, что убийцы отрезали Цицерону одну руку (App. BCiv. IV. 20; Val. Max. V. 3. 4; также в периодах книги CXX самого Ливия с уточнением про правую руку – Liv. Per. CXX). В контрверсии об убийце Цицерона Попиллии об одной руке также говорят Латрон и Гемин (Contr. VII. 2. 1; 9). О том, что Цицерону отрубили обе руки, сообщает Плутарх (Plut. Cic. 48. 6).

²⁴⁴ Ростральная трибуна – украшенная корабельными носами (рострами) ораторская трибуна на Форуме. О помещении там головы и рук Цицерона ср. Plut. Cic. 49. 2; Liv. Per. CXX; Flor. II. 16, App. BCiv. IV. 20. Также у Корнелия Севера (см. далее § 26).

²⁴⁵ Ауфидий Басс – римский историк первой половины I в. н.э. Автор сочинения о войне с германцами (Libri belli Germanici; Quint. Inst. X. 1. 103) и «Истории», в продолжение которой Плиний Старший написал свой исторический труд (Plin. NH. praef. 20). О самом Бассе источники не сохранили почти никакой информации. Известно, что он был последователем учения Эпикура и другом Сенеки Младшего (Sen. Epist. XXX). Сочинения Басса высоко оценивал Квинтиллиан (Quint. Inst. X. 1. 103). Приводимые Сенекой отрывки – единственные дошедшие до нас фрагменты из исторического труда Ауфидия Басса. Также см. Levick 2013b; testimonia, fragmenta и комментарии во втором и третьем томах «Фрагментов римских историков» под ред. Т. Корнелла (Cornell 2013).

²⁴⁶ Кремуций Корд – римский историк, живший в правление Августа и Тиберия. От его исторического сочинения, предположительно называвшегося «Анналы» (Annales; Tac. Dial. IV. 34), дошли лишь приводимые в этой свазории фрагменты. В 25 г. до н.э. Кремуций Корд был привлечен к суду клиентами Сеяна, командующего преторианской гвардией при Тиберии за то, что в своем сочинении он воздал похвалу Бруту и Кассию (Sen. Dial. VI. 22. 4–7; Tac. Ann. IV. 34. 3; Dio Cass. LVII. 24. 2–3) и назвал Кассия «последним римлянином» (ultimus Romanorum; Tac. Ann. IV. 34. 1; у Светония – Брута и Кассия: ultimi Romanorum; Suet. Tib. 61. 3). Книги Кремуция Корда были сожжены, а сам историк умерил себя голодом (Sen. Dial. VI. 22. 4–7; Tac. Ann. IV. 35. 5; Dio Cass. LVII. 24. 4). Его сочинения, спасенные его дочерью Марцией, при Калигуле вновь увидели свет и обрели большую популярность у аудитории (Sen. Dial. VI. 1. 3; Suet. Cal. 16; Dio Cass. LVII. 24. 4). Также см. Levick 2013a; testimonia, fragmenta и комментарии во втором и третьем томах «Фрагментов римских историков» под ред. Т. Корнелла (Cornell 2013).

²⁴⁷ В латинском тексте в этой фразе присутствует анаколуп – стилистическая фигура, состоящая в неправильном грамматическом согласовании слов в предложении, что также было отражено в переводе.

²⁴⁸ Ср. «Теперь проскрипциям конец» у Плутарха (vñv ai προγραφαί τέλος ἔχουσιν; Plut. Cic. 49. 1).

который обыкновенно обращал на себя внимание сограждан иначе, теперь был принесенными растерзанными останками с окропленными кровью свисающей головой и устами, тот, кто немногим ранее был принцепсом сената²⁴⁹ и славой римского имени, теперь стал источником прибыли для своего убийцы²⁵⁰. Однако сердца всех особенно наполнялись слезами и стоном при виде пригвожденной к его голове правой руки, которая была помощницей его божественного красноречия. Убийства прочих вызвали лишь частные стенания, одно только это – общие.

[20] Бруттедий Нигер²⁵¹. Тем временем Цицерона, который выскользнул с другой стороны виллы, несли на носилках через поля. Но после того как Цицерон увидел, что приближается хорошо известный ему солдат по имени Попиллий, Цицерон, вспомнив о том, как защищал его в суде, взглянул на него, притом что лицо его просветлело²⁵². Тогда как тот, намереваясь выслужиться перед победителями, поспешает исполнить это злодеяние и отрубленную голову человека, не сделавшего в последний момент жизни ничего достойного какого-либо порицания, относит Антонию, позабыв о том, что еще недавно эта голова защищала его самого.

И здесь Бруттедий хотел описать достойное сожаления зрелище, которое представляла собой выставленная на рострах голова Цицерона, но величие этой задачи ошеломило его.

[21] Бруттедий Нигер. «Право же, после того как все увидели голову, вывешенную между двумя его руками по приказу Антония на ростральной трибуне, в том месте, где ее столь часто слушали, люди разразились стоном и рыданиями в честь великих похорон этого мужа. И не услышало собрание [историю] жизни тела, выставленного на рострах, что обыкновенно бывает, но само рассказало о ней. Весь форум был отмечен следами его великого деяния; каждый признавался в какой-либо услуге, оказанной ему Цицероном. Несомненно было то, что оказанное Цицероном благодеяние государству было общеизвестно, оно заключалось в том, что было

²⁴⁹ *Princeps senatus* – почетное обозначения сенатора, который мог первым высказывать свое мнение.

²⁵⁰ Согласно Аппиану, Антоний сверх назначенной платы увенчал убийцу Цицерона и подарил ему 250 000 аттических драхм (*App. BCiv. IV. 20*).

²⁵¹ *Бруттедий Нигер* – оратор и историк, живший в правление Августа и Тиберия. Учился красноречию у Аполлодора Пергамского, который также был учителем Августа (*Sen. Contr. II. 1. 36; Suet. Aug. 89*). Будучи эдилом, принимал участия в обвинении проконсула Азии Гая Силана в «осквернении божественного достоинства Августа и в оскорблении величия Тиберия» (*Tac. Ann. III. 66. 2; пер. А.С. Бобовича*). Тацит говорит о «достойных уважения талантах», которыми Нигер обладал, но не смог правильно воспользоваться, так как не пошел «по правильному пути» (*Tac. Ann. III. 66. 5*). Из исторического сочинения Бруттедия сохранились только приведенные Сенекой фрагменты. Также см. *Levick 2013c; testimonia, fragmenta* и комментарии во втором и третьем томах «Фрагментов римских историков» под ред. Т. Корнелла (*Cornell 2013*).

²⁵² Вопрос о том, защищал ли Цицерон Попиллия в суде, является весьма спорным, как и сама личность убийцы великого оратора. Из замечания Сенеки в контрверсии о Попиллии (*Contr. VII. 2, см. прим. 228*) становится понятно, что Цицерон точно не защищал Попиллия в деле об отцеубийстве, так как это обвинение было выдумкой декламаторов. См. также *Feddern 2013, 382–383* с кратким разбором точки зрения М. Роллера, доходящего в своих рассуждениях до того, что Попиллия как реального исторического персонажа могло не существовать вовсе, поскольку вне традиции о смерти Цицерона достоверно о нем ничего не известно. Имя Попиллия как убийцы Цицерона упоминается в периодах Ливия (*Liv. Per. CXX*), однако в приведенном выше фрагменте (§ 17) Ливий говорит о неких *mīlites*, не называя их имен) и у Плутарха (он также сообщает о защите Попиллия от обвинения в отцеубийстве; при этом голову и руки, по сообщению Плутарха, отсек Цицерону второй палач – Геренний; *Plut. Cic. 48*). Аппиан называет центуриона Ленатом и также упоминает о выигранном процессе, однако без уточнения обвинения (*App. BCiv. IV. 19–20*). Полностью имя убийцы Цицерона – Гай Попиллий Ленат – приводит Валерий Максим, добавляя, что тот происходил из Пиценского округа. Максим упоминает о защите Попиллия (без уточнения деталей), а также, стремясь еще больше подчеркнуть бессмысленную жестокость и неблагодарность Попиллия, даже говорит о том, что это Попиллий попросил Антония внести Цицерона в проскрипционный список (*Val. Max. V. 3. 4*).

отсрочено наступление того самого рабства самого несчастливого времени со дней Катилины на дни Антония»²⁵³.

Всякий раз, когда историки описывают смерть какого-либо великого человека, они обычно подводят итог всей его жизни и произносят своего рода надгробную речь²⁵⁴. Это было сделано один или два раза Фукидидом и таким же образом применено Саллюстием по отношению к очень немногим лицам, благосклонный Т. Ливий даровал надгробную речь всем великим мужам²⁵⁵. Последующие историки делали это более щедро. Эта «эпитафия», если бы я использовал греческое слово, которую Ливий написал Цицерону:

[22] Т. Ливий. «Он прожил шестьдесят три года, так что, даже если бы он не умер насильственной смертью, его смерть и тогда не могла бы показаться преждевременной²⁵⁶. Его талант произвел на свет множество трудов и получил вознаграждения за них; ему самому очень долго сопутствовала благоприятная Фортуна. И пребывая большую часть времени в мерном течении счастливой жизни, он между тем претерпел ряд ударов [судьбы] – изгнание²⁵⁷, поражение его сторонников²⁵⁸, интересы которых он отстаивал, смерть его дочери, кончина столь печальная и преждевременная²⁵⁹, из всех этих бедствий он ничего не перенес так, как подобало бы мужу, кроме своей смерти, которая, говоря строго по правде, могла бы показаться менее незаслуженной, поскольку он принял из рук своего одержавшего победу врага не более жестокую участь, чем та, к которой он бы приговорил побежденного, обладая такой же фортуной. Если бы, однако, кто-либо сопоставит пороки Цицерона с его добродетелями – он был мужем великим, а также заслуживающим памяти о нем²⁶⁰. Кто бы мог произнести похвалы Цицерону, следующие за его гробом, кроме него самого!²⁶¹»

С тем беспристрастным суждением, с которым Т. Ливий оценивает качества всех великих натур, он привел наиболее полные свидетельства о Цицероне²⁶².

²⁵³ Речь снова идет о раскрытии усилиями Цицерона заговора Катилины, см. *ПИФК* 1 (2024) 322, прим. 221.

²⁵⁴ *Laudationes funebres* – надгробные речи, в хвалебном тоне повествующие о жизни умершего. Они произносились римлянами на похоронах и были одной из наиболее древних форм римской историографии и ораторского искусства: «Мосты между красноречием, жизнеописанием и историографией наводит *laudatio funebris*» (Альбрехт 2003, 69).

²⁵⁵ Ср. своеобразную надгробную речь в честь Перикла, которого только ожидает смерть, у Фукидида (Thukid. II. 65) и несколько примеров у Ливия (Сципион Африканский – Liv. XXXVIII. 53. 9–11; Фабий Максим Кункатор – Liv. XXX. 26. 9); «*omnibus magnis uiris*» Сенеки относительно Ливия следует считать скорее риторическим преувеличением. Что же касается Саллюстия, то ввиду фрагментарного состояния его исторического сочинения в нем трудно найти подтверждения этой мысли Сенеки. Вероятно, оно содержало «надгробную речь» в честь Суллы. Feddern 2013, 449.

²⁵⁶ Ср. высказывания Цестия Пия в § 4 и Вария Гемина в § 13.

²⁵⁷ См. *ПИФК* 1 (2024) 316, прим. 186; прим. 223; прим. 226.

²⁵⁸ Поражение помпеянцев в гражданской войне.

²⁵⁹ Любимая дочь Цицерона Туллия (79/78–45 гг. до н.э.) умерла, по всей видимости, после тяжело перенесенных родов (Cic. Fam. VI. 15. 5; Att. XII. 13; Plut. Cic. 41. 5). Цицерон очень тяжело переносил смерть Туллии. Свое горе он выразил в сочинении в жанре утешение (*consolatio*; Cic. Att. XII. 14) и даже собирался возвести в честь Туллии храм (см. письма Цицерона к Аттику из Астурской усадьбы, где Цицерон уединился после смерти дочери; Cic. Att. XII.).

²⁶⁰ В латинском тексте пропущена главная часть условного предложения, что было отражено в переводе.

²⁶¹ Ср. Val. Max. V. 3. 4: *quoniam qui talem Ciceronis casum satis digne deplorare possit, alius Cicero non extat* («Так как нет другого Цицерона, который мог бы по-настоящему достойно оплакать такую гибель [этого] Цицерона»).

²⁶² «Наиболее полные свидетельства» (*plenissimum testimonium*) подразумевают под собой оценивание жизни Цицерона со всех точек зрения, то есть, как сказано у Ливия, учитывая его добродетели и пороки (*si quis tamen uirtutibus uitia pensaret*). Ср. также § 24.

[23] Незачем воспроизводить похвальное слово, произнесенное в адрес Цицерона Кремуцием Кордом. Ведь в нем едва ли найдется что-либо достойное самого Цицерона²⁶³, даже то, что является почти полностью сносным.

Кремуций Корд. «Цицерон полагал, что иногда следует откладывать распри частного характера, а распри общественные никогда не должны решаться силой [оружия]. Гражданин должен оцениваться не только по величию своих добродетелей, но также и по их множеству».

Ауфидий Басс. «Так ушел Марк Цицерон, муж, рожденный для процветания Республики²⁶⁴, которую он так долго защищал и которой так долго руководил, но, только когда он состарился, она выскальзывает из его рук, пораженная лишь одним единственным недостатком его самого, поскольку ничто иное для спасения Республики не устраивало Цицерона, кроме как если избавить ее от Антония. Он прожил шестьдесят три года так, что всегда или он нападал на кого-нибудь другого, или же сам являлся объектом нападения, и не видел он в своей жизни ничего более редкого, чем тот день, в который никто не был бы заинтересован в его собственной смерти».

[24] Также Азиний Поллион, передающий детали храбрейшей смерти Верреса²⁶⁵, которому Цицерон предъявлял обвинения, является единственным из всех, кто с неприязнью рассказывает о смерти Цицерона, однако, хотя и против своей воли, он все же приводит полные свидетельства о нем²⁶⁶.

Азиний Поллион. «Итак, столь многочисленные и остающиеся на века труды этого мужа делают излишним хвалить его дарования и трудолюбие. Природа, а также Фортуна равным образом служили ему. По крайней мере, он сохранил до старости свои красивую внешность и благоприятное состояние здоровья. На его долю в то время выпал тот продолжительный мир, искусствами которого он умело пользовался. Ведь после того как прежняя строгость была изгнана из судопроизводства, появилось множество преступников, большая часть которых при его покровительстве осталась на свободе²⁶⁷. Благодаря мудрости и усердию Цицерона ему выпал счастливейший жребий заполучить консульство и исполнить обязанности консула с блеском (о великие дары богов!)²⁶⁸. О, если бы он был способен воспринимать счастье более благоразумно, а переносить несчастье более храбро! Ведь когда и то и другое с ним случилось, он полагал, что это нельзя изменить. Вследствие этого и сгустились над ним тяжелые тучи ненависти, и враги смогли нападать на него с большей уверенностью. Ведь Цицерон из-за своего характера навлекал на себя большую вражду, чем та, в которой он уже находился²⁶⁹. Но поскольку ни один смертный не достигает совершенной добродетели, о человеке следует судить по той добродетели, на которой основана большая часть его жизни и натуры. И я бы даже не считал, что его конец являлся достойным сожаления, если бы он сам не считал смерть таким большим несчастьем».

[25] Могу вас заверить²⁷⁰, что в его исторических сочинениях нет ничего более красноречивого, чем тот отрывок, который я привел, так что мне кажется, что он тогда не восхвалял Цицерона, но соревновался с Цицероном²⁷¹. И я говорю это не ради того, чтобы отпугнуть вас от страстного желания прочесть его исторические сочинения; удовлетворите свое желание, и вы воздадите Цицерону по заслугам²⁷².

²⁶³ О том, почему Сенека опускает похвальное слово Цицерону, сочиненное Кремуцием Кордом, см. подробнее Pieter 2019.

²⁶⁴ Ср. прим. 242.

²⁶⁵ См. прим. ПИФК 1 (2024) 320, прим. 205.

²⁶⁶ См. прим. 262.

²⁶⁷ Поллион говорит о том, что многие из подзащитных Цицерона, которых он успешно защитил в суде, на самом деле были виновны, но благодаря смягчению судопроизводства ему удавалось добиваться их оправдания.

²⁶⁸ См. прим. ПИФК 1 (2024) 322, прим. 221.

²⁶⁹ Другой возможный вариант перевода этого места: «чем та, которую он мог вынести».

²⁷⁰ Сенека обращается к своим сыновьям.

²⁷¹ Соревновался в красноречии. Об этой оценке фрагмента из сочинения Азиния Поллиона см. Pieter 2019.

²⁷² Смысл фразы *roenas Ciceroni dabit* неоднократно признавался исследователями неясным. Наиболее распространенный ее перевод: «вы примиритесь с Цицероном», или «загладите свою вину».

И все же никто из этих столь многочисленных красноречивейших мужей не оплакал смерть Цицерона лучше, чем Корнелий Север²⁷³.

[26] «Главы мужей благородных висели на рострах, и будто
Даже дышали они, но вид одного Цицерона
Зоры к себе приковал, словно прочих здесь не было вовсе.
О совершенных делах в его консульство все вспоминали²⁷⁴,
Клику мерзавцев, подавленный храбро союз вредоносный,
Вырванный с корнем патрициев грех²⁷⁵, наказание Цетега²⁷⁶,

перед Цицероном» (ср. перевод М. Уинтерботтома «you will make amends to Cicero» и его замечание о странности самой фразы, которая буквально переводится как «вы будете наказаны Цицероном» Winterbottom 1974b, Vol. II, 588, n. 1, 589). Ш. Феддерн предлагает понимать эти слова более близко к их буквальному значению: «вы расплатитесь перед Цицероном» (ihr werdet es Cicero büßen; Feddern 2013, 464–465 с дискуссией о переводах). Этот вариант принимает К. Пипер, объясняя фразу целиком следующим образом: «если бы они (сыновья Сенеки – *E.C.*) захотели это сделать (т.е. прочитать «Историю» Поллиона – *E.C.*), то они были бы наказаны именем Цицерона» (if they still wanted to do so, they would be punished in Cicero's name). По мнению исследователя, Новат, Сенека и Мела будут разочарованы, потому что оставшая часть текста «Истории» Поллиона «не такая цicerоновская – и, следовательно, менее хорошая – чем этот отрывок» именно в плане стиля и языка (Pieper 2019, 168, n. 44). На наш взгляд, контекст фразы действительно свидетельствует о том, что речь идет не о содержании сочинения Поллиона, а о его стиле: цитируемый Сенекой фрагмент самый красноречивый лишь потому, что Поллион пытался соревноваться с Цицероном в красноречии. Однако, как нам кажется, вернее было бы оставить «положительный» перевод этой фразы, ведь Сенека, по его уверенности, не хочет отпугнуть своих сыновей от труда Поллиона, хоть и говорит об этом с иронией. Таким образом, ознакомившись с «Историей» Поллиона целиком, Новат, Сенека и Мела смогут воздать ему должное, увидев, что стиль Цицерона намного превосходит стиль Азиния Поллиона.

²⁷³ *Корнелий Север* – эпический поэт, живший в правление Августа и Тиберия. Творчество Корнелия Севера дошло до нас в очень небольших фрагментах, цитируемых в более поздних сочинениях грамматиков – преимущественно Харизия (IV в. н.э.). С определенной долей вероятности мы можем говорить только о двух произведениях Корнелия Севера, которые назывались, предположительно, *Res Romanae* (Римская история) и *Bellum Siculum* (Сицилийская война), а также о произведении, которое Овидий называет «царской песнью» (*carmen regale*; Ovid. Pont. IV. 16. 9; также в одном из посланий с Понта Овидий обращается к Северу «величайший певец великих царей» – *o uates magnorum maxime regum*; Ovid. Pont. IV. 2. 1). Однако, если верить Овидию, который, судя по всему, был близким другом поэта (Ovid. Pont. IV. 2. 5–6), не приходится сомневаться в том, что поэтическое наследие Корнелия Севера было весьма обширным. Приводимые в этой свазории строки представляют собой самый длинный из сохранившихся до наших дней фрагментов произведений Севера. Квинтилиан, хотя и говорит, что Север был лучшим стихотворцем чем поэтом, замечает, что если бы тот написал всю «Сицилийскую войну» на том же уровне, на каком он написал первую ее книгу, то мог бы претендовать на место второго (после Вергилия) эпического поэта Рима (Quint. Inst. X. 1. 89). Высокого мнения о Севере был также Сенека Младший (Sen. Epist. LXXIX. 5). Все дошедшие места из произведений Севера были собраны А. Холлисом в последнем издании фрагментов римских поэтов Hollis 2013.

²⁷⁴ Прежде всего, речь идет о предотвращении заговора Катилины, см. прим. ПИФК 1 (2024) 322, прим. 221.

²⁷⁵ Сам Катилина, а также другие два видных заговорщика – Гай Корнелий Цетег и Публий Корнелий Лентул Сура – были патрициями. В ответе Катилины на первую речь Цицерона, который приводит Саллюстий (Sall. Cat. 31. 7), обвиняемый подчеркивает разницу между собой и Цицероном, исходя из происхождения: «он-де (Катилина – *E.C.*) вышел из такой ветви рода ... пусть они (сенаторы – *E.C.*) не думают, что ему, патрицию, подобно своим предкам оказавшему много услуг римскому плебсу, нужно губить государство, когда его спасает какой-то Марк Туллий, гражданин, не имеющий собственного дома в Риме». Ср. о казни Лентула Sall. Cat. 55. 6: «Так этот патриций из прославленного Корнелиева рода, когда-то облеченный в Риме консульской властью, нашел конец, достойный его нравов и поступков» (Пер. обоих фрагментов В.О. Горенштейна).

²⁷⁶ *Гай Корнелий Цетег* – участник заговора Катилины. На него была возложена задача убить Цицерона во время мятежа (Cic. Catil. IV. 13; Sall. Cat. 43. 2). Цетег был казнен по решению Сената 5 декабря 63 г. до н.э., когда Цицерон выступил с последней, четвертой Катилинарией, стараясь склонить сенаторов к решению о смертной казни для заговорщиков.

Гнусных мечтаний лишеного вспомнили тут Катилину.
 Милость народных собраний иль полные почестей годы,
 Жизнь ли в искусствах священных²⁷⁷ – какая от этого польза?
 Славу эпохи унес один день; пораженное горем,
 Смолкло латыни навеки печальное слово живое²⁷⁸.
 Некогда был он один угнетенных защитник, спасенье,
 Вечно во славе отчизны глава и заступник сената,
 Форума, тоги, законов, а также священных обрядов²⁷⁹.
 Голос народа навечно умолк из-за гнева оружия.
 Лик искаженный, в крови нечестиво пролитой седины,
 Руки священные также²⁸⁰, трудов его слуги великих, –
 Ныне все это его соплеменник, ликуя, надменный,
 Бросив, ногами попрал, презирая изменчивость судеб,
 Волю богов. Не искупит все это вовеки Антоний!
 Этого мы²⁸¹, победив, ни с Персеем царем Македонским²⁸²,

²⁷⁷ Как отмечает Ш. Феддерн, трудно сказать, относятся ли *sacrae artes* только к красноречию и связанной с ним деятельности Цицерона как судебного оратора и политика или они также включают философию. При этом справедливо его замечание о том, что контекст этой фразы связан именно с достижениями Цицерона на государственном поприще. Feddern 2013, 476–477. Э. Холлис принимает в этой строке исправление А. Кисслинга – *exulta* вместо *et uita* (а также чтение *aetas* вместо *acta*; см. критический аппарат) – и переводит фразу следующим образом: «священные искусства, которыми он украсил (*exulta*) свою жизнь», и *exulta*, по его мнению, в случае Цицерона относится также и к философии. Hollis 2013, 346, 362. Ср. также *sacerrimam eloquentiam* (Contr. I. praef. 10) и *omnem eloquentiam omnesque eius partes sacras et uenerabiles puto* (Tac. Dial. 10. 5).

²⁷⁸ Строка, вдохновенная, как сообщает Сенека, строкой поэта Корнелия Эны (§ 27). Как отмечает Э. Холлис, в эту строку Корнелий Север добавил отрывки к трактату Цицерона «Брут», в котором оратор, сам в то время почти отошедший от государственных дел, оплакивал смерть Квинта Гортензия (см. прим. ПИФК I (2024) 316, прим. 185): *iam pridem enim conticuerunt tuae litterae* (ведь твои сочинения уже давно смолкли; Cic. Brut. 19), *eloquentia obmutuit* (красноречие смолкло; Ibid. 22), *hoc studium, Brute, nostrum conticuit subito et obmutuit* (это наше занятие, Брут, внезапно онемело и смолкло; Ibid. 324). Исследователь также замечает, что на этой рецитации (см. прим. 290) Севера мог присутствовать и Овидий, который с юности был близок к дому Мессалы Корвина. В одном из писем с Понта поэт, обращаясь к сыну Мессалы, Котте Максиму, называет его отца *Latiae facundia linguae*; Ovid. Pont. II. 3. 75). Hollis 2013, 363.

²⁷⁹ Э. Холлис предполагает, что слова *legum ritusque togaeque* (тоги, законов, а также священных обрядов) могут содержать отсылки к некоторым сочинениям Цицерона на связанную с ними тематику. Так, *leges* могло бы отсылать к *De legibus, ritus* – к *De diuinatione* и утерянному *De auguriis* (сам Цицерон стал авгуром в 53 г. до н.э.), *toga* – к *De officiis*. Hollis 2013, 364. О тоге как символе государственных дел ср. Cic. Off. I. 74: «И хотя многие полагают, что воинские дела важнее дел гражданских (*res bellicas maiores esse quam urbanas*), это мнение нужно опровергнуть»; также ср. стих из поэмы Цицерона «О моем консулате», приводимый им в этом же трактате: «Меч, перед тогой склонись; ветвь лавра, склонись пред заслугой!» (*cedant arma togae concedat laurea laudi*; Cic. Off. I. 77; пер. О.В. Гореншейна).

²⁸⁰ См. прим. 243.

²⁸¹ То есть римляне.

²⁸² Персей – царь Македонии в 179–168 гг. до н.э., сын Филиппа V. Был разбит Луцием Эмилием Павлом в битве при Пидне в 168 г. до н.э., которая завершила Третью Македонскую войну. После безуспешных расспросов плененного царя Эмилий Павел поспешил заверить его: «Снисходительность римского народа царями многими и народами испытана в трудный час, а потому ты можешь не только питать надежду, но, пожалуй, быть прямо уверен в своей безопасности» (Liv. XLV. 8. 5; пер. О.Л. Левинской). О милосердном отношении Эмилия Павла к побежденному Персею повествуют также Валерий Максим и Флор (Max. V. 1. 8; Flor. I. 28. 10–11). После того как македонский царь был проведен в триумфальном шествии (Liv. XL. 6; Flor. I. 28), его отправили в Альбу Фуцинскую для содержания под стражей, где он и закончил свои дни (Liv. XLV. 28. 11; Val. Max. V. 1. 1; Vell. I. 11. 1; Plut. Aem. 37). Персея Македонского похоронили за государственный счет (Liv. XXX. 45. 4; Val. Max. V. 1. 1), что Валерий Максим считает важным свидетельством гуманности сената.

И ни с тобой, о жестокий Сифакс²⁸³, ни с враждебным Филиппом²⁸⁴
 Не сотворили. Никто над Югуртой²⁸⁵ во время триумфа
 Не насмеялся. И, вызвав наш гнев, Ганнибал кровожадный²⁸⁶
 Нес свои члены, однако, к стигийским теням невредимый».
 [27] Я не отниму у нашего земляка²⁸⁷ хорошей строки, из которой родилась эта гораздо
 лучшая строка Корнелия Севера:
 «Скорбное смолкло навеки живое латинское слово».
 Секстилий Эна был человеком скорее одаренным, чем ученым, поэтом непостоянным и
 в некоторых местах, без сомнения, таким, какими, по выражению Цицерона, являются поэты

²⁸³ Сифакс – нумидийский царь; союзник, а затем и противник римлян в войне с Карфагеном (Вторая Пуническая война). В 203 г. до н. э. был разбит и пленен Сципионом Африканским (Liv. XXX. 13. 8; 17. 1). Когда Сифакса доставили в Рим, было решено отправить его в Альбу Фуцинскую для содержания под стражей (Liv. XXX. 17. 2). Оттуда, как сообщает Ливий, Сифакса незадолго до триумфа Сципиона перевели в Тибур, где «смерть освободила его скорее от необходимости быть зрелищем толпы, чем славой триумфатора» (Liv. XXX. 45. 3). О смерти Сифакса до триумфа Сципиона говорит и Аппиан, сообщая также, что в Риме некоторые предлагали сохранить ему жизнь (App. Lib. 28). Полибий, Силий Италик, Валерий Максим и Тацит, напротив, свидетельствуют о том, что Сифакс все же был частью триумфального шествия (Polyb. XVI. 23. 6 и Liv. Liv. XXX. 45. 5; Sil. 17. 629f; Val. Max. VI. 2. 3; Tac. Ann. 12. 38. 1). Как и Персея Македонского, Сифакса похоронили за общественный счет (Liv. XXX. 45. 4; Val. Max. V. 1. 1), что Валерий Максим опять же считает важным свидетельством гуманности сената.

²⁸⁴ Филипп – Филипп V, македонский царь в 221–179 гг. до н.э. Был побежден римлянами в битве при Кеноскефалах в 197 г. до н.э., завершившей Вторую Македонскую войну. На переговорах Филипп V согласился на все условия римлян, но смог удержать за собой Македонию, а также не был проведен в триумфальном шествии своего победителя, Тита Квинция Фламинина (в триумфе шел его сын Деметрий, отданный царем в заложники Liv. XXXIII. 13; XXXIV. 52. 9). По другой версии, упомянутый Корнелием Севером Филипп – последний царь Македонии Андриск (Псевдо-Филипп), выдававший себя за сына Персея (Liv. Per. XLIX). В 148 г. до н.э. потерпел поражение от Квинта Цецилия Метелла и был взят в плен. Метелл справил триумф за победу над Андриском в 146 г. до н. э. (Liv. Per. L–LII; App. Lib. 135). Мы склонны согласиться с Ш. Феддерном, считающим более правдоподобной версию с Филиппом V. Исследователь отмечает, что в источниках Андриск чаще всего назван именно Псевдо-Филиппом (Vell. I. 11. 1; Tac. Ann. 12. 62; App. Lib. 135) и до нас не дошло каких-либо сведений о снисходительности римлян по отношению к нему. Feddern 2013, 477. Добавим, что Флор говорит о снисходительности судьбы (indulgente fortuna) по отношению к Андриску, так как его провели в триумфе как настоящего царя, каким он не являлся. Однако это замечание не относится непосредственно к римскому милосердию, а Флор всячески подчеркивает недостойное происхождение самозванца и его малозначительность для римлян (Flor. I. 30).

²⁸⁵ Югурта – царь Нумидии в 117–104 гг. до н.э. В 211 г. до н.э. объявил войну Риму, однако после ряда поражений был вынужден бежать к своему тестю Бокху, царю Мавретании. Бокх выдал римлянам Югурту, который был проведен в триумфальном шествии Гая Мария в 104 г. до н.э. После этого нумидийский царь был брошен в тюрьму, где либо сам умер от голода, либо был умерщвлен (Sall. Jug. 114; Liv. Per. LXVII; Flor. I. 36; Plut. Mar. 12. 3–5). Однако тело Югурты (как и тело Ганнибалы, см. далее) не было расчленено или изуродовано, в отличие от тела Цицерона.

²⁸⁶ Ганнибал – предводитель Карфагена во Второй Пунической войне. Окончательно разбит римским войском под командованием Публия Корнелия Сципиона и нумидийским войском во главе с Масиниссой в 202 г. до н.э. в битве при Заме. Вынужденный покинуть Карфаген спустя несколько лет после своего поражения, Ганнибал к концу жизни оказался у царя Вифинии Прусия. Чтобы не быть выданным римлянам, Ганнибал принял яд, который всегда держал при себе (Per. Hann. 12. 3–5; Liv. XXXIX. 51; Plut. Flam. 20; Iuv. X. 160–166; Oros. Hist. IV. 20. 29).

²⁸⁷ Речь идет о Секстилии Эне, поэте, также происходившем из Кордубы, главного города провинции Бетика (в Испании). Этот фрагмент шестой свазории – единственное упоминание о Секстилии Эне, а приводимая Сенеккой строка, вдохновившая Корнелия Севера, – единственное, что дошло от его творчества, с которым, судя по дальнейшей оценке, Сенека Старший был весьма неплохо знаком.

Кордубы, а именно звучащие несколько вычурно и чуждо для нашего слуха²⁸⁸. Он намеревался прочесть вслух эту самую [строку] о проскрипции в доме Мессалы Корвина²⁸⁹ и пригласил Азиния Поллиона²⁹⁰. И в начале он прочел эту строку не без одобрения [остальных]:

«Мы Цицерона оплачем, а также молчанье латыни».

Это возмутило Азиния Поллиона, и он сказал: «Мессала, ты, как кажется, можешь делать в своем собственном доме все, что пожелаешь; я же не намерен слушать этого вот человека, который считает меня немым». И с этими словами он поднялся [и вышел].

Я знаю, что Корнелий Север присутствовал при прочтении [стихов] Эны, и ему эта строка не показалась причиной для недовольства, подобного тому, что выказал Поллион, поскольку Север и сам сочинил строку, хотя и лучшую, но не очень отличающуюся от этой.

Если я закончу здесь, я знаю, что произойдет так, что вы закончите читать как раз в том месте, где я перешел от риториков [к историкам]; поэтому, чтобы вы хотели развернуть свиток до самого конца²⁹¹, я добавлю свазорию, подобную последней²⁹².

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Albrecht, M.v. 2002: *Istoriya rimskoy literatury [A History of Roman Literature]*. Vol. I. Moscow.
 Альбрехт, М. фон. 2002: *История римской литературы*. Т. I. М.
 Angel, N. 2007: *Clementia Caesaris: the creation and dissemination of a reputation*. PhD. Sydney.
 Baehrens, E. (ed.) 1886: *Fragmenta poetarum Romanorum*. Leipzig.

²⁸⁸ Прямая цитата из речи Цицерона в защиту поэта Архия, ср. (Cordubae natis poetis, pingue quiddam sonantibus atque peregrinum; Cic. Arch. 26).

²⁸⁹ Мессала Корвин (ок. 64 – 8/12–13 гг.) – видный римский политический деятель, полководец, оратор и писатель. Консул-суффект 31 г. до н.э. Вскоре после убийства Цезаря Мессала бежал из Рима в лагерь республиканцев. Судя по письмам Цицерона, Мессала был близко знаком с великим оратором, который высоко оценивал как его красноречие, так и нравственные качества (Cic. Att. XV. 17; ad Brut. I. 15). К июлю 43 г. до н.э. Мессала, по «протекции» Цицерона, приобретает весьма высокое положение в республиканском лагере. По мнению Дж. Кенти, Цицерона даже можно назвать патроном Мессалы, хотя бы в узком смысле этого слова. Kenty 217, 463. После поражения республиканцев при Филиппах Мессала перешел на сторону Антония и в конечном итоге к Октавиану.

²⁹⁰ Речь о публичных рецитациях, одном из самых распространенных культурных явлений эпохи Римской империи. Рецитациями назывались собрания, на которых зачитывались литературные тексты: по большей части произведения поэтов и историков, однако не были исключением и другие литературные жанры. Известным поклонником подобных чтений был Плиний Младший, чьи «Письма» представляют собой один из лучших источников для реконструкции рецитаций. Благодаря Сенеке Старшему родоначальником публичных рецитаций в Риме считается Азиний Поллион (Contr. IV. praef. 2), что, однако, неоднократно подвергалось сомнению и пересмотрам исследователей. Подробнее Снедкова 2023.

²⁹¹ Античные книги представляли собой свитки, изготовленные из папируса. В среднем один свиток был 6 метров в длину. Как пишет В.Г. Борухович, свиток, как правило, читали «сидя, держа его двумя руками: одной рукой, обычно правой, его разворачивали, левой – сворачивали». Максимальная высота свитка достигала 40 см, минимальная – 5 см. Один или оба крайних листа свитка прикреплялись к продолговатым стержням, округлые концы которых назывались умбиликами (umbilicus, букв. «пупок»). «Выдающиеся концы умбиликов иногда получали форму изогнутых рожков и поэтому назывались «рожками». Умбилики появились в античной книжной технике сравнительно поздно, и далеко не все книги ими украшались». Борухович 1976, 94. Ср. также Mart. IV. 89. 1–2: Ohe, iam satis est, ohe, libelle, iam peruenimus usque ad umbilicos (эй, довольно уже, послушай, книжка, вот уже мы дошли до самого конца) и XI. 107. 1–2: explicitum nobis usque ad sua cornua librum // et quasi perlectum, Septiciane, refers (ты, Септициан, возвращаешь нам книгу, развернутую вплоть до рожков и будто прочитанную целиком).

²⁹² То есть подобную этой. Речь идет о следующей, седьмой свазории на тему: «Цицерон размышляет о том, не съест ли ему свои речи, при том что Антоний обещает ему за это сохранение жизни» (см. §§ 13–14).

- Baraz, E. 2020: Bitter Medicine of History: Seneca the Elder on the Genre of Declamation. In: M.T. Dinter, Ch. Guérin, M. Martinho (eds.), *Reading Roman Declamation. Seneca the Elder*. Oxford, 15–36.
- Bonnet, M. 1889: Sénèque Suasoria 6 et Controversiae 2 et 3. *Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes* 13, 140–141.
- Borukhovich V.G. 1976: *V mire antichnykh svitkov* [In the World of Ancient Scrolls]. Saratov.
- Борухович, В.Г. 1976: *В мире античных свитков*. Саратов.
- Brakman, C. 1910: *Annaeana Nova Velleana Ad Scriptores Hist. Aug. Ad Panegyricos Latinos*. Leiden.
- Bornecque, H. 1902: *Sénèque le Rhéteur. Controverses et Suasories*. 2 vols. Paris.
- Bursian, K. (ed.) 1857: *Annaei Senecae Oratorum et rhetorum sententiae divisiones colores*. Leipzig.
- Castiglioni, L. 1927: In Senecam rhetorem, Pomponium Melam, Cornelium Nepotem, animadversiones criticae. In: A. Gemelli et al. (eds.), *Raccolta di scritti in onore di Felice Ramorino*. Milan, 101–129.
- Cornell, T.J. (ed.) 2013: *The Fragments of the Roman Historians*. 3 vols. Oxford.
- Drummond, A. 2013: C. Asinius Pollio. In: T.J. Cornell (ed.), *The Fragments of the Roman Historians*. Vol. I. *Introduction*. Oxford, 430–445.
- Edward, W.A. (ed.) 1928: *The suasoriae of Seneca the Elder*. Cambridge.
- Feddern, S. (ed.) 2013: *Die Suasorien des älteren Seneca: Einleitung, Text und Kommentar*. Berlin–Boston, 2013.
- Frank, T. 1913: Marginalia. *American Journal of Philology* 34/3, 322–328.
- Håkanson, L. (ed.) 1989: *L. Annaeus Seneca Maior. Oratorum et rhetorum sententiae divisiones colores*. Leipzig.
- Hollis, A.S. (ed./tr.) 2007: *Fragments of Roman poetry, c.60 BC–AD 20*. Oxford.
- Kenty, J. 2017: Messalla Corvinus: Augustan Orator, Ciceronian Statesman. *Rhetorica* 35/4, 445–474.
- Kiessling, A. (ed.) 1872: *Annaei Senecae Oratorum et rhetorum sententiae divisiones colores*. Leipzig.
- Levick, B. 2013a: A. Cremutius Cordus. In: T.J. Cornell (ed.), *The Fragments of the Roman Historians*. Vol. I. *Introduction*. Oxford, 592–593.
- Levick, B. 2013b: Aufidius Bassus. In: T.J. Cornell (ed.), *The Fragments of the Roman Historians*. Vol. I. *Introduction*. Oxford, 603–605.
- Levick, B. 2013c: Brutteditius Niger. In: T.J. Cornell (ed.), *The Fragments of the Roman Historians*. Vol. I. *Introduction*. Oxford, 594.
- Lucarini, C.M. 2008: Vindiciae Annaeanae. In: P. Arduini et al. (eds.), *Studi offerti ad Alessandro Perutelli*. Vol. II. Rome, 137–145.
- Müller, H.J. (ed.) 1887: *L. Annaei Senecae Oratorum et rhetorum sententiae divisiones colores*. Wien.
- Pieper, Ch. 2019: How not to commemorate Cicero: Asinius Pollio in Seneca's sixth suasoria. *Histos* 13, 158–174.
- Rebling, O. 1868: *Observationes criticae in L. Annaeum Senecam patrem*. Göttingen.
- Snedkova, E.V. 2023: Pochemu Seneka schitayetsya rodonachal'nikom pervykh publichnykh retsitatsiy v Rime? [Why did Seneca the elder consider Gaius Asinius Pollio to be a founder of the first public recitations in Rome?]. *Vestnik Yaroslavskego gosudarstvennogo universiteta im. P. G. Demidova. Seriya Humanitarnye nauki* [Journal of P. G. Demidov Yaroslavl State University. Series Humanities] 17/4, 544–553.
- Снедкова, Е.В. 2023: Почему Сенека считается родоначальником первых публичных рецитаций в Риме? *Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки* 17/4, 544–553..

- van der Vliet, J. 1895: Sur les Suasoriae VI et VII de Sénèque. *Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes* 19, 38–42.
- Walter, F. 1918: Zu Tacitus und Seneca Rhetor. *Berliner Philologische Wochenschrift* 38, 237–240.
- Watt, W.S. 1984: Notes on Seneca 'Rhetor'. *Harvard Studies in Classical Philology* 88, 103–112.
- Winterbottom, M. 1974a: Problems in the elder Seneca. *Bulletin of the Institute of Classical Studies* 21, 20–42.
- Winterbottom, M. (ed./tr.) 1974b: *The Elder Seneca. Declamations*. 2 vols. Cambridge.
- Zanon dal Bo, A. (tr./ann.) 1988: *Seneca il Vecchio, Oratori e Retori. Controversie, Libro X – Suasorie e frammenti*. Bologna.

Gleb L. Krivolapov,

Г.Л. Криволапов

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia,
Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia,
E-mail: glkrivolapov@gmail.com
ORCID: 0000-0002-1814-8746

аспирант кафедры истории древнего мира,
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова,
аналитик Центра научного проектирования,
Российский государственный гуманитарный
университет

Ekaterina V. Snedkova

Е.В. Снедкова

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia
E-mail: kiseleva.kate@gmail.com
ORCID: 0000-0002-1794-5065

аспирант кафедры истории древнего мира,
ассистент кафедры древних языков,
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АДСВ – *Античная древность и средние века*. Екатеринбург
АД – Александрийский декрет по: El-Masry, Y., Altemmuller, H., Thissen, H.J. *Das Synodaldekret von Alexandria aus dem Jahre 243 v. Chr.* Hamburg, 2012
АО – *Археологические открытия*. Москва
БИ – *Боспорские исследования*. Москва
БИ – *Боспорские исследования*. Симферополь
БС – *Боспорский сборник*. Москва
ВВ – *Византийский временник*. Москва
ВДИ – *Вестник древней истории*. Москва
Вестник ТГУ – *Вестник Тамбовского государственного университета*. Тамбов
ДБ – *Древности Боспора*. Москва
ЗООИД – *Записки Одесского общества истории и древностей*. Одесса
ИАК – *Известия Археологической комиссии*. Санкт-Петербург
ИАКР – *История и археология Крыма*. Симферополь
ИИАК – *Известия Императорской археологической комиссии*. Санкт-Петербург
КБН – Струве, В.В. (ред.). *Корпус боспорских надписей*. Москва–Ленинград, 1965
КСИА – *Краткие сообщения Института археологии*. Москва
КСЭ – *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.)*. Симферополь
МАИАСК – *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма*. Нижневартовск
МАИАСП – *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Северного Причерноморья*. Нес-Циона
МАИЭТ – *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. Симферополь
МАКК – *Материалы к археологической карте Крыма*. Симферополь
МИА – *Материалы и исследования по археологии СССР*. Москва–Ленинград
НО – *Надписи Ольвии*. Л., 1968
НЭ – *Нумизматика и эпиграфика*. Москва
ОАК – *Отчеты Императорской археологической комиссии*. Санкт-Петербург
ОАМ – Одесский археологический музей. Одесса
ПИФК – *Проблемы истории, филологии, культуры*. Москва–Магнитогорск–Новосибирск
РА – *Российская археология*. Москва
САИ – *Свод археологических источников*. Москва
СА – *Советская археология*. Москва
СГАИМК – *Сообщения гос. Академии истории материальной культуры*. Ленинград
ХСб – *Херсонесский сборник*. Севастополь
ХС – *Херсонесский сборник*. Севастополь
AGD II – Zwierlein-Diehl, E. *Antike Gemmen in deutschen Sammlungen*. Bd. II. *Staatliche Museen Preußischer Kulturbesitz, Antikenabteilung Berlin*. München, 1969
AJA – *American Journal of Archaeology*. Chicago
AM – *Athenische Mitteilungen*. Athens
BAR – *British Archaeological Reports. International Series*. Oxford
BayVgBl – *Bayerische Vorgeschichtsblätter*. München
BSH – *Bulletin de correspondance hellénique*. Paris
BSH – *Bulletin de Correspondence Hellénique*. Paris
BerRGK – *Bericht der Römisch-Germanischen Kommission*. Frankfurt am Main
BJb – *Bonner Jahrbücher*. Bonn
BSIEL – *Brill's Studies in Indo-European Languages & Linguistics*. Leiden
CHANE – *Culture and History of the Ancient Near East*. Leiden–Boston–Köln.
CHD – Güterbock et al. 1980–

- CPI – Bowman, A. K., Crowther, C. V., Hornblower, S., Mairs, R., Savvopoulos, K. (eds). *Corpus of Ptolemaic Inscriptions*. Vol. 1: *Alexandria and the Delta (Nos. 1–206)*. Pt. I: *Greek, Bilingual, and Trilingual Inscriptions from Egypt*. Oxford, 2021
- CTH – Laroche, E. 1971: *Catalogue des textes hittites*. Paris
- DOC 1 – Bellinger, A.R. *Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection*. Vol. 1. *Anastasius I to Maurice. 491–602*. Washington, 1992
- DOC 2/1 – Grierson, Ph. *Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection*. Vol. 2. *Phocas to Theodosius III. 602–717*. Pt. 1. *Phocas and Heraclius. 602–641*. Washington, 1993
- DOC 2/2 – Grierson, Ph. *Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection*. Vol. II. *Phocas to Theodosius III. 602–717*. Pt. 2. *Heraclius Constantine to Theodosius III. 641–717*. Washington, 1993
- DOC 3/1 – Grierson, Ph. *Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection*. Vol. III. *Leo III to Nicephorus III. 717–1081*. Pt 2. *Basil I to Nicephorus III. 867–1081*. Washington, 1993
- Eothen – *Eothen, studi sulle civiltà dell’Oriente antico*. Florence
- Glendining & Co. Cat. – Glendining & Co., *Catalogue of Byzantine Gold, Silver and Copper Coins, Roman Gold and Copper Coins of Rome, Bactria, Gaul and Parthia. The Collection of the Late Rt. Hon. Lord Grantley. Seventh Portion. 25th July 1944*. 1944
- HdO – *Handbuch der Orientalistik*. Leiden
- IBoT – *İstanbul Arkeoloji Müzelerinde Bulunan Boazköy Tabletlerinden Seçme Metinler*. Istanbul, Ankara
- IBS – *Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft*. Innsbruck
- IOSPE I² – Latyshev, B. *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini*. Petropoli, 1915
- JbRGZM – *Jahrbuch des Römisch-germanischen Zentralmuseums Mainz*. Mainz
- JCS – *Journal of Cuneiform Studies*. Chicago
- JdI – *Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts*. Berlin
- KBo – *Keilschrifttexte aus Boghazköi*. Leipzig–Berlin
- KRI II – Kitchen, K.A. *Ramesside Inscriptions. Historical and Biographical*. Oxford, 1979
- KUB – *Keilschrifturkunden aus Boghazköi*. Berlin
- LGPN – Fraser P.M., Matthews E., Catling R.W.V. (eds.). *A Lexicon of Greek Personal Names*. Vol. IV. Macedonia, Thrace, Northern Regions of the Black Sea. Oxford, 2005.
- LGPN IV – Fraser, P.M., Matthews, E. *A Lexicon of Greek Personal Names*. Vol. IV. Oxford, 2005
- LGPN VA – Corsten, T. *A Lexicon of Greek Personal Names*. Vol. VA. Oxford, 2010
- LIMC – *Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae*
- LSJ – Liddel, H.G., Scott, R.A., Jones, H.S. *Greek-English Lexicon*. Oxford, 1996
- Naukratis 1886 – Petrie, F. *Naukratis*. Pt. 1. London, 1886
- Naukratis 1888 – Gardner, E.A., Griffith, F.L. *Naukratis*. Pt. 2. London, 1888
- OGIS – Dittenberger, W. (ed). *Orientalis Graeci Inscriptiones Selectae*. Leipzig, 1903–1905
- P. L. Bat. 20 – Pestman, P.W. (ed.). *Greek and Demotic Texts from the Zenon Archive (P. L. Bat. 20)* (Papyrologia Lugduno-Batava XX A). Leiden, 1980
- ProAventico – *Bulletin de l’Association Pro Aventico*. Avenches
- RA – *Revue Archéologique*. Paris
- RIC 7 – Sutherland, C.H.V., Carson, R.A.G. *The Roman Imperial Coinage*. Vol. 7. Bruun, P.M. *Constantine and Licinius. A.D. 313–317*. London, 1966
- RIC 8 – Sutherland, C.H.V., Carson, R.A.G. *The Roman Imperial Coinage*. Vol. 8. Kent, J.P.C. *The Family of Constantine I. A.D. 337–364*. London, 1981.
- RM – *Römische Mitteilungen*. Rom
- SNG BM I – *Sylloge Nummorum Graecorum Great Britain*. Vol. IX. *British Museum*. Pt. I. Price M. *The Black Sea*. London, 1993
- SP – *Stratum Plus*. Кишинев
- StBoT – *Studien zu den Boğazköy-Texten*. Wiesbaden

- StudAs – *Studia Asiana*. Rome
Syll.³ – Dittenberger, G. et al. *Sylloge inscriptionum Graecarum*. Vol. 1–4. Lipsiae, 1914–1924
THeth – *Texte der Hethiter*. Heidelberg
TLG – Thesaurus linguae Graecae (электронный диск 1995 г.)
Urk. II – Sethe, K. *Hieroglyphische Urkunden der griechisch-römischen Zeit*. Leipzig, 1904–1916
Urk.VI – Schott, S. *Urkunden mythologischen Inhalts*. Leipzig, 1929–1939
WAW – *Writings from the Ancient World*. Atlanta
Wb. – Erman, A., Grapow, H. *Wörterbuch der ägyptischen Sprache*. Bd. I–V. Berlin, 1971
ZAKS Schriften – *Schriften des Zentrums für Archäologie und Kulturgeschichte des Schwarzmeerraumes*. Langenweißbach
ZPE – *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. Rudolf Habelt GmbH

СОДЕРЖАНИЕ

К 65-летию Алексея Андреевича Завойкина.....	5
<i>Трейстер М.Ю.</i> (Бонн) – Бронзовый кувшин со сценами троянского цикла из сарматского погребения в кургане № 4/1989 у хут. Красный Кут на р. Маньч	7
<i>Кузнецов В.Д.</i> (Москва) – Синдика и ее монета	31
<i>Масленников А.А.</i> (Москва) – Светильники с «Полянки»	56
<i>Новичихин А.М.</i> (Анапа), <i>Смекалова Т.Н.</i> (Симферополь), <i>Кокоулин А.Г.</i> (Евпатория) – Зеркало с сюжетными изображениями из Восточного Закубанья: междисциплинарное исследование	67
<i>Ворошилов А.Н., Ворошилова О.М.</i> (Москва) – Некрополь Фанагории в контексте полевых археологических исследований	88
<i>Завойкин А.А.</i> (Москва) – «Протофасосские» амфоры в стратиграфическом контексте «верхнего города» Фанагории	95
<i>Гусева В.П., Свиркина Н.Г.</i> (Москва) – О некоторых итогах исследования антропологических материалов из каменного склепа некрополя Пантикапея	113
<i>Абрамзон М.Г.</i> (Магнитогорск), <i>Майко В.В., Кононова С.А., Пономарев Л.Ю.</i> (Симферополь) – Монеты из раскопок 2018 г. в районе церкви Иоанна Предтечи в Керчи.....	121
<i>Абрамзон М.Г.</i> (Магнитогорск), <i>Колесников А.Б.</i> (Москва) – Монеты из раскопок античного поселения у ст. Старотитаровская.....	145

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Яйленко В.П.</i> (Москва) – Эпиграфические заметки. IV. Несколько новых граффити Березани, Ольвии, её хоры. V. Ревизия некоторых изданий граффити Березани, Ольвии, её хоры. VI. Напрасная критика на Ольвийскую эпистолографию. VII. Маргит и его поэма	159
---	-----

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ ВОСТОКА

<i>Иванов В.А.</i> (Москва) – Подменные обряды и обряды козла отпущения в хетто-лувийских ритуалах	198
<i>Апенко М.С.</i> (Москва) – Забота о священных животных в пропаганде Птолемеев.....	219

ПРИЛОЖЕНИЕ

<i>Криволапов Г.Л., Снедкова Е.В.</i> (Москва) – Анней Сенека Старший. VI Свазория Вступительная статья, латинский текст, заметка о тексте, перевод и комментарий Ч.2	238
---	-----

CONTENTS

On the 65 th Anniversary of Aleksey Zavoykin	5
<i>M.Yu. Treister</i> (Bonn, Germany) – A Bronze Jug with the Scenes of the Trojan Cycle from the Sarmatian Burial in Kurgan No. 4/1989 near Krasnyy Kut Farmstead on the Manych River	7
<i>V.D. Kuznetsov</i> (Moscow) – Sindike and Its Coinage	31
<i>A.A. Maslennikov</i> (Moscow) – Lamps from the “Polyanka” Settlement.....	56
<i>A.M. Novichikhin</i> (Anapa), <i>T.N. Smekalova</i> (Simferopol), <i>A.G. Kokoulin</i> (Yevpatoria) – Mirror with Plot Images from the Eastern Trans-Kuban Region: an Interdisciplinary Study.....	67
<i>AN. Voroshilov, O.M. Voroshilova</i> (Moscow) – Necropolis of Phanagoria in the Context of Archaeological Field Research.....	88
<i>A.A. Zavoykin</i> (Moscow) – “Protohasian” Amphorae in the Stratigraphic Context of the “Upper City” of Phanagoria	95
<i>V.P. Guseva, N.G. Svirkina</i> (Moscow) – Some Results of the Study of Anthropological Material from the Stone Crypt of the Panticapaeon Necropolis.....	113
<i>M.G. Abramzon</i> (Magnitogorsk), <i>V.V. Mayko</i> (Simferopol), <i>S.A. Kononova</i> (Simferopol), <i>L.Yu. Ponomarev</i> (Simferopol) – Coins from the 2018 Excavations at Kerch, next to the Church of St. John the Baptist.....	121
<i>M.G. Abramzon</i> (Magnitogorsk), <i>A.B. Kolesnikov</i> (Moscow) – Excavation Coins from the Ancient Settlement Near the Stanitsa of Starotitarovskaya	145

PUBLICATIONS

<i>V.P. Yaylenko</i> (Moscow) – Epigraphical Notes. IV. Some New Graffiti from Berezan Island, Olbia Pontica and Its Chora. V. Revision of Some Publications of Graffiti from Berezan Island, Olbia Pontica and Its Chora. VI. A Disruptive Criticism of Olbian Epistolography. VII. Margites and His Poem.....	159
---	-----

ACIENT CIVILIZATIONS OF THE EAST

<i>V.A. Ivanov</i> (Moscow) – Substitution Rites and Scapegoat Rites Inhittite-Luwian Rituals .	198
<i>M.S. Apenko</i> (Moscow) – Caring for Sacred Animals in Ptolemaic Propaganda	219

SUPPLEMENT

L. Annaeus Seneca the Elder. Suasoria VI. With Introduction, Latin Text and its translation, and commentary by <i>G.L. Krivolapov</i> and <i>E.V. Snedkova</i> (Moscow). Pt. 2.....	238
---	-----

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Проблемы истории, филологии, культуры» обращается к авторам с просьбой присылать статьи, оформленные по следующим правилам:

Статьи присылаются на e-mail: history@magtu.ru; history.pifk@inbox.ru; текст должен быть напечатан в формате WORD 1997-2003 (doc.), иллюстрации в одном из распространенных форматов (jpg, tiff). Тексты на греческом языке рекомендуется набирать в формате Unicode.

Объем статей не должен превышать 1 авт. л., шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5.

Поля: верхнее – 2 см., левое – 2,5 см., нижнее – 2 см., правое 1,5 см.

Статья должна иметь четкую структуру и состоять из 3-х основных частей: введения, основной части, заключения.

К статье необходимо приложить резюме на русском и английском языках (термины подлежат обязательному переводу; иностранные фамилии и географические названия даются в оригинале). **Резюме не менее двухсот слов и список ключевых слов (не более десяти)**, а также почтовый и электронный адреса авторов, место работы и должность, **ORCID!**

Кроме того, необходимо прислать заполненный и подписанный договор.

Ссылки даются в подстрочных примечаниях (в конце каждой страницы) со сквозной нумерацией по следующей системе: фамилия автора и год публикации без запятой, номер страницы, прим. (n., App., ect.), рис. (fig., Abb., ect.) или табл. (pl., Taf., ect.).

Например: Иванов 1972а, 536, рис. 2; 1972б, 56–59; Salvatori 1995, 67–68, fig.1.

Если в книге или статье не указан автор, обязательно указывается редактор или составитель.

Для литературных произведений, цитируемых в тексте статьи, даются ссылки в подстрочных примечаниях.

Ссылки на газеты:

Правда 21.05.1933.

Pravda 21.05.1933.

Полевой материал автора:

ПМА 2010, РБ, Бакалинский р-н, д. Юльгимировка, с. Ахманово.

Для архивных документов:

ОР РНБ. Ф. 316. Д. 161. Л.1.

РО ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. №. 196. Л. 18–19 об.

Все поступающие в редакцию материалы проверяются на наличие заимствований из открытых источников, проверка выполняется с помощью системы Антиплагиат.ВУЗ. Статьи, содержащие элементы некорректных заимствований (более 30%), автоматически снимаются с рассмотрения. Публикация бесплатна.

ЛИТЕРАТУРА

Литература перечисляется в конце статьи в алфавитном порядке в двух списках (сначала на языке статьи, потом транслитерированный список – **REFERENCES**) по следующей форме:

Фамилия и инициалы автора не выделяются курсивом. Между фамилией и инициалами ставится запятая. За ними без знака препинания ставится год издания, после него двоеточие и название работы. В конце библиографического описания год не повторяется.

Курсивом выделяется источник, из которого взята библиографическая статья, то есть, в случае, если это монография или сборник – курсивом выделяется само название монографии/сборника, например:

Для книг:

Галанина, Л.К. 1997: *Келермесские курганы (Степные народы Евразии, I)*. М.

Alexander, C. 1928: *The Metropolitan Museum of Art Jewelry. The Art of the Goldsmith in Classical Times*. L.–New York.

Для журнальных статей (обязательно указывается первая и последняя страницы статьи). Если это статья в журнале или сборнике, курсивом выделяется название журнала/сборника, оно **не отделяется** от названия статьи косыми чертами. Если указываемая Вами статья находится в сборнике или коллективной монографии (то есть не в периодическом издании), то в зарубежном описании перед ней ставится «**In:**», а в русском «**В сб.:**» или «**В кн.:**». Номер выпуска не отделяется от названия журнала знаками пунктуации. Страницы указываются через запятую после номера (для журналов) или после города выпуска (для сборников):

Ростовцев, М.И. 1917: Надпись на золотом сосуде из с. Мигулинской. *ИАК* 63, 106–108.

Аннинский, А.П. 2008: Беседа о странностях истории. *Родина* 2, 18–26.

Salvatori, S. 2000: Bactria and Margiana seals: a new assessment of their chronological position and a typological survey. *East and West* 50, 97–145.

Названия зарубежных журналов приводятся без сокращений, как и названия городов (в кириллическом описании сохраняются сокращения М., СПб., Л.)

Названия российских журналов сокращаются только в оригинальном библиографическом описании, в References указывается полное название журнала:

Для статей/ глав в книгах и сборниках (обязательно указываются фамилия и инициалы редактора/ов книги или сборника, а также первая и последняя страницы статьи):

Salvatori, S. 1998: Margiana archaeological map: the Bronze age settlement pattern. In:

A. Gubaev, G. Koshelenko & M. Tosi (eds.), *The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990–95*. Rome, 57–65.

Для книг/статей без авторов:

Сайко, Э.В. (ред.) 2001: *Город в процессах исторических переходов, теоретические аспекты и социокультурные характеристики*. М.

Для электронных документов:

Городецкий, С. 2011: *Письма с фронта*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>

Brooke, R. 2010: *His actual reaction to war*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.warpoetry.co.uk/brooke2.html>

References

Описание русских, украинских и других работ, написанных не латинским (английским, французским, немецким, итальянским и т.п.) алфавитом, начинается с транслитерированной фамилии автора(ов). **Важно:** необходимо использовать ту транслитерацию

фамилии(й), которая используется в издании, на которое Вы ссылаетесь. Если там нет транслитераций, воспользуйтесь или наиболее распространенной транслитерацией этой фамилии (если возможно), или транслитерируйте согласно общим правилам (см. ниже).

Библиографическое описание работ, опубликованных на языках, не использующих латинский алфавит, состоит из двух частей: транслитерации и перевода на английский язык.

Например:

Для книг:

Saprykin, S.Yu. 1996: *Pontiyskoe tsarstvo: gosudarstvo grekov i varvarov v Prichernomor'e* [*The Pontic Kingdom: the state of the Greeks and barbarians in the Black Sea*]. Moscow.

Для журнальных статей:

Pokrass, Yu. 1997: Klad zolotykh bosporskikh monet nachala I-go veka [A hoard of gold Bosporan coins from the early 1st century AD]. *Numizmatika i faleristika* [*Numismatics and Phaleristics*] 3, 4–6.

Kadeev, V.I. 1979: Khersones, Bospor i Rim v I v. do n.e. – III v. n.e. [Chersoneses, the Bosporus and Rome during the 1st century BC – 3rd century AD]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 55–76.

Для статей/ глав в книгах и сборниках:

Puzdrovskiy, A.E. 2001: Rimsko-bosporskaya voyna i etnopoliticheskaya situatsiya v Krymskoy Skifii v seredine I v. n.e. In: V.Yu. Zuev (ed.), *Bosporskiy fenomen: kolonizatsiya regiona. Formirovanie polisov. Obrazovanie gosudarstva* [*The Bosporan phenomenon: colonization of the region. Formation of poleises. Formation of the state*]. Pt. 2. Saint-Petersburg, 212–217.

Для электронных документов:

Gorodetskiy, S. 2011: *Pis'ma c fronta* [*Letters from the Front*], <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>

Правила транслитерации

Русский язык

а	а	з	z	п	p	ч	ch	я	ya
б	b	и	i	р	r	ш	sh		
в	v	й	y	с	s	щ	shch		
г	g	к	k	т	t	ъ	«		
д	d	л	l	у	u	ы	y		
е	e	м	m	ф	f	ь	'		
ё	ye	н	n	х	kh	э	e		
ж	zh	о	o	ц	ts	ю	yu		

Украинский язык

а	a	ж	zh	м	m	ф	f	я	ja
б	b	з	z	н	n	х	h		
в	v	и	y	о	o	ц	c		
г	g	і	i	п	p	ч	ch		
г	g'	ї	i'	р	r	ш	sh		
д	d	й	j	с	s	щ	shh		
е	e	к	k	т	t	ь	'		
є	je	л	l	у	u	ю	ju		

Сокращения

К статье должен прилагаться список всех встречающихся в ней сокращений с их расшифровками

АО – Археологические открытия. Москва

IGBR – Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae / G. Mihailov (ed.). Sofia, 1956

- Между цифрами ставится короткое тире (не дефис!), между цифрами и тире пробелы не ставятся (н., 153–160; I–II вв. н.э.)
- Длинное тире (—) вообще не используется, как и буква «ё»
- Сокращения для обозначения страниц не используются. Используются сокращенные обозначения для томов, колонок, таблиц, рисунков и т.д.

Статьи, оформленные не по правилам и без английского блока, к рассмотрению не принимаются!!!!

Решение о публикации выносится редколлегией на основе рецензирования рукописей и общим голосованием; о принятом решении сообщается авторам. Присланные в редакцию материалы не возвращаются.

Проблемы истории, филологии, культуры. № 2. 2024

Сдано в набор 26.04.2024. Подписано в печать 15.06.2024.

Дата выхода 30.06.2024.

Формат 70x100/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,8. Уч.-изд. л. 33,9.

Бумага тип. №2. Тираж 440 экз. Заказ № .

Журнал распространяется бесплатно.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-67784 от 28 ноября 2016 г.
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель: Абрамзон М.Г.

Соучредители: Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова»,

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт археологии Российской Академии наук»

Редакция: 455000, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 26, каб. А1.

Издательство: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.

Типография: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.